

ЮДЕНИЧ
Николай Николаевич
1862–1933

ЮДЕНИЧ

Алексей Шишов

ГЕНЕРАЛ ЮДЕНИЧ

РОМАН

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш 65

Оформление
В. И. Харламова

Шишов А. В.

Ш 65 Юденич: Генерал Юденич: Роман/А. В. Шишов. —
М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательств-
во АСТ», 2002. — 464 с. — (Белое движение).

ISBN 5-17-014159-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-04144-1 (ООО «Издательство Астрель»)

Новый роман известного писателя-историка Алексея Шишова посвящен выдающемуся полководцу, герою Русско-японской и Первой мировой войн, одному из лидеров «Белого движения» Н. Н. Юденичу (1862–1933).

Впервые на русском языке подробнейшим образом прослеживается весь жизненный путь генерала от инфантерии Юденича. Убедительность и достоверность книге придают широко используемые документы: боевые приказы, донесения, выдержки из писем, дневников, газет и многие другие.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.03.2002.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,36. Тираж 7000 экз. Заказ 998.

Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, том 2; 953005 — литература учебная

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ISBN 5-17-014159-9

(ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-04144-1

(ООО «Издательство Астрель»)

© Шишов А. В., 2002

© ООО «Издательство Астрель», 2002

ISBN 5-17-014159-9

9 785170 141593

Алексей Шишов

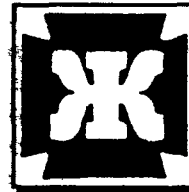
ГЕНЕРАЛ ЮДЕНИЧ

РОМАН

Глава первая

ПУТЬ СЛУЖИЛОГО РОССИЙСКОГО ДВОРЯНИНА

изменный путь преданного при жизни и после смерти в Отечестве анафеме прославленного полководца старой России, героя двух войн — Русско-японской и Первой мировой определило... соседство родительского дома с московским 3-м Александровским военным училищем, расположенным на Знаменке.

Много лет позже поры возмужания генерала от инфантерии, Георгиевского кавалера Николая Николаевича Юденича во время жестоких зимних боев под доселе неизвестной железнодорожной станцией Сарыкамыш на Кавказском фронте какой-то совсем еще юный выпускник Горийской школы прапорщиков спросил:

— Ваше превосходительство, разрешите к вам обратиться с одним серьезным для меня вопросом?

— Разрешаю, господин прапорщик. Задавайте ваш вопрос.

— Как вы стали военным человеком? Что заставило вас выбрать на всю жизнь службу в русской армии?

— Я с самого детства мечтал о красных юнкерских погонах на своих мальчишечьих плечах. А вы почему выбрали для себя звезду погон пехотного прапорщика?

— Потому что сейчас идет война. Великая. Отечественная. Чести нет российскому дворянину стоять от нее в стороне.

— Похвальный взгляд для молодого человека на эту войну. Большая честь россиянину воевать за Бога, Царя и Отечество. Это наш с вами, господин прапорщик, солдатский долг перед матушкой-Россией. Сражаться за нее и жертвовать собой...

Родился Николай Николаевич Юденич 18 июля 1862 года в Первопрестольной столице государства Российского Москве. Она до последних дней его жизни оставалась в памяти своими православными соборами, величественным Храмом Христа Спасителя, построенного на народные деньги в честь героев Отечественной войны 1812 года, звоном церковных колоколов, московским Кремлем, памятниками ратной славы защитников Отечества на площадях и улицах.

Далекие предки будущего кавказского полководца свои корни вели из числа небогатых, мелкопоместных польских шляхтичей, служивших то местным всеильным и своевольным магнатам Вишневецким и Радзивиллам, то королю Речи Посполитой¹, то герцогу Курляндии². Больших постов не занимали и в высоких чинах не хаживали. Хотя в войнах участвовали часто, и как правило, доблестно.

В царствование императрицы Екатерины II Великой мелкопоместная шляхта Минской губернии пополнила ряды русского дворянства по воле всероссийской матушки-государыни. Это были итоги первого раздела Польши, когда та лишилась в пользу России немалых земель, населенных «дисидентами» — православными по вероисповеданию белорусами и украинцами, наиболее жестоко угнетаемыми «панством».

После этого минское губернское дворянство, и в их числе Юденичи, на протяжении почти двух веков верой и правдой служило пресветлейшему дому династии Романовых. Было напрочь забыто шляхетство со всеми его вольностями и оставалось только служение государству Российскому. Теперь оно стало Отечеством.

Юденич-старший гордился своим давным-давно обрусевшим шляхетским родом. Он и стал первым жизненным наставником сына, получившего при рождении отцовское имя.

— Помни, Николай: среди Юденичей всегда были люди военные, выходившие в офицерство. Это наша фамильная честь.

— Скажи, папа, почему среди наших предков на царской службе не было ни одного генерала или адмирала?

— Не суждено было. Хотя Юденичи воевали и против турок, и против шведов, и против французов Наполеона.

— Чем же тогда гордиться нам, если нет ни одного армейского или флотского начальника?

— Как чем, сынок? Орденовских наград у нашего рода не счесть. И за воинскую доблесть в сражениях, и за примерную офицерскую службу в мирное время.

— А я смогу стать офицером императора Александра? Ведь я тоже, как и ты, папа, прирожденный российский дворянин.

— Сможешь. Если, конечно, в гимназии учиться будешь старательно и примерно.

— Я стараюсь. Я в классе из первых.

— Помни одно: из неучей хороших офицеров не бывает..

Сам Юденич-старший в жизни военную карьеру для себя не выбрал. Дворянин с редкой для россиян фамилией он стал типичным чиновником старой столицы России, дослужился до чина коллежского советника, что по петровскому Табелю о рангах 1722 года соответствовало званию армейского полковника или чину государственного служащего шестого ранга (класса). Присуждение этого чина стало большим событием в семействе Юденичей.

— Отец, позволь и мне поздравить тебя с чином коллежского советника. За что тебя им государь император наградил?

— За что? Я получил шестой ранг по выслуге лет беспорочной службы государству, сын мой.

— В гимназии нам рассказывали, что шестой класс чиновника равняется полковничьему званию. Так ли это?

— Точно так, сынок.

— Но тогда, папа, если вся Россия пойдет на войну, ты станешь настоящим полковником императорской армии?

— Нет, Николай, на войне мне не носить это звание. В лучшем случае могу быть только чиновником в военной администрации. Но в полках мне не служить...

Юденич-старший был примечательным человеком своего круга, будучи достаточно образованным и эрудированным. Он любил литературу, интересовался отечественной историей, зачитывался работами популярнейшего тогда Карамзина, выписывал литературные журналы. Семья имела неплохую библиотеку, которая собиралась годами. Поэтому Юденич-младший рос в такой домашней атмосфере, кото-

рая способствовала его духовному, общеобразовательному развитию.

Другое, что старательно вложили отец и мать в сына, было понятие о дворянской чести. Коллежский советник, рассказывая о своей родословной, всегда подчеркивал, что российские дворяне Юденичи никогда не совершали ничего дурного, что могло бросить тень или запятнать честь их фамилии.

— Честь дворянина превыше всего, сынок. Не важно — будешь ты офицером или чиновником городской управы.

Такие беседы для мальчика оказались серьезной наукой на всю оставшуюся жизнь: один из лидеров Белого движения всегда будет помнить о дворянской чести. И соратникам и недоброжелателям трудно было в чем-то упрекнуть бывшего главнокомандующего Кавказским фронтом...

С первых гимназических классов Николай Юденич демонстрировал большие способности в науках. Из класса в класс он переходил с неизменно высокими баллами в аттестате. Заканчивал свое среднее образование в московской городской гимназии, ее он окончил, как тогда писалось, «с успехами».

Отец с матерью поступили благоразумно, доверив сыну самому выбрать жизненную стезю. Впрочем, родители хорошо знали, что их преуспевающий в гимназии Николай давно мечтает стать юнкером — человеком военным, и готовит себя к армейскому поприщу. Выбор офицерской профессии для него случайностью не стал. Юденич-старший не стал настаивать на другом, сам отказавшись в свое время от военной карьеры.

Отцовский дом располагался совсем рядом с находившимся на Знаменке 3-м Александровским военным училищем. Его особенностью являлось то, что туда принимались в первую очередь дворянские дети. Училище негласно относилось к разряду привилегированных в Российской Императорской армии. Из его стен вышло немало известных генералов и кавалеров военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия, о чем свидетельствовали надписи золотом на мраморных досках.

Об Александровке мечтали юноши из многих семей московского дворянства, и Николай Юденич вместе с товарищами-гимназистами с младших классов засматривался на под-

нянутых юнкеров с золотом на красных погонах. В таких случаях мальчишки-гимназисты вполголоса говорили друг другу:

— Смотри: юнкера-александровцы идут...

Не раз присутствовал Юденич-младший на впечатляющих военных церемониях, какими являлись парады полков московского гарнизона, уход войск на полевые учения и возвращение с них.

Полки шли по городским улицам под музыку военных оркестров, с развевающимися знаменами, песнями. Особенно волновала песня «Взвейтесь, соколы орлами», которая заканчивалась куплетом:

...Слава Матушке-России,
Слава русскому Царю,
Слава вере православной
И солдату-молдцу.

Еще больше волновали друзей-гимназистов всегда торжественные выпуски из Александровского училища. Последнее было большим событием в жизни Первопрестольной столицы России.

Больших трудностей для поступления в престижное военное училище для Николая Юденича не оказалось. Юный дворянин блестяще выдержал вступительные экзамены и надел желанную форму юнкера-александровца — солдатскую, но с алыми погонами на плечах. Мечта его сбылась без особых терний.

Дома по такому случаю устроили торжественное застолье. Мать была в своем любимом вечернем платье, отец — в парадном мундире коллежского советника с орденами Святых Станислава и Анны — орденов гражданских, без мечей. Героем семейного праздника стал новоиспеченный юнкер в новенькой, защитного цвета гимнастерке и прочей амуниции.

В тот день Николай Юденич впервые поднял фужер шампанского и выпил с родителями за свое поступление в военное училище, за успех в учебе, за свое будущее. Родители благословили его добрым, напутственным словом:

— За твое офицерское будущее, сынок. Пусть будет тебе удача на службе, чтоб на войне опасности миновали тебя — и не дай Бог им быть. И чтоб в звании по рангам ты превзошел отца и всех Юденичей.

— Спасибо за сказанное, папа, мама. Отучусь в Александровке — служить пойду только в пехоту.

— Почему обязательно в пехоту?

— Не просто в пехоту, в лейб-гвардию царицы полей. А на какой-нибудь войне за Россию мне побывать просто обязательно надо...

Мечта стать человеком военным сбылась. Николай Николаевич Юденич на всю жизнь запомнил день, когда юнкера-первокурсники принимали воинскую присягу на верность службы Царю и Отечеству:

«Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием, в том, что хочу и должен Его Императорскому величеству, своему истинному и природному Всемиловитивейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику, верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности исполнять.

Против врагов Его Императорского Величества, государства и земель Его, телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление.

И во всем стараться споспешествовать, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может.

Об ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо своевременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать потщуся и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предположенным надо мною начальникам во всем, что к пользе и службе Государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание и все по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды против службы и присяги не поступать, от команды и знамени, где принадлежу, хотя и в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, следовать буду и во всем так

себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному солдату надлежит.

В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий.

В заключение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего.

Аминь».

Принятие сыном воинской присяги на верность Отчизне и государю стало большим событием в семье Юденичей. С этого дня для Николая потянулись годы упорной и старательной учебы.

Александровское военное училище готовило офицеров преимущественно для инфантерии: так со времен Петра I называли пехоту. В курс обучения входили не только специальные военные дисциплины — пехотная тактика, артиллерия, топография, администрация, военная история, но и общеобразовательные — российская история, география, фехтование, обучение бальным танцам и многое другое. Учиться при желании было интересно.

Николай Николаевич всегда вспоминал юнкерские годы с теплотой. Училище сдружило его со многими однокурсниками — Ильей Сапожниковым, Петром Колтышевым, Михаилом Поповым, Максимом Левицким, — такими же, как он, беспоместными юными дворянами, у которых в жизни была одна мечта и один путь — в ряды русского офицерства. Войны — Русско-японская, Первая мировая, Гражданская — еще больше скрепили эту дружбу.

Годы учебы в Александровском военном училище пролетели незаметно. Сама система обучения расхолаживаться не позволяла, к тому же от оценок зависело начало офицерской карьеры. Преподаватели поблажек не давали, и юнкера почти весь год, за исключением каникул, усиленно работали.

Прощание с Александровкой для Николая Юденича состоялось в 1881 году. Выпускное назначение его свидетельствовало об очевидном — он оказался в числе самых успевающих юнкеров своего выпуска. Это давало ему почетное право выбора не только места службы и рода войск, но даже воинской части. На аттестационной выпускной комиссии состоялся такой памятный разговор:

— Юнкер Юденич, ваши успехи в учебе дают вам право выбора. Где бы вы хотели начать свою офицерскую службу?

— В столице Царства Польского, Варшаве, господин генерал.

— Какой род войск вы соизволите выбрать?

— Гвардейскую пехоту, ваше превосходительство.

— Похвальное желание, юнкер. А в какой полк императорской гвардии вы хотели бы поступить на службу?

— В лейб-гвардии Литовский полк, господин генерал.

— От лица комиссии желаю вам, Юденич, успешного начала службы в гвардейской пехоте. Мы надеемся, что вы своей примерной службой не запятнаете честь нашего училища. Успеха вам!

— Премного благодарен, ваше превосходительство...

Так девятнадцатилетний подпоручик-александровец, почетный офицер, получил назначение в лейб-гвардии Литовский полк, один из старейших и славнейших в русской армии.

С полком Юденич-младший был заочно знаком по журналу «Всемирная иллюстрация» благодаря номерам, которые были посвящены Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Детское воображение было потрясено картинками, изображавшими страшных янычар и геройские подвиги русских войск под осажденной крепостью Плевной во главе с «белым генералом» Скобелевым, о котором тогда многие говорили, что это второй Александр Васильевич Суворов государства Российского:

— Скобелев — генерал геройский!.. Как полки он за собой в бой-то ведет, братцы...

— А как любим русским солдатом...

— Это будущее военной славы России...

— Быть ему не иначе, как вторым Суворовым-Рымникским...

— Генерал Скобелев, дай Господь Бог ему здравия, подарит матушке-России еще не один Измаил и не одну Шипку-Шейново...

Едва ли не вся Россия с воодушевлением зачитывалась воззванием Болгарского центрального благотворительного общества к населению Болгарии, изнывавшему под вековым османским игом:

«Братья!

Народ, который борется и проливает кровь за свободу и независимость, рано или поздно восторжествует. Без жертв свободы не бывает! Веками подавляемые варварским игом,

как много раз в прошлом, мы восстали в минувшем году... но среди наших неопикуемых тягот и страданий была надежда, нас укреплявшая. Это ни на минуту не оставлявшая нас надежда была православной и великой Россией...

Русские идут бескорыстно как братья на помощь, чтобы совершить наконец и для нас то, что было ими сделано по освобождению греков, румын и сербов.

Болгары! Нам нужно всем, как одному человеку, по-братски встретить наших освободителей и содействовать всеми нашими силами русской армии... Наши интересы, наше будущее, само наше спасение требует, чтобы мы встали все. Отечество зовет нас к оружию».

Это воззвание было напечатано многими российскими газетами. Его слова будоражили воображение молодежи, прежде всего той, которая готовилась встать в начинавшейся самостоятельной жизни на военную стезю.

Коллежский советник Юденич-старший оказался среди тех жителей Первопрестольной русской столицы, которые и морально, и материально поддержали Московский славянский комитет, оказавший большую помощь сперва повстанцам Герцеговины и Боснии, а затем и Болгарии, поднявшихся на вооруженное восстание против угнетательницы Турции.

Отец и сын Юденичи, дворяне Российской империи, люди православные по вероисповеданию, не раз слушали выступления руководителей этого комитета купца Пороховщикова и публициста Аксакова. Такие собрания с разрешения московского градоначальника происходили во дворе ресторана «Славянский базар». Там же шла и запись добровольцев для отправки на восставшие против оттоманского ига Балканы.

Николай Юденич был среди тех московских юных дворян, купеческих и мещанских детей, которые не раз опускали свои серебряные рубли и медные пятаки в жестяные кружки сборщиков добровольных пожертвований в пользу южных славян. Это считалось в 70-е годы XIX столетия поступком, достойным уважения окружающих. При этом говорилось:

— От нас героям восставшей Боснии, на свободу славной Герцеговины...

— На помощь восставшей под знаменем Святого креста Болгарии, русские и болгары братья в православии...

Московская молодежь зачитывалась газетными материалами фронтовых корреспондентов. Имя «белого генерала» Скобелева было у всех на слуху. Чего стоили одни его обращения к войскам перед броском через Балканские горы:

«Нам предстоит трудный подвиг, достойный испытанной славы русских знамен: сегодня мы начнем переходить через Балканы с артиллерией без дорог, пробивая себе путь в виду неприятеля через глубокие снеговые сугробы...»

Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев стал кумиром русского воинства на долгие годы. Восторгался его личностью и Николай Юденич. Он будет изучать тактическое мастерство военачальника в стенах Николаевской академии Генерального штаба, преподаватели которой в день похорон «белого генерала» положат на его могилу венок, на котором будет лаконичная надпись: «Герою Скобелеву, Суворову равному...»

Выбор Николаем Юденичем полка случайным не был. В конце 1878 года отцовский дом посетил капитан Михаил Зуев, ротный командир лейб-гвардии Литовского полка, возвращавшийся через Москву, где у него проживали родственники, на место службы. Георгиевский кавалер находился на излечении в госпитале Одессы после участия в боях за Дунаем, в Болгарии. Юденич-старший дружил с Зуевым еще с гимназических лет.

Разговор о Русско-турецкой войне, о том, как шло освобождение Болгарии, состоялся за столом. Николай Юденич молча слушал взрослых. А разговор шел о боевых делах лейб-гвардии Литовского полка, волей императора Александра II оказавшегося за Дунаем.

— Скажи, Михаил Николаевич, как наши солдаты шли на войну, чего они от нее желали?

— Шли, как все, с великой радостью. Шутка ли дело — не просто воевать с турками, как было раньше, а освобождать от них православный народ.

— У нас в Москве рекруты уезжали, как на праздник. Так их провожали в семьях, на вокзале.

— И наш эшелон с литовцами на каждой станции встречали хлебом-солью. Да и не только у нас в России. В Румынии, хоть и не было официального разрешения местных властей, все равно жители были очень радушны.

— Что же было за Дунаем?

— Война. Одни переходы и в дождь, и в слякоть чего сто-

или. Турки в поле выходили редко, все больше отсиживались в крепостях да за завалами в горах на лесных дорогах.

— В газетах писалось корреспондентами с войны, что Плевна очень трудно далась нам?

— Еще бы, труднее трудного. Редутов у турок было столько, что все подступы к Плевне простреливались не только пушечным огнем, но и ружейным. Было дело — возьмем редут, а он оказывается весь под огнем с соседних.

— А солдаты-то как себя вели на войне?

— Тут слов нет: сражались по присяге, держались молодцами. Турки штыкового боя нашего никогда не выдерживали. Как дело доходит до рукопашной — так сразу отступают. Если наш солдат доблестно бился за Веру, Царя и Отечество, то султанского аскера на смерть за Стамбул было послать не просто.

— Но турок было не меньше русских. Что же они не держались против нашей армии?

— Почему не держались? Держались, да еще как. Одна Плевна чего нам стоила. Только турки все же сдали. Сколько их в конце войны разбежалось по горным тропам, сами паши султана не знали.

— Мы много наслышаны о переходе через Балканские горы, особенно через Троянский перевал. Там, как писалось в газетах, гибли целые римские легионы, а турецкие паши искали даже летом обходных путей.

— Это еще что. Немецкий фельдмаршал Мольтке недавно сказал, что тот генерал, который вознамерится пройти через Троян, заранее заслуживает имя безрассудного.

— Ведь это один из самых именитых людей берлинского генералитета?

— Да, генерал Мольтке — известная личность. Он считает и по сей день, что на Трояне два батальона пехоты смогут задержать наступление целого корпуса. А мы взяли и прошли через этот перевал.

— Где ранение получил, Михаил Николаевич? Никак, с полгода в одесском госпитале пролежал ведь.

— Под Филипполем. Солдаты вынесли из-под огня, спасибо им, братцам сердешным. Тогда и отвоёвался.

— А орден за что даден?

— За Филипполь получил я Святого Владимира 4-й степени с мечами. Там наш полк больше десятка орденских наград получил, не считая солдатских Георгиев.

— А теперь какова твоя судьба, Михаил Николаевич? Снова в Варшаву, в свой полк?

— Туда на днях выеду, отпуск по ранению заканчивается. Через год-два буду писать рапорт, испрашивать разрешение на поступление в Николаевскую академию Генерального штаба. Это моя давняя мечта.

— Удачи тебе. Будешь в Москве — наша семья всегда рада тебя видеть.

— Спасибо. Николай ваш тоже скоро в офицеры выйдет — пусть просится в гвардию. Это настоящая школа на будущее...

Памятная встреча с одним из офицеров-литовцев, много порассказавшего о боевых делах своего полка на войне с Турцией, и закрепила желание юнкера-александровца Юденича служить в лейб-гвардии, и обязательно в Литовском полку. Той мечте было суждено сбыться сразу же после окончания военного училища.

Подпоручик Николай Юденич был зачислен в состав гвардейского полка «со старшинством в чине с 1881 года», то есть с года окончания военного училища для него начинался отсчет офицерской службы. Отсчет с этого года шел и для получения последующих воинских званий, и для определения выслуги лет.

В лейб-гвардии Литовском полку, впрочем как и в других полках русской армии, не обязательно гвардейских, существовала одна хорошая традиция. Приходили ли в полк молодые офицеры или новобранцы — безграмотные крестьянские парни, — их в первую очередь знакомили с полковой летописью. А Литовскому полку было чем гордиться.

Полк был сформирован в 1811 году, в самом преддверии русского похода великой армии императора французов Наполеона Бонапарта. Еще не обустроенный до конца полк оказался в самом пекле Отечественной войны 1812 года, пройдя через все ее испытания..

Подлинная ратная доблесть нашла пехотинцев-литовцев на Бородинском поле. Главнокомандующий русской действующей армией генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов писал в реляции о стойкости гвардейских Литовского и Измайловского полков: «...покрыли себя славой в виду всей армии».

Затем последовало участие в ожесточенном и кровопролитном сражении за город Малоярославец и участие в походе

на поля Европы. Лейб-гвардии Литовскому полку вскоре вручается почетнейшее Георгиевское знамя с надписью: «За отличия при поражении и изгнании неприятеля из пределов России. 1812 год».

Литовцам удалось вновь отличиться в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов: после успешного форсирования Дуная в сражении под Телишем. Полк осаждал Плевенскую крепость, которая пала ценой больших усилий. Затем последовал бросок через заснеженные, труднопроходимые Балканские горы. Ожесточенные бои следовали один за другим — под Ташкисеном, при Дальних Камарницах, под Петровичем и Филиппополем, современным Пловдивом.

Филиппополь и стал для лейб-гвардейцев вторым Бородино. За героизм и мужество при освобождении с боями этого древнего болгарского города пехотинцы-литовцы получили почетные надписи в виде позолоченных пластинок на головные уборы: «За Филиппополь 3, 4 и 5 января 1878 года».

Начало службы в одном из старейших полков русской армии служило хорошей школой на будущее — офицерский коллектив лейб-литовцев имел добрые традиции. Более того, благодаря корпоративности гвардейских офицерских полков случайные люди туда просто не попадали. А людям, которые в чем-то запятнали честь своего мундира, приходилось навсегда оставлять ряды императорской лейб-гвардии. Снисхождений никому не делалось...

С приказом на руках подпоручик Николай Юденич, одетый в белоснежный китель, явился в избранный им полк гвардейской пехоты. По неписаной традиции он обнял первого попавшегося ему на пути гвардейца-литовца, ставшего во фрунт и отдавшего молодому офицеру воинскую честь. Им оказался старый сверхсрочный ротный фельдфебель Андрей Новгородцев.

— Спасибо, братец. За знание службы и устава.

— Рад стараться, господин подпоручик.

— Фельдфебель, у меня к тебе сразу есть дело. Познакомь меня сегодня же с ротным хозяйством.

— Чего проще! Можно походить по казарме сейчас. Люди уже на занятиях...

Для многих офицеров, прежде всего пехотных, служба в гвардейских полках служила лишь трамплином для будущей армейской службы в той же инфантерии. Подобное слу-

чилось и с Николаем Юденичем, который хотел пройти сквозь все тернии военной службы.

Пехотная рота, в которую он попал, стала для него первой академией на командирскую зрелость. Будущий командующий Кавказским фронтом не раз вспоминал:

— Моиими первыми учителями в полку оказались не батальонные командиры, а унтер-офицеры моей роты...

Занятия проводились по взводам. Подпоручик старался приходить минута в минуту. Унтер-офицер Симахин при его подходе командовал солдатам:

— Смирно! Глаза направо!

Юденич, подражая полковым офицерам постарше, говорил по гвардейскому обычаю, не повышая голоса:

— Здорово, братцы.

В ответ несло дружное:

— Здравия желаем, ваше сиятельство!

После этого подпоручик командовал унтер-офицеру Симахину:

— Командуй.

Тот привычно отдавал команду выстроенному в одну линию пехотному взводу:

— Штыки примкнуть!

Солдаты в единую минуту примыкали к дулам винтовок четырехгранные штыки. Следовала новая команда взводного унтер-офицера:

— К штыковому бою изготوصь!

Затем следовала новая команда:

— Коли! Коли!

На что нижние чины-литовцы громогласно отвечали:

— Ура-а-а!..

Молодой пехотный подпоручик долго не задержался в императорской гвардии, показав свою перспективность как пехотного командира. Он получил новое назначение с повышением в чине и должности в армейскую пехоту. Такое было обычным явлением в русской армии, поскольку даже краткосрочная служба в гвардии считалась лучшей рекомендацией офицера даже в высоких генеральских чинах.

Вызванному в штаб Варшавского военного округа подпоручику было сказано:

— Николай Николаевич, в полку у вас примерная репутация. Но, как вы сами знаете, в гвардии с перспективой для любого офицера сложно. А вам еще в чинах расти и расти.

— Премного благодарен за такое похвальное слово.

— Мы предлагаем вам новое место службы — Туркестанский край. Там хорошие возможности для служебного роста.

— Я согласен, ваше превосходительство. Позволю себе спросить — что меня ожидает в Туркестане?

— Командование стрелковой ротой. И повышение в воинском чине, вы ведь идете в армейскую пехоту из императорской лейб-гвардии.

— Благодарю вас, господин генерал...

Новое место службы по условиям райским никак нельзя было назвать. Климат Туркестанского края с его жарой и безводьем, удаленность от центральных губерний — вот что прежде всего определяло здесь тяжесть офицерской службы. Туркестанский округ к числу престижных не относился, хотя и давал многое.

Туркестанская служба проходила для гвардейского офицера не в полку, а в отдельных батальонах — 1-м Туркестанском стрелковом и 2-м Ходжентском резервном. В годы Первой мировой войны Юденич в ранге главнокомандующего Кавказским фронтом скажет не одно доброе слово в адрес стрелков-туркестанцев.

Командование ротами дали армейскому поручику Николаю Юденичу прекрасную во всех отношениях командирскую закалку и необходимую строчку в личном послужном списке. Он получал теперь полное право подачи рапорта по команде с просьбой разрешить ему поступать в военную академию.

Рапорт начинался словами: «Прошу, ваше превосходительство, дозволить мне получить возможность...»

Мечта молодого офицера сбылась: после производства в поручики гвардии он получает направление для сдачи вступительных экзаменов в Академию Генерального штаба — высшее военно-учебное заведение старой России и России сегодняшнего дня. Академия давала не только прекрасное образование (в ней преподавал весь цвет военной профессуры), но и блестящее продолжение армейской службы.

Скромный коричневый двухэтажный дом на Английской набережной Невы был подлинным храмом военной науки Российской империи. Вызов на экзамены состоялся в августе месяце. Поручик Николай Юденич явился на них, как и все, в парадной форме. Для него и других поступающих этот

день казался настоящим праздником. Обыденным днем он просто не мог быть.

Право поступать в Николаевскую академию Генерального штаба давалось, как правило, только раз в офицерской биографии. То есть свою судьбу счастливцев, получивший такое разрешение, мог решить только единожды. Поступать повторно — случай из редких.

Перво-наперво с абитуриентами по традиции встречался сам начальник академии: каждый поступающий обязан был представиться ему. Обычно задавалось несколько вопросов:

— Место вашей первой службы, поручик?

— Варшава, ваше превосходительство. Лейб-гвардии Литовский полк, двенадцатая рота.

— В Туркестанский округ попали по своему волеизъявлению или в приказном порядке?

— По своему согласию, ваше превосходительство.

— Чем командовали в Туркестане?

— Ротой. Сперва в стрелковом батальоне, затем в Ходжентском резервном.

— Что ж, весьма похвальное начало офицерской службы в пехоте. Желаю вам, поручик, удачи на вступительных экзаменах...

О том, насколько серьезен и безжалостен был экзаменационный отбор в Академию Генерального штаба, описывает в своих мемуарах Антон Иванович Деникин, сам поступивший в нее в 1895 году:

«Мытарства поступающих в академию начинались с проверочных экзаменов при окружных штабах. Просеивание... выражалось приблизительно такими цифрами: держало экзамен при округах 1500 офицеров; на экзамен в академию допускалось 400–500; поступало 140–150; на третий курс (последний) переходило 100; из них причислялось к Генеральному штабу 50, т. е. после отсеивания оставалось всего 3,3 процента...»

Поручик Николай Юденич, как и поручик Антон Деникин, успешно прошел через экзаменационное сито и сумел достойно закончить академический курс обучения.

По установленному с давних пор порядку первым был экзамен по русскому языку. Его боялись больше всего, поскольку именно на русском языке отсеивался каждый пятый кандидат в академические слушатели. Требовалось получить не менее

девяти баллов по двенадцатибалльной системе; оценка складывалась из баллов, полученных за диктовку и сочинение.

Юденич на всю жизнь запомнил первый свой академический экзамен. Когда всем была роздана бумага, профессор русской словесности Цешковский начал внятно диктовать отрывок из пушкинской «Истории пугачевского бунта». После диктанта писалось сочинение. Поручик-туркестанец выбрал из тридцати тем, начертанных мелом на доске, тему необычную — «Романтическое течение в русской литературе». Хотя можно было писать сочинение с более привлекательным для военного человека названием, например: «Вступление Наполеона в Москву», «История завоевания Сибири» или «Взятие крепости Карс в ходе Крымской войны».

Профессор Цешковский, невысоко оценив диктант, поставил за сочинение высший балл. Объявляя оценки группе, он среди прочего заметил:

— Поручик Юденич, при выборе темы сочинения вы проявили, на мой взгляд, настоящую храбрость...

Число поступающих после первого экзамена заметно сократилось, настолько строг оказался профессор Цешковский и другие академические словесники. Затем последовали вступительные экзамены по математике, уставу, общевойсковой тактике, иностранным языкам — французскому и немецкому, истории, русской географии.

Но всем из них Николай Юденич получил в среднем по десять баллов. После сдачи последнего экзамена был зачитан приказ по академии о зачислении на первый курс:

— Настоящим приказом в число слушателей Императорской Николаевской академии Генерального Штаба зачислены...

— Поручик Юденич Николай Николаевич...

В тот же день счастливый до небес Юденич-младший написал в отцовский дом в Москву коротенькое письмо:

«Экзамены выдержал до последнего. В академию принят. Целую. Ваш Николай».

...Николаевская академия Генерального штаба (бывшая Императорская военная академия) была создана по инициативе двух известных в начале XIX века военачальников Русской армии, участников нескольких войн — генерала от инфантерии А. И. Хатова и швейцарца генерала от инфантерии барона А. А. Жомини.

Первый из них — Хатов — имел блестящий послужной список. Он, один из крупных военных своего времени, прошел должности начальников Санкт-Петербургской школы колонновожатых и топографического отделения канцелярии генерал-квартирмейстера, был генерал-квартирмейстером Главного штаба, начальником отделения Военно-ученого комитета.

Жомини до своего появления в России успел послужить в швейцарской и французской армиях на командных и штабных должностях. Состоял в рядах великой армии императора французов Наполеона Бонапарта и участвовал в его русском походе 1812 года. После очередного столкновения с маршалом Бертье, начальником штаба наполеоновской армии, швейцарец прозорливо перешел в ряды русской армии. Сперва А. А. Жомини находился в штабе и свите императора Александра I, затем стал видным военным теоретиком и историком.

Устав и штат академии были высочайше утверждены императором Николаем I в октябре 1830 года. Но занятия в ней начались только через два года, из-за событий Польского восстания 1830 года³.

Почетным президентом академии был назначен брат государя великий князь Михаил Павлович, первым директором — генерал-лейтенант И. О. Сухозанет (Сухозанет 1-й), прославленный артиллерист, участник многих военных кампаний, потерявший ногу на поле боя.

Учеба в академии продолжалась три года и давала солидные знания в области военных наук. Об уровне обучения в ней говорил такой факт, что при получении хотя бы одной неудовлетворительной оценки слушатель незамедлительно отчислялся и отправлялся к прежнему месту службы.

При этом во внимание не принимались ни титулы, ни боевые награды. Не щадились даже привилегированные гвардейцы из полков столичного гарнизона с их известными фамилиями и родственными связями при императорском дворе. Как было, например, с одним из графов Игнатьевых — Николаем, который провалился на экзамене по астрономии и был возвращен в лейб-гвардии Преображенский полк.

Судьба этих офицеров в дальнейшем была незавидной. Они возвращались с подавленной психикой и с печатью не-

вечника в глазах строевых командиров. Теперь перспективы для них становилась туманна...

Больше всего Николаю Юденичу доставляли удовольствие лекции по истории военного искусства. Читались лекции по Александру Македонскому и Наполеону Бонапарту, А. В. Суворову-Рымникскому и М. И. Кутузову-Смоленскому. Изучалось отечественное и европейское тактическое мастерство. По военной стратегии лекции читались основательно, знающими свою науку профессорами.

На первом курсе едва ли самым большим камнем преткновения являлась так называемая «ситуация». В первый же день поступления в академию каждому слушателю выдавалась бронзовая выпуклая модель горки или рельефа местности. Ее требовалось срисовать мельчайшими штрихами на бумаге. Причем толщина штрихов должна была соответствовать крутизне скатов бронзовой горки.

Каждый год слушатели выезжали на длительные полевые занятия, в число которых входила глазомерная картографическая съемка местности. Обычно такие занятия проходили в окрестностях Царского Села или Петергофа. Преподаватель ставил задание на съемку обычно так:

— Поручик, ваша пехотная рота расположилась на высоте такой-то. Проведите картографическую съемку занимаемой позиции для атаки.

— Задача ясна, господин профессор. Какими инструментами разрешается мне пользоваться при съемке местности?

— Ваш инструмент — суворовский глазомер, карандаш и лист ватманной бумаги.

— Срок готовности карты ротной позиции?

— К утру завтрашнего дня, поручик.

— Могу ли к вам обращаться с вопросами, господин профессор?

— Ради Бога, поручик.

— Тогда позвольте уточнить на местности...

— Господин поручик, спрашивать о чем-то по картографии разрешаю только после сдачи вашей работы...

Впрочем, слушатели академии такие выезды в поле на глазомерные картографические съемки любили: автомобилей еще не существовало и умение быстро передвигаться на коне на большие расстояния и не утомляясь являлось составной частью боевой подготовки будущих офицеров Генераль-

ного штаба. Даже пехотные офицеры гордились качеством кавалерийской выправки.

Академия, расположенная в самом центре столицы, своих лошадей не имела. Они вместе с конными вестовыми выделялись кавалерийскими полками лейб-гвардии, расквартированными в окрестностях Санкт-Петербурга — Кирасирскими Его Императорского Величества и Ее Императорского величества, Драгунским, Конно-Гренадерским, Гусарским, Уланским. Эти полки стояли в Петергофе, Царском Селе, Гатчине.

Поручику Николаю Юденичу вместе со своими однокурсниками пришлось участвовать в параде в Красном Селе.

Тот красносельский парад красочно описал подъясаул П. Н. Краснов, будущий белый атаман Донского казачьего войска и один из крупнейших писателей русского зарубежья:

«Ничего не предвещало солнца, а между тем оно должно было быть, должно было сиять венчанного царя, Божия помазанника. Так верили седые генералы, начальники дивизий, командиры бригад и полков, в ярких лентах и орденах насупившись смотревшие, как чистились их люди, так верили молодые офицеры, старые фельдфебели и солдаты всех сроков службы...

В сказочной красоте и величии должен был явиться перед своим войском царь, солнцем осиянный, прекрасный, великолепный и далекий. Не от мира сего. «Так было всегда, — говорили старые люди, — что какая бы погода ни была, но государя неизменно сопровождало солнце». И одни видели в этом милость Божию, чудо, явленное народу в подтверждение того, что царь не людьми поставлен, но Богом, другие, скептики и малoverы, усматривали в этом отличную работу Пулковской обсерватории, знающей, когда будет какая погода, третьи, молодежь, сами мало видевшие, считали, что это просто случай...

Все поле покрылось темными квадратами пехотных колонн. Краснели погоны, и тускло виднелось золото и серебро офицерских уборов. Сзади пехоты неподвижно вытянулись запряжки артиллерии и банник в банник, дуло в дуло выровнялись орудия. Великий князь на караковом коне, с седлом, покрытым вальтрапом с каракулем, объехал полки...

Так же серо было небо, и туман клубился шапкой над Дудергофом, скрывая его леса и дачи. Сзади валика длинной

стройной лентой на зеленом лугу стояли полки кавалерии. Белой широкой полосой лежала кирасирская дивизия, три цвета — красное, синее и малиновое — обозначали казаков, темнее темная вторая дивизия заканчивалась пестрым бежем с красным пятном гусарского полка. У самой Лабораторной роши, хмурой, набухшей от дождя, стояли пушки и видны были всадники конных батарей.

Равнялись последний раз. Проверяли по шнуру носки. Потом разбежались по местам жалонеры и пешие линейные кавалерии сели на лошадей...

Подле валика на стульях и скамейках, еще с раннего утра принесенные денщиками, сидели и стояли зрители, больше дамы и барышни, дети, офицеры штабов, изредка виднелась хорошо одетая штатская фигура, умиленно смотревшая на войска. Все лица были повернуты в сторону Красного Села. Туда же смотрел, небрежно сидя на коне с обнаженной пашкой в руке, великий князь Владимир Александрович и разговаривал громким голосом, звучащим на все поле, со своим начальником штаба, статным, седым, стройным генералом.

— Едет, ваше высочество, — почтительно прервал его начальник штаба, указывая глазами на Красное Село.

Оттуда вылетела тройка и быстро приближалась к пестрой группе, стоявшей между народом и Красным Селом. Там была свита, лошадь государя и коляска императрицы.

Великий князь нахмурился и посмотрел на Дудергоф. Из серых туч ясно отделилась его косматая, покрытая елями, соснами и орехом вершина, и ветер рвал в клочья туманы над ним, и обнажились верхние дачи. Внизу отчетливо стали видны павильоны и галерея татарского ресторана. Но солнца не было.

Коляска подлетела к свите и остановилась. Великий князь посмотрел на часы. Было без двух минут одиннадцать.

— Точен, — сказал он начальнику штаба, — как отец, как дед...

Он незаметно, мелким крестом перекрестился. Волнение отразилось на его красивом холеном лице.

— Па-г'ад! Сми-г'но! — скомандовал он. — Батальоны, на плечо!

И точно еж поднялся над бурым мокрым полем: пехота оцетинилась штыками.

— По полкам, слушай, на ка-г'а-аул!.. — Великий князь поднял свою рослую лошадь в галоп и тяжело поскакал на встречу государю.

Нарушая общую тишину резкими отрывистыми звуками, играли гвардейский поход трубачи собственного его величества конвоя. Государь поздоровался с казаками, и «ура!» вспыхнуло на правом фланге. Государь подъезжал к полку военных училищ. Полк вздрогнул двумя резкими толчками, юнкера взяли на караул, и тысяча молодых лиц повернулась в сторону государя.

Впереди свиты на небольшой серой арабской лошади с темной мордой, с которой умно смотрели большие черные глаза, накрытой громадным темно-синим вальтрапом, расшитым золотом, легко и грациозно сидел государь. Красная гусарская фуражка была надета слегка набок. Из-под черного козырька приветливо смотрели серые глаза, алый доломан был расшит золотыми шнурами, на лакированных сапогах ярко блестели розетки, и чуть звенела шпора.

— Здравствуйте, господа! — раздался отчетливый голос, и из тысячи молодых грудей исторгся восторженный выкрик, шедший от самого сердца.

И сейчас же величественные плавные звуки русского гимна полились на фланге и слились с ликующим юным «ура!». В ту же минуту яркий солнечный луч блеснул на алой фуражке и залил царственного всадника, свиту и коляску, запряженную четверкой белых лошадей, в которой в белых платьях сидели обе императрицы.

Природа точно ждала этого могучего крика «ура!», этого властного, твердой молитвой звучащего гимна, чтобы начать свою работу. Невидимый ветер рвал на клочья серый туман, и наверху ослепительно горело точно омытое вчерашним дождем солнце, на синем небе показались мягкие пушистые барашки. Чудо свершилось.

Помазанник Божий явился во всей своей славе и красоте, сказочно красивый, на сером арабском коне, смотревшим как-то особенно умно, выступавшем как-то особенно легко и горделиво. Сказка о великом и далеком царе раскрылась перед солдатами и народом, и они видели эту сказку...

Полубог был перед народом, и земные мысли отлетали от людей и чувствовалась близость к небу. Парили сердца...»

...Учеба в Николаевской академии шла размеренным, привычным ходом. Поручик Николай Юденич и его сокурсники быстро поняли, что поблажек никому не будет.

После каждой переходной сессии количество слушателей на курсе уменьшалось на два-три десятка человек. Потерпевших фиаско на годовых экзаменах отправляли назад в полк. Тех, кто пытался хитрить и «болеть», тоже ожидала подобная участь. Для проверки основательности рапорта о болезни на квартиру офицера-слушателя обыкновенно высылавался академический военный врач.

В стенах академии самым тщательным образом изучались тактика, стратегия, работа с картами, новые виды отечественного и иностранного вооружения (прежде всего новейшие артиллерийские системы), армии ведущих мировых держав, военно-административное дело, основные законы войны.

По поводу принципа неизменности основных законов войны в стенах академии среди слушателей-генштабистов долгие годы ходило стихотворение неизвестного автора, вероятно из числа своих же офицеров:

Сражался голый троглодит,
Как грубым свойственно натурам,
Теперь же просвещенный Бритт
Трепещет в хаки перед Буром.
Но англичанин и дикарь
Хранят все свойства человека:
Как били морду прежде, встарь,
Так будут бить ее до века...

Поручик лейб-гвардии Юденич закончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1887 году более чем успешно — по первому разряду. Он получил право носить на мундире академический знак в неполные двадцать пять лет. Уже одно это стало лучшей характеристикой офицера. Теперь его начальник мог поручиться за то, что такой выпускник академии был вполне подготовлен к исполнению любого порученного дела с усердием и настойчивостью. Иных офицеров из стен знаменитого в русской армии дома в два этажа на Английской набережной Невы не выпускали.

Окончание академии по первому разряду значило очень много. Результатом выпускных экзаменов стало причисление Юденича к офицерскому корпусу Генерального штаба,

то есть к элитной по знаниям, перспективности и положению части офицеров Российской Императорской армии и флота.

Николаевская академия Генерального штаба давала не только прекрасные знания военного дела, но и отличную перспективу на будущее. Но Николай Николаевич был склонен верить словам своего будущего соратника А.И. Деникина, с которым сошелся в годы Русско-японской войны:

— Академия Генерального штаба дает метод к познанию военного дела, но главный учитель все-таки жизнь...

Все же факт остается фактом: в годы Первой мировой войны выпускники Академии Генерального штаба занимали подавляющее большинство высших командных должностей в Русской армии. Академистами были каждый четвертый командир полка, более двух третей начальников пехотных и кавалерийских дивизий, 62 % корпусных командиров...

Выпускник академии Юденич получает очередное звание — капитана. Он назначается старшим адъютантом штаба 14-го армейского корпуса Варшавского военного округа. Здесь гвардейский офицер приобретает хороший опыт штабной работы по организации военного управления. К тому же округ был приграничным, а не внутренним.

В военном министерстве уже взяли на заметку перспективного пехотного офицера и не давали ему, ради его же служебного роста, долго засиживаться на одном месте и в одной должности. Уже в 1889 году он назначается командиром роты родного ему лейб-гвардии Литовского полка.

Литовцы входили в состав 3-й Гвардейской пехотной дивизии и вместе с полками лейб-гвардии — Кексгольмским императора австрийского, Санкт-Петербургским короля Фридриха-Вильгельма III и Волынским вместе с дивизионной артиллерийской бригадой располагались в столице Царства Польского. В Варшавском гарнизоне квартировалась еще и Отдельная гвардейская кавалерийская бригада — лейб-гвардии 2-й Уланский Его Величества и Гродненский гусарский полки с конно-артиллерийской батареей.

После большого города с европейской цивилизацией, каким являлась Варшава, Юденич вновь оказывается на Востоке, в хорошо знакомом Туркестане и южном Казахстане. Он получает в январе 1892 года назначение старшим адъютантом штаба Туркестанского военного округа и оказывает

ся в крае оазисов, пустынь и гор, которому отдаст пятнадцать лет своей жизни.

Через четыре года Юденич становится штаб-офицером при управлении 1-й Туркестанской стрелковой бригады, которая в случае войны развертывалась в стрелковую дивизию. Он успевает за это время пройти цензовое командование пехотным батальоном. Продолжительная штабная работа дала основательный опыт организации армейской службы, руководства войсками на полевых учениях и в условиях гарнизонной жизни.

Юденич успешно, то есть своевременно по выслуге полных лет, продвигается по служебной лестнице. В 1892 году он получает звание подполковника (майорского звания в русской армии в то время не было), а еще через четыре года становится полковником — в тридцать четыре года благодаря своим несомненным командирским способностям и знаниям, полученным в Николаевской академии Генерального штаба.

Теперь перед офицером корпуса генштабистов открывался прямой путь к генеральскому чину. Не хватало лишь боевого опыта и орденов за войну. Не столь важно за какую — но обязательно за войну, за доблесть, проявленную за «Веру, Царя и Отечество».

Сослуживец Юденича по Варшавскому военному округу Д. В. Филатьев, позже генерал-лейтенант, вспоминал о чертах характера тридцатилетнего Николая Николаевича:

«Прямота и даже резкость суждений, определенность решений и твердость в отстаивании своего мнения, полное отсутствие склонности к каким-либо компромиссам».

Хорошо известно, что мечтой едва ли не каждого офицера, поднимавшегося по служебной лестнице, было командование полком. Полк — пехотный или кавалерийский — являлся самостоятельной боевой единицей любой армии, в том числе и русской. Именно на этом оселке шло познание командирской личности.

Полк под свое командование генштабист полковник Николай Николаевич Юденич получил 16 июля 1902 года. Этим полком стал 18-й стрелковый приграничного Виленского военного округа. Можно считать, что в Санкт-Петербурге службой выпускника Николаевской академии Генерального штаба были вполне довольны.

С вызванным в Санкт-Петербург, в Главный штаб для получения нового назначения штабным полковником-туркестанцем состоялся обстоятельный разговор.

— Господин полковник, командование Туркестанским корпусом внесло вас в список офицеров, достойных выдвижения по армейской службе. Известно ли вам об этом?

— Да, известно, ваше превосходительство.

— По ходатайству окружного начальства вы уже два года стоите в списке для выдвижения на должность командира пехотного полка. Где бы вы желали принять полк?

— Там, где мне будет приказано его принять.

— В таком случае сообщаем вам следующее: в Виленском округе открылась вакансия командира 18-го стрелкового полка.

— Для меня это будет большая честь, смею заметить.

— Часть сформирована недавно, крепких традиций в ней еще нет. Это вас не пугает?

— Нет, ваше превосходительство. Я уже командовал, как вам известно, стрелковыми ротами и батальоном.

— Значит, больших трудностей при приеме полка вы не видите? Я так понимаю?

— Точно так. Особенности организации стрелковой части мне хорошо знакомы по Туркестану.

— Раз вы согласны, ждите на днях приказ о новом назначении...

Действительно, высочайший приказ императора Николая II о назначении полковника Юденича командиром стрелкового полка не заставил себя долго ждать. Он состоялся после разговора в Генеральном штабе в считанные дни. Гораздо больше времени ушло на переезд из Ташкента в Вильно.

Послужной список полкового командира свидетельствовал о том, что командование отдельной воинской частью для Юденича проходило успешно, но и не без известных трудностей. На проходивших полевых учениях его солдаты демонстрировали хорошую выучку и меткость стрельбы, а роты, что было весьма немаловажно, имели устроенный быт — добротные казармы, кухни, своих сапожников, портных, парикмахеров, прикухонные огороды. Солдаты-стрелки не пополнили полковые лазареты.

Полковник Юденич старался жить заботами полка. Еще по привычке ротного командира пытался запомнить как

можно больше солдат по фамилиям. Пекся об их бодром виде. Постоянно бывал в солдатских казармах на подъемах и отбоях. Часто лично снимал пробу приготовленной для нижних чинов пищи. Наиболее ретивых унтер-офицеров наказывал за рукоприкладство по отношению к подчиненным.

Полковой командир всегда так наставлял наиболее ретивых служаков из числа младших начальников:

— Нижний чин в армии — это ваш брат. С ним вам не только чистоту в казарме содержать, но и в бой идти в одном строю...

К тому времени Николай Николаевич был уже степенным человеком, нашедшим свое семейное счастье. Он женился на Александре Николаевне, урожденной Жемчуговой. Брак армейского офицера с образованной, воспитанной девушкой из родовитой дворянской семьи оказался крепким, и супругов отличало взаимопонимание и любовь.

Казалось, что службе в Литовском крае не будет ни конца, ни края, как это было в Туркестане. Перспектива получения генеральской должности пока не открывалась, если бы не война, о которой Юденичу думалось не раз. Она-то и призвала его первый раз на поле брани в памятном для России 1904 году...

Русско-японская война началась для полковника Николая Николаевича Юденича в полковой канцелярии. Рано утром его встретил в дверях дежурный и, отдав честь, молча протянул только что полученную депешу из штаба округа. В ней кратко сообщалось:

«Сегодня ночью наша эскадра, стоящая на внешнем Порт-Артурском рейде, подверглась внезапному нападению японских миноносцев и понесла тяжелые потери».

Депешу Юденич зачитал собранным по его приказу офицерам полка. От себя добавил:

— Прошу вас всех быть на местах. Не ровен час, дадут приказ садиться в эшелоны...

Сразу возникли споры: может ли иностранный флот атаковать русский без предварительного объявления войны? Лишь немногие всерьез принимали военный инцидент у берегов Квантуна, считая его началом войны. Да к тому же просто не верилось, что какая-то островная Япония посмеет всерьез ввязаться в вооруженную борьбу с такой державой, как Российская империя. По этому поводу в первые дни немало шутили:

— Отчаянные люди эти самураи...

— Так их Страна восходящего солнца может оказаться на закате...

— Шутка ли — схватиться с самой Россией...

Вскоре в полк с нарочным из окружного штаба доставили экземпляр высочайшего манифеста об объявлении Россией войны Японии, который потом желтыми афишами был расклеен даже в самых глухих деревнях:

«Божией милостию, Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая... и прочая... объявляем нашим верным подданным...»

Обращение государя к России и ее народу зачитали перед строем стрелков и ответом на действительно трогательные слова, вложенные составителями манифеста в уста императора Николая II, было дружное и троекратное:

— Ура! Ура! Ура!..

Полковнику Юденичу с началом Русско-японской войны пришлось еще раз выстраивать своих стрелков на полковом плацу. На сей раз для прочтения императорского рескрипта по поводу назначения военного министра России генерала от инфантерии Алексея Николаевича Куропаткина командующим действующей Маньчжурской армией. Высочайший рескрипт гласил:

«Расставаясь с Вами и желая выразить Вам мою глубокую признательность за шестилетний просвещенный труд Ваш на пользу моей дорогой армии, жалую Вам бриллиантовые знаки ордена Святого благоверного князя Александра Невского...»

Напутствуя Вас на Дальний Восток в действующую армию, поручаю Вам передать моим дорогим войскам мой Царский привет и мое благословение.

Да хранит Вас Господь!»

И вновь над полковым плацем 18-го стрелкового полка неслось привычно дружное, троекратное:

— Ура! Ура! Ура!..

Каждый раз полковник Юденич письменно доносил в окружной штаб на имя командующего следующее:

«Нижние чины и господа офицеры вверенного мне 18-го стрелкового полка с верностью нашему монарху восприняли его высочайший указ, который был зачитан перед полком утром дня...»

Однако дело на Дальнем Востоке оказалось не шуточным. После героической гибели «Варяга» и «Корейца» японцы высадили в Корею целую армию и заставили русских с боями уйти с рубежа пограничной реки Ялу. Так большая война вошла на поля Маньчжурии с ее лесистыми сопками, бескрайними полями гаоляна и КВЖД — Китайско-Восточной железной дорогой.

Началась переброска войск из европейских губерний России за Байкал. Виленский военный округ, хотя он и числился в числе приграничных, тоже выделял на Русско-японскую войну часть своих полков с полевой артиллерией. В их число попал и 18-й стрелковый.

Полк батальонами погрузили в воинские эшелоны и отправили в Маньчжурию, откуда приходили неутешительные фронтовые сводки. Армия бывшего военного министра России генерал-адъютанта Куропаткина при всем героизме ее чинов постоянно отступала и занимала после каждого нового натиска японцев все новые и новые позиции. Неприятель начал морскую и сухопутную блокаду Порт-Артурской крепости и русской 1-й тихоокеанской эскадры, базировавшейся в гавани.

При следовании через Москву Николаю Николаевичу удалось повидаться с отцом. Юденич-старший со слезами на глазах встретил сына, отправлявшегося на неизвестную для России войну с еще более неизвестной Страной восходящего солнца.

Отец, провожая сына на Курском вокзале, подарил ему на военное счастье небольшую икону-складень. Просил только об одном:

— Помни о долге, сынок. На все, конечно, есть воля Божья, но об одном прошу тебя — пиши почаще о себе.

— Хорошо, отец. Это я обещаю.

— А о войне пиши правду, которую нельзя прочитать в газетах. Для меня это будет важно.

— Хорошо.

— И береги себя, как сможешь...

Юденич-младший прощался с отцом, который сразу как-то постарел, в огромном буфетном зале, полном публики. Среди провожающих и отъезжающих виделось немало захмелевших людей. Официанты сбивались с ног, торопясь обслужить людей за столиками. Мест свободных не было.

Когда был подан состав, начались трогательные сцены прощания, сопровождавшиеся обильными речами, объятиями и поцелуями, хлопанием пробок бутылок шампанского.

Когда прозвучал свисток, Николай Николаевич молча поцеловал отца и вскочил на подножку тронувшегося вагона:

— Отец! Я тебе сразу отпишу из Иркутска, как только мы туда прибудем. Не волнуйся за меня...

Стрелки полка полковника Юденича отправлялись из Москвы на Дальний Восток под звуки мелодий гармоней и песни, которая так полюбилась парням-рекрутам:

Последний нынешний денечек
Гуляю с вами я, друзья.
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья...

Воинские эшелоны медленно катились по бесконечной Транссибирской магистрали. В России еще не была объявлена всеобщая воинская мобилизация, и потому население пристанционных поселков не без удивления взирало на поток многочисленных железнодорожных составов с военными людьми, пушками, лошадьми...

Тревоги и озабоченности на лицах людей не замечалось. Еще не шли из Маньчжурии санитарные поезда с тысячами раненых и увечных. Война на Дальнем Востоке еще не вошла в сознание России...

Глава вторая

ВОЙНА В МАНЬЧЖУРИИ

Полк Юденича прибыл в Иркутск поздней ночью. Станция на левом берегу Ангары была полна воинских эшелонов. На станции Лествиничное Транссибирская магистраль обрывалась, поскольку Кругобайкальская железная дорога еще не была построена. Дальше путь в шестьдесят верст шел по водам Байкала — до противоположного берега озера. Там однопутная железная дорога обрела свое продолжение, уходя через город Читу и земли Забайкальского казачьего войска в китайскую Маньчжурию, где шла война.

Виленские стрелки проделали этот путь, как было доло-

жено потом, «без происшествий», то есть не было оставших в дороге, утрат казенного имущества, случаев неповиновения младших, «дурного» общения с местными жителями.

В городе Мукдене, маньчжурской столице, 18-й стрелковый полк был встречен с оркестром. Полковник Юденич перед оркестром стрелков доложил царскому наместнику на Дальнем Востоке, главнокомандующему сухопутными и морскими силами адмиралу Алексееву о благополучном прибытии вверенного ему полка на театр военных действий.

Полный адмирал, о чем свидетельствовали золотые погоны с тремя черными орлами и вензелем Николая II на черном морском кителе, после обычной церемониальной встречи и рукопожатиями с каждым полковым офицером, объявил им:

— Стрелкам даю два дня отдыха в Мукдене.

— Премного благодарны, ваше превосходительство.

— За эти дни получите у тыловиков патроны и провиант и тогда пешим ходом отправитесь на войну.

— Каким маршрутом и в чье подчинение, извольте спросить?

— Об этом вам будет доведено особым пакетом из армейского штаба. О вас там позаботятся...

Царский наместник чувствовал, что полковые офицеры, их командир ждут от него еще что-то важное. Приосанившись, адмирал Алексеев заключил:

— Японцы хотят захватить построенную нами на Квантуше морскую крепость, Порт-Артур. Надо отбить у них к тому охоту...

На том церемония встречи вновь прибывшего полка завершилась. Роты развели на временное жилье в пристанционные бараки. Уже к вечеру в полк доставили патроны и походные солдатские кухни, недельный запас провианта, в основном сухарей. На мясные порции выделили две дюжины овец, которые вольнонаемный гуртовщик погнал за полком.

Рота за ротой виленские стрелки пылили по дороге на юг от Мукдена. Скоро перелески закончились и потянулись поля. То там, то здесь виднелись небольшие сопки и китайские деревни, окруженные со всех сторон кирпичными стенами выше роста человека.

Солдаты шли бодро, жуя на ходу сухари. Между собой переговаривались:

— Смотри, что ни деревня — то крепость. Пробей бойницу в стене — и веди бой. И чего китайцы здесь живут боязливо? А?

— А ты разве не знаешь?

— Нет, не знаю. А с чего мне знать-то?

— А то боятся, что разбойников у них здесь много развелось. Хунгузами называются.

— Откуда такое знаешь? Сам без году третий день в Китае.

— Ротный поручик сказывал. Про то он в штабе мукденском сведал, про хунгузов-то.

— А нам чего хунгузов бояться. Попадется — на штык мой нарвется.

— Китайский разбойник тем опасен, что много их теперь на японцев работают. Те им платят серебром, как поручик сказывал.

— Коль такое вышло дело, то нам надо быть поосмотрительнее с местными деревенскими.

— Да, здесь, пожалуй, ворон нам считать не придется...

Так стрелки отмахивали одну дорожную версту за другой. Порой приходилось проходить походным маршем через большие селения. Перед входом в них офицеры приказывали:

— Подтянитесь, братцы! Строй держите, ровнее ряды.

Случались казусы. Полковник Юденич, проезжая впереди полковой колонны на лошади по улице одной из деревень, заметил сидящего в пыли на обочине дороги китайца в оборванном халате. Тот тыкал пальцем в строй русских солдат и, казалось, считал их. Николай Николаевич, покосившись на «ходи» (так русские солдаты прозвали китайцев), проехал мимо него.

Когда голова походной колонны выходила уже из деревни, к полковому командиру подбежал фельдфебель шестой роты Прохор Мезенцев. Откозырнув, он доложил:

— Ваше благородие! Надо арестовать шпиона.

— Какого шпиона, Мезенцев?

— А того ходи, что пересчитал наш полк. И всю мою 6-ю роту по взводам.

— Ты уверен, что он нас считал?

— Как не уверен — ведь он перед моим носом пальцы загибал и все считал губами.

— Ну считать он мог все, что ему угодно. А как мы его допросим, фельдфебель?

— Тряхнем его за душу, так он все и расскажет нам про свое шпионство и про то, что он у нас в полку считал.

— Кто ж его допрашивать будет? У нас нет знающих язык китайцев. И переводчика нет.

— Жаль тогда. Все же не нравятся мне, кто нас считает по пальцам.

— И мне не нравится, Мезенцев. Но на сей счет у меня от начальства никаких инструкций нет.

— Тогда надо сказать ротным унтер-офицерам, пусть присматривают за такими ходи, чтоб те среди солдат не болтались почем зря.

— Это ты верно заметил. Клики-ка полкового адъютанта. Я ему приказ велю написать...

18-й стрелковый полк по прибытии в Маньчжурскую армию был включен в состав 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Сибирской она была только по названию, так как предназначалась для Восточной Сибири. Ее стрелковые полки формировались в центральных губерниях России и там же были расквартированы до 1904 года.

Но пополнение фронтовым потерям приходило уже из сибиряков, в своем большинстве таежников, людей немногословных. И к концу Русско-японской войны полк Юденича действительно стал наполовину сибирским по составу людей. Даже убыль из офицеров пополнялась запасниками то из Иркутска и Канска, то из Красноярска и Новониколаевска.

В Мукдене стрелкам пришлось распрощаться с удобным следованием на войну по железной дороге в вагонах-теплушках. Теперь им предстояло идти своим ходом по размытым частыми дождями проселочным дорогам.

Полковые тяжести перевозились на обозных повозках. Стрелки и их командиры были немало удивлены тем, что в японской пехоте для таких целей обычно использовались носильщики, которые за свой действительно каторжный труд получали больше рядового солдата и повышенный по калорийности суточный паек. По этому поводу русские солдаты шутили:

— Лошадей им на островах надо разводить, а не рис сажать.

— Как можно за японскими стрелками в бою угнаться? За него все тяжести другой носит на себе.

— Разве это армия? Ни тебе обозных телег, ни сидора с казенным грузом за плечами.

— Да, вид у японца-солдата прогулочный. Сразу видно издали — не русский солдат. Не наш...

Через неделю стрелковый полк, в котором не было ни одного участника минувшей Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, оказался на театре военных действий. Наступил месяц май с его страшной для здешних мест жарой.

Первый увиденный Юденичем японец оказался, как ни странно, вражеский лазутчик. Случилось это в небольшой деревушке Лизаньдухе, в окрестностях которой полк остановился на дневку. Были разбиты палатки, задымили костры. Полевой бивуак и деревню окружили на всякий случай дозорами.

Все было как на полевых учениях под Вильно, если бы не появление в палатке полкового командира дежурного офицера поручика Осипова с взволнованным лицом:

— Господин полковник, наш дозор японского шпиона поймал. Под простого китайца был одет. Стрелки Вагин и Докучаев.

— Шпиона? С чего дозорные взяли, что это шпион?

— Точно так. Он заговорил с ними у деревенской лавки на русском, правда, говорил скверно. Спрашивал, откуда прибыли в Маньчжурию.

— Интересно. Продолжайте, поручик.

— Стрелкам он не понравился — больно чисто был одет для китайца. Вагин и Докучаев его стали задерживать, за косу схватили, а она оказалась фальшивой, прикрепленной к шапочке. Тут уже дозорные не растерялись: под ружьем привели задержанного в дежурную роту.

— Молодцы.

— Точно так, господин полковник. Молодцы, да еще какие.

— Прикажете привести этого человека ко мне и смотрите, чтоб не скрылся по случаю.

— Не беспокойтесь: его наши молодцы стерегут. От них он никуда не денется.

Вскоре пойманный шпион стоял перед Юденичем. Это был человек монгольской расы, чисто одетый и даже в белых носках, которые краешком выглядывали из-под синих шаровар. Костюм его очень напоминал одежду китайского священни-

ка. Голова была обрита наголо, в руках он нервно мямл китайскую шапочку с прикрепленной к ней длинной черной косой.

Рядом с лазутчиком стоял поручик Осипов, по бокам — стрелки Вагин и Докучаев, гордые тем, что им удалось схватить вражеского шпиона.

Зная, что пойманный говорит на русском языке, полковник Юденич начал самолично вести допрос. Он уже знал о том, что обычно пойманные с поличным японские шпионы не изворачиваются и не врут. Они знают, что по законам военного времени их в неприятельском стане ждет казнь через повешение. Русским же лазутчикам из числа местных китайцев японцы рубили головы саблями сразу же после допроса.

— Как ваша фамилия?

— Ван Цзя Дун.

— Вы японец или китаец?

— Я урожденный китаец, но одиннадцать лет тому назад принял японское подданство.

— Выходит, вы служили у японцев, занимали у них какую-нибудь должность?

— Да. Я состоял до войны в японской полиции, затем был в ней переводчиком.

— Откуда вы знаете русский язык?

— Два года назад меня послали в Россию. Жил сперва на станции железной дороги Раздольное, затем переехал во Владивосток, снимал там комнату на улице Светлановской.

— Чем занимались во Владивостоке?

— Работал на Китайской улице парикмахером у своего дальнего родственника.

— Вы были в России японским шпионом? Отвечайте.

— Я выполнял то, что мне приказывали.

— Вы можете ответить мне на вопрос: где сейчас находится ваш начальник, который заслал вас к нам и кто был еще вместе с вами?

Лазутчик опустил глаза и ничего не ответил, отрицательно покачав головой. Ожидание ответа затянулось. После продолжительного молчания полковник Юденич продолжил допрос:

— Зачем вы переоделись в костюм китайского священника-бонзы? А не в костюм нищего или погонщика скота?

— Для того чтобы легче достигнуть того, зачем я был послан.

— Куда же и зачем вы были посланы?

— Я был послан разведать о силах и расположении русских по дороге на Ляоян и севернее его.

— Почему вы были посланы так далеко на север?

— Потому что русские силы и расположение их в местах боев уже хорошо известны, а что у Ляояна и за ним — нет.

Помолчав с минуту, Юденич обратился к поручику Осипову:

— Задержанного обыскали?

— Так точно, господин полковник.

— Что было найдено?

Офицер разложил на походном складном столике полкового командира набор вещей — записную книжку, горсть серебряных китайских монет, трубку для курения опиума и прочую карманную мелочь. Среди вещей выделялась деревянная, пустая внутри колотушка, очень напоминавшая собою русский калач. В них бонзы стучат, когда обходят деревни и призывают китайцев к добровольным жертвованиям.

Осмотрев все это, Юденич спросил дежурного офицера:

— Оружие у лазутчика было?

— Никак нет. При себе ничего такого не имел, и стрелки не видели, чтоб он что-то выбрасывал из карманов.

Юденич спросил задержанного:

— У вас должен быть при себе документ, удостоверяющий вашу личность при возвращении назад, к японцам. Где он?

Лазутчик, не поднимая глаз, отмалчивался.

— Я прикажу вас обыскать до нитки.

Мнимый бонза Ван Цзя Дун снял с левой ноги китайскую туфлю и надорвал подкладку. Оттуда он вытащил тонкую полоску бумаги с японскими иероглифами и передал Юденичу. Тот спросил:

— Что на ней написано? Переведите.

— Это мое удостоверение личности в русском тылу. В нем говорится, что служащий японской полиции китаец Ван Цзя Дун отправлен для разведки к Ляояну. Эту записку я должен был предъявить первому же императорскому офицеру при возвращении с задания.

— Что означает эта красная печать?

— Она подтверждает, что этот документ выдан мне как разведчику в штабе генерала Оку.

— А знаете ли вы, как у нас поступают с пойманными перодетыми шпионами?

— Да. Я знаю, что их умерщвляют, но каким образом это делается у русских — мне неизвестно. У японцев орудием казни всегда служит самурайский меч.

— Господин Ван, как вы считаете — чем закончится эта война?

— Победит Япония. Русских разобьют и на море, и на суше. Всего несколько лет назад армия и флот микадо разгромили Китай. А он по населению в несколько раз больше России.

— А что будет делать Япония, когда сюда придет весь наш флот с Балтийского и Черного морей?

— Путь для них в Желтое море очень далек. Пока русский флот весь соберется на Востоке, Порт-Артурскую крепость японская армия уже возьмет.

— Ну, сейчас об этом еще рано говорить. Порт-Артур, как нам известно, держится стойко.

Уверенность Ван Цзя Дуна в полной победе Страны восходящего солнца над огромной населением и территорией Российской показала Юденичу и Осипову смешной. Но в том, что перед ними профессиональный, хорошо подготовленный разведчик, они не сомневались.

Пойманного шпиона отправили в штаб дивизии. Там он был еще раз допрошен, но более обстоятельно. Военно-полевой суд приговорил вражеского лазутчика к смертной казни через повешенье. Через несколько дней приговор был приведен в исполнение на глазах солдат маршевой роты одного из пехотных полков. Смерть Ван Цзя Дун принял спокойно, словно был уже давно готов к такому финалу своей карьеры в рядах японской армии.

За бдительность во время дозорной службы командир 18-го стрелкового полка объявил перед строем батальона рядовым Вагину и Докучаеву от лица командования благодарность. Старший дозорного наряда — стрелок Вагин — получил звание ефрейтора...

Начались суровые будни войны. Стрелки то совершали длительные марши по почти полному бездорожью, считая за удачу найти себе крышу на ночь в какой-нибудь китайской деревушке, окруженной, как крепость, глиняным забором, то закапывались в землю, роя километры траншей в рост че-

ловека, с тем чтобы через небольшое время оставить их, часто без боя с японскими войсками.

При рытье окопов и устройстве земляных укреплений солдатам приходилось заниматься еще и следующим. Отрядив один батальон стрелков на устройство траншей, Юденич выстраивал перед собой второй:

— Перед нами на полях гаоляна еще не скошен китайцами. Это плохо.

Кто-то из офицеров отвечал:

— Деревенский староста сказывал, что урожаем убирать деревне еще рано. Не поспел гаолян.

— Не деревне воевать, а вашим стрелкам. Приказываю повалить гаолян, мешающий обстрелу с линии наших позиций.

Батальон выстраивался в длинную линию и медленно шел вперед по полю. Люди двигались, ломая перед собой руками и топча ногами стебли гаоляна, вымахавшие уже в рост человека.

Через час-другой упорной работы вместо зеленых зарослей, волновавшихся даже от небольшого ветерка, образовывалась такая картина: на земле лежали сломанные стебли гаоляна. Теперь было очевидно, что японская пехота уже не сможет скрытно подобраться к русским позициям.

Бескрайние поля высоченного гаоляна на равнинах Маньчжурии стали настоящим бедствием для воюющих сторон. Уже после войны, в 1910 году, Николаю Николаевичу довелось прочитать один из трудов Военно-исторической комиссии Генерального штаба, посвященный Русско-японской войне. О гаоляне там говорилось следующее:

«Гаолян — однолетнее травянистое растение рода сорго семейства злаков. Гаолян в Маньчжурии был самым полезным, наиболее распространенным и крайне необходимым для населения...

Зерна этого растения, разваренные в воде, служили беднейшим жителям почти единственной пищей, кроме того, они шли на выделку ханшина или местной водки. Листья гаоляна служили кормом для скота, стебель — материалом для топлива, для устройства изгородей, крыш, потолков...

При этом гаолян был неприхотлив, рос на всякой почве, требовал очень мало удобрения и давал громадные урожаи...

Обширные поля высокого гаоляна оказались для наших войск совершенно новым и незнакомым им явлением...

крайне затрудняли ориентировку для непривычного человека, мешали начальнику в руководстве войсками, уничтожали связь между войсковыми частями, затрудняли охранение и разведку... давали больше выгод наступающей стороне, чем оборонявшейся, но исключительно при том условии, если в самом пользовании гаоляном уже приобретен известный навык.

Во всяком случае, поля гаоляна составляли одну из заметных особенностей края, много влиявших на чисто тактические подробности, а следовательно и на результаты разывшейся борьбы...»

Японцы с началом войны постепенно научились обстреливать окопы противника прицельным огнем из винтовок, при этом их стрелки старались подобраться как можно ближе. Однако от такой пальбы русские большого урона не несли.

Хуже было тогда, когда еще не достроенные позиции подвергались артиллерийскому обстрелу. Дело было даже не в плотности пушечного огня. Японские снаряды, начиненные взрывчаткой, рвались с оглушительным треском и по убойной силе заметно превосходили равнокалиберные русские снаряды, взрывная мощь которых оказалась намного меньше.

Куропаткинская армия продолжала шаг за шагом отступать все дальше на север от осажденного Порт-Артура. Сибирские стрелки дрались мужественно, но при этом несли неоправданно большие потери. Почти каждый день из полка Юденича уходили в Россию подписанные им похоронки. Это было горестное занятие — в такие часы полковник становился хмур и неразговорчив.

У полкового священника в отдельные дни дел оказывалось невпроворот — он едва успевал отпевать «убиенных» воинов, погибших «за Веру, Царя и Отечество» на чужой китайской земле.

Погибших хоронили, за редким случаем, в братских могилах. Когда на могилу бросалась последняя лопата земли, священник, еще совсем молодой человек, проникающим в душу голосом читал отходную молитву:

«Новопреставленных рабов Божьих, православных воинов, за веру, царя и Отечество на поле брани живот свой положивших: Никиты, Ивана, Василия... и их же имена Ты, Господи, веси, в недрах Авраама учинить, с праведными сопричет и нас всех помилует и спасет, яко благ и человеколюбец».

Затем солдаты старательно равняли на чужой для них земле могильный холмик. Из обтесанных кольев ставили скромный крест, на нем чернильным карандашом старательно выводили имена захороненных бойцов. Если их оказывалось много, то не писалось ничего.

После этого мелькали руки осенявших себя крестным знаменем стрелков и толпа медленно расходилась по ротам. В такие дни даже в короткое время приема пищи не слышалось ни смеха, ни солдатских шуток. Всем думалось о другом...

Пройдет много-много лет, и убежденный сединой генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич, Георгиевский кавалер, белоэмигрант, будет в кругу таких же, как и он, изгнанников из Отечества, вспоминать свои первые бои Русско-японской войны:

— Как мы чувствовали себя сперва в Маньчжурии, господа? Ведь памятнее дней можно и не сыскать в некоторых наших послужных списках. Не так ли?

— Николай Николаевич, сказано хорошо. Только теперь у нас не послужные списки, а биографии.

— Не все ли равно для нас, людей военных? Я вот свои самые первые бои помню ясно.

— Как вы там себя вели, мы знаем, Николай Николаевич, по вашим орденам. А вот что вы чувствовали поначалу, было бы интересно услышать.

— Извольте, расскажу.

— Мы все во внимании.

— Скажу сразу, что волнения, боязни — не было. Скорее, превалировало чувство обязанности, чему нас учили и воспитывали в военных училищах, в Николаевской академии Генштаба.

— Конечно, ведь вы были полковым командиром, человеком уже послужившим и немало повидавшим.

— Речь не только обо мне. Видел много раз, что всем хотелось отличиться в первом же бою за Отечество, показать себя храбрцом, быть примером своему солдату.

— Офицерская молодежь во всех войнах остается такой. А как полковник Юденич чувствовал себя рядом с подпоручиками, которым и двадцати еще не было зачастую?

— Могу сказать следующее: мое чувство в первых боях можно оценить одним словом — радость.

— Как радость, Николай Николаевич? Тебя будут убивать, а вы про радость говорите.

— Да, именно радость.

— Почему?

— Потому, что мы с полковыми офицерами из старших чувствовали, что наконец-то дождалось того, к чему полжизни готовились. Ведь царскую армейскую службу мы любили, посвящали ей все наше существо и помыслы.

— А какие еще были чувства?

— Было и чувство любопытства: как это — вести настоящий бой, стрелять в живых людей, хоть и твоих врагов, убивать их?

— А в чем ваши офицеры, бойцы, вы сами в первых боях не сомневались?

— В том, что одолеем японцев в нашем первом бою, победим их — в том сомнений у нас не было...

Война в Маньчжурии шла своим чередом. Были бои, которыми бойцы 18-го стрелкового полка и их командир, Николай Николаевич Юденич, могли гордиться. Таким оказалось славное для них дело под Янсынтунем.

Стрелки после очередного марш-броска назад заняли позицию на окраине этого большого, вымершего на дни боев, китайского селения. Солдаты укрывались в наскоро вырытых неглубоких окопах среди полей еще не убранной чумизы и гаоляна. В ротах не хватало солдатских лопаток, чтобы углубить окопы, соединить их в траншею, не было кирок, заступов. Поэтому приходилось порой ковырять землю штыками и выбрасывать ее голыми руками.

Японская артиллерия, выдвинув батареи к передовой, время от времени совершала огневые налеты на позиции русских. Снаряды, начиненные шимозой, пока рвались с недолетом и потому раненых в полковом лазарете набиралось не много. Наши пушки пока молчали, ожидая начало неприятельской атаки. Артиллеристы старались не показывать неприятелю свое расположение до поры до времени.

Полковой штаб разместился в крайней фанзе Янсынтуня. Солдаты проломили стену из глины, чтобы был прямой выход в поле. В стене наделали бойниц для стрелков: полковник Юденич мог теперь и без помощи бинокля обозреть позиции своих батальонов и рот.

Николай Николаевич ожидал начало сильной атаки. Высланные им ночью вперед усиленные секреты японцы к утру

оттеснили на линию окопов, вышли перед полком на дальность ружейного выстрела и произвели разведку боем, но атакующих сибирские стрелки встретили винтовочными залпами. Японцы не упорствовали и, потеряв два-три десятка человек убитыми и ранеными, сразу же отошли на исходные позиции. Но в бинокль было хорошо видно, что они готовились к новой атаке.

Стрелки «смертельных» потерь не понесли. Но из их окопов неслись возгласы:

— Сол-дат (такой-то туда-то) ра-нен! Са-ни-тар! При-шли но-сил-ки! Кро-вь за-ли-ва-ет...

Из дивизии на рассвете прибыл в сопровождении ординарца-конника начальник штаба полковник Циховский. Он попросил Юденича собрать командиров батальонов и рот. Когда все собрались в укрытии за глиняной стеной, Циховский неожиданно заявил офицерам:

— До сих пор наши неудачи происходили от того, что ни офицеры, ни солдаты не умеют сражаться, недостаточно стойки и часто отступают без приказа. Я этого не допущу и каждому из вас, кого увижу отступающим, пушу пулю в лоб.

А чтобы его слова прозвучали более убедительно, начальник дивизионного штаба добавил:

— На это мне дано право самим главнокомандующим.

Оглядев хмурых от услышанного офицеров, Циховский не без воодушевления продолжил свою «взбадривающую» речь:

— Так же совету и вам поступать с нижними чинами. Кроме того, для успеха дела необходимо, чтобы каждый солдат и унтер-офицер, не говоря уже о вас, господа офицеры, знал свой маневр. Поэтому извольте каждый раз объяснять задачу всем солдатам. Верно, Николай Николаевич?

— Сурово, но верно, господин полковник. К слову могу доложить, что мои стрелки без приказа на то еще ни разу не отступали.

— Зато ваш сосед, 5-й стрелковый, отступал. Как бы ваши солдаты его примеру не последовали.

— Не последуют, вот вам мое слово.

— Карты местности у вас есть?

— Никак нет. Ни одной. Воюем под Янсунтуном, как говорится, вслепую. Так и заблудиться среди гаоляна можно.

— Это как — заблудиться среди гаоляна? Вы же армейский полк.

— Так воюем уже не один месяц: бродим по полям с завявшими глазами, боимся соседа поутру не увидеть.

— Странно. Ни одной на весь полк?

— Ни одной. Даже карты всей Маньчжурии нет.

— У нас этих карт в дивизионном штабе сколько угодно...

В том, что в полку не оказалось ни одной карты, был виновен в первую очередь сам начальник дивизионного штаба. Свою вину перед офицерами полка Циховский постарался загладить словами:

— Николай Николаевич, сейчас же еду в штаб. Распоряжусь о картах немедленно. Без них воевать невозможно.

Действительно, всего через час в Янсунтун прискакал казак-конвонец и привез в полк сразу не один, а тридцать экземпляров карт местности. Их получили все ротные командиры, не говоря уже о старших офицерах стрелковой части. Кто-то даже пошутил:

— Спасибо Циховскому за карты. Наши прислал, а не японские. Читай тогда название этой деревни...

Под вечер артиллерийский огонь неприятельских батарей усилился. Их орудийные расчеты пристрелялись к полковым позициям. Русские пушки стали отвечать врагу.

Юденич видел, что до атаки дело еще не дошло, а полк уже несет потери от осколков снарядов. В полковой лазарет, укрытый в деревне, приблели уже два десятка раненых солдат. На носилках приносили тяжелых. Полковник, бывав на позиции ближайшей роты, приказал рыть окопы глубже.

При посещении одной из окапывавшихся рот, ее командир капитан Миньчиков прямо сказал своему начальнику:

— Чем землю-то солдату грызть? Одна лопатка на все отделение. Кирок в полку ни одной.

— Не возмущайся, капитан. В дивизию уже несколько донесений на сей счет посылал.

— И чего штаб обещает, Николай Николаевич?

— Ответ один — тыл дивизии шанцевого инструмента в запасе не держит. Никакого.

— Как не держит? Так почему в артиллерийском дивизионе, что стоит за деревней, все есть? И лопаты большие, и кирки.

— Значит, там командиры батарей порасторопнее ротных полка. Вот тебе и ответ.

— Николай Николаевич, может быть, ты как командир полка попросишь их поделиться с пехотой шанцевым инструментом? Ведь не они, а мы их прикрываем от японцев с поля.

— Хорошо, Миныхиков. Надо попробовать. Не должны артиллеристы нам в том отказать...

Юденич повернул коня и поскакал в полковой тыл. Разговор с командиром артиллерийского дивизиона получился короток. Подполковник Кременецкий оказался понятлив и сговорчив:

— Много я вам дать не могу. Смотрите — у самих позиции еще не обустроены, еще землю бросать и бросать. Но шестнадцать мотыг к обеду пришлю. С условием, конечно, воротата их в дивизион, это наш штатный инструмент.

— Спасибо за мотыги. Углубим окопы — сразу вернем с благодарностью...

Обед в тот день доставили на ротные позиции только под вечер. Не успели разлить по котелкам сдобренный мясом (была забита раненная снарядным осколком обозная лошадь) солдатский борщ, как выдвинутые вперед дозоры донесли о том, что японская пехота изготавилась к атаке. Юденич приказал дозорным вернуться в стрелковую цепь.

Японцы начали очередную атаку совсем не так, как это делалось русской пехотой, которая шла вперед цепями. Вражеские солдаты поодиночке, по два-три человека пробежали сотню шагов вперед и падали на землю. Было видно, как они лопатками или руками сразу же набрасывали перед собой небольшой холмик вспаханной земли. К передним подбегали еще и еще пехотинцы, и вскоре перед русской позицией залегла уже не одна цепь атакующих.

Так повторялось раз за разом. Под огнем русских стрелков японцы приблизились к ним метров на пятьсот, и только после этого они начали стрельбу. Правда, ее прицельность желала много лучшего. Вражеские пехотинцы стреляли по команде своих офицеров или, как тогда говорили, «пачками».

Вражеские батареи усилили свой огонь, пристрелявшись к окраине Янсынтуня. Штабная фанза давно была разрушена прямым попаданием снаряда, на счастье, в ту минуту Юденича там не оказалось. Пострадало только несколько штабистов да часовой у полкового знамени. Николаю Нико-

вичу откровенно повезло — он наблюдал из пролома с другого места за развитием японской атаки.

Снаряды рвались все чаще. На ружейную стрекотню уже мало кто обращал внимание. В воздухе стоял удушливый запах шимозы. Бой только начинался и обещал быть трудным.

На краю китайской деревни один за другим загорались дома. Жители, прихватив все самое ценное из имущества и подгоняя перед собой скотину, в панике покидали Янсынтунь, ища спасение в зарослях на берегу небольшой речушки, протекавшей на дальнем конце селения.

Чувствуя, что вот-вот японские батареи прекратят огонь и это будет сигналом к атаке для вражеской пехоты, полковник Юденич послал в окопавшиеся роты приказание:

— С поднятием японцев в атаку вести огонь только залпами. Если подойдут шагов на двести — стрелять прицельно. Подойдут на сто — подниматься в штыки. Но преследованию не увлекаться.

Все было, как и предвиделось. Японцы атаквали с завидным упорством с громким «банзай», но штыкового боя не приняли. Юденичу стоило немало труда заставить стрелков возвратиться в свои окопы. Те вернулись после контратаки в окопы возбужденные и с трофеями — десятком японских винтовок с плоскими штыками и еще большим числом патронных сумок, которые хозяева бросили во время поспешного отхода.

Среди трофеев оказалось немало котелков. Один из них специально принесли показать полковому командиру. Тот долго вертел японский солдатский котелок в руках:

— Ничего себе. У японцев котелки из алюминия, легкие. А у нас по старинке — медные.

Окружавшие полковника ротные офицеры добавили не без огорчения:

— Наши медные солдаты только знай что чистят. После каждого дождя особенно. Как будто дел других у них нет...

Взяли и двух пленных — это были легкораненные рядовые. Убежать от преследователей они не смогли и потому, побросав винтовки и патронные сумки, сдались. Допросить их Юденич не мог — переводчиков не было даже в штабе дивизии. А ему хотелось знать, что за неприятельская часть перед ним: кадровые или мобилизованные, армейская пехота или императорская гвардия, о которой он столько слышался.

В тот день 18-й стрелковый полк отразил еще несколько сильных вражеских атак. Были такие, когда передовая, пусть и поредевшая цепь нападающих, подкатывалась почти вплотную к окопам русских. Тогда раздавались команды ротных офицеров:

— Братцы! В штыки! Коли! Гони!

Стрелки «вылетали» из своих окопов и схватывались с подбегающими японцами врукопашную. В ход шли и штыки, и приклады, и кулаки. Каждый раз атакующие откатывались назад. Отбежав с десятков-другой шагов от окопов противника, они падали на землю и быстро ползали назад, опасаясь, что к ним пристреляются из винтовок. Удалившись таким образом метров на сто, японские пехотинцы вскакивали с земли и, низко пригнувшись, убегали в свой тыл — в ближайшую ложину или укрытие.

С наступлением темноты японцы затихли. Высланные вперед секреты вновь стали стеречь подготовку неприятеля к нападению. Но все было тихо: атакующий упорно противник за день просто выдохся. Янсунтунь «прямой» атакой он взять так и не смог, споткнувшись о мужество и стойкость сибирских стрелков.

Уже за полночь солдаты, ругаясь, выскребали ложками из котелков остатки борща, в который попало немало земли и даже осколков. Овсяную кашу ели уже без помех, сухари оставляли про запас, попрятав в карманы шинелей и вещевые мешки, приговаривая при этом:

— Хорошо говорить: будет день — будет и пища. А если в походную кухню завтра шимоза попадет или кашевара ранит шальной пулей?.. Тогда чем кормить будут?.. А солдатский сухарь — он всегда сухарь... Лишь бы не размок в карманах-то. А то опять с махоркой перемешается. Ешь потом не поймешь что...

Засыпали стрелки прямо в окопах, укрывшись шинелями. Некоторые умудрились прикрыть свое «ложе» пучками травы, сорванной за бруствером. С винтовками не расставались, прижимая их к себе, как «родимых».

Бодрствовала в ночи только «секреты» и часовые: им спать не полагалось — можно было накликать большой беды на себя и на спящих товарищей. Так для 18-го стрелкового полка закончился еще один день войны в Маньчжурии.

Уже в темноте, при слабом свете пламени свечного огарка, бережно хранимого вестовым, полковник Юденич напи-

сал донесение в штаб дивизии. Указал, сколько атак отбито, сколько убитых и раненых. Офицеров указал поименно, особо отметил отличившихся командиров и нижних чинов. Закончил донесение пожеланием доставить в полк винтовочных патронов — за день расстреляли чуть ли не половину из имеющихся припасов.

Донесение было отправлено вместе с пленными, которых накормили солдатским обедом — что было для японцев немалым удивлением. Они видели, что среди русских злости к ним никто не питал, фельдшер одного из батальонов даже сделал перевязки. Никто не тронул и их солдатских ранцев с личным имуществом и пакетиками порционного риса.

Под утро из штаба дивизии прискакал казак-конвоец с короткой запиской от полковника Циховского с приказанием оставить занимаемые у Янсунтуня позиции. Куда отступить — не говорилось. Юденич спросил:

— Что нам, только одним отступить? А дивизия как?

— Ваше благородие, штаб дивизии уже грузится на повозки. Полковник Циховский матерится на чем свет стоит. Прямо зверь — лучше к нему не подходи.

— Что известно о порядке отхода полков?

— Вам последним отходить приказано — прикрывать другие полки будете.

— В другие полки, соседям послали приказ об отходе?

— Точно так. По конному казаку в каждый.

— Хорошо, передай начальнику дивизии, что через час отходим от Янсунтуня. Как только отправим в тыл раненых и обоз...

Собранным срочно по команде офицерам Николай Николаевич старался не смотреть в глаза: было обидно, что вновь придется отступить с позиции, которую вчера так стойко обороняли. Да еще солдатским кладбищем в полсотню могил «обустроили».

— Получен приказ из дивизии. Нам велено отступить в ее арьергарде на северо-восток, держась правого берега реки. Все.

Капитаны и поручики, стоявшие полукругом вокруг полкового командира, после сказанного сразу пришли в движение. Со всех сторон понеслось:

— Как отступить? Опять?..

— Разве здесь плохо держимся?..

— Вчера столько атак отбили и на тебе — отходи...

— Как нам своим солдатам в глаза смотреть...

Когда ротные и батальонные немного успокоились и их возбуждение улеглось (они были людьми военными), полковник Юденич выговорился:

— Полученный приказ ни мне, ни вам не отменить. Проследите за отправкой раненых от ваших рот. Японцам из полкового имущества ничего не оставлять. Сухарный запас весь раздать людям. Первой с окопов снимается четвертая рота, последней рота капитана Миньщикова. Приказ ясен?

— Все ясно, господин полковник.

— Тогда расходитесь.

Полковой командир на минуту задержал подле себя Миньщикова. Сказал как можно доверительнее:

— Капитан, будешь отходить от деревни последним — смотри не зевай, если японцы начнут преследовать. Ударами в штыки не увлекайся.

— Слушаюсь, господин полковник. Буду вести себя осмотрительно.

— Просьбы есть?

— Да, Николай Николаевич. Мне бы патронов винтовочных подбросить. У моих стрелков штук по тридцать-сорок осталось.

— Хорошо, пришлю несколько ящиков из полковых запасов. Но много не дам.

— Но мы же арьергард полка до самого вечера.

— Другие роты тоже вчера много поистратили, Миньщиков...

Полк снялся с позиции на рассвете, когда предутренние сумерки еще прикрывали землю. Стрелки отделениями и взводами отходили с линии окопов перебежками, пригнувшись как можно ниже. Японцы со своей линии изредка постреливали из ружей. Дозорные отходили последними, торопясь догнать свои роты.

Юденич верхом на коне по пути сумел побывать в каждой роте. Стрелки угрюмо брели по вспаханной земле, по истоптанной сотнями сапог полевой зелени. Не слышалось ни привычных солдатских шуток, ни даже окриков унтер-офицеров в адрес отстающих.

По всему чувствовалось: тяжело у солдат на душе. Еще горше было самому Николаю Николаевичу. Ему так и хотелось задать какому-нибудь военачальнику из окруже-

ния Куропаткина один-единственный, давно наболевший вопрос:

— Доколь же русская армия в Маньчжурии будет отступать перед японцами? Ведь не сильнее же они нас!..

Но ему явственно слышался ответ вышестоящего собеседника:

— Откуда мне знать, господин полковник. То известно одному главнокомандующему и Всевышнему. Они водят Маньчжурскую армию, а не такие, как я, люди...

Бой за китайскую деревню Янсынтунь станет одной из ратных вершин 18-го стрелкового полка. За проявленную стойкость и примерную для всей Русской армии храбрость полк высочайшим указом государя-императора Николая II был удостоен особого почетного знака отличия, который стрелки — рядовые и унтер-офицеры — носили на головных уборах. На металлическом знаке была выбита надпись:

«За Янсынтунь. Февраль 1905 года».

Сам же полковой командир за умелое ведение боя на Янсынтуньской позиции удостоился высокой воинской награды, особо чтимой в русской армии на протяжении трех столетий. Полковник корпуса офицеров Генерального штаба Николай Николаевич Юденич был награжден золотым оружием — саблей с клинком из златоустовской стали с гравированной золотом надписью «За храбрость». С этим наградным оружием он пройдет через две свои последующие войны — Первую мировую на Кавказе и Гражданскую на северо-западе России.

Награждение полка и его командира состоялось под самый конец Русско-японской войны, после Мукденского сражения. Тогда в полк прибыл командующий Маньчжурской армией генерал от инфантерии Алексей Николаевич Куропаткин, известный тем, что при освобождении Болгарии от турецкого ига он сражался под начальством самого Скобелева, показав при этом в боях личную храбрость и неустрашимость.

18-й стрелковый полк был выстроен у подножия невысокой сопки. На правом фланге застыли знаменщики, подле расположился полковой оркестр. Потянулись минуты томительного ожидания. Махальщики на вершине сопки еще издали заметили группу всадников, которая торопилась в расположение полка:

— Едут! Едут к нам!..

Не заметить свиту Куропаткина во главе с ним на Русско-японской войне, особенно в пути, было просто нельзя. Чуть ли не с первых дней войны за ним всюду возили огромный белый стяг, увенчанный золотым крестом с надписью большими малиновыми буквами: «Командующий Маньчжурской Армией».

Примечательный своей необыкновенностью стяг этот был торжественно поднесен бывшему военному министру Российской империи при его отъезде в Маньчжурию обществом хоругвеносцев.

В действующей русской армии к этому стягу относились по-разному. Находились шутники, которые ради смеха читали надпись на белом полотнище так: «Конная Маньчжурская Армия»...

Заметив среди приближающихся всадников Куропаткина, полковник Юденич скомандовал:

— Полк! Равнение на командующего! Оркестру играть марш!

Куропаткин, приняв рапорт полкового командира, обошел плотный строй стрелков. Остановился перед центром строя, четко высвечиваясь на фоне пасмурного неба своей величавой фигурой. Привычно зычно выкрикнул:

— Здорово, братцы! Спасибо вам за славную службу!

Из замершего полкового строя в ответ раздалось, заглушая звуки бравурного военного марша:

— Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!

Командующему явно понравился бодрый вид стрелков, их подтянутость и дружный ответ на его приветствие.

— Государь император Николай Второй Александрович жалует вам на шапки и фуражки почетный знак с надписью «За Янсынтунь»...

Куропаткину не дали закончить. Из рядов полка раздалось без всякой на то начальственной команды многократное «Ура!». Известие о коллективном награждении всем пришлось по сердцу — гордость за награду была приятна.

Когда общее ликование немного утихло, командующий поднял руку и в наступившей тишине громко и ясно продолжил:

— Государь благодарит своих сибирских стрелков за примерное героísmo. И высочайше повелел наградить за Янсынтунский бой Георгиевскими крестами по два человека с каждой роты полка.

Возгласы «ура» вновь разнеслись по округе. Было чему радоваться — 18-й стрелковый полк получал первые на войну почетнейшие награды — знаки отличия императорского Святого ордена Святого великомученика и победоносца Георгия для нижних чинов.

Список награжденных у полковника Юденича был приготовлен. Из штаба армии о числе награжденных он был оповещен заранее. Полковой адъютант выкрикивал одного за другим наиболее отличившихся в бою под Янсынтунем стрелков:

— Старший унтер-офицер Стрельников!

— Унтер-офицер Соловов!

— Унтер-офицер Русанов!

— Рядовой Новгородцев!

— Рядовой Рыжов!

— Барабанщик Низамаев!..

Стрелки один за другим выходили из строя и подходили к командующему Маньчжурской армией. О четкости шага не было речи — разбитые в походной жизни солдатские сапоги скользили по сырой жухлой траве, по грязи. Но Куропаткин на войне при всей своей строгости подобного не замечал. Он знал, что сегодня награждает подлинных героев 18-го стрелкового полка, которые своей доблестью делали честь русскому оружию.

Командующий прикреплял на грудь, на шинель каждого награжденного серебряный Георгиевский крест низшей, четвертой степени. Каждому говорил похвальное слово, зная, что через час-другой оно будет известно не только в роту, но и во всем полку. Оделив высшей солдатской наградой последнего доблестного стрелка, выкрикнул перед строем:

— Желаю вам получить в боях еще Георгиев! Слава 18-му стрелковому полку русской армии! Ура вам, братцы!

Ответ Куропаткину был еще более дружный, чем при встрече.

— Спасибо вам, братцы-стрелки, за бодрость духа! От моего имени всем вам сегодня выдать по чарке. Праздник должен быть по нашему обычаю праздником. Закусим чем Бог послал. Только после «одарения чаркой» полутора тысяча воинов-стрелков командующий Маньчжурской армией приступил во второй части церемонии чествования. Выступивший вперед на несколько шагов офицер армейского штаба стал зачитывать высочайший рескрипт:

«Мы, Николай II, всероссийский император награждаем командира 18-го стрелкового полка полковника Юденича Николая Николаевича золотым оружием — офицерской саблей с надписью «За храбрость» за дело под Янсынтунем. Награда дается за храбрость, распорядительность в бою и умелое командование полком...»

Генерал от инфантерии Куропаткин после зачтения высочайшего наградного рескрипта протянул награжденному двумя руками золотое оружие. Когда тот принял из его рук саблю, обнял и расцеловал Юденича:

— Ну, Николай Николаевич, хвалю тебя от своего имени. Всем ты удачен на полковом командовании. Видит Господь Бог — быть тебе на войне с Японией генералом...

Командующий в полку задержался еще на час. Побеседовал накоротке с офицерами и стрелками одной из рот, побывал у дымящейся полевой кухни и попробовал солдатской пицци. Похвалил зардевшихся от присутствия высокого гостя кашеваров:

— Хвалю, братцы, за такую гречневую кашу. Молодцы, кашевары. Вот вам от меня каждому по рублю серебряному наградных.

В ответ услышал «бодро-привычное»:

— Рады стараться, ваше благородие...

Вскоре после наградного для 18-го стрелкового полка дня пришел день подлинной печали для русского воинства, сражавшегося на полях Маньчжурии.

20 декабря 1904 года пал до того мужественно сражавшийся Порт-Артур. Известие это, как громом, поразило русскую армию. Столько писалось и говорилось о героизме и стойкости защитников крепости, а тут капитуляция. Но тогда еще никто не знал о предательстве генерала Стесселя, сдавшего японцам Порт-Артур, который мог держаться еще не один месяц.

Падение морской крепости России на Квантунском полуострове меняло многое на идущей войне. Уже через месяц другой это почувствовала на себе и вся куропаткинская армия, особенно ее сибирские стрелки.

Армия генерала Ноги, которая вела осаду русской крепости, стала быстро перебрасываться на поля Маньчжурии. Давление армий маршала Ивао Оямы, главнокомандующего императора-микадо заметно усилилось. Начались ожесточенные сражения по всей линии фронта.

18-й стрелковый полк, который теперь все чаще называли сибирским, оказался в пекле войны. Стрелкам и их командиру полковнику Юденичу вновь довелось отличиться, причем раз в громком деле у Сандепу.

Командование русской армии решило, сдерживая натиск японцев в центре фронтовой линии, контратаковать у селевки Сандепу. 14-я дивизия, только недавно прибывшая в Маньчжурию из России, завязала на подступах к нему тяжелый бой. Ее полки — пехотные 53-й Волынский, 54-й Минский, 55-й Подольский и 56-й Житомирский сразу же понесли большие потери в людях.

Впоследствии Юденич с горечью вспоминал не раз ту виденную им на Русско-японской войне атаку: полки 14-й дивизии шли вперед как на ученье. Шли стройными рядами, насколько позволяло поле, с офицерами до полковых командиров впереди. А оказавшись от окраины Сандепу в тысяче шагов, залегли в поле, даже не окопавшись, под ураганным неприятельским огнем. Атака силами целой дивизии заглохла.

Санитары не успевали выносить раненых с передовой. Артиллерийская подготовка атаки из-за опустившегося на долину густого тумана эффективной не была. Японцы в тот день держали столь важный для них Сандепу.

Тогда и было принято решение усилить 14-ю дивизию, с которой не снималась задача атаки Сандепу, несколькими стрелковыми полками, в том числе 18-м. Стрелки полковника Юденича, переправившись вброд через мелководную, илистую с песчаными отмелями речку Хуньхэ напротив поселения Чжантаня, стали разворачиваться в ротные цепи.

Тем временем полки 14-й дивизии по собственной инициативе в четыре часа дня повели лихую атаку западной окраины Сандепу. Волынцы, минчане, житомирцы и подольцы прыжками к вечеру выбили японцев из окопов и, торжествуя, заняли их. Однако на самом деле они захватили не окраину Сандепу, а расположенные перед ней хорошо укрепленные траншеями и стрелковыми ячейками деревушки Баотайцзы и Сяосуца.

Взяв их с боя, атаковавшие с удивлением увидели в шагах шестистах от себя, за двумя прудами с глинистыми берегами, совершенно нетронутую артиллерийским огнем большую деревню, обнесенную валом, рвом, засеками из сруб-

ленных деревьев, проволочными заграждениями и высокой глиняной стеной. Над селением развевалось несколько белых флагов с красным кругом посередине.

Больше всего поражал вид деревенской стены. В ней виднелись многочисленные бойницы, откуда раздавались винтовочные выстрелы и пулеметные очереди. Начала прицельную пальбу и невидимая вражеская батарея, укрывшаяся среди фанз. Вражеские артиллеристы быстро пристрелялись к брошенным своей же пехотой позициям.

С наступлением сумерек деревни Баотайцзы — Сяосуцза запылали, ярко освещая русских пехотинцев. В довершение всех бед в горящих фанзах стали рваться ящики патронов, брошенные при бегстве японцами. Роты подольцев и житомирцев были вынуждены уйти из горевшей Сяосуцзы. Они скопились за ее стенами, ища убежища от пуль, которые летели в их сторону из Сандепу, превращенного в полевую крепость. Пули крошили деревенскую стену, осыпая укрывшихся за ней людей кирпичными осколками и пылью.

Удостоверившись, что русские оставили горящую Сяосуцзу, неприятель начал атаку со стороны Датая. Но наступавшие батальоны японской пехоты встретили здесь упорное, а потом просто отчаянное сопротивление Минского полка.

Неизвестно, как бы сложился исход неравного для минчан боя, не подоспей от берега Хуньхэ 18-й стрелковый полк с двумя ротами сапер. Им была поставлена задача «укрепить Сандепу для последующей его обороны». Такой приказ свидетельствовал только об одном — корпусное начальство обстановкой под Сандепу никак не владело. В противном случае приказ отдан был бы совсем другой.

Полковник Юденич в наступивших сумерках сумел с трудом разобраться в сложившейся ситуации. При свете горящей деревни он видел, как японская пехота начала сильную атаку. Даже на речном берегу хорошо слышались крики «банзай», ружейная пальба и крики ближнего боя.

Однако полк, сосредоточившись на противоположном берегу Хуньхэ, никакой команды от вышестоящего начальства так и не получил. Напрасно посылались от Юденича вестовые, которые в ночи исчезали безвозвратно.

Расположившаяся рядом со стрелками артиллерийская батарея беспрестанно вела огонь. Ее командир, молодой под-

полковник наблюдал в расставленную на треноге подзорную трубу, куда ложатся снаряды. Он то и дело командовал, отходя от трубы:

— Прицел 103, трубка 110... Огонь!

Батарея гремела. Орудия при выстреле одно за другим откатывали от земляного бруствера, выбрасывая из своих дула огненные языки пламени и пороховой дым. Затем они мигмом подхватывались на руки прислугой, быстро возвращались на прежнее место и вновь заряжались.

Когда прогремело восьмое по счету орудие, послышался громкий доклад командира артиллерийского расчета:

— Кончили!

Командовавший огневым боем подполковник, не отрывая взгляда от подзорной трубы. Убедившись в правильности выстрела, он вновь резко скомандовал:

— Батарея! Пли!

И так раз за разом. Посматривая на незнакомого командира полевой батареи, всецело поглощенного делом, полковник Юденич с завистью думал:

— Он-то воюет. А мне на бой до сих пор никакого приказа ни вперед, ни стоять на месте...

На свой страх и риск Николай Николаевич решил оставить свою позицию на берегу Хуньхэ и помочь ближнему от него полку пехотному Минскому полку отразить вражескую атаку.

Издали при свете горящей деревни было видно, как японцы палили из винтовок по подходившим японским цепям. Вскоре их стрельба залпами превратилась в беспорядочную скорострельную.

Быстро собрав командиров батальонов и рот, Юденич приказал:

— Солдатам оставить вещевые мешки и прочие тяжести на месте. Первому батальону перебежками идти на горящую деревню. Второму с саперами составить второй эшелон атаки. С наступлением полной темноты сторожить японцев с гранат. Вопросы есть?

Вопросов у ротных и батальонных командиров не осталось. Ясно было одно — предстоял нешуточный бой. Юденич добавил:

— Смотрите, в темноте своих не перестреляйте. Увидите своего — сразу окликайте, а не бросайтесь в штыки.

Стрелки помогли минчанам отразить атаку вражеской пехоты. Но когда они попытались выйти на южную окраину

Сандепу, то были встречены таким яростным огнем, что вынужденно залегли и ползком отошли назад. Фанзы и сарай Сяосуцзы продолжали гореть. За крепкой глиняной стеной, которую не пробивала винтовочная пуля, скопились толпы солдат трех наступавших полков, в том числе стрелки 18-го с саперами. Наступила ночь, но перестрелка не утихала.

Днем на месте разрывов японских снарядов вставляли клубы белого или бурого дыма. С наступлением сумерек заменялись они яркими вспышками рвущихся снарядов. Ружейная стрельба слышалась лишь в паузах артиллерийской пальбы.

Юденич приказал выдвинуть вперед боевое охранение и отрядить в передовую цепь лучших стрелков. Те стали прицельно бить из винтовок по вспышкам ружейных выстрелов из бойниц стены Сандепу, начали пристреливаться и к пулеметным гнездам японцев.

Только поздно вечером полки 14-й дивизии несколько разобрались, кто где, и упорядочились. И в 18-м стрелковом полку на сбор рот ушел не один час. Ротное начальство от командира до младших унтер-офицеров срывало голоса, собирая вокруг себя перемешавшихся в ходе ночной атаки солдат.

В это время пришел приказ командира корпуса овладеть «редюитом Сандепу». За полевое укрепление «редюит» принималось сама китайская деревня. В приказе говорилось:

«Проведенную атаку 14-й одобряю, благодарю полки за геройство. Приказываю взять редюит Сандепу. Приду к вам на помощь, но не сейчас. В добрый час, с Богом».

Однако только-только прибывшая в Маньчжурию пехотная дивизия решить поставленную боевую задачу не могла — ее люди не спали уже три ночи подряд. Должной поддержки артиллерии не было, патроны подходили к концу. Бойцы горячей пищи не получали, сухарей им из тыла не подвезли. Люди засыпали прямо под разрывами вражеских снарядов. Ротные санитары выбивались из последних сил.

Командир дивизии устроил совещание с командирами полков, позабыв пригласить на него полковника Юденича, который так удачно помог минчанам отбить вражескую атаку. Было принято решение: не закрепляться на ближних подступах к Сандепу, а отступить от селения.

Отступали небольшими группами, под покровом темноты, чтобы не навлечь на себя в лунной ночи огонь японской батареи. 18-й стрелковый полк, унося раненых и погибших,

пошел к деревне Вандзявопу на берегу Хуньхэ. Сгоревшая деревня Сяосуцзу и погоревшая во многих местах Баотайцзы завращались неприятелю.

Николай Николаевич не мог согласиться с таким решением начальника пехотной дивизии, которой его полк придали на время боя для усиления. Но что было делать? Приходилось подчиняться принятому без его участия решению. В стрелковых ротах больше всего возмущались молодые офицеры из числа подпоручиков и прапорщиков:

— Доколь мы будем так воевать...

— Взять на штыках две деревни, угробить столько людей, а тебе — отдать все японцам...

— Надо вновь пойти на штурм. Посмотрите в глаза солдатам...

Тогда еще не знали, что бесплодная атака на Сандепу силами целой пехотной дивизии обернется следующим образом. Известие о понесенных потерях только усугубит общее удручение отходящих к северу русских войск. Японцы же в свою очередь сочтут этот бой за свою большую победу и будут думать о ней во фронтовых сводках с материка:

«Доблесть воинов императорской армии. Отступающие русские силами многих полков атаковали день и ночь позиции нашей пехоты у селения Сандепу. Но храбрость солдат и офицеров микадо не позволила им ворваться в него. Противники — пехотинцы и сибирские стрелки — понесли большие потери, которым не было равных со времени боев на реке Хуньхэ...»

Полковнику Юденичу, как прошедшему полный курс Николаевской академии Генерального штаба, было ясно одностороннее мнение корпусных командиров генералы Гриппенберг и Штампберг в очередной раз перемудрили. Воевали так, как воевали не воевали никогда. Суворовским духом «Науки победить» в Маньчжурии и не пахло.

Но это было еще ничего. Хуже было то, что, начиная со сводок корпусов Маньчжурской армии, не говоря уже о самом генерале от инфантерии Куропаткине, любая частная инициатива на уровне полков и дивизий не приветствовалась. Это была настоящая трагедия для старшего офицерского состава армии.

Николай Николаевич уже не в одном бою чувствовал себя связанным по рукам и ногам осторожнейшими приказами

свыше. Он не раз с плохо скрываемым возмущением говорил своим коллегам, таким же, как он, полковым командирам:

— Как же можно воевать, если на атаку одним батальоном — не полком я должен испрашивать разрешения даже не у дивизионного, а у корпусного командира...

— Как же я могу поощрить разумную инициативу командира батальона или роты, если мне это непозволительно делать...

Полковник Юденич никак не мог забыть своего донесения в корпусной штаб с просьбой разрешить ему силами одного стрелкового батальона и пулеметной команды ночью атаковать японцев, закрепившихся в деревне Тхоудолуцзы. Он сумел узнать от местных жителей-китайцев, что часть вражеской пехоты оставила деревню и ушла по дороге в сторону железной дороги, — момент для атаки получался самый удобный.

Но из корпусного штаба пришел ответ с категоричным приказом, который полковой командир ожидал получить меньше всего:

«Атаку ночью Тхоудолуцзы не разрешаю. Вы рискуете потерять много людей заблудившимися и отрезанными от своих. Берегите своих людей. Не ввязывайтесь в случайные бои».

Солдат полковник Юденич берег, как только можно было их беречь на большой войне. Но вот с тем, что ему не следовало «ввязываться в случайные бои» с японцами, он согласиться никак не мог. На то и была война, чтобы сражаться с врагом. Тем более что побед больших в Маньчжурии русское оружие пока не видело.

Русские войска вновь отступали. На равнине колыхалось, как море, бессчетное число вооруженных людей, обозов, орудий. Кавалеристы с трудом прокладывали себе дорогу сквозь походный строй пехоты. Дорожная грязь превратилась в липкую жижу, которая облепляла всех и все. При отступлении случалось всякое, учившее не одного полковника Юденича уму-разуму на войне. Эта наука пригодится ему ровно через десять лет на Кавказе.

Однажды в рядах пехотного Нейшлотского, только-только прибывшего в Маньчжурию из России полка, возникло замешательство. Шедшая впереди рота близ насыпи железной дороги неожиданно увидела в кустах нескольких читинских казаков-бурят, кипятивших на костерке чай. Их мон-

гоидные лица и желтые околыши на фуражках ввели еще опытных пехотинцев в заблуждение. Приняв забайкальских казаков за японцев, рота нейшлотцев залегла и открыла по ним беглый огонь из винтовок.

Пули запели над пехотным батальоном, который двигался за спиной залегших в кустах казаков. Батальон остановился и открыл в свою очередь огонь.

И хотя в недоразумении разобрались довольно быстро — один из офицеров бесстрашно вынесся на коне между стрелявшими и замахал руками, итог был печален. Четверо человек были убиты, а еще семнадцать солдат получили пулевые ранения...

Юденичу, как полковому командиру, довелось после Ян-Сянтуня и Сандепу прославиться в Маньчжурской армии еще раз — в проигранном русскими Мукденском сражении в марте 1905 года.

18-му стрелковому полку по воле судьбы суждено было оказаться на острие удара войск генерала Маресуке Ноги, который по приказанию маршала Ивао Оямы в битве под Мукденом совершал фланговый охват армии противника. В случае успеха задуманного русским грозило если не полное окружение, то появление крупных сил японцев у себя за флангом занимаемой фронтовой позиции.

Японский главнокомандующий, благодаря своей разведке, смог установить расположение русских войск перед Мукденом. Их полевая позиция была хорошо укреплена линиями окопов, фортов, которые составляли дугу, прикрывавшую собой девять наведенных мостов через реку Хуньхэ. Укрепленной виделась линия обороны между деревнями Мадяпу и Хоуха. На правобережье линия окопов и редутов тянулась до города Фушунь. То есть в инженерном отношении оборонительная линия виделась хорошо оснащенной.

Русские в ходе сражения могли защититься естественными препятствиями — старой железнодорожной насыпью высотой от трех до пяти сажень, которая тянулась от Мадяпу на пятнадцать верст. Эта насыпь представляла собой отличное укрытие для пехоты. Можно было хорошо держаться за цепь искусственных бугров, которые тянулись почти перпендикулярно насыпи и могли быть за день-два укреплены окопами.

Можно было без особого труда использовать как важный пункт обороны императорские могилы-усыпальницы богды-

ханов Китая правящей маньчжурской династии, расположенные всего в четырех верстах к северо-западу от Мукдена. Обширная роща вековых деревьев окружала старинные каменные кумирни. Однако Куропаткин не решился занять императорские могилы войсками из уважения к религиозным чувствам китайцев.

На сей раз противники не испытывали больших трудностей с коммуникациями, благодаря замерзшему от легких морозов грунту. Главными путями отступления русских войск могли стать железная и так называемая Мандаринская дороги, — по ней когда-то шествовали процессии маньчжурских императоров и катили колесницы их чиновников — мандаринов.

Но как и всякая укрепленная позиция, оборонительная полевая линия русских имела слабые места. Ее можно было обойти на левом фланге по долине реки Ляохэ. Да и к тому же здесь, на русском правом фланге, не имелось уступной укрепленной позиции и поэтому опасность обходного маневра японцев была и реальна, и велика.

Маршал Ивао Ояма расположил свои армии следующим образом. Восточнее всех — на левом берегу реки Тайцзыхэ наступала армия генерала Кавамуры. В центре наступали армии генералов Куроки, Нодзу и Оку. А западнее, на левом фланге, вперед продвигалась армия Ноги, прославившая себя взятием Порт-Артурской крепости, хотя она и понесла там тяжелые потери.

Силы сторон в Мукденском сражении оказались примерно равны. Исход битвы во многом зависел от полководческого искусства двух военных вождей — генерала от инфантерии Куропаткина и маршала Ивао Оямы...

18-й стрелковый полк оказался в числе тех войск, которые расположились на крайнем правом, западном фланге, русской позиции. О том, что именно здесь японская армия нанесет сосредоточенный удар — мало кто догадывался.

Полковник Юденич вместе с командирами батальонов объехал на лошадях отведенные стрелковому полку для обороны несколько верст полей гаоляна. Злак был убран еще осенью, и теперь из промерзшей земли густо торчали острые обрубки жестких стеблей. Батальонные начальники «похваляли» местных крестьян:

— Вот молодцы! Даже стебли гаоляна вывезли в деревни. Обзор получился такой, какой только можно пожелать.

Юденич охладил подчиненных:

— Поля действительно чистые. Тут к нам подползти только можно. А вот сами деревни китайцев — их не свезешь в поля...

Сверив отведенную полку позицию с картой, Николая Николаевича еще раз оглядел картину, которая открывалась перед ним: насколько хватало глаз, простиралась голая равнина убранных полей, густо усеянная множеством китайских деревенок с их неизменными глиняными заборами во круг. Они-то и стесняли обзор местности и возможности артиллерийского обстрела неприятеля, появившись он перед позицией стрелкового полка.

В тылу протекала река Хунхэ и проходила Мандаринская дорога. Река в феврале еще была покрыта крепким льдом, и войска могли везде переходить ее. Но для тяжелых обозных повозок и артиллерийских орудий приходилось делать настилы из досок или толстых связок стеблей гаоляна.

Юденич тронул коня и поехал вдоль позиции. Стрелки всю работу саперными лопатками и кирками, вгрызались в мерзлую землю. Каждый торопился до первых обстрелов вражеской артиллерии устроить себе надежный окоп. Строились укрытия для полковых тылов. Ротные командиры старательно рассчитывали установку пулеметов, чтобы дать им хороший сектор обстрела.

Полковой командир на ходу отдавал распоряжения озачиненным офицерам:

— Сройте вон тот холмик перед пулеметной ячейкой — будет мешать обстрелу крайних фанз деревни...

— Господин поручик, ваш дозор должен быть еще час назад на месте. Поторопите своих людей...

— Нет топлива для кухни? Вырубите кусты в лощине, где ручей протекает, — вот вам и дрова, хоть и худые, но жар дадут...

— Растаскивайте скирды гаоляна на подстилки. Если китайцы будут возмущаться — отправляйте их ко мне...

— Фельдфебеля с солдатами в тыл, получите еще патронов про запас...

Осмотрев позицию, полковник Юденич слез с коня у прищипанной фанзы, занятой под полковой штаб. Денщик из порослужащих поднес Николаю Николаевичу эмалированную кружку с горячим чаем:

— Ваше благородие, чай сегодня с клюковкой.

— Где клюковку-то ты раздобыл в Маньчжурии, служивый? Это же наша, северная ягода.

— Сегодня привезли с обозом из Мукдена. Вместе с чаем сушеная ягода в пачках запечатана...

Чай с клюквенным экстрактом мало чем напоминал настоящий чай. Но Юденич знал истинную цену этому фронтovому напитку, который прочно вошел в быт русской армии. Приказ о строжайшем запрещении пить сырую воду спас в Маньчжурии русскую армию от самого страшного бича всех больших людей прошлых войн — тифа, «черной болезни», которая косила людей лучше, чем пули и снаряды. Поэтому в походных госпиталях впервые раненых оказалось больше, чем тяжелобольных.

Опустошив кружку с кисловатой бурдой, своим видом мало напоминавшей чай, и похвалив напиток, полковник Юденич поговорил с всезнающим денщиком:

— Что доставили с обозом — сухари или муку?

— Опять муку. Наша — ржаная.

— В чем привезли?

— В кулях. Сухая мука, не подмоченная.

— Понятно. Значит, дивизия снова переложила свои заботы на полковых хлебопеков. А дрова где взять? Опять печи класть придется.

— На дрова можно разобрать скотные дворы и свинарники у деревенских. Они дерево сухое в глину вмазывают для крепости. Лучше таких дров нам здесь не сыскать ничего.

— Можно-то можно. Тогда опять придут китайцы в следах, просить будут не разорять их деревню.

— Мы и так не японцы. Те китайцев ни о чем не спрашивают. Сразу рубят головы нечикам — вот и весь сказ им.

— То самураи, а не мы. Нам, православным, так поступать уставом и присягой не велено...

Через двое суток командир 18-го стрелкового доложил в штаб дивизии о том, что его полк обустроил позиции, пополнил запасы провианта и патронов. В донесении Николай Николаевич высказал опасение, что не видит перед собой русской конной разведки.

Из дивизионного штаба успокоительно ответили, что генерал Бильдерлинг готовится послать к реке Ляохэ несколько конно-охотничьих команд для ведения разведки, так что незамеченными японцы на фланге появиться не смогут.

Прочитав успокоительное послание, Николай Николаевич (ему уже не раз приходилось читать нечто подобное) сразу собрал у себя командиров батальонов и рот. Напомнил им о каждом об ожидаемой опасности:

— Смотрите, братцы вы мои, в оба. Японцы только и знают, что теснят нас на север обходными маневрами или их угрозами. Наших конных дозоров впереди нет.

— А где же передовая линия корпусного боевого охранения, господин полковник?

— Ее нет и скорее всего не успеют выставить.

— Секреты и часовых выдвигать далеко от позиции?

— На полверсты, где можно. Сегодня надежда на собственных дозорных, на их зоркий глаз и бдительность. Дай Бог им ее.

Глава третья

ГЕРОЙ МУКДЕНА. ТЯЖКОЕ БРЕМЯ ОТСТУПЛЕНИЯ

Мукденское сражение началось с того, что армии маршала Ивао Оямы начали наступление на восточном своем крыле. Завязались ожесточенные бои, и главнокомандующий Куропаткин под грохот артиллерийской канонады был вынужден перебросить немалую часть своих резервов на опасный участок.

Японскому командованию это и было только надо. Обычно сдержанный маршал Ояма с нескрываемым удовольствием резюмировал действия противной стороны среди своих штабистов:

— С армейскими резервами так вольно поступать нельзя, как это делает господин Куропаткин.

— Почему, ваше светлость?

— Резервы надо беречь до последнего. Для главного часа в сражении, которое только завязывается.

— Но ведь у Куропаткина много опытных генералов!

— Если таковые у него действительно есть, ясно одно — на войне полководец императора России слушает только себя. А это очень опасно.

— Отчего так считает ваша светлость?

— Оттого, что на большой войне даже великий полководец все поле битвы своим оком не охватит.

— А что же ему делать в таком случае?

— Уметь смотреть глазами других и доверять им. Насколько это возможно...

Когда неприятельская разведка установила появление на правом фланге фронта большого числа свежих русских батальонов и артиллерийских батарей, в движение пришла бывшая осадная армия генерала Марисуке Ноги. Она двинулась долиной реки Ляохэ в обход западного фланга противника.

Русские немало удивили японское командование, не удосужившись выслать в речную долину хотя бы одну дозорную казачью сотню или выставить казачьи разведывательные дозоры на близлежащих высотах. Тогда бы скрытное обходное движение многих тысяч людей, пусть с небольшими обозами, но с немалым количеством артиллерийских батарей, не осталось бы незамеченным.

13 февраля маршал Ивао Ояма отдал армии генерала Ноги приказ о наступлении. Ноги начал свой известный в военной истории фланговый обход русских, для которых Мукденское сражение обернулось полным поражением и новым отходом на север.

Вперед был выслан кавалерийский отряд генерала Тамуры: он беспрепятственно перешел через Ляохэ и осторожно двинулся по правому берегу реки на север. Для японцев стало откровением то, что противник с его многочисленной казачьей конницей не берет под Мукденом собственные фланги. Тем более что их действительно можно было легко обойти или охватить.

Три японские пехотные дивизии и резервная бригада с артиллерией наступали тремя колоннами в 25-верстном промежутке между рекой Ляохэ и селением Сыфонгаем. Только 14 февраля ночью русский казачий отряд генерала Грекова, стоявший у деревни Убанюлу, обнаружил авангардные части армии генерала Ноги. Первое известие о том должно было послужить сигналом тревоги для Куропаткина, взгляни он на карту равнины под Мукденом.

Встревоженный донесением дозорных, Греков незамедлительно выслал на разведку несколько сотен казаков-забайкальцев. Те быстро донесли, что японцы идут силами не менее двух пехотных дивизий. Другие вражеские силы, шедшие в арьергарде, пока не просматривались и знать о себе ничем не давали.

Командовавший силами западного крыла мукденской позиции генерал Бильдерлинг решил отвлечь внимание наступающего противника демонстрационными действиями нескольких (!) конно-охотничьих команд. Японцы, разумеется, на такую уловку не попались. К тому же командующий Куропаткин предписал Бильдерлингу следующее:

Отвлекайте внимание генерала Ноги от своего фланга. Действуйте охотничьими командами. В серьезный бой никак не ввязывайтесь.

Прибывший из дивизионного штаба конный нарочный доставил командиру 18-го стрелкового полка записку. Юденич прочитал в ней:

Противник силами больше двух дивизий пехоты наступает по долине Ляохэ. Японцы уже вышли нам во фланг. В случае атаки вашей позиции полку предписывается ее удерживать. Полагаюсь на вашу твердость и храбрость стрелков. Подкрепить резервами не могу.

На дивизионные резервы Николай Николаевич и сам не надеялся. В полку он создал собственный резерв из стрелковой роты и двух пулеметных расчетов. В крайней ситуации в строй можно было поставить несколько десятков обозных, сабопек и иных тыловиков. Винтовки у них были и желание поучаствовать в настоящем деле тоже.

Побывав во втором батальоне, Юденич долго рассматривал вместе с батальонным командиром подполковником Храповицким в бинокль предполье окопов. Насмотревшись, сказал:

— Сергей Алексеевич, видишь ту деревню с одиноким деревом на окраине?

— Вижу, Николай Николаевич. Но на моей карте она никак не отмечена. Просмотрели ее наши картографы.

— Да и немудрено. Съемку местности делали в спешке, а китайские деревни среди полей, как боровики в лесу, похожи друг на друга, особенно издали. Не нравится мне эта деревня.

— Чем, Николай Николаевич?

— Чем? Да тем, что прикрывает собой весь склон холма. А по нему дорога к Ляохэ уходит. Если японцы от нее на нас пойдут, то скорее всего по этой дороге. Лучшего пути среди полей не видать.

— Что прикажете мне, господин полковник?

— Выставь поближе к деревне сторожевой дозор из взвода стрелков с пулеметом. В случае чего они японский разведотряд встретят так, что ему покажется, что напоролся он на основные позиции.

— Будет исполнено, Николай Николаевич.

— Только предупреди взводного, чтоб окопался как положено. А то если японцы конные наскочат — могут и порубить...

Из штаба дивизии пришло еще одно подтверждение, что вскоре неприятель большими силами покажется перед позициями полка. Генерал Марисуке Ноги действовал смело: одной своей походной колонной он решил атаковать стоявших на русском фланге сибирских стрелков, связать их активность боем, а другим трем колоннам приказал продолжать обходной марш.

Японцы действительно появились перед полком Юденича поздно вечером. Действовали они уверенно, словно хорошо знали расположение русской пехоты. Позднее Николай Николаевич на совещании у корпусного командира скажет об этом:

— Вражеских лазутчиков из числа китайцев мои стрелки от местных жителей не отличают. Очень нужны в полках люди, которые вели бы контрразведку.

— Что вы предлагаете, Николай Николаевич? У меня в корпусе прикомандированных жандармов отделение не наберется. Их даже по одному на полк не хватит.

— Есть же у нас бойцы из корпуса Заамурской пограничной стражи. Уж кому, как не им, отличать разбойников-хунгузов от деревенских мужиков Мукденской долины.

— Но у них нет подготовки на сей счет. Они не занимались политическим сыском.

— Для них сыск государственных преступников не важен. Любой унтер-офицер из пограничной стражи в японских лазутчиках разберется не хуже, чем жандарм.

— Хорошо, буду ставить вопрос перед командующим. Донесу о вашем предложении докладной запиской...

Для полковника Юденича выход авангардного батальона вражеской колонны на занимаемые его стрелками позиции стал неожиданностью. Обычно японцы высылали вперед небольшой отряд до взвода, иногда роты, чтобы прощупать огневую завесу русских. А тут на тебе — из-за фанз ближай-

шего селения показались сразу густые цепи неприятельской пехоты.

Выставленные впереди окопов секреты, не принимая боя, уходили к своим. Возвращались в роты и отдельные часоваки, стоявшие на взгорках и сторожившие врага и возможных его лазутчиков прямо перед линией окопов.

Японцы не торопились с атакой, двигаясь короткими переправками. Николаю Николаевичу в бинокль было хорошо видно, как вражеские пехотинцы в черных шинельках с прищипнутыми к ним капюшонами, с ружьями наперевес, соприкасались в три погибели, старались держаться друг от друга подальше. Дистанция еще была далековата, и винтовки и пулеметы русских пока молчали.

Неприятельская пехота приближалась с завидным упорством и настойчивостью. Японцы не останавливались и на землю не ложились. В их рядах уже просматривались офицеры с обнаженными самурайскими мечами. Юденич послал на артиллерийскую батарею, стоявшую у него в тылу, востового:

— Скажи командиру батареи, чтоб выслал разведчиков в окопы. Японцы выходят из-за деревни с одиноким деревом на ее краю.

— Ваше благородие, если спросят, сколько их, то что мне сказать?

— Скажешь, что пока они развернулись силой до батальона в цепи для атаки.

— Есть. Понял.

— Беги, братец. Бой уже начинается.

Подойдя шагов на пятьсот-шестьсот, японцы, как по команде, залегли на поле убранный гаоляна и по привычке стали набрасывать перед собой кучки земли. Через минуту-другую над их головами зашелестели снаряды, которые начали рваться на позициях русских. Поставленные в ближайших деревнях под прикрытие фанз и заборов вражеские батареи повели огонь.

Ответила русская батарея. Теперь над полем боя слышалась только одна артиллерийская канонада, которая поглощала собой все другие звуки.

Артиллерийский обстрел русской позиции стих так же внезапно, как и начался. Впереди, на гаоляновом поле, раздались шумные разноголосые крики «банзай» и японцы несколько-

ми цепями устремились в атаку. Они теперь старались изо всех сил как можно быстрее достичь окопов противника.

Русская пехота встретила подбегающих огнем из винтовок, пулеметными очередями. Второго ружейного залпа не получилось — стрелки начали палить «пачками», затем сбились. Японцы, не упорствуя под сильным огнем русских, отхлынули назад, стараясь унести с собой раненых.

Юденич в бинокль видел, как подполковник Храповицкий поднял в контратаку свой батальон и сам в числе первых побежал вперед по гаоляновому полю. Неприятельские батареи открыли заградительный огонь, и взрыв одной шрапнели раскидал группу русских солдат. В их числе оказался и Храповицкий.

Атаки японцев и контратакующие броски русских продолжались весь день. Полковой командир потерял счет вражеским атакам и, если бы не штабной писарь, который в суматохе боя скрупулезно вел им счет, то было сложно описать тот бой против одной из колонн армии генерала Ноги.

В схватку были втянуты многие полки сибирских стрелков, державшие позиции справа и слева от 18-го. Японцы, как и прежде, атаковали настойчиво, но пристрелявшаяся ко вражескому расположению русская артиллерия не позволила им накапливаться для массированного удара пехотой, кроме одного случая.

Когда противник начал очередную лобовую атаку привычными силами в один-два батальона, неожиданно для сибирских стрелков справа, из широкой ложины, показалась густая цепь японцев, подкреплявшая собой начавшуюся атаку. У полковника Николая Юденича в этом месте оборонялось всего две фланговые роты, которые вряд ли смогли бы удержаться на позиции.

Полковой командир взял резервную роту и лично повел ее на помощь. Однако когда подмога подоспела, цепь японских пехотинцев оказалась уже в сотне шагов от русских окопов. Тогда Юденич сам повел две фланговые роты в штыковую атаку:

— Братцы! В штыки! Коли!

В ответ понеслось громогласное «ура» и яростная брань людей, которые схватывались с врагом в смертельных рукопашных схватках. Вскоре крики «ура» и «банзай» совсем пропали в хриплых криках людской свалки тысячи человек.

Юденичу в той рукопашной схватке удалось лишь расстрелять обойму своего револьвера. Стрелки защитили его от нападений вражеских солдат, которые хотели добыть себе славу, задев штыками русского офицера из старших. Атакующие выдержав некоторое время после начала рукопашной схватки, выдержав ее, стали сперва пятиться, а затем побежали. Для русских офицеров стоило немалого труда вернуть расходящихся солдат назад.

Тот бой закончился несколькими контратаками русской стороны, которые, как правило, заканчивались рукопашной. Артиллерийские наблюдатели, находившиеся в первых рядах сибирских стрелков, корректировали огонь своих батарей, чем немало способствовали общему успеху. Японцев выбили из нескольких деревень, и они отошли в сторону речной долины Ляохэ. Их не преследовали.

Утром следующего дня, когда противник далеко отошел от позиций русских стрелков, полковник Юденич объехал поле боя. В своих окопах он всюду видел радостные лица солдат, слышал их веселую переключку. Удача в бою бодрила всех, и тяжесть бессонной ночи не сказывалась на настроении бойцов: ведь они одержали победу.

Видя возбужденное состояние людей, полковой командир начал дело повторять одни и те же слова:

— Молодцы, братцы. Доблестно отвоевали. Хвалю...

Ужасную картину войны наблюдал Николай Николаевич: дальние и ближние подступы к полковым позициям были покрыты трупами людей. Стонали раненые. В поле снова работали санитары, но не ко всем успевали вовремя.

Юденичу бросился в глаза недавно прибывший к нему совершенноопределяющийся, совсем еще мальчишка, не скрывавший своей мечты стать на войне в Маньчжурии офицером. Теперь он лежал среди жухлых стеблей гаоляна бездыханно, со штыковой раной в груди.

Около него лежал японский солдат, у которого вместо лица была одна сплошная рана от удара прикладом, он был еще жив, когда к нему подошли санитары. Когда те приподняли умирающего, он стал знаками просить их, чтобы его оставили в покое.

Груды перемешавшихся между собой трупов русских и японских пехотинцев были особенно велики рядом с окопами. Здесь шел самый яростный рукопашный бой.

По всему полю, особенно у окраины ближайшей китайской деревни, оставленной жителями, были разбросаны винтовки, патроны, стреляные гильзы, предметы снаряжения и обмундирования, клочки бумаги, местами был рассыпан рис. Юденич повернул коня в сторону своих окопов, подъехал к батальону погибшего подполковника Храповицкого и спросил первого попавшегося унтер-офицера:

— Кто у вас из офицеров за старшего сейчас?

— Поручик Осипов, ваше благородие.

— Где он?

— Во второй роте, с солдатами говорит.

Полковник подъехал к группе толпившихся вокруг офицера солдат. При виде Юденича кто-то скомандовал:

— Смирно!

Николай Николаевич слез с лошади и обнял поручика:

— Спасибо тебе, Осипов, за службу. За то, что взял на себя команду батальоном, когда вашего Храповицкого не стало.

Поручик смолчал в ответ, лишь опустил голову. Подполковник Храповицкий был для него больше, чем старший начальник. Они сдружились еще до боев у Янсынтуня, и Николай Николаевич об этом знал. Юденич обратился к притихшим солдатам, стоявшим вокруг в перепачканных, изодранных штыками шинелях.

— Ну что, мои герои, как бой у вас прошел? Расскажите, как японца отбили вчера и ночью?

Солдаты оживились и начали наперебой рассказывать полковому командиру о том, что было, что они чувствовали:

— Когда ротный упал, он сумел перед тем сказать мне: «Василич, ты фельдфебель, командуй теперь ротой за меня».

— Стрелок Петровичев был ранен двумя пулями, а до деревни все же добежал.

— Как начали они кричать «банзай», а мы их совсем не испугались.

— В деревню мы ворвались на штыках, когда ночь на землю сошла — в десяти шагах ничего не видно было.

— До японских окопчиков мы добежали, только ругались страшно. Крикнули «ура», когда с японцами схватились на штыках.

— В крайнюю фанзу их много забежало. Мы за ними туда и всех в избе перекололи.

— Покончили с ними и побежали дальше, без всякой команды...

— Выслушав возбужденные, сбивчивые рассказы солдат, Юденич спросил поручика Осипова:

— Сколько у тебя в ротах людей осталось?

— Мало. Человек по восемьдесят на роту. Может, еще что-то соберется. Легкораненные из лазарета после перевязки вернутся.

— Разберись со заводами. Где офицеров нет — ставь временно унтер-офицеров, фельдфебелей. Солдатам прикажи, чтоб подправили окопы: смотри, во многих местах бруствера обвалились во время боя. Через час кашевары полк накормят, а пока раздай бойцам сухари — хлеба сегодня не будет. Запас есть?

— Есть, Николай Николаевич. Несколько кулей, прямо перед боем получили...

Бой на долю 18-го стрелкового полка выпал не из легких: хвалиться легкой победой не приходилось. После войны Николаевичу придется столкнуться с описанием тех событий, когда к нему в руки попала книга Бардини «Японский Мукден». Ее автор писал о столкновении японской пехоты с сибирскими стрелками:

«Когда положение левофлангового полка, действовавшего против Юхунтуня, сделалось отчаянным, — полк понес страшные потери, патроны вышли, часть ружей испортилась, — то командир полка, полковник Текаучи суровым голосом кричит всего два слова «до смерти». Наконец он принимает отчаянное решение и хочет броситься на врага, чтобы покончить чем-нибудь. Он требует к себе следующего по старшинству офицера, майора Окоши, и говорит ему:

— Я решил сегодня вечером атаковать, и все мы, наверное, погибнем. Возьмите поэтому полковое знамя и спрячьте его, а бригадному командиру расскажите о случившемся.

Майор просит освободить его от этого поручения и позволить принять участие в атаке, но полковник приказывает и приходится слушаться. Окруженный шестью солдатами, он выходит из деревни. Знамя завернуто в полотнище палатки, чтобы не привлечь внимание противника, его несут не отчаянно, а тащат за веревку, прикрепленную к вызолоченному штыку хризантемы.

Когда эта кучка вышла в поле, то вокруг них со всех сторон засвистели пули и солдаты начали падать один за другим. Наконец, последний солдат ранен в живот, а майор Окоши — в правую руку и тяжело в грудь. Ползком добираются они до покинутой деревушки, и майор, взяв обещание с солдата, что он отнесет знамя и письмо, передает ему их. В письме, написанном карандашом левою рукою, значится следующее:

«Мое завещание.

Если я покинул поле сражения в такой момент, то это произошло по категорическому приказанию моего командира полка, поручившего мне доложить о ходе дела. Я знал, с какими опасностями связано достижение главной квартиры, но я не смел забыть опасного положения командира полка, солдат и товарищей и решился, выполнив поручение и обсудив средства для выручки, вернуться к ним, чтобы разделить их участь. Я глубоко сожалею, что не оказался в состоянии выполнить поручение, будучи ранен.

Поэтому я решился лишиться себя жизни, чтобы присоединиться к командиру полка и моим товарищам на том свете. Но я ранен в правую руку и не могу держать сабли, а поэтому лишаю себя жизни при помощи револьвера и прошу извинить меня за это. Позвольте мне поблагодарить вас за вашу дружбу в течение стольких лет и подумать о вас в это мгновение. Желаю вам славной победы.

Я чувствую большую слабость и лишь с трудом держу карандаш, поэтому я ограничиваюсь указанием на отчаянное положение нашего полка. 22-го февраля в 6 с половиной часов вечера под артиллерийским огнем в небольшой неизвестной деревушке, южнее Ликампу.

Майор Окоши. Генерал-майору Намбу Дено».

Передав это письмо солдату, майор Окоши прострелил себе голову. Час спустя ползком прибывает в штаб почти умирающий солдат; на спине у него привязано знамя полка, а в фуражке письмо. Так исполнил он свое поручение».

Для Юденича не было большим откровением поведение японских солдат и офицеров-самураев на войне с Россией. Когда книга Барцини обсуждалась в офицерском кругу, Николай Николаевич сказал:

— В каждой армии есть герои. Чем хуже, например, наш 36-й стрелковый полк, отличившийся в бою за Путиловскую сопку? А доблесть генерал-майора Путилова? А ротный ко-

мандир 18-го стрелкового Восточно-Сибирского полка капитан Зазуля, бойцы которого захватили у японцев батарею тяжелых орудий?

Петерпев поражение в сражении под Мукденом, но не позволил армиям маршала Ивао Оямы окружить себя, русская армия отступила еще дальше, севернее. Полк Юденича вновь пришел в походное движение, заранее отправив раненых в тыл, к железной дороге. Там раненых приняли санитарные поезда, курсировавшие от фронта к Харбину, столице Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД).

По обочинам дороги, по которым проходили войска, встречалось немало китайцев бежавших из своих деревень. Николая Николаевича удивляло то, что он не видел у беженцев «ходей» ни одного злобного взгляда на невольных виновников своего разорения.

Поражал нищенский вид беженцев. Все, что можно было захватить с собою из домашнего скарба, было уложено китайцами в корзины. Их мужчины и женщины тащили на себе на прямых коромыслах.

По пути из Мукдена часто попадались брошенные людские селения. Они были совершенно пусты. Среди домов иногда бродили солдаты в поисках какого-нибудь фуража для лошадей и любого дерева на топливо для костров и полевых кухонь. Таково было лицо войны.

В деревнях своих солдат полковник Юденич старался не останавливать: он боялся, что люди подхватят там какую-нибудь заразу. В фанзах могла найтись и китайская ханшинная водка, а пьяный человек с ружьем мог наделать бед.

На ночлег располагались, как правило, у окраин селений, вблизи колодцев. Воду из них долго кипятили, не жалея чая для заварки. Солдаты, закутавшись в долгополые шинели, высыпали у костров на подстилках из стеблей гаоляна или на расстеленных прямо на мерзлой земле полотнищах палаток.

У нежарких по причине скудности топлива костров велись разговоры. Николай Николаевич любил слушать их, незаметно подсаживаясь к кружку нижних чинов:

— Добежали мы с Васькой до окопа. Смотрим — а в нем японец, побитый, лежит вниз лицом. А ружье-то аккуратненько приставлено к стенке окопа. Хотел побежать дальше, а Васька говорит: а ну-ка попробую пощупать этого покойника штыком.

— Ну и что, пощупал?

— Как ткнул японца штыком, тот и заерзал в окопе. А мой Васька кричит: «Смотри, живой тут, притулился только под покойника».

— Значит, пленного вдвоем взяли?

— Значит, так. Он руки поднял вверх и кричит нам понятливо так: «Свои, русь, русь». Ну повели мы его к ротному нашему, а от него мне доверили весть в полк.

— Каков тебе японец-то показался?

— Ничего человек. По пути угостил какими-то сухими кружочками. Попробовал на вкус, а это грибы сушеные оказались. И откуда берут их японцы такие — мелкие, что твоя горошина.

— Солдаты японцы — как солдаты. Только зябкие они какие-то — даже китайского мороза не выдерживают. А если к нам на Вологодчину зимой попадут, тогда что делать будут? А?

— Да, наш брат в такие холода в рубахе по деревне ходит. А японец шинелюшку свою с башлыком на себя напялит и дрожит, словно лист осиновый. Диво бы со страху, а то нет — от ветру.

— И мой пленный таков. Видит, щуроглазый, что мы с ним по-божески и понимает, значит, что у него все будет в лучшем виде, а с чего дрожит осиновым листом, понять совсем невозможно.

Молчавший до сего при солдатском разговоре унтер-офицер, державший над огнем котелок с водой, которая все никак не закипала, наконец вставил:

— Мороза боится, но хитрого тут нет. Будем говорить — что он ест, этот японец, и с чево в ем теплота может быть? Рис один и то по два аль три зернышка палочкой в рот себе пихает. С чево в ем и теплу быть, и не дрожать от холоду?

Прислушиваясь к разговорам стрелков, Юденич старался понять не только душу русского солдата, но и суть войны, которая шла не где-нибудь в России, а в далекой Маньчжурии. Ведь человек, надевший солдатскую шинель и взявший в руки винтовку, должен же за что-то сражаться и погибать...

При отходе от Мукдена 18-й стрелковый полк оказался в дивизии арьергардным. Когда из штаб-квартиры генерала Куропаткина пришел приказ остановиться на новой позиции, полк оказался в первой линии обороны, которая для

японцев легла прямо перед стеной брошенной деревни Та-мукден.

Началась привычная работа по рытью траншей. Стрелки вырыли мерзлую землю, накидывая перед траншеей земляной вал. Рыли землянки, в которых должно было быть тепло — вырыли два десятка небольших чугунных печурок, и тыловики дивизии обещали прислать еще. В деревенской стене, сложенной из глиняных необожженных кирпичей, проделали бойницы. Люди получили башлыки к шинелям и теперь ходили укутанные в них головы.

Когда Николай Николаевич увидел своих бойцов в такой теплой униформе, то ему сразу вспомнились поразительные своей жизненной правдой картины художника Василия Верещагина. Их он видел на живописной выставке в Москве, когда с семьей пребывал в ней в отпуске. На верещагинских полотнах русские солдаты стояли на Шипкинском перевале тоже укутанные в башлыки.

Теперь оставалось ждать появления японцев. Они не топились догонять отходившую от Мукдена русскую армию и надежде на то, что она отступит как можно дальше на север к Харбину.

Неприятель появился перед деревней в сумерках и после большого артиллерийского обстрела предпринял одну за другой две атаки большими силами пехоты. Успеха они не имели, японцы отступили, но далеко не ушли. Можно было видеть, как они скапливаются в ближайших лощинах, выставляя дозорных.

Полковник Юденич наблюдал за боем со своего командного пункта, расположившегося за невысокой кирпичной стеной, перед которой шла траншея одной из стрелковых рот. Специально для полкового командира солдаты пробили бойницу пошире.

Заметив, что японцы далеко не отступили после бесплодных атак, Юденич собрал старших офицеров.

— Надо ждать какой-то пакости: отступили вечером недалеко, чтобы быстрее появиться перед деревней. Выставите траншею побольше часовых.

— Уже выставлены, по два бойца с полного отделения.

— Сами проверяйте их, чтоб не спали от холода. Дежурных ставьте тоже по двое...

Утром, когда уже совсем рассвело, полковой командир стал приводить позицию стрелков вдоль деревенской стенки. остано-

вился около двух часовых, которые, держа винтовку наизготовку, пристально всматривались в бойницу. Юденич спросил:

— Что там, бойцы, у вас?

— Ваше благородие, — шепотом доложил один из них, — японец ползет к нам.

— Сейчас посмотрим, кто там ползет...

Юденич стал всматриваться в слегка припорошенное поле перед собой и заметил, как одинокий японский пехотинец подполз к русским окопам, умело пользуясь бороздой между двумя грядками скошенного гаоляна. Устроившись там в небольшой ямке, он теперь, как крот, рыл землю руками и лопаткой, создавая перед собой укрытие.

Этот прием японцев на войне был давно всем хорошо известен. Обычно несколько смельчаков, пользуясь сумерками, подползали как можно ближе к русским окопам и незаметно вырывали неглубокие ямки-окопчики. За первыми подползала следующая партия пехотинцев, продолжая работу по созданию линии окопчиков. И часто к утру перед изумленными глазами русских вырастала довольно значительная позиция, обозначенная невысоким земляным бруствером.

Подпускать японцев к своим окопам было крайне опасно по одной причине: неприятельская пехота с самого начала войны была вооружена ручными гранатами. Русские же получили в полки ручные гранаты только в самом конце войны. До этого ими пользовались только команды охотников, а в пехотных ротах такое грозное оружие являлось редкостью.

Юденичу появление первого «ползуна» не понравилась. Он приказал часовым:

— А ну-ка, братцы, снимите пулей этого японца. А то за ним другие ползти начнут.

— Есть, ваше высокоблагородие. Сейчас стрельнем по «ползуну».

Один из солдат выставил винтовку из бойницы, прицелился и выстрелил. Пуля дала перелет и подняла столбик пыли в десятке шагов за японцем. Тот прекратил копать, вжался в землю и притих, сделавшись почти незаметным.

Выстрел наделал в поле небольшой переполах. Было видно, как несколько японских пехотинцев, незамеченные до того, извиваясь в бороздах, как змеи, стали спешно отползать назад. Теперь палили из бойниц уже винтовки целого взвода стрелков.

Появление «ползунов» обычно было предвестником неприятельской атаки. Юденич не ошибся, когда приказал роту готовиться к ее отражению.

Действительно, не прошло и часа, как из неглубокой лощины перед деревней показалась идущая на выручку «ползунам» редкая цепь японской пехоты. По ней было дано несколько ружейных залпов, и неприятель, не упорствуя, пошел и скрылся в лощине.

Когда стемнело, в фанзе, «отделанной» под полковой фанзы, на чай к командиру собрались офицеры. Завязался разговор про сегодняшнюю войну. За чаем Юденич спросил офицеров:

— А что, господа офицеры, умеют ли японцы хитрить на войне? Чем же они нашего брата берут?

— Ответил командир шестой, поручик Алексеев, приняв за роту после Мукдена:

— Конечно, умеют, Николай Николаевич. Да еще как умеют. У меня был в роте такой случай.

— Расскажи, Юрий Александрович, пусть другие послушают.

— Представьте себе, до чего доходит изобретательность наших мошеников. Повели они однажды атаку на мою роту и хотели подойти совсем близко. Мы нарочно подпустили их, чтобы снять как можно больше залпами. Пошли они перебежками — каждого отлично видно. Вдруг слышим: у них гранаты затрещали. Что такое? Пулеметов не видно, пули не свистят, а треск слышен отлично. Отбили их залпами, а потом поползли за документами и трофеями охотники. И что вы думаете, принесли с собой ручные трещотки! Знаете, так же и у наших сторожей бывают?

— Сидевшие засмеялись. Кто-то из офицеров заметил:

— Хитро придумано. Вреда, конечно, никакого, а на нервного солдата действует. Особенно, если атакуют ночью...

После чая Юденич вышел из фанзы на свежий воздух. Заметив у двери часовой отдал ему честь ружьем. На горизонте с запада и юга в спустившейся ночной мгле запылали огни неприятельских костров, отсвечиваясь на небе ярким заревом. Было заметно по огням, что японцы на этот раз заняли едва ли не все впереди лежащие китайские деревни. Полковой командир, словно говоря сам с собой, сказал часовому:

— Видишь, сколько их подошло. Завтра опять будет бой.
— Ничего, ваше благородие, отобьем, как было ноне. Патронов две двуколки из дивизии подвезли.
— Как настроение у стрелков?
— Ничего, ночуют в окопах.
— Значит, завтра опять боя ждут?
— Ждут. До того надоело все время отступать да отступать...

Откуда-то из-за позиции 18-го стрелкового полка, нарушая ночную тишину, донеслась батюшкина молитва:

— Спаси Господи люди Твоя...

Утром полк Юденича должны были сменить другим полком, не участвовавшим в боях последних дней. Вновь был отдан приказ Куропаткина об отходе на новые позиции. Но 18-й стрелковый полк сняться с места не успел — под самое утро его атаковали японцы, да так, что отходить от Тачиндауза можно было только под прицельным вражеским огнем и с большими потерями.

Николай Николаевич словно предчувствовал неладное, приказав выставить в ротах усиленные дозоры, а пулеметным расчетам на ночь не покидать свои ячейки. Японцы атаковали в предрассветной темноте отчаянно и яростно, без привычной артиллерийской подготовки.

Часовые не проспали врага, вовремя заметив пригнувшихся к земле людей, которые цепями подкатывались к деревне. Японцев встретили ружейными залпами, потом пошла одиночная стрельба. Поняв, что внезапное нападение не получится, и забросать русских ручными гранатами не удастся, неприятель отошел назад. Серая пелена мелкого дождя скрыла его отход.

Тут-то на позициях стрелков началось что-то невообразимое: за всю войну в Маньчжурии полковник Юденич не видел такого мощного огневого налета. По Тачиндаузу повели огонь сразу несколько вражеских батарей. Палили с двух сторон. Николай Николаевич подозвал вестового и приказал:

— Беги на нашу батарею, что за той сопкой. Спроси, почему они не стреляют. Японцы вот-вот пойдут в атаку.

Вестовой вернулся быстро:

— Ваше благородие, батарейцы уже ушли с позиции — там никого нет. Только брошенная обозная арба стоит.

— Черт знает что! Ушли по приказу, это ясно, но надо же было с тем и пехоту предупредить. Нехорошо получилось... В окопах затрещали ружейные выстрелы. Полковник послал к смотровой бойнице. Японцы вновь накатывались на позиции, их пехотные взводы шли редкими цепями, то падая на землю, то вновь вскакивая, и так раз за разом.

Когда передняя цепь подбежала шагов на сто к окопам, стрелки поднялись в рукопашную. Японцы, не принимая ни о какой бой, отступили. Их батареи вновь повели обстрел русской позиции.

Теперь уже бежали с поля боя русские, спеша как можно скорее укрыться от разрывов шрапнели и «шимозы» в спальных окопах за крепкой деревенской стенкой.

Юденич увидел, как откуда-то сбоку на поле вынеслась артиллерийская двуколка. Полковник узнал ездового — это был санитар одной из рот Петр Шевченко. Вдруг раздался треск от сильного взрыва, совсем рядом с двуколкой поднялся клуб бурого дыма и ездовой, неестественно взмахнув руками, упал на землю. Лошади повернули к деревне.

Бесстрашного санитаря надо было самого вытаскивать с поля боя. Полковник приказал:

— Пусть кликнут охотников, чтобы вытащили храбреца с поля. Может быть, он жив, только ранен?

Санитаря притащили в окопы ползком только к обеду. Охотникам сильно мешал артиллерийский огонь, и один из них получил ранение осколком. Николай Николаевич нагнал минуту, чтобы переговорить с ротным санитаром, когда его несли на носилках в полковой лазарет:

— Куда ранен, братец?

— По левому боку ударило. А куда — разобрать сам не могу, кажись, ниже плеча пришлось. Сам себя перевязать там, в окопе, не смог, как ни старался..

— Ничего, Шевченко, будешь жить. Ты у нас сегодня герой. Несите его, да смотрите — осторожно.

Только глубокой ночью 18-й стрелковый полк смог беспрепятственно оставить занимаемую деревню. Стрелковые роты отходили по дороге мимо братской могилы, в которой были похоронены убитые последних дней. Солдаты и офицеры, проходя мимо, молча крестились и шли дальше, не оборачиваясь на темневшую позади Тачиндаузу...

Русская армия оставила город Мукден. Там горели большие склады с военным имуществом, которое нельзя было вы-

вести. Японцы, ободренные успехом, попытались перерезать железную дорогу и подошли к ней версты на две. Об этом доложили главнокомандующему Куропаткину, и тот, встревоженный, приказал отразить «покушение» неприятеля:

— Японцев отбить любой ценой. Если они оседлают железную дорогу, то часть наших войск окажется в их полукольце...

Вышедший японцам навстречу пехотный полк отбил у них охоту дальнейшего продвижения. А несколько русских батарей, развернувшись прямо у полевой дороги, дали несколько метких залпов по неприятелю, заставив его отойти подальше.

Войска уходили на север по дорогам, протоптанным людьми и лошадьми в бесконечных полях. Сильный ветер нес пыль и песок. Солдаты большей частью шли молча, с угрюмым выражением лиц, только обозные и артиллерийские извозные надрывали голос, подгоняя уставших лошадей.

Ночь 18-й стрелковый полк провел в деревне Цуэртуне, находившейся в верстах двадцати пяти от оставленного Мукдена. В десять часов утра японская артиллерия произвела огневой налет на селение, когда из него выходили последние роты стрелков.

Юденич, сидя верхом на коне, с болью обзирал общую картину отступления. Полк его отходил по Мандаринской дороге, соблюдая по возможности порядок в своих рядах. Стрелки-сибиряки в этом выгодно отличались от прочей маньчжурской пехоты. Их полковой командир получил от старших начальников за время отхода от Мукдена не одно благодарственное слово.

И все же картина отступления смотрелась безрадостно.

В потоке виднелись лазаретные линейки, телеги, груженные разным хламом, неуклюжие китайские арбы. До часу дня движение шло довольно благополучно, если не считать того, что на обочинах Мандаринской дороги все больше оставалось обозных повозок с поломанными колесами. Стали попадаться и павшие лошади.

Юденич чувствовал, что в этой массе отступавших войск и обозов назревает какое-то напряжение. Он знал, что в такой ситуации может легко возникнуть паническая ситуация — и тогда только держись. И, как оказалось, в том он не ошибся.

Наступил полдень. Медленно бредущие по дороге солдаты начали грызть сухари, которые до поры до времени таились в заплечных мешках «сидорах». Вдруг впереди кто-то громко выкрикнул:

— Японская кавалерия! Берегись!..

И сразу же в рядах отступающей колонны началась паника. Командир 18-го полка отдал было одной из рот приказ развернуться в цепь, чтобы встретить неприятельскую кавалерию ружейными залпами. Но паника улеглась так же быстро, как и возникла. Никакой японской конницы на горизонте так и не показалось. Отправленная сотня уральских казаков никого не нашла за десяток верст от Мандаринской дороги.

Дисциплина в русской Маньчжурской армии падала на глазах. По дороге полковник Юденич встретил небольшую группу нижних чинов, шедших без старшего унтер-офицера. Николай Николаевич, может, и не обратил бы внимания на бредущих самих по себе солдат, но его поразило то, что часть из них была без винтовок. Он подъехал и спросил со всей начальственной строгостью:

— Кто такие? Куда идете?

Один из солдат с усталым спокойствием ответил:

— Самарские мы, а идем домой в Самарскую губернию.

— А винтовки у вас где, патронташи? Вы же солдаты!

— Остались в какой-то деревне. Бежать пришлось из нее, когда японцы из пушек по ней стрелять стали. Там и отбили от своего полка, не сыскали его по сей день...

Чтобы изловить таких бегунов, в прифронтовых маньчжурских городах Тилине, Чантуфу, Сыпингае, Гунчжулине и Харбине, на узловых станциях железной дороги были выставлены кордоны с чинами военной жандармерии.

Остановка дезертиров не всегда была бесконфликтной. На Тилинской железнодорожной станции произошел случай, когда офицер хотел было остановить группу вооруженных солдат, садившихся в вагон поезда, уходящего в Читу. Нижние чины приняли его в штыки. Солдат пришлось разоружить и посадить на гарнизонную гауптвахту для расследования случившегося.

Юденич, хорошо знавший обо всем этом из документов армейского штаба, которые приходили к нему для ознакомления, мог доложить любому начальству, что его 18-й стрел-

ковый полк ничего подобного не знал. Воинской части была до самого конца войны присуща организованность, хотя дисциплина поддерживалась с большим трудом.

Потом последовали события, которые оставили долго незаживающий рубец в самосознании русской армии. И не только той, которая воевала на полях Маньчжурии.

Император Николай II наконец-то решил сменить на посту главнокомандующего, у которого теперь в подчинении находились три Маньчжурские армии, генерала от инфантерии Куропаткина. Его бездарность стала притчей во языцех. Новым главнокомандующим стал генерал от инфантерии Н. П. Линевич, прекрасно знающий Дальний Восток, которому он отдал многие годы своей жизни. Но Линевичу от Куропаткина достались расстроенные войска.

Николай II не «оставил» своего бывшего военного министра в беде. Сразу же после войны Куропаткин был назначен членом Государственного совета. Он поселился в своем родовом имении в Псковской губернии, где один из самых неудачливых полководцев России занялся литературным трудом. Там он написал четырехтомный труд о Русско-японской войне.

Как гром среди ясного неба, пришло известие о страшном Цусимском поражении. К тому времени активные боевые действия в Маньчжурии сторонами почти не велись: и русские, и японцы жили ожиданием каких-то важных событий на море — всем было известно, что из Балтики в Японское море идет броненосный флот России, чтобы переломить в свою пользу войну.

Известие о Цусимском разгроме пришло в 18-й стрелковый полк с официальным уведомлением из дивизионного штаба. Скрыть это от нижних чинов было просто невозможно. Свое искреннее возмущение позором и трагизмом случившегося полковые офицеры выразили перед Юденичем, собравшись в его палатке:

— Что же делал Рождественский?

— Как так случилось, что отряд Небогатова спустил перед японцами Андреевские флаги?

— Почему наши моряки в Порт-Артуре дрались героически, а при Цусиме нет?

— Неужели на эскадре Рождественского не знали о подвигах «Варяга» и «Корейца», миноносца «Стерегущего»?

Да, такого в истории русского флота еще не случалось...

Юденич очень хотел разделить со всеми офицерами негодование по поводу поражения 2-й Тихоокеанской эскадры в Цусимском морском сражении. Но он понимал, что командир полка не должен «митинговать» вместе с другими. Его долг — «держаться» полк в своих руках. Поэтому, когда все было сказано, выговорились, сказал твердо:

— Господа офицеры, товарищи мои. Поражение флота на море еще не означает поражения армии на суше. Война России с Японией на Дальнем Востоке пока не проиграна. — Полковник посмотрел на сумрачные лица полковых офицеров, с большинством из которых он служил еще в Виленском военном округе. Помолчав, он добавил: — Идите к своим солдатам и в эту горестную для всех нас минуту будьте рядом с ними...

Войска нового главнокомандующего Линевича к лету получили значительные пополнения. Теперь русские Маньчжурские армии мало в чем уступали японским маршалам и генералам Оямы. Но по всему было видно, что война на Дальнем Востоке завершалась и теперь действовать больше приходило дипломатам.

На полях и сопках Маньчжурии Николай Николаевич получил признание своих способностей военачальника. Его авторитет в действующих войсках, как умелого и твердого полкового командира, был общеизвестен. 18-й стрелковый полк имел репутацию действительно боевого: прежде всего за дела под Янсынтунем и в Мукденском сражении.

Русский военный историк-белоэмигрант Антон Антонович Керсновский в своей четырехтомной «Истории русской армии», описывая Мукденское сражение, с большим уважением называет фамилии трех полковых командиров, оставивших себе в февральские дни 1905 года блестящую репутацию. Это командир 18-го стрелкового полка — полковник Юденич Николай Николаевич, 1-го Сибирского — полковник Леш Леонид Вильгельмович и 24-го Сибирского — полковник Лечицкий Платон Алексеевич.

В годы Первой мировой войны все трое станут генералами от инфантерии, то есть полными генералами и Георгиевскими кавалерами. Леш будет командовать 3-й армией, воевав-

шей на Юго-Западном фронте, Лечицкий — 9-й армией на том же фронте.

В этом коротком списке Керсновского показательно следующее: Николай Николаевич Юденич назван первым. Такое «распределение» мест еще никем из военных историков не оспаривалось.

В июне 1905 года Юденич назначается командиром 2-й бригады 5-й стрелковой дивизии. Генеральские погонны не заставили себя долго ждать — производство в генерал-майоры происходит быстро: на то она и война. В далеком от Дальнего Востока Санкт-Петербурге смогли по достоинству оценить заслуги полкового командира, уже девятый год ходившего в звании полковника.

Но как ни странно, боевыми наградами Николая Николаевича высшее армейское командование не очень-то баловало. И это при том, что обладатель золотого оружия не раз демонстрировал на поле брани искусство управления батальонами и полками. Но ордена все же были, хотя Святого великомученика и Победоносца Георгия среди них так и не оказалось.

За Русско-японскую войну будущий главнокомандующий Кавказским фронтом Первой мировой войны имел всего два боевых ордена — Святого Владимира 3-й степени с мечами и Святого Станислава 1-й степени тоже с мечами. Таки наградами на войне мог гордиться любой офицер русской армии. Но Георгиевским кавалером Юденич в Маньчжурии все же не стал, хотя это и было его заветной мечтой.

Однако участие в войне с Японией обернулось для Николая Николаевича еще и боевыми ранениями. Особенно тяжелым оказалось последнее из них, плохо залеченное...

Когда русские армии остановились на Сыпингайской позиции, началась глухая позиционная война: для Маньчжурии это было нечто новое. Полки и дивизии вгрызались в землю по всем правилам военно-инженерного искусства. Осторожный Линевиц больших операций против японцев не предпринимал, бои велись только местного значения. Пополнения же из России по Транссибирской магистрали все прибывали и прибывали в Маньчжурию.

Японский главнокомандующий маршал Ивао Ояма был достаточно хорошо осведомлен об этом. Он неоднократно общался в Токио императору-микадо о том, что русские войска усиливаются. Ояма предлагал: или вновь наступать, или за-

печатать мир с Россией, которая войну уже проиграла, хотя только на море.

В русском штабе тоже понимали одну простую истину: японцы «выдохлись». Появились надежды изменить ход событий на войне.

Вскоре в русские войска, зарывшиеся в землю на Сыпингайской позиции стали поступать газетные сообщения о том, что президент Соединенных Штатов Америки по своей инициативе (но не бескорыстной) начал переговоры с обеими враждующими державами. Мир был нужен и Японии, чья экономика была сильно подорвана большой войной, и Российской империи, в которой вспыхнула революция.

Военная газета «Вестник маньчжурских армий» по этому поводу напечатала краткое сообщение:

«Государь император соизволил принять предложение президента Соединенных Штатов Америки на ведение, при посредстве, мирных переговоров с Японией».

Затем в Маньчжурию пришла весть о начале мирных переговоров. Несколько позднее — что Витте и Камимура подписали Портсмутский мирный договор⁶.

Генерал-майор Юденич не мог сказать, что подчиненные ему стрелковые полки — нижние чины и офицеры — были особенно обрадованы заключенным миром. Нигде не слышались ни возгласы «ура», ни музыки. За столами не поднимались тосты за Портсмут. Но все хотели вернуться в родное отечество — «владеть» Маньчжурией никто не желал: она была чужой землей для русского солдата.

Военным виделось одно: неудовлетворенность таким исходом Русско-японской войны. И дело было даже не в отдаленном Южном Сахалине. Едва ли не всех угнетала мысль о бесценных трудах и жертвах, доставивших русскому оружию вместо славы позор. Об этом воеву кричали оппозиционные государствению газеты и политики разного толка.

Все же для генерал-майора Николая Николаевича Юденича участие в войне на полях и сопках Маньчжурии стало делом чести, предметом гордости российского дворянина, избравшего себе в жизни военное поприще в рядах Российской Императорской армии.

Можно сказать, что он гордился своим участием в Русско-японской войне 1904–1905 годов: пройдя все ее испытания достойно, с честью русского офицера.

До самых последних лет жизни Юденича одной из любимых песен для него стала песня А. И. Шатрова «На сопках Маньчжурии», написанная на слова С. Г. Петрова (Скитальца):

Тихо вокруг.
Сопки покрыты мглой,
Вот из-за туч блеснула луна.
Могилы хранят покой.

Белеют кресты —
Это герои спят.
Прошлого тень кружатся вновь,
О жертвах в боях твердят.

Тихо вокруг,
Ветер туман унес.
На сопках Маньчжурии войны спят,
И русских не слышно слез.

Пусть гаолян
Вам навевает сны,
Спите герои Русской Земли,
Отчины родной сыны...

Глава четвертая

ПОСЛЕВОЕННОЕ ГЕНЕРАЛЬСТВО

Последнее из ранений, полученное в самом конце войны, оказалось тяжелым и плохо лечимым. Генерала уложили в военный госпиталь на продолжительное время. Из госпиталя Николай Николаевич вышел только в 1907 году. К тому времени революционные события в России шли на спад. В «успокоении» империи династии Романовых участвовать ему не довелось.

В военном министерстве помнили, что генерал-майор Юденич заканчивает свое затянувшееся лечение. После окончания Русско-японской войны и в самом начале военной реформы многим генералам и старшим офицерам, не проявившим себя ничем, пришлось расстаться с армейскими рядами. Герою же Янсынтуня и Мукдена приготовили повышение по служебной лестнице.

Вышедшему из военного госпиталя с залеченными боевыми ранениями военачальнику не пришлось долго ждать ново-

востата службы. 10 февраля 1907 года он получает назначение на должность генерал-квартирмейстера внутреннего русского военного округа — Казанского. Семья Юденичей переезжает на жительство на берега Волги, в город Казань.

Можно утверждать, что армейская служба у Николая Николаевича Юденича складывалась удачно. Боевой генерал, бывший за плечами престижное московское 3-е Александровское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба и самое деятельное участие в русско-японской войне, на строевых должностях рос довольно быстро, особенно после Маньчжурии.

Свое пятидесятилетие генерал-майор Юденич отмечал в должности начальника штаба Казанского военного округа. Этот округ, к слову сказать, являлся одним из самых обширных на территории Российской империи и по территории, и по войскам, расквартированным в нем, и по мобилизационным возможностям. Последнее было немаловажно в разгаре мировой войны, которому было суждено разгореться на границе Австро-Венгерской империи и Сербского королевства.

Назначение на должность начальника окружного штаба состоялось в начале декабря 1912 года. В день его назначения был подписан и другой высочайший императорский указ о производстве Николая Николаевича в генерал-лейтенанты.

Юденич по такому случаю был вызван в Санкт-Петербург, где предстал перед императором Николаем II. Между императором Романовым и преданным российской монархии генералом состоялся следующий разговор:

— Ваше императорское величество, имею честь представить вам по поводу моего назначения на должность начальника штаба Казанского военного округа и присвоения мне первого воинского звания генерал-лейтенанта.

— Поздравляю вас, генерал. Наслышан о вас и ваших делах в Маньчжурии от Алексея Николаевича Куропаткина.

— Весьма лестно такое слышать, ваше величество.

— Скажите, Николай Николаевич, Россия могла выиграть эту войну на Дальнем Востоке или нет?

— Государь, войну мы проиграли только на море. Потеря Порт-Артурской крепости не повлекла за собой потерю полевого действия армии. Это факт, признанный и самими японцами, и в Европе.

— Тогда почему же мы проиграли Мукденское сражение и не только его?

— Сражение было проиграно ввиду вялости нашей тактики.

— Вялости? В чем вы, Николай Николаевич, ее видите спустя шесть лет после окончания войны? Интересно услышать такое из уст боевого генерала.

— Наш командующий из стратегических соображений грамотно планировал наступательные операции, но когда дело доходило до их осуществления — начинал осторожничать. Были и другие причины.

— Какие именно?

— Куропаткин оказался, увы, далеко не Суворовым и не Скобелевым: терял операционную инициативу сам, отбирал ее у командиров корпусов. Такое было и под Ляояном, и на Шахэ, и под Мукденом.

— Что же тогда новый главнокомандующий Линевиц не исправил положения? Ведь он был человек опытный во всех отношениях.

— Генерал от инфантерии Линевиц оказался как бы у разбитого корыта. Подчиненные ему армии имели только опыт отхода, а тут еще и Цусима моральный дух войск подорвала.

— Как мне известно, все это не отразилось на вашем стрелковом полку. Ведь ваших офицеров и нижних чинов действительно не за что упрекнуть на войне?

— Ваше императорское величество, я как русский солдат в генеральских погонах весьма польщен такими словами государя о делах моих стрелков. Весьма благодарен за это.

— Но это действительно так. Полк не терял своего достоинства до самых последних дней войны, и революционное поветрие не коснулось его рядов.

Генерал-майор Юденич в знак признательности только склонил перед государем голову. Немного побыв в задумчивости, Николай II продолжил беседу. Но на этот раз разговор повел совсем о другом, тоже его заботившем:

— Вы, Николай Николаевич, конечно, информированы о том, что в Европе не все ладно, что назревает военный конфликт?

— Да, ваше величество.

— Если такой конфликт начнется, то России не придется стоять в стороне. Вена пытается вытеснить российское влия-

ние на Балканах и не любит православную Сербию. Кто, по моему, может стать союзником Австро-Венгрии?

— Разумеется, Германия. И вне всякого сомнения — Румыния.

— Почему вы считаете, генерал, что султанская Турция не пойдет на нас войной? Ведь мы так часто били ее в истории.

— Российская империя — извечный противник турок. В каждой войне они пытались отыграть хоть что-то из давно потерянного. Так будет и сейчас.

— Что ж, вполне логично.

— В Стамбуле по сей день горячие головы считают, что Кавказ и Крым их. Поэтому опять нам будет объявлен газават.

— Значит, на Кавказе опять будет война христиан и магометан. Так?

— Да, ваше величество. Вне всякого сомнения.

— Вы, Николай Николаевич, интересовались, последнее время турецкой армией?

— Да, государь, мне знакомы заботы кавказских штабисов, среди них у меня немало товарищей по академии.

— Хотели ли бы вы вместо Казани служить в Тифлисе, у моего заместителя Воронцова-Дашкова? Он замечательный человек и был одним из ближайших друзей моего отца, императора Александра III.

— Как на то будет ваша монаршья воля и интересы России. Я служу там, где мне приказывают.

— Хорошо. В скором времени вам придется сменить один штаб на другой. На Кавказе, как считают в военном министерстве, вы с вашим опытом нужны больше...

— Действительно, в Казани долго служить генерал-лейтенанту Юденичу не пришлось. Приближалась большая война в Европе, и генеральные штабы государств Антанты и Центрального блока разрабатывали стратегические планы. Но в войне, по исторической традиции, предстояло разрабатываться не только на европейском континенте и прилегающих к нему водах. Сильная своей военной мощью в недалеком прошлом Турция никак не могла остаться в стороне. Тем более, что у нее был традиционный противник — Россия.

— В российском Генеральном штабе, планировавшем возможное противостояние турецкой армии в Закавказье, решили усилить руководство Кавказским военным округом, которо-

му в случае войны предстояло разворачиваться в отдельную армию или даже в самостоятельный фронт. В ходе организационно-штатных изменений вакантной, среди других, оказалась должность начальника окружного штаба. В любом округе это было второе лицо после командующего.

Кандидатур на ее замещение оказалось несколько, но в военном министерстве предпочтение выказали генерал-лейтенанту Юденичу. Получив в соответствии с императорским указом от 25 января 1913 года новое назначение, Николай Николаевич после коротких сборов убыл на новое место службы в город Тифлис. Там располагался штаб Кавказского военного округа и управление недавно восстановленного царского наместничества на Кавказе.

Его встреча с генералом от кавалерии и генерал-адъютантом, графом Илларионом Ивановичем Воронцовым-Дашковым была исключительно теплой и приятной. Кавказский наместник Его Императорского Величества по совместительству являлся еще и главнокомандующим войсками Кавказского военного округа и войсковым походным атаманом Кавказских казачьих войск — Кубанского и Терского.

Юденич был много наслышан о Воронцове-Дашкове, умелом администраторе, так много сделавшим для развития Кавказского края и человеку там весьма уважаемом. Один из крупнейших землевладельцев России, военного образования он не имел, учился в Московском университете. С началом Крымской войны ушел добровольцем в русскую армию, службу начал в лейб-гвардии Конном полку.

В последние годы Кавказской войны молодой граф командовал личным конвоем князя А. И. Барятинского. Имел за боевые заслуги орден Святого Георгия 4-й степени (за штурм крепости Ура-Тоби) и наградное золотое оружие. Воювал против горцев имама Шамиля и в Туркестане. В 29 лет близкий друг будущего императора Александра III получил звание генерал-лейтенанта, командовал лейб-гвардии Гусарским полком.

В ходе Русско-турецкой войны 1877—1878 годов начальствовал на болгарской земле над кавалерией Руцукского отряда (за исключением казачьей). После войны командовал в столичном гарнизоне 2-й Гвардейской кавалерийской дивизией.

Взлет Воронцова-Дашкова по служебной лестнице начался с воцарением на престоле Александра III Александрови-

ча, с которым он сдружился во время войны на болгарской земле. Тогда цесаревич-наследник стоял во главе Руцукского отряда. Высокие назначения следовали один за другим — главноуправляющий государственного коннозаводства, министр императорского двора и уделов, канцлер Российских Царских и Императорских орденов, член Государственного Совета России. После убийства государя Александра II граф некоторое время был начальником царской охраны и одним из организаторов «Священной дружины».

После восстановления поста царского наместника на Кавказе, в феврале 1905 года, Илларион Иванович Воронцов-Дашков оказался в Тифлисе. Он оказался тем государственным мужем императорской России, который лично много сделал для развития Кавказского края. Один из его известных современников С. Ю. Витте писал о нем:

«Быть может, он единственный из сановников на всю Россию, который и в настоящее время находится в том краю, в котором управлял, и который пользуется всеобщим уважением и всеобщей симпатией...

«Это, может быть, единственный из начальников края, который в течение всей революции, в то время, когда в Тифлисе ежедневно кого-нибудь убивали или в кого-нибудь кидали бомбу, спокойно ездил по городу как в коляске, так и вертом, и в течение всего этого времени на него не только не было сделано покушения, но даже никто никогда еще не оскорбил ни словом, ни жестом».

Воронцов-Дашков самым добросовестным образом осуществлял исполнение своих наместнических обязанностей, в том числе и главы расквартированных здесь войск, на всегда спокойном Кавказе: Ему требовались деятельные и надежные помощники, и он поэтому был откровенно рад прибытию нового начальника окружного штаба:

— Я рад вас видеть, Николай Николаевич, на кавказской земле, в нашем Тифлисе.

— Благодарю, ваше превосходительство.

— Мне государь император нарочным прислал письмо, в котором уведомлял о вашем назначении. Могу сообщить, что государь о вас высокого мнения.

— Весьма признателен государю за доброе слово.

— Вы, как известно мне, на Кавказе еще не служили за тридцать лет вашей службы в русской армии?

— Нет, не приходилось. Учился в Москве, служил в Варшаве, столице, Туркестане, воевал в Маньчжурии. Потом оказался в Казани.

— У вас, Николай Николаевич, хороший послужной список. Но замечу, что на Кавказе будет потруднее, чем в Туркестане или в Казани. Тем более, по всем приметам, приближается большая война.

— Да, мне об этом сказал при представлении наш государь.

— На Кавказе сложность в том, что Турция всегда готова обрушиться на наши границы первой. И Стамбул всегда ищет вооруженной поддержки против христианского мира среди кавказских народов.

— Что ж делать, это были и есть реалии всех русско-турецких войн. Последняя была не исключением.

— То-то и оно. В окружном штабе у вас, Николай Николаевич, работы будет очень много. Округ приказали готовить к возможной войне с Турцией.

— Да, ваше превосходительство, мне об этом известно.

— Тогда принимайте управление штабом. Но одновременно вам придется начальствовать и над всем Кавказским военным округом. Что делать — ведь мне уже семьдесят четыре года: время берет свое, не те уже стали силы, Николай Николаевич. Так что не обессудьте: не вы мне, а я вам помощник.

— Что вы, Илларион Иванович. Я надеюсь, что вы во мне найдете должного исполнителя вашей воли.

— Берите в свои руки все бразды военного правления на Кавказе, Николай Николаевич, и, как говорится, с Богом...

Действительно, престарелый генерал Воронцов-Дашков постепенно переложил на плечи своего начальника штаба все заботы о войсках Кавказского военного округа. Юденич быстро освоился на новом месте, встретив взаимопонимание со стороны своих ближайших помощников по штабной работе.

Прежде всего Николай Николаевич постарался найти полное взаимопонимание с генералом от инфантерии Александром Захарьевичем Мышлаевским. Тот бы старым опытным генштабистом, назначенным помощником по военной части наместника Его Величества на Кавказе. Мышлаевский, человек высокой культуры и образованности, скоро увидел в новом начальнике окружного штаба своего едино-

полноценника в кавказских делах и заботах. Они сдружились самым добрым словом отзывались друг о друге до конца жизни.

Мышлаевскому, например, нравилось то, что генерал-лейтенант Юденич был из числа старых военных руководителей. Александру Захарьевичу импонировало, что его сотрудник интересовался, помимо служебных дел, еще и обстановкой в регионе, где квартировали подчиненные ему войска. Кавказ всегда отличался сложностью обстановки, начальнику штаба расположенного там военного округа приходилось заниматься еще и дипломатической деятельностью.

Об этом у Юденича состоялся разговор с Воронцовым-Дашковым и Мышлаевским:

— Получено шифрованное письмо из Генерального штаба. По данным наших военных агентов в посольствах Турция активизирует свою антироссийскую деятельность в Персии и даже в Афганистане.

— Ваше превосходительство, об этом сообщают и начальники отрядов пограничной стражи. Они весьма осведомлены о том, что происходит за кордоном, в приграничье от Батума до Александрополя.

— Вот видите, господа, информация из Генерального штаба подтверждается на месте, у нас.

— Александр Захарьевич, надо запросить Министерство иностранных дел с просьбой присылать в Тифлис копии доиссений военных агентов. Ситуацию мы должны прогнозировать на месте.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— А вы, Николай Николаевич, как начальник окружного штаба, напрямую займитесь турецкими делами.

— Считайте, что ваше пожелание уже исполнено. Еще вчера, как можно пошутить...

— Вместе с тем не забывайте о Персии, хоть она от нас и лежит за Каспием. Все равно присматривайте за ней.

— Илларион Иванович, оперативный отдел штаба округа какую работу уже ведет, смею вам доложить.

— Не забывайте, что в Генеральном штабе Турции полным полно германских старших офицеров. Занимают не только места советников, но и командные должности. Есть и генералы с боевым опытом, для нас это опасные противники.

— Игра против нас уже идет, ваше превосходительство. Но и мы не лыком шиты.

— Хорошо, если окружной начальник штаба так уверен в себе. Время, а может быть, и война покажет, кто кого переиграл.

— Думается, что нам ждать недолго...

Нагрузка на начальника штаба Кавказского военного округа нарастала буквально с каждым месяцем. Среди прочих обязанностей на генерал-лейтенанта Воронцовым-Дашковым и Генеральным штабом возлагалось непосредственное участие в работе военно-дипломатических миссий. В центре внимания Юденича, естественно, прежде всего находились сопредельные с Россией государства — Турция и Персия (Иран). Приходилось заниматься, но в гораздо меньшей степени, и Афганистаном.

Еще в августе 1911 года в Санкт-Петербурге было подписано русско-германское соглашение по иранским делам. Оно частично смягчило возникшее в те годы острое противоречие государственных интересов Германии и России, оттянуло на несколько лет развязывание вооруженного конфликта между сторонами.

Волей дипломатических коллизий Тифлис оказался одним из объектов, с которым связывалось возрастание международного напряжения на Ближнем Востоке. Причиной стали серьезные разногласия между Лондоном и Санкт-Петербургом. Известный британский дипломат Грей так высказался по этому поводу:

«...В отношении Персии мы хотим получить практически всю нейтральную зону и не можем ничего уступить там России; в отношении Афганистана мы не можем сделать каких-либо уступок России, так как мы не в состоянии получить согласия эмира; в отношении Тибета изменение, которого мы добиваемся и на которое необходимо согласие России, очень незначительно, и мы не можем ничего дать взамен. Таким образом, по всей линии мы хотим что-либо получить и не можем ничего дать. Вот почему трудно найти путь к совершенно выгодной сделке».

В начале следующего года возникли серьезные разногласия между Россией и Великобританией по поводу Персии. Причиной их стало назначение американца Моргана Шустера главным финансовым советником иранского правитель-

ства. Это было прямым ущербом российским интересам в Тегеране.

Начальнику штаба Кавказского военного округа персидскими делами пришлось заниматься вплотную. Буквально через месяц после своего назначения Николай Николаевич Юденич получил секретное распоряжение Генерального штаба: подготовить несколько воинских частей, прежде всего конных казачьих, для возможного ввода их на территорию Персии для защиты государственных интересов России и ней.

Морган Шустер вел в Тегеране антироссийскую политику, прежде всего экономическую, одновременно давая возможность укрепиться в этой восточной стране германской агентуре. После одного из инцидентов, спровоцированных Шустером, в северные провинции Ирана, населенные преимущественно азербайджанцами, вступили русские казачьи войска.

Правительство Российской империи, угрожая военным походом на персидскую столицу Тегеран, потребовало отставки Шустера. Шахская Персия была вынуждена без проволочки принять условия российского ультиматума, памятуя исход двух Русско-иранских войн первой половины прошлого столетия.

В те дни штаб Кавказского военного округа работал с полной нагрузкой, как в условиях предвоенного или военного времени. Помимо пехотных батальонов и казачьих полков черкесов и кубанцев, которые были введены в северные персидские провинции, преимущественно в Южный Азербайджан, в случае возникновения военного конфликта предстояло направить в Иран и немало других окружных войск. Штаб округа во главе со своим начальником продемонстрировал готовность отобилизовывать полки и бригады в самые сжатые сроки.

Россия делала шаги для утверждения своих позиций в соседней Персии, в том числе и такие, как создание личной гвардии шаха в лице Персидской казачьей бригады, которой командовали русские офицеры и казаки урядники.

Персидской казачьей бригадой и военным присутствием России в Иране начальнику штаба Кавказского военного округа пришлось заниматься самым непосредственным образом. История этой бригады была такова.

По соглашению между Россией и Англией от 18 августа 1907 года, в сферу российского влияния входила северная часть Персии, выше параллели, проходящей через город Хамадан. Дальше к югу шла полоса, которая объявлялась нейтральной. От города Шираза начиналась сфера британского влияния. Таким образом Россия на договорной основе с Лондоном контролировала персидские провинции Азербайджан, Гилян, Иазандеран, окрестности столичного Ирана и города Мешхеда в Хоросане, примыкавшему к Туркестану.

Россия вела в Иране активную торговлю своими товарами, вывозя оттуда — из порта Энзели на Каспийском море — много шелка. Трудности для жизни русского купечества в Персии были огромны, поскольку к 1908 году страна находилась в состоянии полной анархии, когда Мохаммед-Али-шаху не подчинялись не только вожди кочевых и полукочевых племен, но и парламент — меджлис. Торговые караванные тропы оказались в руках воинственных курдских и туркменских племен. На севере страны ширились выступления фидяев — местных революционеров из числа персов и выходцев с Кавказа.

Все эти события прямым образом затрагивали интересы России. Ее пограничный наблюдатель секретной депешей доносил в Санкт-Петербург (копия шла в Тифлис) следующее:

«...Денег у Шаха совершенно нет, и он не знает, откуда их достать... Наблюдается совершенное отсутствие какой-либо организации и системы действий, у него нет ни одного умелого, авторитетного человека, который взял бы все дело в свои руки и пошел бы твердо и настойчиво к намеченной цели...»

Вскоре дело дошло до того, что меджлис встал на сторону открытого противника шаха принца Зюлли-Султана, рядившегося в одежду местного революционера. В мае 1908 года Мохаммед-Али-шах наконец-то решил начать борьбу с меджлисом в собственной столице. Тегеран тех дней напоминал город, лишенный власти и порядка.

Все же шах успел подготовить военную силу для борьбы со своими противниками, которая стала в тех событиях единственной. Ею оказалась шахская гвардия — Казачья его Величества Шаха бригада. В то время она состояла из 4 конных полков, пластунского батальона, 2 артиллерийских батарей по четыре орудия и пулеметной команды.

Командиром бригады являлся полковник Генерального штаба В. П. Ляхов, которому помогали три русских офицера и пять казачьих урядников. Личный состав шахской казачьей бригады состоял из персов, обученных русскими инструкторами, 1200 конных казаков и 350 пеших пластунов.

Полковник Ляхов со своей бригадой и стал той военной силой, которая помогла Мохаммед-Али-шаху одержать верх над «взбунтовавшимся» меджлисом. Персидский монарх заявил тогда следующее:

«Мои предки завоевали себе престол силой оружия, — и мечом моим буду его оборонять. Если надо, я стану во главе моей верной бригады, чтобы победить или умереть...»

Шах действительно решился на подавление вооруженной силой мятежа в столице. Казачья артиллерия разрушила здания меджлиса. Почти 100-тысячная персидская армия изъявила покорность своему монарху. Она состояла тогда из 72 пехотных (сарбазских) полков (фоджей) по 100–200 человек в каждом. Командование ими передавалось по наследству, поэтому полками нередко командовали мальчики 8–10 лет.

Иррегулярная кавалерия набиралась из кочевников бахтиар, курдов и туркмен во главе с племенными вождями. Генерал Косооговский, командир казачьей бригады так оценил состояние одного из курдских конных полков шахской армии:

«Небезопасны даже для своих. Совершенно к службе непригодны.»

Персидская артиллерия состояла из двух сотен орудий, преимущественно бронзовых, заряжаемых с дула. Орудийные расчеты «блистали» своей необученностью. Но в тегеранском арсенале хранилось до 50 скорострельных полевых и горных орудий Шнейдер-Крезе, для которых не находилось обученных пушкарей.

Шахской казачьей бригаде приходилось постоянно бороться с различными разбойными шайками. Так, осенью 1912 года был схвачен и по приговору военно-полевого суда повешен знаменитый разбойник Исмаил-Ходжи, уроженец Эриванской губернии, бежавший с каторги и разыскиваемый кавказскими властями России.

Русский вице-консул в персидском городе Хое так характеризовал главаря разбойников Исмаил-Ходжи: он «характеризовал себя перед революционным персидским народом особой жестокостью в истреблении русских сол-

дат, попавших в руки тавризских защитников персидской конституции».

Чтобы оказать шахской администрации помощь в наведении порядка в стране, кавказский наместник в Тифлисе граф Воронцов-Дашков направил в Персию в 1909 году под начальством генерал-майора Снарского отряд в составе 2 батальонов стрелков, 4 казачьих сотен кубанцев и терцев, 3 артиллерийских батарей — скорострельной, горной и гаубичной. Затем отряд пополнили еще казаками. В следующем году был поставлен вопрос о выводе русских войск с иранской территории, но обстановка к тому явно не располагала.

Генерал Самсонов в отчете за 1910 год о действиях русских экспедиционных войск в Персии писал следующее:

«...Мы всегда стремились поскорее вернуть наши войска обратно (в Россию. — А.Ш.). Местное население, не разбираясь в тонкостях политических соображений, всякий раз видит в этом якобы нашу слабость, наше поражение...»

Азиат покоряется только силе и никаких других вышних, а тем более гуманных и рыцарских соображений, не понимает».

Император Николай II, ознакомившись с самсоновским отчетом, собственноручно написал на нем одно-единственное слово:

«Верно».

Революционные события в Персии в 1911–1912 годах заставили Россию увеличить численность экспедиционных войск в этой стране. На ее территорию были введены дополнительно казачьи полки и сотни Кубанского, Терского и Семиреченского войск, артиллерия, несколько стрелковых батальонов.

Произошло немало боев из числа скоротечных и малых, но были и серьезные нападения на русские воинские отряды в городах Тавризе и Реште. Постепенно движение фидаев пошло на убыль.

В декабре 1911 года военный министр России В. А. Сухоминов докладывал председателю Совета министров В. Н. Кокковцеву о положении дел в Персии следующее:

«...Считаю настоятельно необходимым скорейшую выработку указаний для действий войск в Персии, а также для усиления их. Для сей последней цели необходимо или немедленное объявление частичной мобилизации войск КавВО

или же перевозка на Кавказ потребного числа не мобилизованных войск из Европейской России».

Это было то указание министра, которое в следующем году пришлось выполнять новому начальнику штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанту Н. Н. Юденичу.

Тогда же Кокковцев получил и донесение из Тифлиса от генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. В нем с тревогой говорилось:

«Российский генеральный консул в Азербайджане (иранском Южном Азербайджане. — А.Ш.) указывает на факт пребывания в настоящее время в пределах Персии значительного числа русских подданных армян, грузин, татар (азербайджанцев), участвовавших в революционном движении в России, а затем скрывшихся в Персии, где они играют руководящую роль в происходящей там смуте».

Тот же Воронцов-Дашков в декабре 1911 года требовал самых решительных действий со стороны русских экспедиционных войск. В телеграмме из Тифлиса в Санкт-Петербург кавказский наместник требовал от начальника Генерального штаба:

«...Дерзкое нападение на наш отряд в Тавризе и истязание раненых требует примерного возмездия, почему полагаю предложить генералу Воропанову... взорвать цитадель и учредить полевой суд, в котором судить всех зачинщиков нападения, виновных в истязании раненых...»

Приговоры немедленно приводить в исполнение...

Безусловно необходимо взыскать с населения Тавриза значительную денежную сумму для обеспечения семейств убитых и раненых...

Признаю необходимым такие же меры применить в Энзели, Реште и других пунктах Персии, где были случаи оскорбления и убийства русско-подданных».

Наличие русских войск в Персии и особенно наличие их в иранском Курдистане, на границе с Турцией, вызвало негативную реакцию со стороны союзников России. В одном из донесений военных агентов (военных атташе), поступившем в штаб Кавказского военного округа, сообщалось следующее:

«Французы, немцы и англичане турок не опасаются, но увеличение мощи России в Курдистане — это своего рода кошмар для наших союзников».

В начале 1912 года турецкие войска переходят линию государственной границы с Персией и занимают горные перевалы между Хоем и Дильманом, полосу к западу от караванного пути Хой — Урмия. Всего границу перешло 6 тысяч пехоты при 12 скорострельных орудиях, пулеметная рота, кавалерия.

Тогда русское командование стало вытеснять турецкие войска из Персии. Генерал Масловский, находившийся тогда на месте этих действий, так описывал те события в ходе экспедиций русских войск к турецко-иранской границе:

«...К намеченному отряду турок направлялся внезапно и скрытно отряд из трех родов оружия, силою значительно больше турецкого. Отряд выступал вечером, с расчетом подойти к туркам до рассвета. При приближении к турецкой заставе или отряду, наш отряд выделял из себя заставу, сильнейшую турецкой, и направлял ее обходом с задачей отрезать туркам путь отступления в пределы Турции.

Заняв удобный для наблюдения и обороны пункт, эта наша застава водружала на видном месте русский флаг. То же делал и остальной отряд, расположившийся перед фронтом турок. С наступлением утра, пробуждавшаяся турецкая часть, к своему изумлению и испугу, обнаруживала один, а потом и другой русские отряды.

При первой экспедиции, турецкий начальник, выйдя с белым флагом в сопровождении нескольких человек, в энергичных выражениях потребовал объяснения, на каком основании русские войска выставили свои заставы и отряды на их территории. На это начальник русского отряда спокойно ответил, что территория не турецкая, а персидская, и раз турки выставили свои отряды и заставы, то тоже будут делать и русские. При этом турецкому офицеру было объяснено, что впредь наши заставы никого не будут пропускать из Турции, т. е. ни подкрепления, ни снабжения. Турецкий офицер удалился и после короткого размышления увел свой отряд на соседний турецкий пост...

После этого случая турецкие части почти всегда, очевидно получив инструкции из Турции, уже ничего не спрашивали, а, завидев утром русские войска, снимались и уходили кружным путем в Турцию.

Таким образом, мирным путем, без дипломатических осложнений, одной угрозой, наши части к концу июня 1912 го-

да очистили весь западный Азербайджан (провинция в Иране. — А.Ш.) от турецких войск».

На протяжении всех 1912 и 1913 годов из русских отрядов на персидской территории приходили в штаб Кавказского военного округа донесения о боевых столкновениях. Так, в одном из них сообщалось:

«Для уничтожения шайки был выслан разъезд в 45 казаков от 3-й сотни 1-го Таманского полка под командой подъяецаула Кобцова. Разбойники были настигнуты, в перестрелке 8 чел. убиты, отобраны 4 винтовки, 4 револьвера, 10 лошадей. У нас убитых и раненых нет.

Генерал-майор Редько».

Боевые столкновения происходили не только на суше, но у берега Каспия. В одном таком столкновении приняла участие канонерка «Ардаган», пришедшая на помощь сотне казаков, которые подверглись нападению у Лерасы «местных разбойников». Моряки-каспийцы докладывали об этом боевом эпизоде следующее:

«Секретная телеграмма командира канонерской лодки «Ардаган» капитана 2-го ранга Вейнера из Энзели от 6-го апреля 1912 г. за № 338.

Морскому министру.

Пришел в Лисар 4 апреля. Конвоировал фураж Талышского отряда, идущий на киржихмах (большие мореходные лодки. — А.Ш.). Став на якорь, по мне открылся беглый огонь из домов селения, стрельба холостым снарядом не подействовала. Защищая казаков, могущих попасться в плен ввиду дальности главного отряда, дал 8 боевых выстрелов, после чего нападающие отошли в лес. Ранен нападающими 1 казак. Мною разрушен один дом перса.

Вейнер».

Турецкое командование внимательно следило за действиями русских войск на персидской территории. Для штаба Кавказского военного округа это большим секретом не являлось, так на стол генерал-лейтенанта Н. Н. Юденича в самые первые дни его пребывания в Тифлисе, легло сообщение. Суть его состояла в следующем.

Турки постоянно посылали в «командировки» разведывательного и ознакомительного назначения своих военачальников. Те изучали театр будущих военных действий и тактику русских отрядов, налаживали отношения с местными проту-

редкими силами. Так командующий 11-го турецкого корпуса, расквартированного тогда в районе города Ван, Джабир-паша совершил инкогнито поездку в Урмийский район.

При возвращении в Турцию Джабир-паша заявил французскому вице-консулу (немало поразив того сказанным) следующее:

«...Убедившись на деле, что такое персидская конституция и какая анархия царит в Персии, я лично считаю, что приход русских войск в Персию есть проявление человечности и гуманности, а не результат каких-либо агрессивных намерений».

Подобную информацию с сопредельной стороны (то есть Турции) разведывательный отдел штаба Кавказского военного округа добывал не раз. Известно, например, высказывание в Стамбуле одного из султанских сановников: «Русские поступают в Персии очень умно и осторожно, а потому симпатии почти всего населения на их стороне».

Особенно много хлопот русским войскам на иранской земле и, соответственно штабу кавказских войск в Тифлисе, доставляли воинственные, не подчиняющиеся Тегерану полукочевники-шахсеваны. В переводе с персидского «шахсеваны» означают «любимцы шаха». В начале XVI столетия эти племена были искусственно образованы из самых храбрых родов Персии шейхом Сефи, как надежная опора воцарившейся династии Сефеидов.

Шахсеваны (всего до 60 тысяч человек) заселяли северовосточную часть иранского Азербайджана — между горным хребтом Савелан и городом Ардебилем. Они делились примерно на 50 родов, во главе которых стояли беки. Мужская часть населения была сплошь вооружена и могла выставить до 12 тысяч всадников.

Даже при присутствии на территории Персии русских войск шахсеваны продолжали совершать разбойные нападения на мирные селения возле резиденций самих шахских генерал-губернаторов. Действовали они почти безнаказанно, особенно прославил себя перед Первой мировой войной Мамед-кули-хан, называвший себя Мамед-кули-шахом.

Шахские власти долго ничего не могли с ним поделать и смогли схватить, лишь заманив шахсеванского хана в ловушку, после чего публично повесили. По этому поводу российский пограничный с Персией комиссар докладывал в Тифлис:

«...Бежавшие из Тегерана главнейшие виновники грабежей и убийств на границе Мамед-кули-хан и 9 шахсеванских вождей сегодня прибыли в Астаре (иранский город на границе с Россией. — А.Ш.), арестованы».

Перед новой войной с Турцией, в близости которой в высшем командовании России мало кто сомневался, кавказское наместника Воронцова-Дашкова и генерал-лейтенанта Юденича заботила позиция курдских племен, проживавших на территории Персии. Они имели прямые отношения с племенами курдов, проживавшими на территории восточной Турции и дававшими в султанскую армию многотысячную иррегулярную конницу.

Юденич, равно как и его предшественник на посту начальника штаба Кавказского военного округа, усиленно собирал информацию о племенах куртинцев (курдов) не только Турции, но и Персии. Так, в одной из собранных характеристик племенных вождей говорилось следующее:

«Селим-паша — около 70 лет, отличается вероломным характером. Во время последней Русско-турецкой войны был на русской стороне, в отряде Тер-Гукасова, но бежал к туркам. В случае войны, вероятно, воздержится от решительных действий, а затем перейдет на ту сторону, где будет сила и успех;

Дервиш-Хамед-бей — около 50 лет, с разбойными наклонностями, фанатик;

Хаджи-Муса-бей — влияние его распространяется как на курдов, выставивших полки легкой конницы, так и на остальных. Уверяет, что достаточно лишь простого его распоряжения, чтобы поднять восстание. Курды пойдут за ними и в огонь, и в воду».

Из Тифлиса в Генеральный штаб Российской Императорской армии, в его главное управление, за подписью генерал-лейтенанта Н. Н. Юденича из Тифлиса была отправлена не одна телеграмма о боевых делах кавказских войск на сопредельной персидской территории. Так, в одной из них говорилось:

«...Отряд в составе 5 сотен 1-го Лабинского полка, 2 сотен 1-го Екатеринодарского полка, 6 рот 205-го пех. Шемахинского полка, 6 рот и 2 пулеметов 206-го пех. Сальянского полка, 4-х пулеметов 81-го пех. Апшеронского полка, 6 горных орудий 52-й арт. бригады и команды сапер 2-го Кавказского саперного батальона выступил из Ардебилля для нака-

зания шахсеван, за дерзостные их выступления против наших войск.

Генерал Юденич».

На одной из таких телеграмм император Николай II нацартал собственноручно следующее:

«Нужно, чтобы наши экспедиционные или карательные отряды были таковыми, не с одною доблестью, но и по своей силе».

Штаб Кавказского военного округа доносил в столицу о бое с шахсеванами на Ахбулахском перевале экспедиционного отряда под командованием генерала Фидарева во всех подробностях, особо отмечая мужественные поступки казаков-кубанцев:

«...Командующий сотней подьесаул Баштанник, желая выяснить обстановку, выскочил вместе с одним казаком на несколько сот шагов вправо, на имевшуюся там седловину. Седловина эта оказалась занятой шахсеванами, которые открыли огонь почти в упор. Подьесаул Баштанник, видя себя в критическом положении, соскочил с лошади, залег в ложину и начал отстреливаться, потеряв из виду бывшего с ним казака Кононенко. Сделав несколько выстрелов, он был ранен в указательный палец правой руки, после чего, потеряв возможность отстреливаться, начал ползком отходить к своим, причем был контужен под челюсть, в грудь и левую ногу. Не имея сил уйти самому от наседавших шахсеван, подьесаул Баштанник стал звать на помощь.

Взвод хорунжего Крамарова с присоединившейся частью людей полусотни подьесаула Баштанника, под командой подьесаула Кирпы, заняли другую седловину и, спешившись, отбивали усилившихся шахсеван ружейным огнем.

1-я сотня, находящаяся правее подьесаула Кирпы, сбив отдельных всадников, продвинулась на следующие высоты и, заняв их, удерживала натиск, не давая обойти правый фланг.

...призыв о помощи подьесаула Баштанника, окруженного шахсеванами, услышал подьесаул Крыжановский, который с конным вестовым поскакал по направлению криков и вместе с подоспевшим к нему с несколькими казаками хорунжим Брагуновым разогнал нападавших шахсеван. Недалеко от подьесаула Баштанника был найден тяжелораненый казак Кононенко.

...С наступлением сумерек, хорунжий Крамаров с урядником и казаком, видимо, увлекшись преследованием, были отрезаны шахсеванами, что выяснилось только при сборе всех частей к перевалу. Тотчас же на розыски была послана специальная команда разведчиков, которая нашла их убитыми и ограбленными вблизи сел. Берзэнд.

Потеря отряда за время боя: убиты — 1 офицер, 4 казака; ранен — 1 офицер.

Полковник Букретов».

В бою на Ахбулахском перевале конные отряды шахсеван были разгромлены только к вечеру, настолько упорной оказалась та схватка в горах недалеко от российской границы.

Вскоре из Тифлиса в столицу на имя главы военного министерства от кавказского наместника была послана телеграмма:

«...Генерал Фидаров телеграфирует, что шахсеваны настолько серьезно разгромлены, что не помышляют о сопротивлении. Для захвата партии главарей... двинулся из Хиова в горы (к горному хребту Савелан. — А.Ш.) отряд полковника Кравченко... шахсеванами сдано около 1000 винтовок.

Граф Воронцов-Дашков».

Через некоторое время в городе Ардебиле все ханы шахсеванских племен дали клятву: впредь, ни при каких обстоятельствах не поднимать оружие против русских. На границе России с Персией наступило спокойствие.

Любопытно отметить, что шахсеваны после военного поражения от русских неоднократно высказывали желание стать вместе с их землями подданными Российской империи. Но Южный Азербайджан, в отличие от Северного, так и остался одной из провинций шахского Ирана.

Однако на этом боевые столкновения в местах проживания родов шахсеван не закончились. Через Тифлис в российскую столицу поступил, например, такой документ:

«Его Императорскому Величеству.

...Казвин Персия. Командир 1-го Кизляро-Гребенского ген. Ермолова полка ТКВ (Терского казачьего войска).

Рапорт

Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу, что командир дивизиона вверенного мне полка... получил донесение от разведчиков 5-й сотни о том, что сел. Чайнаки занято персидскими мятежниками с присоединив-

шимися к ним шахсеванами, всего около 600 человек, и о том, что шайкой этой предполагается сделать нападение на дивизион, решил предупредить это и самому напасть на шайку.

Вызвав из порта Энзели канонерскую лодку «Красноводск» для совместных действий с дивизионом со стороны моря, на рассвете, подойдя к сел. Чайнаки, повел наступление. В то же время с «Красноводска» по мятежникам был открыт орудийный огонь. Спешенный дивизион в числе 125 казаков бросился в селение, из которого мятежники открыли сильный огонь, но были выбиты, отступили в горы, где и рассеялись.

В дивизионе смертельно ранен казак 4-й сотни Еремин. Со стороны мятежников убито 26 и ранено 31.

Казак Еремин происходит из казаков ст. Червленной Кизлярского отдела Терской области.

Полковник Рыбальченко».

Этот рапорт — боевое донесение командира терского казачьего 1-го Кизляро-Гребенского полка был прочитан императором Николаем II. Об этом свидетельствует надпись на документе, сделанная рукой военного министра России генерала от кавалерии Сухомлинова:

«Его Величество изволил читать...»

Заключительным аккордом в наведении порядка на персидской территории южнее границы России стало следующее донесение начальника штаба Кавказского военного округа в главное управление Генерального штаба. Юденич представил список 22 шахсеванских ханов и беков, оставленных заложниками в городе Ардебиле.

Действия русских войск на территории Ирана перед Первой мировой войной не носили официальный характер, поэтому историки считают их «Секретной персидской экспедицией».

В Персии постепенно установился относительный порядок. В городах не вспыхивали больше беспорядки, которые выплескивались с базаров на улицы. По дорогам не рыскали разбойные отряды кочевников, притихли шахсеваны и курды. Шахские генерал-губернаторы стали собирать налоги, меджлис стал послушен иранскому монарху.

Обо всем этом хорошо были осведомлены должностные лица в Тифлисе. Там понимали, что присутствие большого

числа русских войск по ту сторону реки Аракс затянулось. По этому поводу и состоялся разговор начальника окружного штаба Юденича с заместителем графом Воронцовым-Дашковым:

— Ваше превосходительство, позвольте доложить вам последние донесения из наших войск в Персии.

— Есть что-то новое, Николай Николаевич?

— Да, там ситуация изменилась к лучшему.

— В чем это выразилось?

— Донесения последних недель из всех экспедиционных отрядов свидетельствуют, что разбойные отряды рассеяны, а шахские чиновники начинают исполнять свои обязанности.

— А в Тегеране, при шахском дворе это ощущается или нет?

— Илларион Иванович, по донесениям нашего военного агента в персидской столице шахская казна начала пополняться. Выплачена задолженность полкам Персидской казачьей бригады. Часть жалованья получил и тегеранский гарнизон.

— Это действительно дело. Что еще сообщается командирами отдельных отрядов?

— На каспийском побережье прекратились нападения на местных купцов, что торгуют шелком.

— Тоже приятная новость.

— В городах Южного Азербайджана прекратили вооруженное сопротивление мятежники-федяи.

— В каком теперь состоянии эти персидские революционеры? Есть такая информация?

— Есть, Илларион Иванович. Наши казаки часть отрядов федяев разоружили. Часть рассеялась в сельской местности, особенно в горах. Ну и шахские власти немало перевешали главных зачинщиков беспорядков в северных городах, в Гиляне и других провинциях.

— А что племена куртинцев, Николай Николаевич? Вот кто постоянно настроен на возмущение.

— Персидский Курдистан утих. После того как мы вытеснили оттуда обратно в Турцию султанские войска, курдские вожди заверили Тегеран в своей покорности и лояльности.

— Несколько ранее было донесение наших агентов о том, что какой-то турецкий мулла обращался с письмом к мullahам Хоросана. Как там обстановка на сей день?

— Совершенно спокойная, ваше превосходительство. О том я имею самую исчерпывающую информацию из штаба Туркестанского военного округа.

— Хорошо. А что с племенем туркмен-йомудов?

— Они прекратили разбой в Хоросане. В Туркмению не пошли, поскольку в Каши стоит конный Текинский дивизион. Текинцы знают пустыню как свои пять пальцев. У них под носом не уведешь на ту сторону даже маленького стада овец.

— Так что мы будем делать с нашей военной экспедицией в Персии, Николай Николаевич?

— Пора войска выводить оттуда на Кавказ. Прежде всего, всю пехоту и артиллерию. А потом и почти все казачьи полки.

— Почему почти все?

— Несколько полков полностью или по несколько сотен от них придется на время еще оставить, ваше превосходительство.

— Что вас беспокоит там, за Араксом, генерал?

— Все та же Турция, Илларион Иванович.

— А что от нее в Персии нам приходится ждать, на ваш взгляд?

— Ну прежде всего в случае войны султанские паши и их германские советники постараются ударить нам во фланг из-за Аракса. А оттуда и до Баку рукой подать, особенно конницей. Та легко пройдет через Муганьскую степь.

— А что еще турки могут предпринять против нас в Персии?

— Вне всякого сомнения, попытаются перетянуть на свою сторону курдские племена, других кочевников.

— О том есть сведения?

— Да, ваше превосходительство. Разведывательный отдел штаба округа имеет информацию, что турецкая агентура и германцы в Персии весьма активно ведут себя среди племен близ городов Кум и Хамадан.

— Однако курдские вожди публично заявили о своей покорности. А у шахсеван мы отобрали столько винтовок и прочего оружия, что им нечем будет воевать.

— Оружие кочевники могут купить на турецкие или немецкие деньги: его продается на персидских рынках много. И все больше появляется современных ружей.

— Каких?

— Больше всего немецких и английских винтовок. Торгуют даже нашими трехлинейками и берданками.

— Так какое же ваше личное мнение: будут кочевники наступать на стороне турок в случае войны или нет?

— Думаю, что сразу не будут.

— Почему так?

— Поостерегутся. Будут выжидать, чья сила будет брать, тому и перекинутся.

— Или кто больше заплатит вождям, Николай Николаевич?

— Точно так, ваше превосходительство. Восток в своем положении не меняется с веками.

— Это верно. Так что же будем делать с нашей секретной персидской экспедицией?

— Выводить надо ее почти всю. Сегодня вечером я представлю на ваше утверждение состав оставляемых в Персии казачьих отрядов и их диспозицию.

— Кто там будет за старшего из наших генералов?

— Генерала предлагаю оставить за Араксом только одного.

— Кого, наверно, Чернозубова?

— Да, его. На войне в горах он не оплошает, хотя сам настоящей донской казак.

— Предложения окружного штаба на сей счет Генеральному штабу, военному министру и премьеру Коковцеву подготовлены?

— Да, ваше превосходительство. Прошу ознакомиться с ними, когда вам будет угодно.

— Хорошо. Я со своей стороны снесусь с государем императором. Думаю, что он наверняка одобрит наши предложения по Персии.

— Дай Бог. Те войска нужны теперь здесь, под Карсом и у Михайловской крепости.

— Что ж, не надо тогда откладывать дела в долгий ящик. Николай Николаевич, готовьте приказ за моей подписью.

— Завтра утром он будет мною вам представлен, ваше превосходительство...

В последних числах декабря 1913 года на правительственном уровне и у императора Николая II было решено вывести из Персии большую часть русских экспедиционных войск. По этому поводу министр иностранных дел России Сазонов сообщил главе военного министерства генералу от кавалерии Сухомлинову:

«...Наступившее в последнее время известное успокоение в политической жизни в Персии дало мне повод пересмотреть основания командировки Казвинского отряда и пребывания его на персидской территории, причем по сношении с заместителем ЕИВ на Кавказе выяснилось, что мы могли бы сократить отряд до состава одного казачьего полка...

Изложенные соображения... удостоились Высочайшего одобрения.

Уменьшение Казвинского отряда является тем более своевременным, что Шахское Правительство уведомило нас о своем решении удвоить численность Тавризского отдела Персидской казачьей бригады, доведя таковой до 1.288 человек, с просьбой командировать в Персию 2 русских офицеров и 4 урядников для инструктирования...»

Начальнику штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанту Николаю Николаевичу Юденичу, много сделавшему для успешного завершения «Секретной персидской экспедиции», из Санкт-Петербурга было приказано оставить на иранской территории с 1 января 1914 года следующие воинские силы (отозвав остальные в российские пределы):

Азербайджанский отряд в составе кубанского 1-го Полтавского казачьего полка и двух терских казачьих полков — 1-го Сунженско-Владикавказского и 1-го Горско-Моздокского (три сотни);

Ардебильский отряд (против шахсеван) из двух кубанских казачьих полков — 1-го Черноморского и 1-го Запорожского (три сотни);

Казвинский отряд из 1-го Кизляро-Гребенского полка терских казаков.

Одновременно с казачьей конницей Кавказского военного округа на персидской территории от войск Туркестанского военного округа оставались два отряда: Астрабадский (две казачьи сотни кубанского 1-го Таманского полка) и Хорасанский из четырех сотен 1-го Семиреченского казачьего полка.

Успех русской «Секретной персидской экспедиции» не преминули отметить и оценить в Стамбуле, в Генеральном штабе турецкой армии, где уже всюду трудились многочисленные германские советники. Русские военные агенты в одном из донесений в штаб Кавказского военного округа сообщали действительно ценное:

«Расчеты турок на персидских курдов пошатнулись, а решительное выступление России в Азербайджане дало понять, что турки зашли слишком далеко со своими планами, что карты их открыты и что практичнее будет отложить свои упования на будущее время, когда обстоятельства окажутся для них благоприятными...»

К моменту начала войны Турции против России в Персии «все отряды остались лишь обозначенными или были постепенно ликвидированы» в первой половине 1914 года.

К началу войны на Кавказе русское командование сохранило в Персии лишь один-единственный экспедиционный отряд — Азербайджанский генерала Чернозубова. По этому поводу историк-белоземит Е. В. Масловский справедливо отмечал:

«...В случае войны с Турцией было необходимо для обеспечения левого фланга развертывания Кавказской армии иметь наши войска выдвинутыми вперед, на персидской территории. Угрозы создания в этом районе турецко-германского плацдарма для будущих военных операций против России более не было. С началом войны с Турцией операционное направление Мосул-Урмия-Джульфа (географически расположенное на территории современных Ирака и Ирана. — А.Ш.) оказалось занятым нашими войсками».

Здесь надо отдать должное несомненным достоинствам будущего главнокомандующего Отдельной Кавказской армией и Кавказского фронта Николая Николаевича Юденича. Еще не состоявшийся русский полководец Первой мировой войны словно «в воду глядел». Он и его соратники сумели обеспечить полную безопасность линии фронта кавказских войск на его левом фланге, со стороны Персии...

Другой «головной болью» командования русских войск на Кавказе в лице царского заместителя и его начальника штаба стала доживавшая свой исторический век султанская Турция. Ее поражение в Первой Балканской войне побудило правительства Германии и Австро-Венгрии приступить к составлению секретных планов раздела не только европейских, но и азиатских территорий Оттоманской империи.

Это было уже прямой угрозой национальной безопасности России. В Санкт-Петербурге желали видеть на своих южных границах государство турок, а не германцев и австрийцев.

Посол Германии в Стамбуле (Константинополе) Г. Вангенгейм во второй половине января 1913 года докладывал секретной депешей в Берлин:

«Малая Азия уже теперь во многих отношениях похожа на Марокканскую империю до Алжесиракской (1856 года. — А.Ш.) конференции. Быстрее, чем думают, на повестку дня может встать вопрос о ее разделе... Если мы не хотим при этом разделе остаться с пустыми руками, то мы должны уже теперь прийти к взаимному согласию с заинтересованными державами, а именно с Англией».

Такого же мнения придерживался и германский рейхсканцлер Теобальт Бетман-Гольвег, творец немецкой имперской политики в преддверии и ходе Первой мировой войны. Однако исторический опыт учил берлинских дипломатов, что любые «урезания» территории Оттоманской Порты не могли происходить без участия Российской империи.

Правительства Австро-Венгрии и Германии настойчиво пытались вовлечь Россию в раздел Балкан и Ближнего Востока на сферы влияния. Царское же правительство, напротив, было заинтересовано в целостности малоазиатской части Османского государства.

Было известно, что германские военные советники и ближайшее султанское окружение Решада Мехмеда V подталкивало главу турецкого государства к войне с Россией. Когда об этом впервые завели разговор, султан в ужасе воскликнул:

— Воевать с Россией! Да ее труп одного достаточно, чтобы нас сокрушить!

На что султану-калифу сразу же подобострастно ответили:

— Вы, ваше величество, как всегда правы. Но сейчас этот труп готовы вместе с нами поднять на штыки германская и австрийская армии. С ними русской армии не совладать.

— Вы уверены в этом?

— О том, что сейчас русскому медведю не устоять — говорит пол-Европы, а не только Берлин и Вена, ваше султанское величество.

— Хотелось бы верить в такое чудо. Если только оно возможно, господа германские советники...

В Санкт-Петербурге внимательно следили за дипломатической активностью Вены и Берлина. Председатель Совета Министров С. Д. Сазонов 23 ноября 1912 года представил им-

ператору Николаю II докладную записку. В ней российский премьер прямо говорил:

«Скорое распадение Турции не может быть для нас желанным... Это таит для России военную угрозу...»

Сазонов, опытный государственный дипломат, предостерегал российского самодержца от опрометчивых шагов и одновременно указывал министру иностранных дел:

«Весь расчет Вены и Берлина строится на попытке подорвать доверие Балканского союза к России...»

Австро-Венгрия хочет получить свободу рук на западе Балкан, выдвигая иллюзорную для России приманку в районе проливов...

Мы не можем остановиться на почве компенсаций, которые невыгодно отразились бы на положении балканских государств».

Одним словом, официальная позиция России в этом вопросе оставалась прежней. По мнению Санкт-Петербурга проливы Босфор и Дарданеллы и достаточная для их обороны зона на Балканском полуострове должны принадлежать Турции и никакому другому государству Европы.

В конце 1913 года русско-турецкие отношения заметно осложнились. Вызвано это было тем, что Турция переориентировалась на военный союз с Германией. Как стало известно великому князю Николаю Николаевичу-Младшему, дяде здравствующего императора, от заграничной агентуры, в середине декабря в Турцию прибыла новая германская военная миссия. Ее возглавлял опытный штабной работник генерал Лиман фон Сандерс. На него возлагалась реорганизация султанской армии и определение размеров немецкой помощи султанской армии и флоту. Это становилось серьезным сигналом об опасности для России.

Информация, полученная из Санкт-Петербурга, сразу же легла на стол начальника штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанта Юденича. Он вызвал к себе начальника разведывательного отдела штаба:

— По данным из столицы, в Стамбуле появился немецкий генерал фон Сандерс. Надо собрать о нем полнейшую информацию.

— Что вас больше интересует, Николай Николаевич?

— Круг интересов в турецкой армии, его аппарат из германских офицеров и стиль работы.

— Что еще?

— Деятельность немецких советников в тех войсках, которые находятся вблизи нашей государственной границы.

— Будет исполнено. Могу доложить, что первые подобные сведения в отдел уже поступили...

В генерале от кавалерии Лимане фон Сандерсе Юденич не случайно увидел опасного противника. Выпускник военной академии имел прекрасные послужной список. Командовал гусарским полком, кавалерийской бригадой, был начальником дивизии. Работал на различных штабных должностях. В 1911 году был произведен в генерал-лейтенанты.

Фон Сандерс придерживался прогрессивных взглядов на развитие военного дела и оперативного искусства. На уходящую в историю кавалерию не уповал, с интересом присматривался к «механическим» средствам ведения войны. Среди германского высшего генералитета пользовался немалым авторитетом.

В декабре 1913 года 58-летний Лиман фон Сандерс направляется в Турцию как глава германской военной миссии. (В августе 1914 года в ее состав входило 70 немецких офицеров, в конце Первой мировой войны — 800.) Руководил реорганизацией турецкой армии и до, и в ходе войны. Одновременно ему было поручено командование 1-м армейским корпусом, расквартированным в Константинополе, в результате чего после заявления протеста российским Министерством иностранных дел возник серьезный дипломатический кризис.

О том, какова была роль германского генерал-лейтенанта в военной системе султанской Турции, свидетельствует следующий факт. Еще до начала Первой мировой войны, в январе 1914 года, Лиман фон Сандерс за заслуги в модернизации султанского войска производится в мушеры — маршалы Турции и назначается генерал-инспектором ее огромной армии.

Когда в Тифлис пришло сообщение о том, что германский генерал назначен командиром 1-го армейского корпуса Турции, Юденич сказал Воронцову-Дашкову:

— Ваше превосходительство, это для нас означает одно — Германия стала хозяйкой черноморских проливов.

— Николай Николаевич, а не сгущаете ли вы краски на сей счет?

— Никак нет, Илларион Иванович. Теперь можно ждать скорого появления германских тяжелых кораблей в Черном море.

— Но султанское правительство вряд ли решится их пропустить. Ведь это будет означать прямой вызов России.

— Через Босфор и Дарданеллы германские крейсера пройдут к нашим берегам совершенно беспрепятственно. А что касается вызова, то назначение Лимана фон Сандерса командиром самого сильного турецкого корпуса — уже есть вызов нам.

— Что вы предлагаете предпринять в связи с этим?

— Надо подумать о более надежной защите черноморского кавказского побережья от ударов с моря. Особенно позаботиться о Батуме и Туапсе с их портами.

— Что ж, Николай Николаевич, по всей видимости, вы правы. Тогда принимайте необходимые меры. На ваше усмотрение.

— Будет исполнено, ваше превосходительство.

— А я со своей стороны сообщу о том лично императору и Государственному совету...

О миссии Сандерса в штабе Кавказского военного округа имелась исчерпывающая информация. Она была получена почти одновременно от двух российских дипломатов, аккредитованных в Стамбуле — посла Гирса и военно-морского агента (атташе) Щеглова. Первоначальная численность новой германской миссии в Турции определялась человек в сорок. Но только первоначальная. Немецким офицерам предоставлялось право совмещать функции инструкторов с командными.

Глава миссии Лиман фон Сандерс становился командующим 1-м столичным корпусом, который занимал укрепления на берегах Босфора и вокруг Стамбула. В составе этого корпуса создавалась образцовая дивизия из всех родов оружия во главе опять же с германским офицером. Немецкие офицеры ставились во главе всех военных школ Турции.

Более того, все назначения на высшие должности в армии и производства в новые воинские звания отныне делались не иначе как по утверждению военной миссии Германии в Стамбуле. Такого иноземного засилья армия и флот Турции еще не знали. Резюмируя свое о том донесение, российский посол Гирс обращал внимание на другую сторону «дела о миссии Сандерса»:

«Все это означает, что в случае наших десантных операций в районе Босфора в будущем мы встретим здесь германский корпус...»

Личность Лимана фон Сандерса стала постоянным предметом обсуждений в Тифлисе. Его деятельность в Турции все больше и больше озадачивала и Воронцова-Дашкова, и Юденича. В один из дней между ними состоялся следующий разговор:

— Николай Николаевич, не могу не ознакомить вас с письмом, которое я только сегодня получил от Сазонова, нашего министра иностранных дел. Будьте любезны, ознакомьтесь с ним.

— Он опять пишет вам, Илларион Иванович, о фон Сандерсе?

— Да, все о том же. Читайте.

Юденич взял пространное письмо, одна из страниц которого была отмечена красными чернилами, и стал читать выделенное специально для него место:

«Все практическое значение военной миссии генерала Лимана фон Сандерса сводится для нас к тому, что если у кого-либо в России еще есть сомнения относительно истинных целей германской политики на Ближнем Востоке, то обстановка, в которой была задумана и приведена в исполнение означенная миссия, положила конец всяким неясностям и недоразумениям».

Заметив, что Юденич кончил читать и о чем-то задумался, Воронцов-Дашков нетерпеливо спросил его:

— Так что вы на сей счет скажете, Николай Николаевич?

— Только то, что Турция будет при всех невыгодах для нее большой войны стоять на стороне Германии.

— Вы в этом уверены?

— Думаю, что иного развития событий у границ Кавказского края в скорое время не предвидится, Илларион Иванович.

— Я рад, что мы с вами единого мнения о миссии Сандерса и повороте Стамбула окончательно к Берлину...

Разведывательная информация о деятельности германской миссии в Стамбуле заставила штаб Кавказского военного округа усилить работу по подготовке будущего театра войны. Улучшались дороги, создавались по возможности запасы армейского снаряжения. Проводилось уточнение первоочередного призыва запасников. Решались вопросы расквартирования возможных новых воинских частей. Многое приходилось «выколачивать» из столичного военного ведомства.

Юденич самым серьезным образом позаботился об ускорении картографических съемок приграничной полосы. Он при этом вспоминал свое командование 18-м стрелковым полком на войне в Маньчжурии, особенно в ее начале. Тогда не то что карт мест предполагаемых боев не поступало в полк — не было даже карт китайских провинций с городами и городками, основными дорогами.

Надо сказать, что военно-топографический отдел окружного штаба на сей счет действительно расстарался. Когда Юденич ознакомился с представленными ему картами Закавказья и прилегающих к нему районов Турции и Персии, то он не смог скрыть своего удивления:

— Такие бы карты генералу Куропаткину и мне, как полковому командиру в 1904-м... Не могу не похвалить вас, господи топографы.

Карт Кавказа в штабе округа было целых пять:

Двухверстная карта, составленная по материалам инструментальных съемок 1866 года в масштабе одна верста в дюйме, изданная в два цвета.

Пятиверстная карта с прилегающими к Кавказу частями Турции и Персии. К ней был отпечатан алфавитный указатель на 307 страницах с 34 тысячами географических названий.

Десятиверстная, схожая с пятиверстной картой.

Двадцативерстная карта, отпечатанная в три цвета. Она имела стратегическое «звучание» для работников больших штабов.

И наконец, крупномасштабная 40-верстная карта Кавказа и прилегающих частей Турции и Персии, напечатанная в три цвета, с выделением красным цветом областных и губернских границ.

Довольный Юденич имел серьезную беседу с начальником окружного военно-топографического отдела генерал-майором Н. О. Щеткиным:

— Господин генерал, не могу не заметить образцовости работы ваших топографов. Сегодня смотрел карты — рад был, слов нет.

— Благодарю вас, Николай Николаевич, за такую высокую оценку наших трудов.

— Особенно мне понравилась десятиверстная карта. По ней и будем учить полковое начальство воевать.

— Карта действительно удалась. В Генеральном штабе ее отметили среди прочих.

— Однако мне, как начальнику окружного штаба, хотелось бы дать вашим топографам несколько заданий.

— Каких именно?

— Нужно провести топографические работы в Персии, особенно в ее северном приграничье с Турцией, и здесь, на Кавказе.

— Хочу доложить вам, Николай Николаевич, что мною в Персию уже отправлен топографический отряд: два съёмочных отделения по начальнику и пять производителей работ. Им предстоит провести полуинструментальную съёмку почти 22 тысяч квадратных верст.

— Да, трудиться им придется много. Но меня волнует дополнительная картографическая съёмка и четырех районов на Кавказе.

— Каких, Николай Николаевич?

— Прежде всего приграничной Батумской области. Района Михайловской крепости. Прибрежной полосы от Туапсе до Сочи в Черноморской губернии. И Терской и Кубанской областей.

— Какие новые карты этих районов вы хотели бы иметь в окружном штабе?

— Конечно, двухверстные.

— Тогда окружной военно-топографический отдел на этой же неделе командует в указанные места съёмочные отделения. Какие будут дополнительные указания?

— Обратите самое большое внимание на любые дороги. А в горах и лесах — даже на тропы, по которым могут пройти вьючные лошади...

...Пока штаб Кавказского военного округа занимался «своими» турецкими и персидскими делами, подобная работа, но на более высоком уровне, велась в Санкт-Петербурге. Российское правительство и высшее военное руководство страны, по вполне объяснимым причинам, были очень обеспокоены таким положением вещей. Однако единодушия с союзниками по Антанте во взглядах на эту проблему достигнуто так и не было.

Когда на сей счет было запрошено мнение командования Кавказским военным округом, то генерал Юденич от себя, заместника Воронцова-Дашкова и его помощника по военным вопросам Мышлаевского ответил так:

— Если сегодня, в дни мира, нет согласия с Лондоном и Парижем по поводу пребывания германского генерала Лимана фон Сандерса у руководства турецкой армии, то в случае возникновения военного пожара на Ближнем Востоке это отразится на союзных военных действиях.

— Не сгущает ли краски на сей счет штаб Кавказского военного округа?

— Нет, не сгущает. События идут к этому.

— Вы, Николай Николаевич, обладаете достоверной информацией, чтобы делать подобный вывод?

— Вполне, ваше превосходительство.

— Но в столице и при дворе многие влиятельные лица не разделяют таких резких взглядов.

— Даже если так, следует смотреть дальше собственного носа...

Время довольно скоро докажет всю правоту взглядов Юденича на германский вопрос в Турции. Согласованность действий союзников по Антанте в годы Первой мировой войны на Ближнем Востоке с первой до последней военной кампании будет оставлять желать много лучшего. Это отразится самым негативным образом и на судьбе самого генерала за Главным Кавказским хребтом.

В феврале 1914 года в Санкт-Петербурге было созвано закрытое совещание на высшем уровне, посвященное русско-турецким отношениям. В нем приняли участие представители трех ведомств — дипломатического, военного и морского. На этом совещании присутствовал и генерал-лейтенант Юденич, замещавший в то время на посту командующего военным округом на Кавказе заболевшего графа Воронцова-Дашкова.

На совещании высказывались самые различные точки зрения. Против военных акций в районе черноморских проливов Босфор и Дарданеллы высказались министр иностранных дел А. П. Извольский, морской министр адмирал И. К. Григорович и генерал-квартирмейстер Генерального штаба генерал-лейтенант Ю. Н. Данилов.

Последний после этого совещания пригласил Юденича к себе в кабинет. Там он ознакомил Николая Николаевича с наметками мобилизационного плана и расчетом перегруппировки соединений — дивизий и бригад, отдельных полков с Кавказа на случай войны с Германией и Австро-Венгрией:

— Николай Николаевич, ввиду частой сменяемости начальников Генерального штаба, мне приходится заниматься разработкой планов войны против Германии и Австро-Венгрии.

— Мне об этом известно, Юрий Никифорович. Могу заметить, что на себе вы несете тяжелое бремя ответственности.

— Что ж, слова сочувствия принимаются. Но разговор сейчас у меня с начальником штаба Воронцова-Дашкова будет совсем не об этом.

— О чем же столь секретно, за закрытыми дверями, Юрий Никифорович?

— Вам известно, что в приграничных округах европейской части государства подготовленных войск на начало широкомасштабной войны недостаточно?

— Да, известно. Но есть же большие внутренние округа — столичный и Московский. Там расквартировано немалое число дивизий и корпусов. Там стоят и гвардия, и Гренадерский корпус.

— Столичных округов нам просто не хватит в трудный час.

— Но есть же и другие округа, пусть и подальше от Москвы — Казанский, Сибирский, Туркестанский.

— Вся беда в том, что, скажем, Сибирь с ее сибирскими стрелковыми корпусами для России начинается с Владивостока. Транссибирская магистраль не пропустит в месяц-два такое огромное количество идущих на запад воинских эшелонов, об этом вам, Николай Николаевич, прекрасно известно по Русской-японской войне.

— Да, испытал на личном опыте, когда мой 18-й стрелковый полк добирался в Маньчжурию из Вильно через Москву.

— То-то и оно. А войска первой очереди, отобилизованные в считанные дни, нам потребуются в большом количестве уже в начальный период войны. В том, что она будет, я лично не сомневаюсь.

— И я тоже, Юрий Никифорович. Особенно после сегодняшнего совещания.

— Поэтому в Генеральном штабе, в его квартирмейстерской части, принято следующее решение — с началом войны против Австро-Венгрии и Германии забрать часть первоочередных войск из Кавказского военного округа. У вас есть на то возражения?

— Конечно, есть. С началом войны Вены и Берлина против России в нее обязательно ввяжется Стамбул. Не случайно же там сидит Лиман фон Сандерс. В штабе округа известно, что свой хлеб германская миссия хорошо отработывает.

— В Генштабе знают, что ваши оперативники много трудятся по сбору разведывательной информации.

— Она-то нас и убедила в том, что турецкая армия всего за один год стала иной.

— Мы здесь тоже считаем, что Турция и по сей день — наш самый вероятный ближневосточный противник. Но она в войну вступит не сразу.

— Такое мнение наших дипломатов в Тифлисе известно.

— Вы с ним согласны, Николай Николаевич?

— Да, я его разделяю. У нас в окружном штабе есть подтверждающая это разведывательная информация.

— В таком случае, смотрите расчеты квартирмейстерской Генерального штаба. Они сделаны под моим руководством.

Генерал-лейтенант Данилов достал из сейфа папку с документами и вынул из нее карту южных губерний России, всю испещренную условными знаками. Разложив бумаги на рабочем столе, генерал-квартирмейстер, который в рядах русской армии имел прозвище «Данилов-черный», повел рукой:

— Смотрите, Николай Николаевич: вот ваш округ и размещение первоочередных войск на Кавказе.

— Да, все войска на месте.

— Дивизий и полков для обороны Кавказа вы имеете достаточно на первый раз. Но все же часть из них будет перебросена к границам Австро-Венгрии сразу же после объявления войны.

— Какими путями намечена переброска назначенных окранных войск?

— Железные дороги со всем не справятся. Придется часть людей перевозить Черным морем. Черноморскому флоту такую задачу уже поставили: будут мобилизованы частные суда, коммерческие пароходы, боевые корабли.

— Чем же тогда решено усилить обескровленный округ?

— Генеральным штабом решено возместить вам потерю части войск переброской из Туркестана полновесного армейского корпуса. Кроме того, Кавказская армия получит большую часть Кубанского и Терского казачьих войск с их конной артиллерией и пехотой пластунов.

— Но им тоже надо будет время для прибытия из-за Кавказских гор. Турецкое командование их появления на границе ждать не будет. Оно само пойдет в наступление.

— Поэтому вам, Николай Николаевич, и придется позаботиться о планировании надежного прикрытия приграничья остающимися войсками до прибытия усиления из Туркестана.

— Пока туркестанцы придут на Кавказ, там уже завершатся первые операции.

— Об этом мы здесь хорошо знаем, но все же рассчитываем на оперативность и твердость окружного командования. Турецкая армия никак не должна появиться в Закавказье.

— Она и не появится, Юрий Никифорович. Даю вам в том слово.

— Охотно верю, Николай Николаевич. Только помните, что командовать боевыми операциями придется все же вам.

— Для меня это не большой секрет. Граф Илларион Иванович так часто болеет, что из Тифлиса почти не выезжает. Всем заниматься приходится нам с Александром Захарьевичем Мышлаевским.

— Насколько мне известно, вы с ним хорошо сработались?

— Да. Взаимопонимание полное.

— Мышлаевский — хороший генерал. Но из вас двоих опыт войны имеет только вы, Николай Николаевич. К тому же вы и начальник окружного штаба. Вам, как говорится, карты в руки брать придется.

— Спасибо, Юрий Никифорович. Постараюсь сыграть с турками как можно лучше.

— Турки турками, а про Лимана фон Сандерса вы не забывайте. Это хороший генерал прусской службы.

— В этом-то его и слабина. Командовать будет турецкими армиями по шаблону прошлых лет, не иначе.

— Вы, Николай Николаевич, никак изучили почерк германца?

— Изучаем всем оперативным отделом штаба. Ведь воевать с ним нам придется, а никому другому.

— Как мне известно, в Тифлисе уже с год как ведется отработка оперативных документов на случай войны с Турцией?

— Да, я уже докладывал об этом в Санкт-Петербург за подписью его превосходительства графа Воронцова-Дашкова.

— Тогда нашей квартирмейстерской службе помогать не надо, я полагаю.

— Сами управимся с планами на войну на Кавказе. У меня, Юрий Никифорович, опытные оперативные работники. Хотя и из молодых, но после окончания Николаевской академии. Большинство имеют хорошую служебную перспективу.

— Нам о ваших оперативниках известно. Многие из них вами просились на Кавказ.

— Что ж, Кавказ еще со времен Шамиля притягивал к себе способную на волевые поступки армейскую молодежь...

Генерал-квартирмейстер относился к генерал-лейтенанту Юденичу с уважением, будучи знаком с ним по делам службы. Потому и была у него уверенность в возможностях начальника штаба Кавказского военного округа. При расставании Данилов подчеркнул особо следующее:

— Прошу вас, Николай Николаевич, при отработке штабом округа каких-либо документов исключить утечку этой информации. Мобилизационный план и план боевой деятельности на 1914 год рекомендую составить лично с привлечением только генерал-квартирмейстера, на утверждение в столицу представить нарочным обер-офицером.

— Будет исполнено, Юрий Никифорович...

В последний год перед началом Первой мировой войны в штаб Кавказского военного округа поступали все более тревожные вести. При этом источники информации были самыми разнообразными. Правительство султана-калифа Решада Мехмеда V стремительно скатывалось на путь военного противостояния с Россией. Германский генерал-лейтенант Бронзарт фон Шеллендорф, ставший муширом — маршалом Турции, не переставал повторять султану:

— Ваше султанское величество, назревает время, когда ваша империя может вернуть себе утерянные в войнах с Россией территории, прежде всего Кавказ.

— Но мой мушир, за все десять русско-турецких войн Стамбулу еще никогда не удавалось что-либо вернуть из ранее потерянного. Если не считать донского Азова. Да еще крепость Карс поменяли на крымский Севастополь. Но это было уже так давно.

— Сейчас иные времена, ваше султанское величество. Войну против России вместе с вами начнут Германия и Австро-Венгрия. А их военная мощь общеизвестна.

— Да, мои дипломаты склонны считать, что это именно так.

— Так что ваша султанская армия не будет одинокой в войне с Россией?

— Что вы, мой мушир, скажете о турецкой армии? Ведь вы для нее сделали уже очень многое.

— Она, ваше султанское величество, на сегодняшний день полностью реорганизована и перевооружена по европейским стандартам. На Востоке у нее сейчас достойных соперников нет.

— Что же будет, если ей придется сразиться с русской или британской? Кто одержит верх — англичане с русскими или турки?

— Англичанам придется пробиваться через аравийские пустыни. Если, разумеется, их войска появятся на Ближнем Востоке.

— А русские? Они же рядом, на Кавказе.

— Их войска в Закавказье не велики числом. Пока из-за гор подоспеют подкрепления, русская армия будет разбита в приграничном сражении. Престарелый царский визирь в Тифлисе генерал Воронцов-Дашков никогда не был военачальником: он царедворец императора Николая Романова.

— Но у этого визиря в штабе немало генералов. Среди них может оказаться тот, кто достойно возглавит кавказские войска русских.

— Наша агентура, ваше султанское величество, доносит из Грузии, что в Тифлисе нет выдающихся генералов.

— Тогда что ждет меня, если я объявлю священную войну России?

— Я верю, что боевые знамена турок-османов будут развеваться не только на землях грузин, армян и азербайджанцев, бывших подданных Блистательной Порты, но и на землях Северного Кавказа и берегах реки Волги.

— Хочется в это верить. Надеюсь, что труды германской военной миссии не пропали даром.

— В это верит не только ваше султанское величество, но и Берлин с Венной. Там уже готовы к войне.

— Да, мне об этом хорошо известно.

— Вопрос сегодня только в том — где начнется эта война.

— В таком случае, мушир, предупредите еще раз ваше правительство, что Турция не будет начинать большую войну в Европе. Она может только поддержать в ней своих союзников.

— Будет исполнено, ваше султанское величество.

Лиман фон Сандерс с поклоном проводил султана Решада Мехмеда V. Немецкий генерал в мундире турецкого маршала знал немало того, чего не знал его восточный повелитель. Хотя бы то, что многие генералы — паши мечтают скрестить оружие с «неверной Россией» на Кавказе...

В Тифлисе, в штабе Кавказского военного округа, большая карта приграничных районов Турции, имевшая гриф «совершенно секретно», все больше и больше покрывалась условными знаками. Турецким командованием к границе с северным соседом подтягивались различные воинские формирования, отобилизовывались резервисты, пограничная жандармерия получала усиление. В курдских племенах, проживающих на турецкой территории, создавались многотысячные иррегулярные конные части, которые дополняли регулярную кавалерию.

Юденича беспокоило и другое: турецкая разведка заметно активизировала свою деятельность в приграничье, особенно в Аджарии и портовом городе Батуме. На местное мусульманское население в Стамбуле делали немалую ставку. В ходе же скорой войны она оправдалась только отчасти.

Для пограничных стражников наступили напряженные дни. Теперь на горных тропах турецких лазутчиков ловили больше, чем вооруженных контрабандистов и угонщиков скота. Стычки с применением огнестрельного оружия стали обыденным явлением. Турецкие стражники на сопредельной стороне порой вели себя просто вызывающе.

20 июля 1914 года, на второй день начавшейся Русско-германской войны (еще не Первой мировой), султанская Турция официально присоединилась к коалиции держав Центрального Блока, заключив соответствующее соглашение с Берлином. Секретом для правительства России и стран Антанты это не стало.

Копия германо-турецкого соглашения была направлена российским Министерством иностранных дел в штаб Кавказского военного округа в начале августа. Соглашение

враждебной стороны, внимательно прочитанное и проанализированное генерал-лейтенантом Юденичем, содержало восемь пунктов:

1. Обе договаривающиеся стороны сохраняют нейтралитет в существующем между Австро-Венгрией и Сербией конфликте.

2. В том случае, если бы Россия вмешалась при посредстве действительных военных мер в конфликт и сделала бы, таким образом, необходимыми для Германии выполнение своего долга и своих обязанностей союзницы по отношению к Австро-Венгрии, то этот долг и эти обязанности подлежали бы выполнению также и для Турции.

3. В случае войны германская военная миссия останется в распоряжении оттоманского правительства. Оттоманское правительство обеспечит существование действительного влияния и действительной власти этой миссии в общих операциях турецкой армии.

4. Если оттоманские территории подвергнутся угрозе со стороны России, Германия защитит Турцию в случае нужды силой оружия.

...7. Настоящее соглашение останется секретным и может быть опубликовано лишь в случае согласия, установленного обеими договаривающимися сторонами...»

Стамбул без особых колебаний вступил в Первую мировую войну. 27 сентября Турция закрыла черноморские проливы для торговых кораблей стран Антанты и прежде всего для России. Этот шаг стал как бы актом неофициального объявления войны противникам Германии и Австро-Венгрии. Теперь в Европе знали, на чьей стороне и против кого будет сражаться турецкая армия, приведенная в «соответствие» германской военной миссией генерал-лейтенанта и мушера Лимана фон Сандерса.

16 октября соединенная турецко-германская эскадра под командованием немецкого контр-адмирала Вильгельма Сушона бомбардировала города Севастополь, Феодосию, Новороссийск. При этом германские линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау» были включены в состав военно-морского флота Турции под названиями «Султан Селим» и «Медиллли». При этом практически всеми кораблями Оттоманской Порты командовали германские офицеры.

Контр-адмирал Сушон пользовался такими широкими полномочиями, что часто отдавал приказы союзному флоту

через голову турецкого морского министра Джемалья-паши. Флотом Стамбула фактически командовал он, а не адмиралы Решада Мехмеда V.

Одновременно с бомбардировкой Севастополя, Феодосии и Новороссийска было совершено внезапное нападение на портовый город Одессу. В ее гавани турецкими миноносцами была потоплена русская канонерская лодка «Донец». При получении о том краткой телеграммы начальник штаба Кавказского округа приказал немедленно собрать всех наличных офицеров:

— Господа офицеры, сегодня турецкий флот под флагом германского адмирала атаковал черноморские порты России. В Одессе потоплена наша канонерская лодка.

Юденич пытливо посмотрел на лица стоявших в зале штабных офицеров, своих подчиненных. Они молчали, словно ничего неожиданного для них сегодня не произошло. Николай Николаевич продолжил:

— И хотя война с Турцией еще официально не объявлена, знайте — она уже началась.

По лицам подчиненных Николай Николаевич видел, что они уже давно готовы к войне. Для них приграничный округ последние годы все больше напоминал прифронтовую. Дальше генерал-лейтенант уже приказывал:

— Штаб округа полностью переходит на режим военного времени. Немедленно отозвать телеграммами всех людей из отпусков. Получить личное оружие. Усилить бдительность. В отделах штаба дежурство вести круглосуточно...

В ответ на откровенно враждебные военные акции со стороны Турции 2 ноября 1914 года Россия после некоторого «дипломатического» промедления объявила ей войну. 5 ноября такое же решение приняла Великобритания, а на следующий день — Франция.

Первая мировая война таким образом пришла на Кавказ и уже в скором времени сделала генерала Николая Николаевича Юденича признанным полководцем русской армии. Война принесла ему славу и сделала его трижды кавалером ордена Святого Георгия.

Эта же война самым неожиданным образом прервала его блестящую военную карьеру, а потом бросила в пучину Гражданской войны и оставила без Отечества, сделав уделом последних лет его жизни русское зарубежье.

Глава пятая

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ. НАЧАЛО ВОЙНЫ

Известно, что, оказавшись в эмиграции, Николай Николаевич Юденич избегал давать оценки готовности России, ее армии и народа к Великой войне. За него это сделали другие известные личности — современники тех военных потрясений. Отказать многим таким суждениям в правдивости и по сей день трудно.

Так, бывший царский генерал от кавалерии, Верховный главнокомандующий Временного правительства, а затем красный военный специалист А. А. Брусилов в своих мемуарах отмечал:

«Мы выступили с удовлетворительно подготовленной армией...

Состав кадровых офицеров... был недурен и знал свое дело хорошо, что и доказал на деле...

Хуже у нас была подготовка умов народа к войне. Она была вполне отрицательная...

Моральную подготовку народа к неизбежной европейской войне не то что упустили, а скорее не допустили...»

Один из вождей Белого движения на российском юге генерал-лейтенант А. И. Деникин в своих мемуарах «Путь русского офицера» высказывался более резко:

«Россия не была готова к войне, не желала ее и употребляла все усилия, чтобы ее предотвратить».

Известный отечественный военный историк А. М. Зайончковский в своем фундаментальном труде «Мировая война 1914—1918 гг.» дает действительно исчерпывающую характеристику готовности Российской империи и ее армии и флота к Первой мировой войне. Ее участник и исследователь, он отмечал:

«Россия успела залечить свои раны (после Русско-японской войны. — А.Ш.) и сделать большой шаг вперед в смысле укрепления своего военного могущества. Мобилизованная русская армия достигла в 1914 г. грандиозной цифры — 1816 батальонов, 1110 эскадронов и 7088 орудий, 85% которых... могло быть двинуто на Западный театр военных действий.

В русской армии усовершенствовалось обучение, расширились боевые порядки, начала приводиться в жизнь элас-

тичность их, было обращено внимание на значение огня, роль пулеметов, связь артиллерии с пехотой, индивидуальное обучение отдельного бойца, на подготовку младшего командного состава и на воспитание войск в духе активных и решительных действий.

Но с другой стороны, оставлено было без внимания выдвинутое японской войной значение в полевом бою тяжелой артиллерии, что, впрочем, следует отнести и к погрешности всех остальных армий, кроме германской. Не были достаточно учтены ни громадный расход боеприпасов, ни значительные техники в будущей войне.

...Однообразного понимания военных явлений и однообразного подхода к ним ни в русской армии, ни в ее Генеральном штабе достигнуто не было, — отмечал далее А. М. Зайончковский. — В то время, когда офицерский состав вышел на мировую войну... обученным тактике согласно новому полковому уставу (1912 года. — А.Ш.), у высшего командного состава, за редким исключением, наблюдалось отсутствие твердых определенных взглядов, а нередко и совершенно устарелые воззрения.

Генеральный штаб, начиная с 1905 года, получил автономное положение. Он сделал очень мало для проведения в жизнь армии единого взгляда на современное военное искусство. Успев разрушить старые устои, он не смог дать ничего цельного. С таким разнородным в понимании военного искусства русский Генеральный штаб вступил в мировую войну...

Кроме того, русская армия начала войну... весьма слабо снабженной всеми техническими средствами и огнеприпасами... имея у себя в тылу неподготовленную для ведения большой войны страну и ее военное управление и совершенно не подготовленную к переходу для работ на военные нужды промышленность.

В общем, русская армия выступила на войну с хорошими полками, с посредственными дивизиями и корпусами, и с плохими армиями и фронтами...»

Здесь в чем-то можно и не согласиться с маститым военным историком А. М. Зайончковским. Генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич к началу войны имел твердые воззрения на современное ему военное искусство, иначе русские войска не одерживали бы на Кавказе большие и убедительные победы одну за другой. Отдельную Кавказ-

скую армию и Кавказский фронт в истории Первой мировой войны трудно назвать «плохими»...

После официального объявления войны дальнейшие события развивались стремительно. Высочайшим императорским указом 1 ноября 1914 года на базе Кавказского военного округа начала разворачиваться Отдельная Кавказская армия.

Ее командующим, в силу занимаемой высокой должности, назначается престарелый генерал-адъютант граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков. Начальником армейского штаба становится генерал-лейтенант Николай Николаевич Юденич. Генерал от инфантерии Александр Захарьевич Мышлаевский назначается помощником командующего, и первое время в его руках сосредотачивается все оперативное руководство русскими вооруженными силами на Кавказе.

Отдельная Кавказская армия разворачивается на огромной приграничной полосе от побережья Черного моря до озера Урмия протяженностью в 720 километров. Армия фактически с первого дня своего образования являлась большим фронтом.

Назначение армейским командующим графа Воронцова-Дашкова было актом чисто номинальным. Хороший администратор и опытный царедворец не имел таланта большого военачальника, хотя в свое время отличался как храбрый и доблестный офицер. Более того, наместник в силу своего весьма преклонного возраста не мог бывать в действующих войсках. Да и состояние здоровья не позволяло ему это делать.

Поэтому фактически с первого дня войны все управление Отдельной армией легло на плечи генерал-лейтенанта Юденича. Над ним номинально еще стоял генерал Мышлаевский, но почетный профессор Николаевской академии Генерального штаба не имел ни боевого опыта, ни организаторских способностей. Так получилось, что в назначенном императорским указом триумvirате военных вождей Кавказской армии фронтовыми делами правил младший из них. Большого секрета это не представляло ни для кого, в том числе для турецкого командования и руководства Антанты.

К чести Воронцова-Дашкова, он не претендовал на подлинность своей должности главнокомандующего большой армией. С получением нового назначения граф откровенно сказал начальнику штаба:

— Любезный мой Николай Николаевич, сами понимаете, какой из меня сейчас полководец. Но такова воля государя. Поэтому берите власть на войне в свои руки. Если что надо — согласуйте со мной, с Мышлаевским.

— Благодарю за высокое доверие, ваше превосходительство. Надеюсь, что вам не в чем будет меня упрекнуть.

— Ну, вот и все. Мы с вами договорились, Николай Николаевич: я управляю армией, а вы ею командуете.

— Какой полнотой власти тогда, Илларион Иванович, я обладаю с вашего согласия?

— Вы командуете Кавказской армией во всем от моего имени, но своим волеизволением...

Утром 2 ноября в Тифлисе, а штаб-квартире Кавказского наместничества, собрался военный совет только что образованной на базе округа Отдельной армии. Был собран почти весь генералитет, за исключением тех, кто в этот день был в войсках на самой границе. Генерал Воронцов-Дашков в парадном мундире при всех орденах, лентах и золотой шпаге открыл военный совет:

— Господа генералы! Вы уже ознакомлены с высочайшим указом государя императора Николая Александровича о создании Отдельной Кавказской армии и назначении меня ее командующим. Поэтому позвольте представить вам моего помощника — Александра Захарьевича Мышлаевского и начальника штаба нашей армии Николая Николаевича Юденича.

Мышлавский и Юденич встали со своих мест и представились собравшемуся генералитету. Их почти все хорошо знали и потому вопросов не последовало. После этого Воронцов-Дашков продолжил:

— Господа генералы, я предлагаю заслушать на военном совете начальника штаба армии, он прои... формирует нас о вооруженных силах Турции и положении на государственной границе. Прошу вас, Николай Николаевич.

Генерал-лейтенант Юденич встал и подошел к большой карте Кавказа и южного приграничья, висевшей на стене. Взяв в руки указку, он начал:

— Ваше превосходительство, господа генералы! Я напомним, что по данным штаба Кавказского военного округа, сегодня упраздненного в связи с объявлением войны нашему со... седу, турецкие сухопутные войска насчитывают до полутора

миллиона человек. Но процесс их от мобилизации еще не завершен.

Царский наместник, как председатель армейского военного совета, продолжил:

— Николай Николаевич, как организационно делится султанская армия?

— По последним разведывательным данным в составе турецкой армии насчитывается 40 дивизий низама, то есть кадровых войск. Их дополняют 53 дивизии редифа — обученного ополчения. Султанское ополчение — мустафиз может быть доведено до 100 тысяч человек. Но качество его намного ниже нашего ополчения.

— Николай Николаевич, меня, как старого кавалериста, интересует состав неприятельской конницы. Из чего она состоит? Много ли у турок будет племенной конницы?

— Относительно турецкой кавалерии разведывательный отдел штаба точных данных не имеет. Известно, что турецкая кавалерия насчитывает в своем составе более шестидесяти полков.

— А конницы курдских племен?

— Курды составляют немалую часть вражеской кавалерии — примерно двадцать полков. Они формируются из конных ополчений курдских племен, расселенных в турецкой Армении.

— Николай Николаевич, какая султанская армия противостоит на сегодняшний день нашей Кавказской? Доложите военному совету.

— Нам на сегодняшний день непосредственно противостоит сильнейшая из армий Турции — 3-я. Она состоит из трех армейских корпусов — 9-го, 10-го и 11-го. В составе каждого из них по три пехотных дивизии со своей артиллерией. Армейская кавалерия состоит из 2-й отдельной кавалерийской дивизии и ориентировочно четырех-пяти конных курдских дивизий неустановленного состава.

— Где на начало войны развернута 3-я армия?

— Основные армейские силы развернуты в районе крепости Эрзерум. 10-й армейский корпус развернут у Самсуна. Для прикрытия государственной границы больших сил турки на сегодняшний день пока не выдвинули.

— Получает ли противостоящая нам вражеская армия какие-либо подкрепления?

— Да. По всей видимости, в Стамбуле решили значительно усилить 3-ю армию. На днях из Месопотамии начала перегруппировку пехотная дивизия 13-го армейского корпуса, действовавшего южнее Багдада против англичан. По некоторым данным к переброске оттуда готовится еще одна дивизия. Отмечены факты пополнения противной стороны и мустафизом: ополченцы в него собираются из приграничных губернаторств.

— Что штабу известно о состоянии тылового обеспечения турок?

— По вполне достоверным данным неприятель заблаговременно создал большие запасы армейского снабжения. В патронах и снарядах у турок нужды в начальный период войны не ожидается.

— Каков же, Николай Николаевич, общий состав 3-й армии на начало боевых действий?

— Армия насчитывает около 130 батальонов пехоты низама и редифа, примерно 160 кавалерийских эскадронов и конных курдских сотен, а также 270 — 300 орудий различных артиллерийских систем.

— Кто возглавляет армию?

— Известный своей опытностью и азартом игрока генерал-лейтенант Гасан-Иззет-паша. На пост командующего назначен недавно, в ноябре этого года.

— Кто у него начальник армейского штаба?

— Немецкий генерал Бронзарт фон Шеллендорф. Прибыл в Турцию в составе германской военной миссии Лимана фон Сандерса.

— Известно ли нам и Ставке Верховного Главнокомандующего задачи 3-й турецкой армии на начало войны?

— Мы предполагаем, что это турецкое объединение имеет пока оборонительные задачи. В Стамбуле султан и его берлинские советники на сегодня обеспокоены проблемой обороны пролива Дарданеллы.

Командующий граф Воронцов-Дашков, обращаясь к членам военного совета, сказал:

— Должен от своего лица высказать начальнику окружного, а теперь и армейского штаба Николаю Николаевичу глубокую признательность за сбор разведывательной информации о противостоящих нам на Кавказском театре военных действий силах Турции. А теперь попросим его доложить военному совету о наших силах.

— Ваше превосходительство, господа генералы! Докладываю вам о состоянии Отдельной Кавказской армии на 2 ноября сего года. Состав наших сил — 120 пехотных батальонов, 127 казачьих сотен — кубанцев и терцев и 304 артиллерийских орудия.

— Николай Николаевич, что мы можем противопоставить туркам на северном участке фронта?

— Замечу сразу, что сил у нас здесь пока развернуто немного. На Приморском, то есть Батумском направлении находятся отдельные части 66-й пехотной дивизии, 5-й Туркестанской стрелковой и 1-й Кубанской пластуной бригад, 25-я бригада пограничной стражи. На Ольгинском направлении действует 20-я пехотная дивизия присутствующего здесь генерала Николая Михайловича Истомина. Она усилена 26-й бригадой пограничной стражи.

— Какое направление, по вашему мнению, для Отдельной армии является главным?

— Вне всякого сомнения, ваше превосходительство, — Сарыкамышское: об этом свидетельствует ход всех русско-турецких войн на Кавказе. Боевые операции на Сарыкамышском направлении, убежден, определят лицо новой войны.

— Какие силы кавказских войск мы здесь развернули?

— На Сарыкамышском направлении сосредоточены главные силы армии. Это — 1-й Кавказский армейский корпус генерала Георгия Эдуардовича Берхмана в составе двух пехотных дивизий, 1-й Кавказской казачьей дивизии и трех бригад, а также недавно прибывший к нам 2-й Туркестанский армейский корпус генерала Владимира Алексеевича Слюсаренко, имеющий две стрелковые бригады.

— Как мне известно, крепость Карс с началом войны стала тыловой армейской базой?

— Точно так, ваше превосходительство.

— Что мы готовим в ней сейчас?

— В Карской крепости заканчивается формирование 3-й Кавказской стрелковой бригады генерала Габаева.

— А что мы имеем из войск в Тифлисе? Что можем послать на фронт из столицы Кавказского наместничества?

— В Тифлисе собирается воедино прибывающая на Кавказ Сибирская казачья бригада генерала Петра Петровича Калитина. Хочется отметить, ваше превосходительство, боевой настрой сибирских казаков.

— Превосходно, коли так. А теперь, господа генералы, Николай Николаевич от моего имени поставит всем вам ближайшей боевые задачи. Не забывайте о том, что война России с Турцией уже идет.

Генерал-лейтенант Юденич обернулся к оперативной карте штаба округа, теперь — армии, повел указкой:

— Сравнительный анализ показывает, что силы 3-й турецкой армии и нашей Кавказской примерно равны. Но на главном, Сарыкамышском направлении русские войска имеют на сегодня почти двойное превосходство над противником в людях. Обращаю внимание присутствующих еще раз на то важное обстоятельство, что операции на данном направлении должны сыграть решающее значение в начальный период войны.

— А что вас больше всего беспокоит на сегодняшний день в нашем расположении, Николай Николаевич?

— То, что на других направлениях ситуация складывается совсем иной. Особенно тревожно, на мой взгляд, на Ольгинском направлении.

— Почему?

— Под Ольтами неприятель, по данным нашей разведки, превосходит только что сформированный отряд генерала Истомина по пехоте в шесть, по артиллерии в три раза.

— Но, Николай Николаевич, мы же можем Истомина быстро подкрепить кавалерией. И большими силами, между прочим.

Слова наместника дополнил до сего молчаливо слушавший генерал Мышлаевский. Он заметил:

— Общеизвестно, что турецкая регулярная кавалерия, не говоря уже о племенной коннице курдов, качественно уступает русской, казачьей коннице. Что же вас тревожит в таком случае?

— Александр Захарьевич, это так. Наш казак — не турецкий улан. Но в условиях горного театра войны, особенно зимой, а она у нас уже не за горами, когда обильные снегопады и почти полное отсутствие фуража на местах, такое преимущество Кавказской армии в кавалерии не сулит особых выгод.

Удивленный таким выводом Юденича, генерал Мышлаевский переспросил:

— Вы считаете, что с наступлением зимы оперировать крупными массами конницы нам будет трудно? Так я вас понял?

— Точно так. Не просто трудно, но и почти невозможно, скажем, ввести в действие казачью дивизию в полном ее составе.

Мышлаевский в ответ молча только покачал головой. Суждение Юденича мало вязалось с положениями тех лекций, которые заслуженный профессор, большой знаток тактики читал лекции в Николаевской академии Генерального штаба.

Граф Воронцов-Дашков спросил:

— Какой образ военных действий предлагает армейскому командованию начальник штаба?

Юденич понял этот вопрос командующего, как предложение завершить доклад на военном совете.

— Исходя из имеющегося соотношения сил и средств, учитывая горный театр войны и условия погоды, предлагаю в ближайшее время ограничиться активной обороной и ведением вдоль границы боевой разведки. Одновременно необходимо завершить от мобилизацию и формирование армейских резервов.

— А что в итоге будет, Николай Николаевич?

— Армейская наступательная операция, ваше превосходительство. Штаб армии уже приступил к ее разработке.

Мнение генерал-лейтенанта Юденича о характере начальных действий поддержали строевые командиры, начальник разведки армии, начальник армейской артиллерии и другие должностные лица, то есть весь собранный в Тифлисе военный совет только что образованной еще одной русской армии — Отдельной, не входившей ни в какой фронт.

С ними согласился Воронцов-Дашков, и после некоторых раздумий его помощник Мышлаевский. Командующий заключил заседание военного совета словами:

— Пока будем держать в неприкосновенности государственную границу. А там, Бог даст, в скором времени перейдем в наступление, если не всей армией, то частью ее...

Первая мировая война на Кавказе началась так. Русская армия первой начала наступательные действия. Это делало честь армейскому штабу, сумевшему быстро от мобилизовать войска приграничного военного округа и выдвинуть их к линии государственной границы. Штабная культура генерала Юденича и его подчиненных оказалась на должной высоте.

Уже 15 ноября разведывательные отряды 1-го Кавказско-

го корпуса, с ходу заняв приграничные горные рубежи и перевалы, еще не покрытые снегом, начали выдвижение в направлении Эрзерума. Турецкая пограничная жандармерия почти всюду отступала без стрельбы, сжигая караульные помещения и конюшни, запасы фуража. Жандармы торопились с отходом из опасения, что казаки и русские пограничные стражники возьмут их в плен.

После этого на горных дорогах начались первые схватки с боевым прикрытием главных сил 3-й турецкой армии. Но велись они силами казачьих сотен и авангардных пехотных батальонов. До вступления в дело главных сил сторон было еще далеко.

Есть достоверные воспоминания о первых днях войны на Кавказе. Их оставил Федор Иванович Елисеев, начавший свой ратный путь в чине хорунжего в рядах кубанского казачьего 1-го Кавказского полка. Гражданскую войну он начал подьесаулом, командовал затем Корниловским конным полком, в 1920 году — 2-й Кубанской казачьей дивизией, потом стал белоэмигрантом. Елисеев оставил после себя мемуары «Казаки на Кавказском фронте 1914–1917». Он так описывает свой первый бой:

«Получен боевой приказ по бригаде — как двигаться полкам. Наш полк назначен головным, а от Таманского полка назначена разведывательная сотня.

...Разведывательная сотня таманцев прошла мимо нас. В темноте по силуэту дивного коня командира сотни я узнал 2-ю есаула Закрепы. Мой друг и однокашник по военному училищу хорунжий Николай Семеняка — младший офицер этой сотни, значит, он первым и раньше меня вступит в бой с турками, констатирую я и желаю ему отличиться. Он твердый, «натурный» человек и с дороги не свернет. Я только жалел, что в ночной тьме не вижу его и не могу пожелать ему полного и обеспеченного успеха в первом же бою.

Во всех сотнях стояла напряженно-серьезная тишина в ожидании выступления. Сотни стояли спешенными. Казаки и офицеры говорили между собой тихо, словно боясь, как бы турки не подслушали их. Чувствовалось, что каждый из них думал о войне и переживал — что даст нам утро?

Выступили. Шли шагом, не торопясь. Дорога извилистая. Расчет таков, чтобы к рассвету подойти к турецкой границе. Мы были верстах в трех от нее, как услышали впереди

и вправо от себя выстрелы. Мы поняли, что разведывательная сотня таманцев натолкнулась на турок.

Уже светало. Справа скачет к нам казак-таманец и докладывает полковнику Мигузову, что «разъезд хорунжего Семеняки напоролся на турок, турки открыли огонь и... пэрэбили казаков... хорунжий тоже ранитый и лыжить промиж вбитых и послали мэне просыть пиддэржку... мий кинь тож ранитый». И показал на круп своего коня. Позади седла зияла рана. Потный рыже-золотистый конь тяжело дышал. Мигузов направил его в главные силы к генералу Николаеву. То был младший урядник Краснобай.

«Семеняка ранен... Какое счастье быть раненым в первом же бою!» — думал я. Ведь это же геройство! И я был рад за своего друга.

Где была разведывательная сотня таманцев, мы не знали, но Мигузов сразу же выбросил своих две сотни — 1-ю подьесаула Алферова прямо по дороге на персидское пограничное село Базыргян, а 4-ю есаула Калугина на сильный турецкий пост Гюрджи-Булах, что у Малого Арарата. Алферов выскочил с сотней наметом, а Калугин широкой рысью. Скоро сотни скрылись от нас в неровностях местности. Остальные четыре сотни полка, сосредоточившись за одним из отрогов гор, спешили.

Скоро впереди нас затрещали очень частые выстрелы. То 1-я сотня вступила в бой с турками, в первый бой нашего полка...

Пост Гюрджи-Булах отстоял от нас на север версты на три. Скоро мы услышали выстрелы и оттуда. То вступила в бой и 4-я сотня.

Мы стояли под горой и ждали. Все офицеры направили свои бинокли в стороны ведущих бой сотен, но ничего не увидели из-за скал. Доносилась ожесточенная стрельба. Командир полка волновался и усиленно всматривался в свой старый бинокль (трубчатый), чтобы узнать: что же делается в его сотнях? Но гребень отрога скрывал от нас поле боя. Так и стояли мы в неведении час, другой. Наконец от Алферова рысью скачет казак. Все наши взоры перенеслись на него. Нервный полковник Мигузов не выдержал и закричал:

— Да ско-рей же, с...н сын! Дав-вай сюда донесение! — и вырвал из рук бумажку.

«Занял гребни гор. Веду перестрелку с турками. Прошу

дать поддержку», — писал подьесаул Алферов, и мы все слушали это остро, сосредоточенно.

— Э-э... подьесаул Маневский! Пошлите в помощь Алферову одну свою полусотню, — обратился полковник к нашему командиру сотни уже более спокойно.

Мы с хорунжим Леурдой переглянулись, как бы молча спросили друг друга: кого из нас пошлет Маневский? И кто из нас будет счастливым?

— Хорунжий Елисеев! Возьмите свою первую полусотню и скачите в район 1-й сотни, — официально бросил командир Маневский, впервые обращаясь ко мне «по чину».

Коротко козырнув и не рассуждая, команду спешенной сотне:

— Первая полусотня — садись!.. За мной!

Маневский перекрестил нас. Широким наметом, обогнув кряж, бросились в направлении 1-й сотни. Подскочив к подшве второго гребня, мы увидели вправо 1-ю сотню в цепи по самому гребню, ведущую перестрелку. Алферов позади цепи прогуливался во весь рост. За спиной у него белый бапшлык.

— К пешему строю... Слезай! — кричу-командую почти на карьере, и казаки, мигом скатившись с седел, выхватили из-за плеч винтовки и побежали ко мне.

— В цепь!.. Вперед! — команду, и казаки по булыжникам и камням, спотыкаясь и скользя по сухому каменисто-глинистому крутому подъему горы, карабкаются вперед и вперед, держа относительное равнение боевого строя. Ни у кого из нас не ощущалось чувства страха, а была одна цель — как можно скорее добраться до гребня и как можно скорее вступить в бой. Но как только казачьи папахи показали на гребне, рой пуль пронесся над ними, и мелкие камушки рикошетом осыпали нас.

— Ложитесь, ложитесь, ваше благородие! — крикнули ближайšie казаки, но вправо от нас подьесаул Алферов ходит позади своих казаков во весь рост — как же мне ложиться, прятаться от пуль? И отскочив чуть назад, я стал, как и Алферов, прогуливаться, следя за огнем казаков, которые открыли его немедленно же с казачьим запалом.

Турецкий гребень был чуть ниже нашего. За ним — первое турецкое село, над которым развевался их флаг на высоком древке...

Перестрелка затянулась. Было уже за полдень. Солнце слепило казаков, так как смотрело им в глаза. Результата боя не было видно. Но вот мы услышали какие-то крики слева, южнее нас, и тут же увидели казачьи папахи на каменистом турецком завале, командовавшем над всей местностью. То храбрый подъясаул Домарацкий по личному почину со взводом казаков выбил оттуда турок.

Он закричал с высоты командиру сотни подъясаулу Алферову:

— Ка-зак Су-хи-нин уби-ит... приш-ли-те но-си-ил-ки...

С занятием Домарацким «ключа позиций» турки зашевелились. Из села, что перед нами, группами они стали отходить на запад. Мы поняли, что исход боя предрешен. Огонь турок уменьшился. Быстрыми перебежками казаки перемахнули ложбину и заняли их позиции. Кучи гильз валялись везде. На участке 1-й сотни убегали турки и курды в белых штанах. На самом правом фланге, у поста Гюрджи-Булах, 4-я сотня есаула Калугина наконец сломила сопротивление турок. Они побежали. И с нашего высокого участка видно, как один из взводов сотни под командой сотника Дьячевского ровно на закате ясного осеннего дня лавой, стремительным аллюром неизъезженных казачьих коней атаковал уходящих турок. Они бегут, но мы видим, как заметно уменьшается расстояние и вот турки остановились, бросали винтовки и подняли руки вверх. Их быстро окружили казаки.

Вся наша цепь первой и третьей сотен вскочила и побежала к селу, над которым еще развеялся турецкий красный флаг с белым полумесяцем и звездой. Флаг сорван. Он висел над таможей. У входа стоит перепуганный старик-таможник. Казаки его не тронули, и лишь гурт белых гусей стал их добычей. Мы не ели и не пили со вчерашнего дня.

Я смотрю на казаков. Все веселы. В поту, в пыли. Папахи круто сдвинуты на затылки. Полы черкесок отвернуты за пояс. Все держат винтовки в правой руке горизонтально, готовые ежесекундно вскинуть их, если того потребует случай. И ничего в них не было от регулярной армии.

После боя, после первого боя в их жизни, они излучали какое-то молодечество, безграничную удасть, братскую дружественность и, словно после «кулачек» в своей станице, полную удовлетворенность боем, воспринятым как привычная забава...»

После того боя в кубанском 1-м Кавказском полку появился первый фронтовой Георгиевский кавалер. Начальник армейского штаба генерал-лейтенант Юденич утвердил представление на героя боя за Гюрджи-Булах казака Подъясова — Георгиевский крест 4-й степени.

После того славного боя в 1-м Кавказском казачьем полку Кубанского войска несколько переделали знаменитую и любимую песню «Ермоловскую». Теперь она звучала несколько иначе:

«И Алферов будет с нами,
Нам с ним весело идти!
Без патронов, мы на пашки,
Каждый против десяти.

Наша грудь всегда готова
Встретить вражескую рать!
Полк Кавказский наш удалый
Не умеет отступать...»

Схожими оказались первые схватки Мировой войны на Кавказе: и по накалу, и по настрою участвовавших в них бойцов они чем-то напоминали братьев-близнецов. Только на следующий день, 16 ноября, государственную границу перешли главные силы русского армейского корпуса.

Генерал Берхман был настроен решительно. Русская 39-я пехотная дивизия с ходу овладела Зевинской позицией и двинулась в Пассинскую долину. Вскоре войска 1-го Кавказского корпуса заняли важную Кебри-Кейской позицию, но за ней столкнулись со значительными силами турок.

В то же время русский Эриванский отряд, двинувшись за Чингильские высоты, овладел древней крепостью Баязет и Караклиссом. Была занята Алашкертская долина и левый фланг Кавказского фронта получил надежное обеспечение.

Однако не зря говорится, на большой войне дураков бывает мало. Неприятельское командование и его многочисленные германские военные советники оказались вполне готовыми к такому первому ходу русской стороны. Гасан-Иззет-паша и Бронзарт фон Шеллендорф быстро парировали наступательный выпад Воронцова-Дашкова.

Спустя два дня с начала войны на Кавказе русские авангардные отряды, атакованные частями 9-го и 11-го турецких корпусов, опасаясь обхода своего правого фланга, отошли к

государственной границе. Четырехдневные бои при Кебри закончились успехом неприятеля. Не удалось кавказцам удержаться и на Зевинской позиции. Генерал Берхман смог остановить турок на границе только с подходом полков туркестанских стрелков.

В Кебри-Кейском пограничном сражении русские потери убитыми, ранеными и обмороженными составили около десяти тысяч человек. Турки понесли потери несколько меньше.

Поскольку на правом фланге наступавшего, а потом отступившего 1-го Кавказского корпуса турецкие части достигли государственной границы у селения Караурган, туда спешно по железной дороге, из армейского резерва, был двинут 2-й Туркестанский корпус.

Однако первой к Караургану успела подойти 1-я Кубанская пластунская бригада генерала Михаила Алексеевича Пржевальского. Ее появление на этом участке границы изменило положение и сделало фронт устойчивым.

О героях-пластунах генерала Пржевальского один из исследователей Первой мировой войны на Кавказе генерал Масловский написал такие строки:

«Вернувшись в Кагызман, бригада двинулась форсированным маршем...

Бывшие в голове три батальона уже 2 ноября... перешли в наступление против 33-й турецкой дивизии...

Энергичным движением пластуны к вечеру отбросили турок...

На следующий день вся бригада (всего пять батальонов, так как 1-й, полковника Расторгуева, был на приморском направлении)... решительно атаковала турок и отбросила их, обеспечив левый фланг корпуса.

В ночь на 4 ноября... по соглашению с генералом Баратовым, как только наступила темнота, оставив к югу от Аракса один батальон, с остальными четырьмя... быстро перешла вброд через широкий и быстрый Аракс и атаковала с фланга и тыла турок...

При этом, ввиду трудности переправы через широкую реку с быстрым течением, ночью, в холодные ноябрьские дни, когда уже выпал снег, генерал Пржевальский первый с разведчиками переправился вброд, приказав всем переправляться вслед, не раздеваясь и держась группами за руки. Переправа была осуществлена быстро и неожиданно для турок.

Внезапным ударом пластуны опрокинули турок и внесли ряды их смятение. Затем, выполнив блестяще задачу, пластуны перед рассветом таким же порядком вернулись на правый берег Аракса.

А с утра 5 ноября уже вступили в бой с турками, пытавшимися снова продвинуться вперед...»

Одновременно турецкие войска вторглись в Батумскую область, в ее горную часть: в Стамбуле делали ставку на вооруженное выступление против русских мусульманской части населения Аджарии.

Приморский отряд генерала Александра Яковлевича Ельшина, коменданта Михайловской крепости, оказался в крайне затруднительном положении. В тыловом Батуме началась паника, в горах начали действовать протурецкие отряды аджарских мусульман. Из Тифлиса генерал-лейтенант Юденич именем царского наместника требовал только одного — держаться на занимаемых позициях.

Ельшинский Приморский отряд — 264-й пехотный Георгиевский полк, батальон кубанских казаков-пластун и несколько сотен пограничных стражников — имел дело с перебросенной из Стамбула (Константинополя) 3-й турецкой пехотной дивизией. Она на месте была подкреплена отрядами местной жандармерии и несколькими тысячами иррегулярных ополченцев, больше похожих на разбойников-башибузуков прошлых русско-турецких войн.

В Аджарию вдоль берега Черного моря туркам прорваться так и не удалось. Вскоре генерал Ельшин получил подкрепление в лице 19-го туркестанского стрелкового полка и отбил всюду вражеский натиск.

Все же с самого начала войны ситуация в Батумской области и на ее границах с Турцией оставалась серьезной. Об этом Юденичу доложил начальник разведывательного отдела армейского штаба:

— Николай Николаевич, из допросов пленных выяснена картина турецких задумок относительно возмущения мусульманского населения Аджарии.

— Что же они задумали там против нас?

— В Шевшетии начали действовать так называемые четники или по-нашему — партизаны.

— Из кого состоят эти четы?

— Отбор в них довольно строг. Принимаются местные жители из числа сторонников правительственной партии «Единство и прогресс».

— Весьма любопытно. И сколько, по вашим оперативным данным, действует против нас этих четников?

— До трех тысяч человек.

— Кто ими командует?

— Немецкий советник в чине майора. Фамилия — Штанге.

— Что это за фигура?

— По имеющимся сведениям, участвовал в боях, состоя в Константинопольском корпусе. Спасался от нас бегством в город Ардануч.

— Кто еще задействован против нас, кроме четников, в горах Батумской области?

— Обнаружено присутствие нескольких батальонов пограничных стражников. Много турецких жандармов.

— Их численность известна?

— Нет, не установлена...

В Алашкертской долине Эриванский отряд, вскоре переименованный в 4-й Кавказский армейский корпус, выдержал несколько сильных боев с противником. Туркам удалось потеснить русских у перевала Клыч Гядук и захватить в качестве трофеев две пушки. Однако уже вскоре пехотный Ахульгинский полк смелой атакой восстановил положение, взяв в свою очередь у турок два полевых орудия.

Начало войны России с Турцией всколыхнуло армянское население Кавказского края. С одобрения царского наместника графа Воронцова-Дашкова началось формирование семи добровольческих дружин, которые первоначально получили название «Арагатская группа». Свое боевое крещение они прошли в Баязетском отряде генерала Николаева.

Вооружение армян Закавказья вызвало озабоченность российского Министерства внутренних дел. В одном из своих сообщений правительству его глава отметил, что этот вопрос крайне серьезный для Кавказского многонационального края. Министр внутренних дел бил тревогу, подчеркивая в донесении следующее:

«...Над этим думать некому. Этот обширный край, представляющий собою хотя второстепенный, но все же серьезный, в смысле вопросов будущего, театр военных действий, остается без власти, без руководителя. Нынешний намест-

ник на Кавказе генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков — человек совершенно больной и дряхлый, фактически уже не способный к трудовой жизни.

«В самые тревожные дни, переживавшиеся Кавказом, во время наступления турок на Сарыкамыш, он никого не принимал, но тем не менее никому не передавал своей власти. Поэтому в результате на Кавказе царил и сейчас царит полное безвластие. Всякий делает что и как ему угодно, а народная молва упорно твердит, что Кавказом управляет графиня Воронцова-Дашкова».

В последующем армянские добровольческие дружины получили некоторую организационную структуру. Первоначально они назывались по именам своих выборных командиров — Андроника, Амазапса, Дро, Кери, Бехамбека... Позднее эти дружины по настоянию командующего армией генерала Юденича были реформированы в армянские стрелковые батальоны, то есть приобрели армейскую организацию. Например, 1-я дружина Андроника стала называться 1-м армянским стрелковым батальоном...

Юденич имел прямое отношение и к формированию грузинских добровольческих дружин — Кутаисской и Тифлисской. Они были сведены в Грузинский стрелковый батальон, который со временем развернули в одноименный полк.

Во всех местах русские войска, если могли, то решительно наступали. Если им приходилось сдерживать натиск превосходящих сил неприятеля, то они пытались контратаковать турок.

Такое приказание им было дано из армейского штаба. Его начальник с началом боевых действий стал напоминать шахматного гротмейстера, колдующего над оперативной картой, как над шахматной доской. Юденич старался уже в самом начале противоборства на границе поставить оперативное управление войсками на должную высоту. От этого во многом зависел успех проведения предстоящих армейских наступательных операций.

Все же первые несколько дней войны дали некоторый тактический выигрыш русской армии. Эрзерумский отряд, сформированный из подходивших к границе частей 1-го Кавказского корпуса, углубился на 20–30 километров по ту сторону государственной границы. Эрзерумцы решительной ночной атакой заняли высоты в окрестностях города Алаш-

керт. Особенно значимым оказалось взятие «Рыжей горы»: здесь туркам с боем пришлось отступить.

На этом Кавказский фронт замер. С приходом в конце ноября суровой зимы с ее многочисленными снежными бурями и обильными снегопадами дороги и тропы в горах сделались почти непроходимыми. О каких-то наступательных операциях с задействованием многих тысяч людей и десятков артиллерийских орудий сторонам не приходилось и думать.

Зато на всем протяжении линии фронта постоянно происходили жаркие стычки разведывательных отрядов, как правило, в одну-две сотни человек. Это свидетельствовало только об одном — и Гасан Иззет-паша, и Юденич бдительно стерегли друг друга.

Великого князя Николая Николаевича-Младшего, как верховного главнокомандующего России, такие действия на Кавказе пока вполне устраивали. По крайней мере, из Тифлиса не требовали подкреплений и все подготовленные резервы из Сибири и Туркестана шли на усиление Восточного или Русского фронта, где не утихали бои с германцами и австро-венграми.

Однако такое начало боевых действий на Кавказе явно не устраивало Стамбул и германскую военную миссию. Последнюю из Берлина постоянно подталкивали требованиями активизировать действия с тем, чтобы Россия оттянула с Восточного фронта как можно больше войск против Турции.

События на Кавказе развивались стремительно. 3 декабря в командование 3-й турецкой армией вступает военный министр султана-калифа Решада Мехмеда V мушир — маршал Энвер-паша.

Первое сведение о смене командующего неприятельской армией в штабе Кавказской армии было получено от пленных. Затем пришло официальное подтверждение из Могилева, из Ставки Верховного Главнокомандующего. Появление опытного Энвера-паши в Эрзеруме сильно насторожило Юденича.

От имени командующего Отдельной Кавказской армии генерала Воронцова-Дашкова он отдал приказание всем дивизиям, бригадам и отдельным полкам активизировать разведку, усилить дежурство в штабах и на линиях связи, боевое охранение на передовой, привести в готовность корпусные и армейские резервы, провести ряд мероприятий по инженерному оборудованию занимаемых позиций.

То, что сам военный министр Турции появился на Кавказском, а не на Месопотамском или Палестинском фронте, говорило о многом. И в первую очередь о том, что неприятель в скором времени предпримет большую наступательную операцию.

Было отчего тревожиться начальнику армейского штаба. В досье его разведывательного отдела Энвер-паша характеризовался как опытный военачальник, выдвинувшийся в ходе Первой и Второй Балканских войн⁸. Его отличали решительность и настойчивость, большой авторитет среди офицерского состава турецкой армии. Мушир был почитаем и среди нижних чинов, прежде всего потому, что он происходил из бедной семьи.

С получением известий о появлении военного министра Турции во главе 3-й султанской армии у Юденича состоялся разговор с графом Воронцовым-Дашковым и генералом Мышлаевским:

— Ваше превосходительство, информация об Энвер-паше, полученная от пленных, подтверждена шифрованной телеграммой из Ставки.

— Что ж, Николай Николаевич, я слышал об этом человеке. А что у вас есть о нем?

— Тридцать три года. Окончил Академию Генерального штаба в Константинополе. Член руководства партии младотурок.

— Значит, он был в числе тех, кто организовал заговор против султана Абдул-Гамида Второго в 1909 году?

— Да, он был одним из организаторов заговора вместе с Махмуд-Шевкет-пашой и Ниязим-беем. А в январе 1913 года произвел военный переворот и сверг кабинет министров Киамия-паши, настроившегося в ходе Балканских войн на мирное решение спорных вопросов с соседями Турции.

— Каковы, по вашим данным, его политические взгляды?

— Он на сегодняшний день один из идеологов панисламизма.

О панисламизме и Воронцов-Дашков, и Юденич были слышаны много. Им было хорошо известно, что Энвер-паша строил уже не первый год планы создания великого «Туранского государства». В него должны были войти территории от Суэцкого канала до Казани, от Самарканда до Балканского города Адрианополя. Естественно, под его, Энвера, главенством.

— Его отношение к Германии?

— Энвер-паша был военным агентом турецкого посольства в Берлине. Очень интересовался организацией кайзеровской армии и ее тактикой действий. В Стамбуле показал себя рьяным сторонником заключения военного союза с Германией.

— У военного министра должен быть боевой опыт. Где же он сумел его поднабраться за такой короткий срок?

— В 1911 году он руководил народным восстанием против итальянских войск в Триполитании. Затем командовал армейским корпусом, защищавшим город Адрианополь. Во Второй Балканской войне вернул его Турции, разбив болгарские войска.

— Как Энвер-паша в такие молодые годы умудрился стать военным министром Турции?

— Очень просто, почти по-европейски. В начале этого года он женился на любимой племяннице султана и сразу же получил министерский пост. На султана-калифа Решада-Мехмеда он оказывал еще до женитьбы огромное влияние: ведь за спиной Энвера-паши фактически стоит турецкая армия, которая верит в него.

— Настоящий военный министр должен быть большим стратегом. Этот Энвер-паша как-то заявил германскому послу в Стамбуле, что будет победоносно воевать сразу на два фронта.

— Да, такое заявление Энвер-паша делал. Он действительно ведет войну на два фронта — на Кавказе против России и в Египте против Великобритании.

— Священную войну Антанте объявил тоже он. Что вы, Николай Николаевич, ожидаете в связи с вступлением военного министра султана в должность командующего 3-й армией? Ведь вас это тревожит?

— Тревожит, Илларион Иванович. Надо ждать от Энвер-паши большой наступательной операции, иначе он просто так не оставил бы пост министра в Стамбуле.

— Тогда надо готовиться к жарким боям. Отдайте соответствующий приказ по армии.

— Ваше превосходительство, сегодня утром такой приказ за вашим именем уже отдан и к вечеру поступит во все штабы.

— Хорошо, Николай Николаевич, информируйте, пожалуйста, меня и Александра Захарьевича о всех серьезных изменениях в обстановке.

— Слушаюсь, ваше превосходительство...

Интуиция Юденича не подвела, как это уже случилось с ним не раз в Маньчжурии. Вскоре от агентуры на сопредельной стороне поступили первые сведения о подготовке турецким командованием наступления с целью полного овладения российским Закавказьем.

Одновременно из Аджарии поступили сведения об активизации здесь протурецких элементов. В горных селениях шла агитация за войну против «неверных». Турецкие войска, наступавшие на приморском направлении от Трапезунда, могли получить хорошую поддержку из неприятельского тыла и возможность захватить портовый город Батум. Тогда Севастопольская оперативная эскадра лишалась передового пункта базирования.

Вскоре от перебежчиков, преимущественно армян-христиан, стала поступать важная оперативная информация, которая суммировалась в разведывательном отделе штаба армии. Стало известно, что 11-му турецкому армейскому корпусу предписано совместно со 2-й кавалерийской дивизией и курдским конным корпусом сковать атаки русской Сарыкамышский отряд. Причем сковать боевыми действиями так, чтобы он оказался не в состоянии перебросить хотя бы часть своих сил в другое место.

9-му и 10-му корпусам Энвер-паша приказывал, уничтожив в считанные дни малочисленный Ольтинский отряд противника, обходным маневром через селение Бардус отрезать передовую базу русских в селении Сарыкамыш, где находились большие артиллерийские склады.

Турецким войскам, нацеленным на Батумскую область, ставилась задача занять город Ардаган и обеспечить с севера намеченный обходной маневр с целью окружения главных сил русских. Захват Батума давал туркам возможность перенести боевые действия в соседнюю Гурию и другие западные земли Грузии.

Проанализированная в штабе Отдельной Кавказской армии разведывательная информация свидетельствовала о главном: начавшейся зимой первого года войны султанское командование в лице военного министра Энвер-паши одним решительным ударом задумало выйти к Главному Кавказскому хребту.

О том и состоялся разговор генерал-лейтенанта Юденича со своим командующим. Воронцов-Дашков, выслушав начальника штаба, спросил:

— Неужели, Николай Николаевич, наш противник в лице Энвер-паши строит наполеоновские планы: разбить в одиночку наши кавказские войска и выйти к перевалам в Осетию и к Дербенту?

— Да, это так, Илларион Иванович. Он готовит нам окружение в виде вторых Канн. Посмотрим, что у него из этого получится.

— Глава турецкого военного ведомства — большой фантазер. Чего стоит, например, один его план военного похода против британской Индии через Персию и Афганистан. Ну прямо наш государь император Павел Первый: тот тоже хотел захватить Индию. Даже Донское казачье войско во главе с атаманом Платовым через Волгу на юг посылал.

— У Энвер-паши, ваше превосходительство, до жемчужины британской короны путь будет короче.

— Мы с вами, Николай Николаевич, все шутим, а они такую операцию на весь Кавказ против нас готовят.

— Пускай готовят. Знать бы только, где ее начнут, когда и куда целиться. А там, ничего, отобьемся.

— Когда надо ждать турецкого наступления?

— Со дня на день, Илларион Иванович. У меня разведка покоя сейчас не знает.

— Вы бы, Николай Николаевич, больше задействовали для этих целей воздухоплавательный отряд. Один аэроплан — это не казачья сотня на горной тропе.

— Авиаторам задачи на разведку поставлены, да только погоды для них все нет. То снегопад и пурга мешают, то ветер шквальный в горах. Такая напасть для наших летчиков-наблюдателей.

— Все же они какую-то информацию с неба вам приносят?

— Приносят, летают аж почти до самого Эрзерума. Ясно одно — турецкая армия пришла в движение.

— Я на тебя надеюсь, Николай Николаевич. Смотри не оплошай перед Рождественскими праздниками. Государь на нас крепко полагается.

— Не волнуйтесь, ваше превосходительство. Энвер-паша нам кавказских Канн не устроит, не те мы для него противники...

Юденич не ошибся. Появление в Эрзеруме Энвер-паши породило на фронте оживление. Уже 5 декабря армейская разведка выявила движение одной из пехотных дивизий

9-го вражеского корпуса в районе селений Пертанус и Кош. Когда об этом доложили начальнику армейского штаба, Николай Николаевич сказал своим штабистам:

— Ну, наконец! Теперь надо следить за началом движения других турецких дивизий и определить их маршруты. Позовите ко мне начальника разведывательного отдела.

Когда тот явился в кабинет, Юденич уже «колдовал» над оперативной картой.

— Смотрите сюда. Пертанус и Кош отстоят от селения Бардус всего на 55 верст.

— Но это, Николай Николаевич, по карте. Надо учитывать плохие дороги в здешних горах.

— Если эта дивизия турок стала выдвигаться на Бардус, то, значит, не сегодня-завтра в движение придут другие. Есть новая информация на сей счет?

— Есть. Наши боевые дозоры, выдвинутые вперед к селению Ит, доносят, что большие силы турецкой пехоты обнаружены на подходе к этому пункту.

— Определили, что это за войска?

— Пленный показал, что к Иту идет 31-я дивизия турок из 10-го корпуса.

— Значит, в наступление готовятся перейти все другие пехотные дивизии этого корпуса. Надо в том определиться, господин полковник. Иначе нам удачи не видать.

— Задачи на разведку в дивизии и бригады посланы по искровым станциям. Мои офицеры дежурят на радио круглосуточно. Любая достоверная разведывательная информация, Николай Николаевич, будет доложена немедленно.

— Хорошо, идите. А я свяжусь с командующим, прежде его о начале наступления Энвер-паши...

Вскоре конная и воздушная разведка обнаружили выдвижение к линии фронта еще двух вражеских пехотных дивизий. Это были 30-я и 32-я из того же 10-го корпуса. Они шли в направлении селения Ольты по дороге из Тортума. От позиций русского Ольтинского отряда их отделяло в горах всего около сотни верст пути.

С получением первых сведений начальник штаба Отдельной Кавказской армии именем командующего Воронцова-Дашкова приказал, по возможности, на всех направлениях выдвинуть вперед, как можно дальше, конные разведывательные дозоры. В них отбирались наиболее сметливые каза-

ки и пограничные стражники. Последние хорошо ориентировались в горах и знали язык местных жителей.

Одновременно активную воздушную разведку начали вести экипажи летательных аппаратов авиационного отряда армии. Каждый такой экипаж состоял из двух человек: пилота и наблюдателя. В дальнюю разведку теперь посылались только наиболее подготовленные воздухоплаватели, выпускники Гатчинской и Севастопольской авиационных школ.

От пленных русскому командованию стало известно и то, что новый командующий мушир Энвер-паша постарался за последние дни посетить как можно больше подчиненных ему воинских частей. Он интересовался готовностью к наступлению, духом воинов султана, состоянием дорог.

Возвратившись в армейскую штаб-квартиру, Энвер-паша отдал следующий приказ по армии, который оказался спустя некоторое время и в штабе русской Отдельной Кавказской армии:

«Солдаты, я всех вас посетил. Видел, что и ноги ваши боссы и на плечах ваших нет шинелей. Но враг, стоящий напротив вас, боится вас. В скором времени вы будете наступать и вступите на Кавказ. Там вы найдете продовольствие и богатства. Весь мусульманский мир с надеждой смотрит на ваши усилия...»

Ранним утром 9 декабря генерал-лейтенанту Юденичу доложили, что турецкие войска перешли в наступление. Наиболее опасным виделось их стремление охватить крупными, во много раз превосходящими силами Ольгинский отряд генерала Истомина. У того в подчинении были только пехотная бригада, 3-й Горско-Моздокский полк терских казаков, армянская добровольческая дружина и несколько других небольших подразделений, 24 артиллерийских орудия.

Начав наступление почти по всему фронту, 3-я турецкая армия сразу же лишилась главного своего преимущества — внезапности удара на решающем направлении. В штабе русской Кавказской армии своевременно узнали о готовящемся наступлении. Вопрос стоял лишь в том, куда нацелился мушир Энвер-паша со своими германскими советниками во главе с генералом Бронзартом фон Шеллендорфом. Уж им-то тактического искусства было не занимать.

Однако уже вскоре выяснилось, что вражеское командование при планировании такой ширококомандной наступа-

тельной операции оказалось не на высоте. Оно не смогло решить проблему согласованности действий наступающих корпусов и дивизий по времени и месту. Это привело к самым плачевным результатам.

Уже на следующий день после начала наступления, то есть 10 декабря, две турецкие дивизии, выдвигавшиеся соответственно из селений Ит и Тортум, соприкоснулись на горных дорогах и приняли друг друга за русских. По этой случайности между ними завязался с дальних дистанций яростный огневой бой, в котором противники не жалели ни снарядов, ни патронов.

Мушир Энвер-паша пришел в изумление, когда ему сразу из двух дивизий доложили, что противник обнаружен далеко впереди линии фронта и с ним ведется жаркий огневой бой. Мушир приказал немедленно выяснить, откуда взялись крупные силы русской пехоты. Но наступление на этом участке не отменил.

Когда разобрались в случившемся, то военный министр Турции пришел в неопиcуемый гнев. И было отчего: две столкнувшиеся в горах турецкие дивизии потеряли в бою против друг друга до 2 тысяч человек убитыми и ранеными, расстреляв немалую часть взятого с собой в путь боевого запаса.

Еще хуже было другое. Стали поступать сведения, что в наступающих налегке по горам турецких войсках появились первые обмороженные. Но этому Энвер-паша не придавал значения: он решил победоносно завершить задуманную им с германскими советниками наступательную операцию любой ценой.

Слабые передовые заслоны русских не могли приостановить наступление неприятеля. 17-я и 29-я турецкие пехотные дивизии, подошедшие вечером 11 декабря к селению Бардус, на пересечении горных дорог, заняли его и без остановки двинулись в направлении на Сарыкамыш.

Стоявшие в Бардусе передовой заставой две сотни русской пограничной стражи — пешая и конная, отошли на заснеженный перевал. Там пограничные стражники заняли оборону, изготовившись встретить наступающих силой огня двух с половиной сотен винтовок.

Энвер-паша, еще не зная, что его 10-й корпус вместо предусмотренного планом наступательной операции поворота от Ольты на восток увлекся преследованием русского Ольгин-

ского отряда, направил на Сарыкамыш еще и 32-ю пехотную дивизию. Однако из-за морозов и снежных заносов на горных дорогах она не смогла пойти туда и остановилась в Бардусе.

Здесь для Энвер-паши случилось непредвиденное, которое на войне может спутать любые планы: 32-й дивизии турок совместно с 28-й пехотной дивизией 9-го корпуса пришлось прикрывать пути сообщений, которым угрожал наступавший от селения Ени-кей русский 18-й Туркестанский стрелковый полк. Противник принял туркестанских стрелков за значительные силы пехоты.

Тем не менее обходящие русский правый фланг 9-й и 10-й турецкие армейские корпуса главными силами вышли на рубеж селений Арсенян, Косор. 11-й корпус, наступавший с фронта на русский Сарыкамышский отряд, завязал упорные бои на линии селений Маслагит, Арди.

Наступавшим в горах турецким войскам удалось добиться серьезного тактического успеха. После кровопролитного боя за город они захватили Ардаган. Там турки устроили страшную резню христианского армянского населения. Когда русские войска отобьют у турок Ардаган, то увидят страшную картину — вырезанные до последнего человека армянские семьи, дома, подвалы, колодцы, заполненные убитыми мирными людьми.

Это известие, дошедшее до армейского штаба в Тифлисе радиogramмой, прошедшей по искровым станциям, озадачило генерал-лейтенанта Юденича. В его планах не предусматривалась сдача неприятелю ардаганских позиций, которые прикрывали пути в Грузию, особенно удобный на Боржоме. У начальника армейского штаба состоялся разговор с неожиданно заболевшим командующим Воронцовым-Дашковым:

— Ваше превосходительство, получена телефонограмма о том, что к рассвету сегодняшнего дня турки захватили город Ардаган.

— Николай Николаевич, это достоверная информация?

— Да, по моему приказу ее перепроверили. Факт взятия Ардагана подтвердился.

— Чем это грозит Кавказской армии?

— Турки со стороны Ардагана могут выйти в Боржомское ущелье и появиться под Боржоме. Там у нас, кроме одной дружины государственного ополчения, войск нет.

— Что вы решили предпринять?

— Мною отдан приказ командиру Сибирской казачьей бригады генералу Петру Петровичу сегодня же выйти походом в порядке на Ардаган и восстановить там положение любой ценой.

— Чем мы можем подкрепить сибирских казаков здесь, в Тифлисе? Насколько я знаю, резервов здесь у нас нет.

— Да, это так. Тифлисский городской гарнизон с уходом полков Кавказской гренадерской дивизии ослаблен. Но все же подкрепление генералу Калитину мы дадим.

— Что это за войска?

— Отдельная Оренбургская казачья конно-артиллерийская батарея и конно-пулеметная команда.

— И это все? А пехота? Хотя бы несколько батальонов.

— Пехоты у меня под рукой, Илларион Иванович, сейчас резервной нет. Да и она не успела бы в марш-броске за конницей. Надеюсь, что генерал Калитин справится с поставленной ему задачей.

— Что ж, успех, надеюсь, будет.

— Если мы остановим турок у Ардагана и навяжем им бои в горах, то они дальше не продвинутся. А там мы и резервы Калитину подбросим, хотя на это потребуются до недели времени.

— Хорошо, Николай Николаевич. Продолжайте командовать армией от моего имени. Желаю удачи.

— Спасибо, ваше превосходительство. Со своей стороны, желаю вам скорого выздоровления...

Юденичу удалось парировать тактический ход Энвер-паши, причем он сделал это в самые сжатые сроки. Из Тифлиса в направлении Ардагана по железной дороге, а затем по железной дороге отправилась Сибирская казачья бригада с конно-пулеметной командой и батареей оренбургских казаков. Ход русского командования оказался очень удачным — прорыва турецких войск на Боржоме не произошло.

Чтобы поднять боевой дух русской Отдельной Кавказской армии, ее посетил император Николай II, совершавший свою первую поездку по фронтам. Он побывал прежде всего в крепости Карс. Генерал-лейтенант Юденич был в числе лиц армейского командного состава, которые встречали государя и сопровождали его всюду. После Карса император посетил селение Сарыкамыш.

Думается, что Николай Юденич испытывал тот же восторг при виде всероссийского монарха, который испытывала

Христина Семина, медицинская сестра одного из карских военных госпиталей, жена полкового врача Ивана Семина. В своих воспоминаниях, написанных уже после окончания Гражданской войны, в эмиграции, рядовая участница Первой мировой войны писала:

— Барыня! Сейчас приходил казак из штаба, спрашивал барина, я сказал, что их нету — уехал на позицию за ранеными. Государь Император приезжает сегодня в три часа! Государь будет ехать по нашей улице. Так чтобы на заборе не висело солдатское белье, сказал казак.

Бедный мой Ваня. Только несколько часов не дождался, чтобы посмотреть на Государя! Мне хотелось плакать от обиды, что его здесь нет. Такая великая радость увидеть живого, не на портрете, вот здесь, в глуши, на краю великой России, нашего Государя!.. Мне хотелось с кем-нибудь поделиться таким великим событием, говорить о Нем! Я пошла и постучала в дверь к Штровманам.

— Мадам Штровман, Государь приезжает в три часа.

Она открыла дверь и сейчас же спросила:

— Вы думаете, я могу стоять на улице?..

— Я не знаю!

— Дайте мне вашу форму, чтобы я могла стоять поближе к Нему!

— Вон, посмотрите, солдаты пришли. Идемте, я дам вам косынку.

Потом я надела шубу и вышла на улицу. Она была полна солдат. Они становились по два в ряд вдоль всей улицы от порога с главной и до самого госпиталя.

Никогда еще, кажется, у меня не было такого чувства радости и каких-то сладких слез!.. Я радуюсь такому счастливому дню. Может быть, единственному дню моей жизни? И почему-то хочется плакать! Слезы сами катятся из глаз... В носу мурашки, губы дрожат, не могу слова выговорить...

Солдаты стоят веселые, здороваются со мной, а я плачу...

— Здравствуйте, сестрица! Радость-то какая — сам Государь приезжает к нам!

— Да! Большая радость! — еле выговариваю я, а слезы ручьем льются из моих глаз.

Солдаты тоже как-то присмирели.

— Да! Это не каждому доводится видеть-то Государя Императора, — говорит солдат.

— Погодка-то какая стоит! Только для парада Государева! — говорит другой.

Они поближе придвинулись ко мне, чтобы вести общий разговор.

— Прямо, значит, с поезда и в церковь, а оттедова, по нашей самой улице, в штаб и госпиталь. Поздоровается с ранеными, поздравит! Кому Егория повесит... Ну, потом, конечно, и по другим, прочим делам поедет...

— Я, так думаю, что Государь по другим улицам обратно поедет, чтобы, значит, все могли его видеть, — сказал бородастый солдат.

— А вы весь день будете стоять, пока Государь не уедет?

— Нет, сменят. Как обратно проедет — так и уйдем! Мороз сегодня шибко крепкий, — говорит солдат, постукивая ногой об ногу.

Я только сейчас обратила внимание на их шапки, на которых вместо кокарды были крестики. Да и сами они все какие-то бородатые и совсем не молодые!

— Почему у вас на шапках крестики?

— Мы второочередники! Здесь фронт спокойный, как раз для таких, как мы — старики. А вы, сестрица, из каких краев будете? — спросил солдат.

— Я здешняя, кавказская, — из Баку.

Вышла мадам Штровман, в моей белой косынке.

— Можно мне стать впереди вас, солдаты?

Все сразу обернулись.

— Впереди стоять нельзя! Но тут стойте, нам не помешает! Места хватит, только долго не простойте на таком морозе! Еще рано! Поди, в церкви сейчас!

Я пошла в комнату, чтобы согреться, замерзла стоять, но в комнате еще тоскливее стало...

— Барыня! Едет, едет! — кричит Гайдамакин.

Я выбежала на улицу и сразу точно горячей волной обдало меня! — Ура! Ура! Урааа! неслось снизу улицы. Солдат унять нельзя было: лица строго-суровые. Стоят как по ниточке: по два в ряд, держа ружья перед собой. Офицеры чуть впереди солдат, вытянув шеи туда, откуда несется все громче и громче урааа! Вдруг снизу волна словно поднимается: ширится в громком ура!.. И дошла до нас. Я хотела тоже кричать ура, — раскрыла рот, но спазма сжала мне горло и вместо ура вырвались рыдания.

И ура неслось все громче и громче! Показались какие-то автомобили — один, другой. Я протираю глаза, хочу лучше видеть, а слезы снова ручьями бегут. А солдаты так радостно, так могуче кричали приветствие своему Государю!

Вот! Вот он! Кланяется на обе стороны. — Какое грустное лицо! Почему так Ему грустно?..

Вот и проехал! Скрылось светлое видение...

Я оглянулась. Мадам Штровман сидела на дощатом заборе и счастливо улыбалась...

— Слава Тебе Господи! Удостоились увидеть Государя! Теперь и умирать не страшно! — оборачиваясь ко мне, говорит солдат, утирая рукой слезы.

И не один он плакал. Плакали и другие; вытирали глаза кулаком.

— Не поедет больше по этой улице Государь, — говорит солдат, сморкаясь прямо рукой и сбрасывая на снег.

— Ну вот, теперь пойдем обедать. Прощайте, сестрица.

— С Богом! — говорю я и тоже иду домой. Сейчас же пришла Штровман.

— Знаете, я думала, Он — что-нибудь совсем особенное! А Он такой же, как и все офицеры!

— Мне все равно, что вы думали, но это Россия, это моя родина, это все, все чем мы русские люди живем... — Я ушла в свою спальню и долго еще там плакала. О чем? И сама не знаю...»

После посещения селения Сарыкамыш император Николай II был в полках на виду у турецких конных пикетов, стоявших дозорами на горах. Всюду он благодарил русское воинство за доблесть, раздавал щедрой рукой почетнейшие воинские награды — Егорий (солдатские серебряные и золотые Георгиевские кресты), посещал раненых в госпиталях.

Когда Николай II в сопровождении небольшой свиты и конвоя прибыл в приграничное селение Меджингерт, туда было приказано командировать отличившихся в первых боях солдат и казаков «всех рангов». Их там ожидало награждение Георгиевскими крестами из рук самого всероссийского императора. Однако дело с командированием кавказских храбрецов на царский смотр порой доходило до курьезов.

В одном из мемуарных повествований белой эмиграции рассказывается о том, как в кубанском пластунском батальоне «выставляли» для награждения Георгием кубанских казаков:

«К царю, в Меджингерт, на смотр «кавалеров» новых снарядов. Ломают головы сотенные командиры с взводными урядниками — кого послать?

— Хоменка бы представить...

— Так вин же зовсим босый, — отвечает взводный урядник.

— Ну, Пахомова...

— А вин в курдыньской одажи...

— Тоди Хыля...

— А у його штанив чорт-ма... — вторит другой взводный...»

Возможно, такой описанный разговор намного преувеличен. Но кавказские войска за первые месяцы боев в горах так обносились, что в армейском штабе постоянно думали: откуда взять лишнюю сотню пар сапог, шинелей, шаровар и прочего солдатского обмундирования?

Государь Николай II Александрович, очень довольный состоянием Отдельной Кавказской армии и ее боевым настроем, покинул Кавказ до решающих событий первой военной кампании, то есть до битвы за селение Сарыкамыш.

Главные же события декабрьского наступления 3-й турецкой армии под знаменами военного министра султана-кадифа Решада Мехмеда V разворачивались у Сарыкамыша.

События под Сарыкамышем в самом конце 1914 года имели исторический прообраз. В те дни над российским Закавказьем нависла поистине грозная туча, как в далеком 1812 году, когда император французов Наполеон Бонапарт стоял со своей армией в сожженной Москве, а на защищавшую Кавказ горсть русских гренадер и егерей славного генерала Котляревского⁹ двинулись из шахской Персии конные полнища наследного принца Аббаса-Мирзы.

Сарыкамышская эпопея прославила генерал-лейтенанта Юденича как полководца Первой мировой войны и предала турецкого маршала Энвер-пашу бесславию.

Глава шестая

САРЫКАМЫШСКАЯ ЭПОПЕЯ

План германских военных советников и мушира Энвер-паша был хорош. В случае даже частичного успеха русской

Отдельной Кавказской армии грозили, если и не разгром, то тяжелое поражение и появление неприятеля на землях Закавказья. Однако этого не случилось во многом благодаря полководческому таланту отправленного после 1917 года в историческое забвение Николая Николаевича Юденича.

...Надо отдать должное Энвер-паше. Он обладал достаточно полными агентурными данными о состоянии небольшого гарнизона конечной станции фронтовой узкоколейной железной дороги русских: для защиты тылового Сарыкамыша и многочисленных армейских складов в нем воинских сил они почти не имели.

Мушир Энвер-паша свой приказ о наступлении на Сарыкамыш закончил такими словами:

— Если русские отступят, то они погибли; если же они примут бой — нам придется сражаться спиной к Карсу.

Гарнизон Сарыкамыша состоял из двух дружин государственного ополчения, в которое с началом войны призывались военнообязанные старших возрастов, а командный состав набирался из офицеров, призванных из запаса. И те, и другие давно отвыкли от оружия и были малопригодны для службы.

Кроме того, на станции были расквартированы два железнодорожных эксплуатационных батальона. Люди в них были еще меньше годны к фронтовой службе, чем ратники государственного ополчения. И ополченцы, и железнодорожники-эксплуатационники были вооружены устаревшими берданками, имея всего лишь по пятнадцать патронов на ружье. В военном госпитале имелось небольшое количество вооруженных санитаров-нестроевиков.

По случайности на железнодорожной станции оказалось несколько стрелковых взводов, направляемых в тыл для формирования нового 23-го Туркестанского стрелкового полка (две сводные роты), и два орудийных расчета с трехдюймовыми пушками. Также случайно оказались в тот день в Сарыкамыше и двести человек выпускников Тифлисской школы прапорщиков, ехавших на фронт в свои воинские части.

Проездом на железнодорожной станции оказался и полковник Николай Адрианович Букретов. С началом войны выпускник Николаевской академии Генерального штаба и преподаватель Тифлисского военного училища, он стал штаб-офицером для поручений одной из фронтовых Кубанских

бригад — 2-й. Он ехал через Сарыкамыш к месту своего назначения и в тот день задержался в селении.

В это время Сарыкамышский отряд Отдельной Кавказской армии, у которого конечная железнодорожная станция узкоколейки находилась в глубоком тылу, возглавлял помощник командующего генерал от инфантерии Александр Карьевич Мышлаевский. Получив первые сведения о наступающих с гор турецких пехотных колоннах, он сумел предугадать замысел противника.

Мышлаевский понял, что главный вражеский удар придется не по передовой позиции, а по тыловому Сарыкамышу, то есть главным силам русских кавказских войск, действительно готовившие вторые Канны. Или проще говоря, их собирались загнать в «мешок».

Мышлаевский связался по радио — искровой станции с армейским штабом в Тифлисе. Состоялся короткий разговор с генерал-лейтенантом Юденичем:

— Турецкая пехота численностью до двух дивизий наступит на Сарыкамыш.

— Штаб имеет эти данные, полученные два часа назад. Что мы имеем в Сарыкамыше?

— Почти ничего: две дружины ополчения и два железнодорожных батальона. Вооружены одними берданками.

— Вы определили старшего начальника на станции, кто будет руководить обороной?

— Да. Старшим будет полковник Букретов из кубанских казаков. Я уже имел с ним разговор и приказал взять под свое командование всех военных людей, оказавшихся в Сарыкамыше.

— Как решен вопрос с боеприпасами?

— Букретову дано разрешение вскрывать любые склады и брать из них все необходимое для ведения боя.

— Что можно сделать сегодня со стороны Тифлиса для помощи Сарыкамышу?

— Уже отправлено несколько полков второго Туркестанского корпуса. Но не хватает вагонов и паровозов.

— Тогда отправляйте стрелковые роты обозными повозками, сколь это будет возможно.

— Такое приказание уже отдано.

— Надо подчистить все армейские тылы, собрать людей в сводные пехотные роты.

— Такое делается, но требуемых результатов нет. Вопрос: чем может помочь фронтовой Сарыкамышский отряд?

— Принял решение: незаметно для турок снять с передовой часть войск и перебросить их под Сарыкамыш.

— Это очень рискованно: фронт будет оголен.

— Другого выхода у меня нет. В противном случае большие силы турок окажутся в глубоком тылу у передового Сарыкамышского отряда.

— Сколько войск снимается с передовой?

— 20 батальонов пехоты, 6 сотен казаков и пока 20 орудий. Возможно, буду отправлять еще.

— Их позиции занимают соседями?

— Да. Делается это незамедлительно и скрыто для турок.

— Надеюсь, что риск будет оправдан. Я покидаю Тифлис и к вечеру надеюсь быть в Сарыкамыше. Мое место там.

— Командующий оповещен о случившемся?

— Да. Он болен и приказал на месте командовать мне.

— Знают ли о глубоком обходе турками наших главных сил в Ставке?

— Туда отправлена телеграфом шифровка, но ответа пока нет. Где вы будете пребывать эти дни?

— Я тоже отправляюсь к Сарыкамышу с авангардными полками.

— До встречи на станции.

...Генерал Мышлаевский, бывший начальник главного управления Генерального штаба Российской Императорской армии, принял действительно смелое решение: он снял с передовой часть войск Сарыкамышского отряда и бросил их, приказав оставить все тяжести, на защиту Сарыкамыша. Риск был огромен — попади к туркам такие сведения и они, без всякого сомнения, перешли бы в наступление.

Уже 12 декабря с фронта в дальний тыл, поспешая, двинулись пять батальонов 1-й Кубанской пластунской бригады, 80-й пехотный Кабардинский, 155-й пехотный Кубанский, 15-й Туркестанский стрелковый и 1-й Запорожский кубанских казаков полки, двадцать орудийных расчетов 20-й Кавказской артиллерийской бригады, отдельная Терская казачья конно-артиллерийская батарея и Кавказский мортирный дивизион.

Войска с линии фронта, на котором кубанские казаки-пластуны вели успешный наступательный бой, снимались для помощи Сарыкамышу следующим образом.

В штабе 1-й Кубанской пластунской бригады заработал телефонный аппарат. Сигнал шел из фронтовых тылов:

— Кто вызывает?

— У телефона генерал Мышлаевский.

— Слушаю: начальник связи пластунских бригад хорунжий Старнинский.

— Генералу Пржевальскому: немедленно сняться с позиций и усиленным маршем идти на Сарыкамыш. Двадцать часов похода — четыре часа отдыха.

— Ваше превосходительство, генералы Пржевальский и Сулыга (командир 2-й Кубанской пластунской бригады. — А. Ш.) успешно развивают наступление, и в настоящий момент мы не знаем, где они находятся, так как все время с боем продвигаемся вперед.

— Разыскать и передать мое приказание!

— Слушаюсь!..

Силы для помощи попавшему в большую беду Сарыкамышу Мышлаевским с передовой отправлялись немалые. Но этим войскам предстояло проделать по зимним горным дорогам марш-бросок в 70–100 верст труднейшего пути.

Среди других спешили на помощь сражавшемуся сарыкамышскому гарнизону пехотинцы Кабардинского полка. После боев главнокомандующий Отдельной Кавказской армией генерал-лейтенант Юденич имел беседу с командиром 16-й роты кабардинцев, отличившейся при разгроме турок, капитаном Петром Ваксманом:

— Расскажите, капитан, как вы шли с передовой к Сарыкамышу? Я хочу знать больше о подвиге вашего полка.

— В первый день похода полк делал только короткие привалы и шел весь день. Всякий раз после привала, на снегу оставались сидеть солдаты. Товарищи их с трудом поднимали и вели дальше под руки, но ночью, после первого же привала, оставшихся на снегу стало очень много и поднять их не было никакой возможности.

— Но в полку были обозные повозки, санитарные двуколки для выбившихся из сил людей.

— Да, приходилось на время класть на повозки выбившихся из сил людей. На санитарных же двуколках мы везли умерших, чтобы не бросать их на дороге.

— Как вели себя ослабевшие солдаты?

— Молодцами, ваше превосходительство. Отдохнув, они приходили в себя и снова шли вперед с ротами, а свои места на повозках уступали другим, кто уже не мог идти.

— А что было перед самым Сарыкамышем?

— Последнее утро перед Сарыкамышем полк совсем не отдыхал. Офицеры боялись, что не смогут поднять солдат. Зато теперь отставших было больше. Вдоль всей дороги по обе стороны, а то и посреди нее сидели и лежали совершенно ослабевшие солдаты. Они были живы, но не было никакой возможности поднять их на ноги.

— Что же вы делали в такой ситуации, капитан?

— Я делал, ваше превосходительство, то, что делали все наши полковые офицеры: уговаривал, ругал, тащил за руку. К концу нашего марш-броска впечатление было, что усталость в людях побеждала опасность смерти.

— Кто же вам помог привести к Сарыкамышу роту почти в полном составе, как мне о том докладывал командир полка?

— Старые солдаты, фельдфебели, унтер-офицеры. Они были более закаленные и крепкие, пять суток помогали мне укреплять дух молодых солдат. Многие шли обнявшись по несколько человек, поддерживая друг друга. Некоторые несли по несколько винтовок — свою и ослабевших товарищей.

— А как настроение было у старослужащих?

— Лучше не пожелаешь: на походе в самые тяжелые часы слышен был и смех, и шутки.

— Думаю, надолго запомнится пехотинцам-кабардинцам этот поход на Сарыкамыш? Что же офицеры полка?

— Я видел, как офицеры сами шатались, как пьяные, и шли опираясь на винтовку, но ни один из них не отстал. А на привалах они первые вставали, ободряя и поддерживая солдат, а слабых брали под руку и вели.

— А как люди отдыхали?

— Лучше о том и не вспоминать. На привалах никто не ел, сухари грызали при ходьбе. Как только объявлялся привал, весь полк падал на месте и засыпал. Люди даже не курили.

— А в ночь перед боем у Сарыкамыша?

— Последний привал был самым жутким. Когда офицеры перед рассветом скомандовали — «встать!», то команду исполнили в ротах только единицы. Остальные безучастно лежали, не шевелясь. Пришлось пустить в ход грубую силу, иначе солдат никак нельзя было поднять с земли в строй.

— Знаю, что было вам на марше тяжелее, чем в бою. Но Кабардинский полк испытание выдержал. Благодарю вас, господин капитан...

Как ни спешила к Сарыкамышу помощь с передовой, почти к нему всего за одни сутки, то есть день 13 декабря, пришли только конный полк казаков-кубанцев и один пехотный батальон, посаженный на собранные с разных мест обозы и новозки. Но эта помощь подоспела тогда, когда бои уже шли в самом селении, а железнодорожный вокзал находился в руках неприятеля.

Юденич, выполняя поручение командующего графа Волкова-Дашкова, решил организовать оборону Сарыкамышской железнодорожной станции и армейских складов — теми силами, которые там имелись. Эта задача была возложена на полковника Букретова. Николай Николаевич знал его как человека распорядительного и боевого.

Букретов, зная всю опасность складывающейся в армейском тылу ситуации, незамедлительно принял на себя командование в Сарыкамыше. Он распределил наличные силы по секторам обороны, приказал свезти на вокзал артиллерийские боеприпасы с отдаленных складов, которые защитить он просто не мог из-за неимения людей.

С самого начала организации защиты железнодорожной станции казачьему полковнику повезло. На одном из складов нашлось 16 станковых пулеметов, и Букретов стал обладателем оружия огромной огневой силы: в самом начале Первой мировой войны станковые пулеметы еще не стали оружием пехотных рот, их было в войсках немного.

Из стрелков-туркестанцев, уже повоевавших на передовой в горах, были сформированы две сводные роты. Полковник Букретов сразу же направил их на помощь к защитникам Бардусского перевала — двум сотням пограничных стражников, которые решили бесстрашно защищаться от неожиданных турок на вершине горного хребта.

Тем временем тысячи турок-пехотинцев, обессиленные дальним и трудным маршем в зимних горах, где снег лежал до колена, продвигались крайне медленно. Султанские офицеры оказались бессильны, подгоняя своих солдат. Дивизии и полки растянулись на горных дорогах на многие версты, управление сильно затруднилось.

Внезапности удара по Сарыкамышу, на что уповали Энвер-паша и Бронзарт фон Шеллендорф, не случилось. Когда турецкие колонны начали спускаться с гор в узкую долину, русские дозоры обнаружили их еще издалека.

Навстречу им Букретов, испросив на то по телеграфу у начальника армейского штаба разрешение, сумел вовремя выслать на санях два железнодорожных эксплуатационных батальона. Их нижние чины были теперь вооружены недавно отжившими свой век берданками, а трехлинейными винтовками системы Мосина, которые нашлись на сарыкамышских складах.

Два батальона совсем не обученных стрелковому делу бойцов заняли позиции на пути подходившего турецкого авангарда. Неожиданное препятствие задержало наступающих на исходе дня 12 декабря в восьми километрах от Сарыкамыша, но естественно, что батальоны железнодорожников-эксплуатационников долго сдержат натиск превосходящих сил турецкой пехоты не могли.

Русский заслон вскоре был сбит с занятой им позиции. Сосредоточившись за ночь, на рассвете следующего дня 17-я и 29-я турецкие дивизии повели наступление большими силами на сам Сарыкамыш. Полковник Букретов к тому времени успел организовать его круговую оборону, атакующим пришлось продвигаться вперед с немалыми потерями в людях. Русские умело оборонялись, используя главным образом огонь станковых пулеметов «Максим».

В самый критический момент драматического боя 13 декабря, когда турки овладели селением Северный Сарыкамыш, подошло обещанное подкрепление из состава передового отряда. Казаки 1-го Запорожского полка спешили и сразу же вступили в бой. Следом за ними по дороге от фронта показалась длинная вереница обозных подвод с солдатами пехотного батальона. Теперь Букретов мог вздохнуть спокойно.

Под вечер защитники Сарыкамыша силами 80-го пехотного Кабардинского полка провели результативную контратаку. Рота за ротой поднимались в гору от шоссе. Где-то далеко впереди слышалось солдатское «ура», а те роты, которые еще не пошли в атаку, сразу преображались от этого крика:

— Это наши дошли и атакуют в штыки турок...

Натиск пехотинцев позволил отбросить неприятеля выше в горы от дороги. Теперь она была свободна для тех полков, которые спешили вслед за кабардинцами на помощь защитникам со стороны передовой.

Вечеру 13-го числа в бою за Сарыкамыш с русской стороны участвовало уже до девяти батальонов пехоты и семь артиллерийских сотен. Казакам пришлось спешиться и вести огневой бой. Стрельба зачастую велась почти в упор.

Русским в тот день удалось просто чудом отстоять железнодорожную станцию, селение и большую часть армейских складов. Особенно упорной и кровопролитной оказалась борьба за сарыкамышский вокзал — небольшое одноэтажное каменное здание.

Когда турецкая пехота вышла к вокзалу, у руководившего здесь боем генерала Пржевальского в резерве оставалось всего лишь две сотни 6-го Кубанского пластунского батальона. Он вызвал к себе полковника Термена и сказал ему:

— У меня остался последний резерв — две сотни... Возьми их, иди туда и действуй по обстоятельствам. Теперь пришла твоя очередь спасать Сарыкамыш.

— Будут ли еще подкрепления?

— Больше ни на какие подкрепления до утра нам с тобой рассчитывать нельзя, Термен. Знай об этом. — Перекрестив указательного полковника, генерал-майор Пржевальский сказал ему последнее напутственное слово: — Иди...

Две сотни пластунов без выстрелов, в полном молчании, в штыки атаковали скопившихся у вокзала турок и опрокинули их. Внезапная и молчаливая атака произвела на вражескую пехоту настолько сильное впечатление, что до самого рассвета она больше не возобновляла атак на сарыкамышский вокзал.

Однако с окрестных гор в долину беспрерывно спускалось все больше и больше турецких пехотных батальонов. Их солдаты тепшили себя надеждой найти в Сарыкамыше тепло и кров, военную добычу, обещанной в приказе военного министра Турции, промерзшим до костей людям уже и не думалось.

Авантюра в замыслах Энвер-паши и его начальника штаба Бронзарта фон Шеллендорфа под Сарыкамышем виделась со всей очевидностью. Наступление на железнодорожную станцию в условиях суровой горной зимы складывалось совсем не так, как планировалось военным министром и его советниками. Ситуация с самого начала складывалась катастрофическая.

Много турецких солдат отстало по пути в горах от своих рот и батальонов, много замерзло в лесах на склонах гор вокруг Сарыкамыша.

Картина выглядела просто ужасной: 29-я турецкая пехотная дивизия потеряла замерзшими на привалах по пути и сильно обмороженными солдатами до половины своего списочного состава! И это не считая боевых потерь убитыми и ранеными.

В соседней 17-й дивизии ситуация была несколько лучше. Но и здесь замерзшими и обмороженными оказались не сотни, а тысячи аскеров. Помочь же обмороженным людям было некому и нечем. Разведенные в лесах костры от мороза солдат, лишенных теплого зимнего обмундирования, не спасали. Русские после боев в горах нашли немало кострищ, вокруг которых кольцом лежали замерзшие.

Начальник штаба 9-го турецкого корпуса в своих послевоенных мемуарах так иронически оценил эти события:

«Драма, порожденная Энвер-пашой, завершилась...»

Действительно, драма 3-й турецкой армии произошла в самом начале горного пути: марш-бросок через заснеженные горы уже в первый день стал рушить все планы Энвер-паши на осуществление кавказских Канн.

Однако события для русских складывались далеко не просто. К полудню 15 декабря весь 10-й турецкий армейский корпус сосредоточился перед Сарыкамышем. Кольцо окружения, не без деятельной помощи местных жителей-курдов, почти сомкнулось вокруг селения и железнодорожной станции. Узкоколейка, уходившая в сторону города-крепости Карс, оказалась перерезанной неприятелем.

В довершение всех бед осколком снаряда была выведена из строя единственная искровая — радиостанция на железнодорожном вокзале. Теперь защитники Сарыкамыша оказались лишенными связи со штабом Кавказской армии. Последний разговор Юденича с полковником Букретовым, состоявшийся днем, был таков:

— Как ведут себя сейчас турки?

— Хорошо заметно, что южнее селения до двух полков пехоты изготовились для новой атаки.

— Что вы предпринимаете для ее отражения?

— Усилил там оборону двумя сотнями спешенных казаков и тремя пулеметами. На позицию доставлены патроны про запас.

— Что в других секторах обороны?

— Идет стрельба. Заметно, что турецким офицерам все труднее поднимать солдат в атаку.

Подходят ли новые подкрепления к туркам?

— Визуально не обнаружено, похоже, что противник все силами уже спустился с гор в долину. По всем окрестным местам заметен дым от костров.

— Кольцо окружения замкнулось или нет?

— Пока нет: есть свободный выход в горы. Но он простирается с двух сторон из винтовок.

— Как дух ваших людей?

— Пораженческого настроения не замечал, но люди уже сутки без горячей пищи и почти без сна.

— Каковы потери?

— Убитых подсчитать нет возможности, но много раненых. Есть тяжелообмороженные.

— Держитесь, скоро вам подойдет помощь от Карса. Францию отстоять любой ценой, это приказ командующего.

— Будет исполнено...

— Благодаря своевременно принятым штабом Отдельной Кавказской армии мерам силы русской стороны у Сарыкамыша все прибывали с каждым часом. Они насчитывали здесь уже более 22 батальонов пехоты, 8 конных казачьих полков, около 30 различных артиллерийских орудий и почти 100 пулеметов.

— Но все же неприятель имел сил пока значительно больше — 45 пехотных батальонов, хотя и заметно поредевших. Однако речь о разгроме неприятельских дивизий пока не шла.

— Прибывший под Сарыкамыш генерал-лейтенант Юденич сразу же взял в свои руки руководство войсками, ведущими бой. Начальник армейского штаба при встрече с полковником Букретовым обнял его, расцеловал и сердечно поблагодарил:

— Николай Андрианович! Слов нет. Удержать Сарыкамыш с таким малым числом бойцов — это просто чудо на войне.

— Благодарю, ваше превосходительство. Но дело не во мне, а в солдатах, ополченцах, казаках. А доблесть железнодорожников, стражников границы?!

— Знаю, все знаю о солдатской доблести, пишите представления на награды для нижних чинов. И не скупитесь.

— Будет исполнено с превеликой радостью.

— Относительно вас, Николай Андрианович, у меня был разговор с главнокомандующим. Решено представить вас к

награждению орденом Святого Георгия четвертой степени за ваши заслуги при Сарыкамыше. Не возражаете?

— Не знаю, что и ответить. Моя доля участия в боях скромна, да и оказался я здесь по воле случая.

— Вот этот-то случай и делает вас, полковник, героем всей Кавказской армии. Представление на вас государю уже послано.

— Премного благодарен за столь высокую оценку моих трудов, ваше превосходительство.

— Надеюсь, Николай Андрианович, что пластуны вашей бригады встретят своего офицера — Георгиевского кавалера с радостью. Военный императорский орден в Кавказской армии пока имеют единицы из командиров...

15 декабря вражеские батальоны многократно поднимались в атаку то там, то здесь на позиции защитников Сарыкамыша. Султанские аскеры шли вперед с яростью обреченных, зная, что в большом селении их ждет кров и тепло, а на русских складах находится огромное количество провианта и теплой одежды. Однако в тот день все турецкие атаки были отражены, некоторые с большим трудом.

В отличие от Юденича генерал Мышлаевский под Сарыкамышем совсем «потерялся». Он явно не владел ситуацией и не справлялся со свалившимися на него делами, решить их оперативно Александр Захарьевич оказался не в состоянии, в Тифлисе об этом уже хорошо знали.

Вечером 15 декабря генерал-лейтенант Юденич получил от командующего Отдельной Кавказской армией графа Воронцова-Дашкова приказ, который круто менял его фронтальную судьбу. Телеграмма гласила следующее:

«Генералу Юденичу. Срочно.

Ввиду прорыва турок, предлагаю вам вступить в командование войсками 1-го Кавказского и 2-го Туркестанского корпусов...

Вы должны разбить турок у Сарыкамыша и открыть себе выход на Карс вдоль железной дороги, а при невозможности — на Каракурт и даже по обходным путям в направлении к Карсу, уничтожая турок, которые перебросились с Ольтинского направления на пути между Сарыкамышем и Карсом.

Для облегчения вашего движения можно уничтожить часть ваших обозов и бросить излишние тяжести. В случае

недостатка продовольствия широко пользуйтесь местными средствами.

Сам я переезжаю в Александрополь, чтобы принять дальнейшие меры. Необходимо, чтобы связь ваша с Тифлисом и Александрополем не прерывалась, организуйте ее на Кагыз-Даш, откуда до Каракурта есть летучая почта.

Генерал от кавалерии Воронцов-Дашков.

15 декабря 1914 г.

Тифлис».

Этой телеграммой, продублированной в могилевскую Ставку Верховного командующего генерала от инфантерии великого князя Николая Николаевича-младшего, царский наместник на Кавказе расписывался в полной беспомощности своего пребывания во главе армии. Он давал полное право своему начальнику штаба отступить с Сарыкамышской позиции к крепости Карс или, говоря иначе, отойти в глубь русской территории от государственной границы, позиция перед которой и занимал передовой Сарыкамышский отряд генерала Мышлаевского.

Спешный отъезд царского наместника из Тифлиса, слухи о появлении турок уже у Карса и то, что они идут на город, сильно усилили панику среди жителей столицы Кавказского наместничества. Люди бросали все и уезжали из города. Фактотумчики брали по тысяче рублей из Тифлиса во Владикавказ. Тех, кто ехал по Военно-Грузинской дороге, часто грабили местные разбойники, и многие беженцы приезжали во Владикавказ обобранными дочиста.

Волею графа Воронцова-Дашкова генерал-лейтенанту Юденичу вверялась судьба главных сил Кавказской армии, атакованных чуть ли не со всех сторон корпусами 3-й турецкой армии. Для того чтобы отразить вражеское наступление, требовалось проявить недюжинное полководческое дарование.

Защитить Сарыкамыш становилось все сложнее. К вечеру 16 декабря в лесу севернее железнодорожного вокзала было замечено скопление больших сил турецкой пехоты, — она хорошо просматривалась на снегу боевыми дозорами русских. К тому же аскеры, несмотря на все угрозы своих офицеров, разжигали среди деревьев костры. Над привокзальным лесом стлалась дымная пелена.

В вечерних сумерках солдаты сторожевой заставы 80-го пехотного Кабардинского полка, углубившиеся в лес, суме-

ли перехватить вражеского посыльного с приказом дивизионного начальника. Оно адресовалось командиру 10-го корпуса. Среди прочих сведений в нем имелись указания на подготовку общей ночной атаки позиции русских.

Действительно, около 22 часов вечера, 3-й батальон 1-й Кубанской пластуной бригады, занимавший высоту Орлиное гнездо, вокзал и мост на шоссе, был атакован колоннами турок. Этот участок обороны Сарыкамыша являлся наиболее опасным, так как непосредственно за ним находились склады боеприпасов и продовольствия. Через местных жителей мусульман знали об этом и турки.

Разгорелся яростный бой, местами доходивший до рукопашных схваток — бились штыками, прикладами, кинжалами. Однако численное превосходство атакующих оказалось подавляющим.

Под натиском турецкой пехоты пластуны начали вынужденный отход к селению Сарыкамыш, чтобы там «зацепиться» за его каменные дома. Начальник вокзального участка обороны командир 1-го Запорожского казачьего полка полковник И. С. Кравченко пытался остановить бегущих солдат-пехотинцев, но был убит.

Турецкая пехота, захватив железнодорожный вокзал, ворвалась с ходу в центральную часть селения Сарыкамыш и заняла расположенные там казармы 156-го Елисаветпольского пехотного полка. Неприятель стал спешно закрепляться в захваченных каменных зданиях, пытаясь одновременно продвинуться еще дальше.

В эти часы в Сарыкамыш, в котором почти повсеместно шел жаркий бой, и прибыл генерал-лейтенант Юденич. Он сразу же взял в свои руки командование войсками, защищавшими селение. Оценив ситуацию, Николай Николаевич понял, что отразить неослабевающий натиск турок и разбить их можно только активными действиями. Пассивная, глупая оборона успеха не обещала.

Вопросы, который задал генерал-лейтенант Юденич руководителю обороны Сарыкамыша полковнику Букретову, был следующими:

— Что за противник окружает вас? Что вам известно о силах турок под Сарыкамышем?

— Ваше превосходительство, сведений мало. Достоверно известно только то, что турки любой ценой хотят взять само

селение и станцию с ее армейскими складами. Связи с Кармаком нет.

— А что говорит разведка?

— До разведки руки еще не дошли, бой идет за каждый дом.

— Кто же вам приносит сведения о противнике? Ведь не в бинокль увидишь!

— Больше всего сведений приносят раненые, которые по ночам выползают к нам со стороны турок. Вон в углу притупился раненный в руку ополченец, один из таких разведчиков. Молодец.

— Чем?

— Когда выползал, сумел увидеть, что в ложине у шоссе собралось до двух-трех сотен турок. Для атаки изготовились, ждет.

Юденич подошел к раненому, посмотрел на его забинтованную выше локтя руку. Ополченец, признав генерала, бодро встал по стойке смирно:

— Кто будете?

— Ополченский ратник Селиверстов. Из первой дружины, что стоит в Сарыкамыше.

— Как дрался в бою, где тебя ранили?

— Позапрошлой ночью это было. Когда турки пошли в атаку, мы стали отстреливаться из берданок. Только патроны приходилось беречь — мало их оставалось. Когда побежали к станции, тут-то меня и ранило в руку. Было часов девять вечера, уже темно, когда очнулся — кругом слышались голоса турок.

— И что же ты стал делать?

— Очнулся — ничего не вижу, кругом пальба идет. Определился, где наши, где не наши. Станцию знал хорошо и подходы к ней: два месяца наша-то дружина стоит в Сарыкамыше. Решил ползти от шоссе.

— Как же они тебя, Селиверстов, не обнаружили, ползущего да еще с берданкой?

— Да я полз, ваше благородие, среди тел. Побитых людей кругом полно лежало, — разве тут заметишь ползущего человека! В одном месте я даже мешок сухарей нашел, набил ими карманы шинели.

— Как турок, изготовившихся для атаки, заметил?

— Заполз в какую-то ямину и немного сознание потерял, от слабости. Когда очнулся — смотрю, в сотне шагов от меня

в ложине турки целой толпой костерки развели. Ну и понял я, что скоро пойдут они в атаку. Тогда я в нашу сторону по-пылал быстрее, чтоб своих предупредить.

— Успел, значит, доползти.

— Успел. Когда по туркам бить наши пулеметы стали — они обратно побежали, опять на прежнее место, к кострам, к теплу, значит. Мороза не терпят — не то, что наш брат.

— Селиверстов, передай от меня, начальника штаба армии генерала Юденича, приказ командиру твоей дружины. Пусть напишет на тебя, храбреца, представление на ефрейторское звание.

— Весьма благодарен, ваше благородие. Только таких, как я, у нас в дружине сегодня много наберется.

— Где ты так привык разговаривать с начальством, Селиверстов? Ты в армии-то хоть до государева ополчения служил или нет?

— Нет, не довелось.

— То-то и оно. Не забудь сделать то, что я тебе приказал. Будешь так воевать, то и до унтер-офицерского звания дослужиться можешь или Георгиевским кавалером станешь...

Жаркие схватки на узких сарыкамьшских улочках, во дворах, в ближайших лесистых предгорьях продолжались всю ночь. Лишь к утру 17 декабря серией настойчивых контратак, проведенных по приказу генерала Юденича, удалось сдержать продвижение вперед турецкой пехоты. Обе стороны понесли большие потери, казалось, что весь Сарыкамьш завален телами погибших.

Днем генерал-лейтенант Юденич, обеспокоенный большим числом раненых и обмороженных, посетил сарыкамьшский госпиталь, в котором, казалось, и яблоку негде было упасть. Прием раненых вели двое — врач и фельдшер.

Одни раненые приходили сами, опираясь на винтовку, которую на позиции не оставляли, других приводили санитары или товарищи, третьих несли на носилках. «Своим ходом» пришел раненый казак-кубанец, закутанный в башлык. Врач спросил его:

— Куда ранен, братец?

— В ногу.

— Кость цела?

— Не знаю, но ходить не могу.

— На позиции перевязку тебе делали?

— Да где там! Одна пальба...

Юденич дождался, пока закончится прием раненого казака, и медицинская сестра начнет делать ему перевязку, подошел к врачу и спросил:

— Много сегодня раненых?

— С утра до полутысячи доходит, ваше превосходительство. Один транспорт с ранеными уже готов. Отправим в Сарыкамьш, как только шоссе будет свободно.

— Сами вы кто будете?

— Военный врач Семин. Прикомандирован к сарыкамьшскому госпиталю из полковых врачей.

— Где раньше служили?

— В Сальянском пехотном полку, затем в Кабардинском.

— Давно в Сарыкамьше?

— Первую неделю. Прибыл с женой за день до турецкой атаки.

— А супруга ваша сейчас где?

— Вы ее только что видели, ваше превосходительство, она делала перевязку раненому казаку.

— Славная сестрица. Передайте ей от меня солдатское спасибо за помощь...

В полдень того же дня — 17 декабря — оперативный дежурный по штабу Отдельной Кавказской армии в Тифлисе получил срочную телеграмму из Ставки Верховного главнокомандующего. В ней предписывалось генерал-лейтенанту Юденичу вступить в командование армией. В телеграмме сообщалось, что приказ на него императором Николаем II уже подписан.

В той же телеграмме из могилевской Ставки командиру Отдельной Кавказской армии настоятельно требовалось «локализовать прорыв противника и восстановить положение».

Бывший командующий армией генерал-адъютант граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, в силу своего преклонного возраста и неспособности начальствовать над войсками, отзывался в резерв Верховного главнокомандующего. Но император Николай II не мог просто так «отставить» близкого друга своего отца. Государь специально для графа учредил должность — «состоять при особе Его Величества». Более того, неизвестно за какие военные заслуги генерал-адъютант Воронцов-Дашков в 1915 году был награжден императорским военным орденом Святого великомученика и победоносца Георгия 3-й степени...

В новую должность Николай Николаевич Юденич вступил в пылающем пожаре Сарыкамьше. Он прекрасно осо-

знавал всю тревожность сложившейся ситуации: наступательные действия здесь требовали свежих сил, резервы же были на исходе. С передовой войск снимать больше было нельзя.

Донесения командиров отрядов, сражавшихся у Сарыкамыша, говорили о том, что люди измотаны до предела, что их все труднее стало поднимать в атаки, что много раненых и погибших, что приходится беречь патроны, что требуется помощь резервами.

Больше всего Николая Николаевича поразило боевое донесение о действиях за день одного из героев Сарыкамышской эпопеи полковника Букретова. Тот в донесении, датированном 19 декабря, на имя генерала Пржевальского, командира 1-й Кубанской пластунской бригады, у которого полковник находился при обороне Сарыкамыша в оперативном подчинении, докладывал следующее:

«Вчерашний день, 18 декабря, гнал людей на бой, а сегодня не желаем, пока не подойдут подкрепления. В ротах осталось по 70–80 человек, офицеры командуют 3–4 ротами; был случай, когда командир полка командовал ротой. Пока подкрепление не подойдет и не будут присланы боеприпасы, до тех пор в наступление переходить не буду. Люди изнурены, голодны.

Как прикажете действовать дальше? Я сделал все возможное. Обстановка неизвестна. Страшные потери в людях; в особенности много пошло сопровождать раненых, не возвращаются больше назад. Пулеметов нет, орудия не стреляют якобы за отсутствием целей. Держаться на позиции не в состоянии».

...Бои продолжали идти с переменным успехом. Буквально за несколько суток командующему русской армией удалось наладить надежное полевое управление: связь теперь осуществлялась через три десятка радиостанций — последнего слова военной техники. Генерал Юденич смог получить всю картину событий.

В городе Тифлисе, связь которого с Сарыкамышем была временно прервана, царило паническое настроение. Самым серьезным было то, что паника охватила не только часть местного населения, но и чиновников гражданского управления.

Отсутствие достоверной информации о том, что творится на главном участке фронта, породило множество самых раз-

ных слухов, говорили даже о гибели Кавказской армии под Сарыкамышем. Достоверно было известно только одно: армия Турции во главе с Энвер-пашой большими силами повела наступление на Закавказье, нацелившись прежде всего на Грузию.

Юденич решил в такой самой неблагоприятной ситуации нанести ответный удар 3-й турецкой армии. В разговоре по телеграфу с командиром 1-го Кавказского корпуса генералом Берхманом, состоявшемся 17 декабря, Николай Николаевич сообщал:

— Нам мало отбросить турок от Сарыкамыша. Мы можем и должны их полностью уничтожить.

— Согласен с вами, но для этого нам нужна благоприятная ситуация.

— Она уже сложилась сегодня. Настоящим случаем можно воспользоваться, другой раз он не повторится.

— Мой корпус готов перейти в наступление, но часть сил скована активностью турок с фронта.

— Установлено, кто вас атакует?

— Взяты пленные, документы: против моего корпуса действует 11-й турецкий корпус. Упорный бой идет у Караургана.

— Караурган надо нам удержать любыми усилиями. Корпусные резервы берегите для наступательной операции...

На следующий день, 18 декабря, генерал Юденич еще раз связался по телеграфу с командиром 1-го Кавказского корпуса:

— Георгий Эдуардович, хочу вас обрадовать — связь Сарыкамыша с Тифлисом восстановлена.

— Отлично.

— Были ли у вас случаи панического настроения, когда была потеряна связь с Тифлисом?

— Штабом и контрразведчиками из жандармов такие настроения в корпусных частях не отмечены.

— Хорошо. Как дела у Караургана?

— Отбили все атаки турок, провели контратаку силами двух батальонов и заняли высоту западнее Караургана. Пока все.

— Караурган постарайтесь удержать. В ближайшие дни получите от меня указания на переход в наступление...

Оценив сложившуюся обстановку, командующий Кавказской армией принял решение нанести одновременный

удар главными силами на район Сарыкамыша с фронта, Ардагана (там, на Ардаганском горном плато, сибирская казачья конница наголову разбила турок) и Ольты. Одновременно было решено двинуть сильные обходные отряды в неприятельский тыл, угрожая ему тем самым окружением.

Оперативный успех предполагалось достичь за счет скрытной перегруппировки частей 39-й пехотной дивизии, 1-й и 2-й Кубанских пластунских бригад, а также двух артиллерийских бригад, подходивших из Карской крепости. Но все, как говорится, гладко было на бумаге...

Переброска этих войск требовала прежде всего оперативной маскировки в местности, где вражеских лазутчиков из числа местных жителей было хоть отбавляй. В противном случае турецкое командование в лице опытного Энвер-паши могло парировать готовящийся удар русских войск.

Генерал Юденич прекрасно понимал и другое — требовалось тщательное планирование предстоящего армейского наступления, особенно с точки зрения согласования усилий привлекаемых сил и средств, осуществления маскировки на маршрутах выдвижения войск. Именно это и не удалось турецкому военному министру и начальнику его штаба германскому генералу Бронзарту фон Шеллендорфу, прошедшему в рядах немецкой армии хорошую школу штабной и оперативной работы.

Все эти вопросы решались в оставшееся до начала наступательной операции время офицерами штаба, отделов начальников родов войск и служб. Результаты декабрьского наступления 1914 года русской Кавказской армии показали высокий уровень штабной культуры ближайших помощников командующего.

Срочные меры были предприняты в отношении организации надежной связи, без которой оперативность управления армейскими войсками резко снижалась. Генерал Юденич приказал за войсками, действовавшими на основных направлениях, оборудовать несколько радиоприемных радиостанций, размещались в штабе армии, а также в дивизионных штабах и штабах отдельных отрядов.

Решение подобной задачи в войсках, действующих на горном театре, аналогов еще не знало. С командирами корпусов, дивизий и отдельных отрядов у Юденича состоялся такой радиоразговор:

— На связи командующий армией. Приказываю оборудовать радиоприемные радиостанции к штабу армии.

— Приказ понят, но возможности выполнить его нет по причине отсутствия искровых станций в нужном количестве.

— Искровые станции вам посланы из Тифлиса. О прибытии их немедленно доложите в штаб армии.

— Где установить станции?

— На господствующих горных вершинах и перевалах. В местах резких изгибов долин и ущелий поставить промежуточные ретрансляционные радиостанции. Об исполнении доложить.

— Какие еще будут указания по организации радиосвязи?

— Еще одно: обеспечьте надежную охрану радиоприемных радиостанций казачьими разъездами, турецких диверсантов уничтожить.

— Можно ли дублировать связь через искровые станции?

— Да, можно, вам посланы соответствующие указания. Можно посылать донесения летательными аппаратами, горючей почтой, фельдъегерями под надежной охраной. Но только в том случае, если будет бездействовать радиосвязь.

— Вас поняли. Начинаем исполнение полученного приказа.

— Исполняйте. Юденич.

Использование в Сарыкамышской операции искровых радиостанций превзошло все ожидания. По отработанной в считанные дни цепочке, от одной радиостанции к другой, поддерживалась связь главнокомандующего армией с действующими войсками, своевременно передавались приказы и донесения, велись переговоры лиц командного состава. При этом больших помех передачи «по воздуху» не возникало.

Для обеспечения надежного управления дивизиями, бригадами и отрядами на линии большой протяженности — от Батума на черноморском побережье до Товиза в горах Турецкой Армении одновременно работало около 30 полевых радиостанций. У представителей государств Антанты, аккредитованных при Ставке Верховного главнокомандующего России такая организация связи вызвала немалое удивление и откровенный восторг.

К началу подготовляемой наступательной операции атакующие усилия 3-й турецкой армии находились на исходе. Ге-

нерал Юденич чувствовал это по оперативным донесениям с мест боев. Теперь было важно не упустить драгоценное время.

22 декабря Николай Николаевич отдал приказ по Отдельной Кавказской армии о переходе в общее контрнаступление. Оно велось в горах на широком фронте и всюду увенчалось успехом.

Первоначально главные события разыгрались под Сарыкамышем. Там в горно-лесном массиве в окружении оказался почти весь неприятельский 9-й армейский корпус. Уже в первый день общего наступления русских войск там случилось настоящее чудо военной истории.

Рота 154-го пехотного Дербентского полка под командованием капитана Вапакидзе смелым ударом в штыки прорвалась в самую глубину обороны турок. Результат атаки превзошел все мыслимые и немыслимые ожидания полкового начальства: рота захватила 8 стрелявших орудий, корпусной штаб во главе с командиром корпуса Исхан-пашой и всех трех командиров корпусных дивизий — 17-й, 28-й и 29-й с их штабами.

Когда дербентцы в числе 40 человек оказались перед вражеским корпусным штабом, их окружили толпы ошеломленных происшедшим турок. Капитан Вапакидзе не растерялся и проявил военную хитрость. Зная немного турецкий язык, он с подчеркнутой самоуверенностью заявил противнику:

— Я парламентар русского главнокомандующего. Ведите меня к вашему старшему начальнику немедленно.

К немалому удивлению офицера таким старшим начальником оказался сам командир 9-го армейского корпуса Исхан-паша. Капитан Вапакидзе смело сказал султанскому военачальнику:

— Вы окружены со всех сторон. Дорога на Бардус закрыта. По горам и снегам вы не отступите.

— Но мои солдаты еще способны сражаться. В них еще есть сила для сопротивления.

— Глупости говорите, паша. За этим лесом для атаки в штыки изготовились три полка свежей русской пехоты. Ваши пушки захвачены, а наши батареи готовы обрушить на вас шквал своего огня. Сдавайтесь немедленно.

— Каковы условия для плененного пашы, господин парламентар?

— Сдавайтесь по собственной воле, и вам лично будет обеспечено почетное пребывание в плену. В России уважают международные законы ведения войн.

Исхан-паша колебался недолго. Он еще со вчерашнего знал, что его корпус в составе трех пехотных дивизий существует чисто формально из-за огромных потерь. Паша, побужденный фактом прорыва к его штабу русских, приказал личным сложить оружие перед ротой пехотинцев-дербентцев (а от роты оставалось людей чуть больше одного взвода). В плен сдались 107 турецких офицеров и 2 тысячи аскеров.

К слову сказать, Исхану-паше действительно создали хорошие условия пребывания в плену. В 1916 году он удачно бежал из плена и через Афганистан и Персию пробрался в Турцию, а в конце Первой мировой войны уже с отличием сражался против англичан. За свой смелый побег из русско-турецкого плена Исхан-пашу историки порой величали «вторым генералом Корниловым».

Когда о неслыханном результате штыковой атаки роты пехотинцев-дербентцев доложили Юденичу, тот смог сперва только воскликнуть:

— Не может быть! Это же просто чудо...

Но чудо оказалось полной реальностью. Разгром штабов корпуса и дивизий повлек за собой потерю управления полками и другими воинскими частями. Они были разгромлены в горах, окружающих Сарыкамыш, остатки пленены. Большое количество вражеского оружия и снаряжения стало трофеем победителей.

9-й турецкий корпус таял прямо на глазах. К 19 декабря в плену оказалось уже 40 офицеров, 5 тысяч аскеров. Трофеем стала корпусная артиллерия. Отличился пехотный Бакинский полк, захвативший в атаке десять вражеских орудий.

О тех боях полковник Е. В. Масловский, занимавший должность генерал-квартирмейстера в полевом штабе Юденича, один из крупнейших историков-белоэмигрантов, писал:

«Турки оказывали упорное сопротивление. Полузамерзшие, с черными отмоороженными ногами, они тем не менее принимали наш удар в штыки и выпускали последнюю пулю, когда наши части врывались в окопы».

30-я и 31-я турецкие пехотные дивизии, понесшие большие потери, начали в беспорядке отступать от Сарыкамыша

через горный перевал к Бардусу, надеясь там закрепиться. В селение прибыл и мушир Энвер-паша со своим штабом, сумевший счастливо покинуть 9-й армейский корпус до его полного разгрома. Этот корпус перестал фактически существовать к 29 декабря — всего за восемь дней боев.

Военный министр уверял всех в Бардусе, что под его командованием 3-я турецкая армия сражается доблестно и успешно. Однако Энвер-паше уже не верили...

В ходе русского контрнаступления не удалось устоять и 10-му армейскому корпусу турок. Его дивизии стали повсеместно отступать. Их выручило то обстоятельство, что русские войска не сумели по горным заснеженным дорогам вовремя выйти на ближние подступы к селению Бардус. 10-й корпус отходил с большими потерями, теряя свою организованность.

Однако следует отдать должное командованию этого корпуса, которое пыталось хоть как-то выправить положение. 32-я пехотная дивизия турок предприняла контрудар из района Бардуса во фланг и тыл русского Сарыкамышского отряда, который вел упорные бои с 11-м корпусом армии Энвер-паши на укрепленном пограничном рубеже.

Удар был отражен отрядом генерала Н. Н. Баратова, выходца из дворян Терского казачьего войска, командира 1-й Кавказской казачьей дивизии. Левая колонна наступающего баратовского отряда в ожесточенном ночном бою захватила в плен остатки 32-й турецкой пехотной дивизии — более двух тысяч солдат и офицеров. Дело облегчалось тем, что турки уже не хотели сражаться, отчаявшись найти спасение среди снегов окрестных гор.

Успех отряда генерала Баратова разрешил назревший кризис на правом крыле передового Сарыкамышского отряда, устоявшего перед всеми атаками действовавшего против него 11-го корпуса неприятельской армии. Это привело к тому, что повсеместно натиск турецких частей на позиции русских ослаб.

Сильный бой прошел под Ардаганом. Близ этого города крещение прошла только что сформированная 5-я Кавказская стрелковая дивизия, полки которой поддерживали славу старых кавказских гренадер. Один из ее полков — 10-й во главе с князем Цулукидзе захватил штаб 30-й турецкой пехотной дивизии вместе с ее начальником и артиллерийскую батарею из четырех орудий.

Повторное взятие Ардагана стало славой Сибирской казачьей бригады под командованием генерал-майора П. П. Калинина. Бригада эта только что пришла в Тифлис из Средней Азии походным порядком. Однако никакие другие подразделения армейское командование в лице генерала Юденича посылать под Ардаган, за неимением резервов, не могло. Перед отправкой бригады на фронт у Николая Николаевича состоялся разговор с Калининым:

— Петр Петрович, вашей бригаде поставлена задача выдвинуться под Ардаган и помочь нашим войскам отбить назад Ардаган.

— Задача ясна, Николай Николаевич. Мой начальник штаба сейчас прорабатывает маршрут на карте.

— Какое состояние лошадей?

— Кони в полках раскованы. После похода из Туркестана лошадям отдохнуть еще не успели, хотя овес получен нами при прибытии в Тифлис в достатке.

— Дойти через горные снега до Ардагана бригада верхом сможет?

— Полки будут у Ардагана в срок, Николай Николаевич, без всякого сомнения.

— Как чувствуют себя казаки на Кавказе?

— Намного лучше: здесь морозы крепкие стоят, не то что в Туркестанской жары. Мы же сибиряки.

— Да, уж кого-кого, а сибирских казаков морозами и снегами в здешних горах не испугать.

— Николай Николаевич, разрешите задать один вопрос о предстоящих боях?

— Да, разумеется.

— Бригада посылается на усиление тех сил, которые ведут сейчас бои под Ардаганом. Имею ли я право на частную инициативу?

— Да, имеете. И если вы ее проявите, то это будет доблестным поступком казачьего генерала Калинина. Дерзайте на поле брани, Петр Петрович, как только можете.

— Благодарю, Николай Николаевич.

— Дерзайте, но только с умом и с потерями, за которые не стыдно будет смотреть в глаза вашим казакам.

— Они у меня молодцы. Первый полк имени Ермака Тимофеевича на фронт так и рвется, а он у нас всему Сибирскому казачьему войску в пример ставится.

— Тогда надо сказать ермаковцам, чтоб в эту войну на Кавказе именно Георгиевское знамя для полка добывали.

— О таком знамени они и сами мечтают.

— Выступайте на Ардаган и помните свою задачу — турок надо остановить на пороге Грузии...

Сибирские казацкие полки выступили из Тифлиса и форсированным маршем пошли на юго-запад. Им предстояло проделать двадцатипятиверстный конный переход. В одну из темных и морозных ночей по глубокому снегу бригада Калитина подошла к Ардагану.

Здесь калитинцы встретили отступавших от города после боев пеших казаков-пластунов, кубанцы оставили Ардаган под давлением больших сил турецкой пехоты. Вот здесь и пришлось генерал-майору Калитину проявить всю свою смекалку. Он решил взять инициативу в собственные руки, поскольку имел личное разрешение Юденича. Сибирские казаки решили наступать одни, используя свое главное преимущество — внезапность. Турки еще не знали о появлении под Ардаганом крупных сил конницы русских.

Калитин приказал своим полкам подтянуться и остановиться для короткого отдыха, не спешиваясь с коней. До города оставалось, судя по карте, еще три-четыре версты. Темнота была полная, шел густой снег.

Командир бригады накоротке посоветовался с полковыми командирами. Было решено, что 1-й полк имени Ермака Тимофеевича сойдет с шоссе, незаметно для врага обойдет Ардаган справа и вновь выйдет на шоссе, но уже с другой стороны города.

Второму полку предстояло идти дальше по шоссе и при подходе к первым домам остановиться. Там ему ждать шума и стрельбы на противоположном конце Ардагана, то есть начала боя, который предстояло завязать ермаковцам. Город, судя по топографической карте, был не больше версты полторы в длину по шоссе, горы не давали ему разрастись вширь.

Давая наставление командиру 2-го Сибирского казачьего полка на предстоящий бой за Ардаган, генерал-майор Калитин сказал:

— Как только полк Ермака Тимофеевича начнет стрельбу и возникнет шум, иди на него и руби турок, где только их твои казаки найдут. Понял задачу?

Задачу понял, Петр Петрович. Да кабы в ночи своих не рубить и не перестрелять.

— Не побьешь. Пластуны сказывали, что турецкая кавалерия в город не входила. Одна пехота, но ее много.

— Коли так, тогда можно с началом боя и не осторожничать.

— А ты и не осторожничай. Руби турок, коли их пиками. Патроны побереги на утро, неизвестно еще, как оно для нас закончится.

— Все будет славно, Петр Петрович. Свой первый бой на Кавказе сибиряки не проиграют.

— Так надо и расстараться, чтоб не проиграть...

Полки разошлись в ночи. Первый, сойдя с шоссе, сразу же попал в глубокий снег. Лед на попадавшихся ручьях и канавках не всегда выдерживал тяжести коней с всадниками. Конники в выборе удобного пути разошлись по равнине, но их маршруты твердо знали, куда идти. Ориентироваться было в ночи не так легко — турки устроили пожар в армянской части города. С этого времени от времени постреливали. Все это хорошо помогло казачьим сотням ермаковцев — всем шести — выйти на шоссе уже на противоположной стороне Ардагана.

Турки, торжествуя победу — взятие у русских пригородного города, вели себя преступно беспечно. Ни командиры полков, ни командиры батальонов не выставили боевого охранения на ночь, не было даже часовых.

Первой в Ардаган вошла четвертая сотня 1-го Сибирского казачьего полка есаула Волкова. Через несколько минут она наткнулась в темноте на густую толпу турок, шедших по шоссе. Была ли подана команда для атаки — никто после боя не мог сказать уверенно, но после нескольких беспорядочных выстрелов казаки уже рубили направо и налево вражеских пехотинцев, с которыми они перемешались в толпе.

В несколько минут все было кончено — турецкий батальон частью был вырублен, а частью, побросав ружья, сдался в плен. Обезоруженные аскеры только молчаливо взирали на восторженных конников, неведь откуда оказавшихся на шоссе.

Вслед за четвертой сотней ворвались в город и остальные. С началом пальбы на противоположном конце Ардагана в него ворвался и 2-й полк Сибирской казачьей бригады.

Казаки полка имени Ермака Тимофеевича взяли знамя 2-го Константинопольского пехотного полка, одного из самых прославленных в султанской армии. Сам полк перестал

существовать. Трофейное знамя было вскоре по распоряжению главнокомандующего Отдельной Кавказской армией выставлено в военном музее Тифлиса как один из самых почетных экспонатов.

Разгром сибирскими казаками турецких войск в Ардагане сломал все планы Энвер-паши на наступление в направлении Боржомы. Шедшая к городу турецкая пехотная дивизия, встретив беглецов, остановилась и затем отошла к Ольтам, заняв там оборону.

Когда офицер штаба полковник Масловский доложил Юденичу об одержанной победе на правом фланге Кавказской армии, тот не сдержал своего ликования:

— Вот это слава русского оружия! Восстановлена ли телеграфная связь с Ардаганом?

— Восстановлена, Николай Николаевич.

— Тогда передайте генералу Калитину мое поздравление с одержанной победой. И пусть он не скупится на наградные представления отличившимся казакам.

— Что еще передать в штаб казачьей бригады?

— Сообщите, что в Ардаган послана помощь пехотой. Задача поставлена и армейским тылам.

— Что сказать лично Петру Петровичу Калитину, ваше превосходительство?

— Передайте, что на днях мною в Ставку будет послано представление на повышение Калитина в должности. Ему по делам пора уже командовать или дивизией, или корпусом.

— Будет передано.

— И добавьте, что отпустить Петра Петровича из Кавказской армии на другие фронты я не собираюсь. Мне такие боевые генералы до зарезу нужны...

Терпя всюду одни поражения, мушир Энвер-паша со своей свитой и германскими военными советниками прибыл в 11-й армейский корпус, чтобы личным присутствием в его войсках воодушевить на подвиги аскеров. Полководец султана Решада Мехмеда V с именем Аляха даже сам вел полки в атаку, но войска генерала Берхмана всюду одерживали верх.

Главные силы передового Сарыкамышского отряда оборонялись на рубеже населенных пунктов Ени-кей, Баш-кей. Когда пришло время, Юденич приказал отряду повсеместно перейти в наступление. Русские войска медленно продвига-

лись в глубоком снегу, почти всюду встречая упорное сопротивление турок. Дело доходило до штыковых схваток. Раненых с санитарными обозами отправляли в тыл.

Требовался неожиданный, внезапный удар по стойко оборонявшемуся неприятелю. Чтобы сломить вражеское сопротивление на главном направлении, русская армия решила обойти левое крыло сил 11-го турецкого корпуса, закрепившись на горной позиции к западу от селения Кетек.

Приказ на этот нелегкий фланговый маневр у Караургана получил полковник Довгирт — командир 18-го Туркестанского стрелкового полка, усиленного четырьмя орудиями. Ему предстояло в кратчайшие сроки преодолеть 15 километров горной местности в условиях двадцатиградусной стужи. Турки просмотрели выход русских во фланг их позиции, не имея дальних дозоров.

С трудом прокладывая дорогу, нередко переносили орудия и боеприпасы на руках, бойцы 18-го Туркестанского стрелкового полка упорно продвигались вперед. В ущельях и расщелинах снег местами превышал человеческий рост. Этот полк проделал за пять суток; при этом люди не получали горячей пищи, питаясь почти одними сухарями.

Когда неожиданно вышедшие во вражеский тыл стрелки-туркестанцы развернулись в боевые порядки, на фланге позиций 11-го турецкого корпуса началась паника. Его полки стали один за другим поспешно отступать из-за явной угрозы окружения. Аскеры не подчинялись приказам своих офицеров, последние были бессильны выполнить распоряжения корпусного командира. Под Караурганом был захвачен в плен начальник 34-й турецкой пехотной дивизии вместе со своим штабом и дивизионным знаменем.

Вскоре отступление неприятельских войск стало повальным. В ночь на 29 декабря турки начали отход на Ольты. На высотах к северо-западу от Сегдасора они заняли было арьергардную позицию по обе стороны от шоссе, кое-как смогли окопаться, устроить завалы на горных дорогах и тропах.

На рассвете следующего дня русские войска, обнаружив перед собой противника, начали его преследование. Однако пройдя всего восемь километров, они были встречены сильным артиллерийским огнем с закрытых позиций.

Помощи от своих пушкарей авангарду русских скоро ждать не приходилось. Но положение неожиданно изменила

подоспевшая 2-я Оренбургская казачья батарея: ее орудийные расчеты быстро развернулись и открыли огонь, который оказался на удивление всем метким и губительным.

Залегшие было стрелки сразу приободрились. Выглядывая из своих укрытий, они следили за разрывами снарядов, которые один за другим оренбургские казаки-артиллеристы посылали во врага. Между собой солдаты переговаривались:

— Смотри, здорово-то наши пушкари турок с места сбивают...

— Опять в тыл побежали. Один даже ружье свое бросил, чтоб легче было...

— Сейчас начнется, в штыки пойдем. Гляди — наш ротный саблю из ножен вынимает. Сейчас нам крикнет...

Под прикрытием огня казачьей артиллерии стрелки сосредоточились правее и левее шоссе. Это напугало турок возможностью обхода своих флангов, и они отступили еще на три-четыре километра.

Очередную ночь русский отряд провел под открытым небом в заснеженном лесу. Для разведки и наблюдения за неприятелем в Сегдасоре и Авдосте вперед ушли четыре сотни сибирских казаков с конно-пулеметной командой.

Казаки-сибирцы сделали свое дело. Позиции отступивших турок были хорошо изучены ими, и на рассвете русские стрелки начали атаку. Удача сопутствовала 263-му пехотному Гунибскому полку, роты которого, попав под перекрестный огонь, все же смогли сбить турок и заставили их обратиться в бегство. Многие султанские аскеры просто рассеялись в окрестных горах...

Новый 1915 год Отдельная Кавказская армия встретила в наступлении. К 5 января она вышла, перейдя во всех местах государственную границу, на рубеж селений Ит, Арди, Даяр. С этой линии перед ней открывались благоприятные возможности для развития наступления в глубь Турецкой Армении.

Но углубившись на 30–40 верст на неприятельскую территорию, Кавказская армия прекратила преследование отступающих турок. Да и преследовать, собственно говоря, было некого. Из 90-тысячной 3-й султанской армии мушира Энвер-паши уцелела едва седьмая часть — 12 400 полностью деморализованных человек.

Продолжавшаяся почти месяц на фронте более чем в сто километров Сарыкамышская операция завершилась убедитель-

ной победой русского оружия. Урон, нанесенный 3-й турецкой армии, исчислялся в 78 тысяч человек, из которых 15 тысяч попало в плен, а остальные были или убиты, или заперты в горах.

Перед кавказской военной администрацией встала сложнейшая проблема: в самый короткий срок произвести захоронение павших под Сарыкамышем турок. Для этой цели было приказано использовать военнопленных. В марте 1915 года карский окружной начальник докладывал генералу Маденичу:

— Ваше превосходительство, имею честь доложить, что в сарыкамышской местности началось захоронение в братских могилах 23 тысяч убитых турок.

— Как идут работы?

— Трудно с поиском — в горах еще лежит снег, с рытьем могил — пленные особо не утруждаются.

— Тогда надо предупредить их о возможном наказании за невыполнение приказов.

— Предупреждаем. Но больше помогает угроза оставить без похлебки.

— Много ли еще трупов не убрано в лесах и на дорогах?

— Тысячи три-четыре по моей оценке.

— Торопитесь, когда снега растают, начнется разложение трупов, жди тогда эпидемии чумы или еще какой-нибудь заразы.

— Мне нужны еще люди и шанцевый инструмент, прежде всего кирки.

— Хорошо. Все новые пленные будут отправляться только в ваше распоряжение, чтоб не бежали — усильте конвойную охрану.

— Да куда им бежать-то? Кругом горы в снегах. Они их хорошо почувствовали, когда шли на Сарыкамыш. Палкой их теперь туда не загонишь.

— Спешите с исполнением работ. Об исполнении мне доложите к первому апреля.

— Будет исполнено, ваше превосходительство...

Кавказцы взяли богатые трофеи: отступавшие всюду турки оставили в руках победителей около 70 горных и полевых орудий, личное оружие — винтовки, сабли, различное военное имущество — точному подсчету не поддавалось.

Но блистательная победа далась Отдельной Кавказской армии дорогой ценой, хотя и гораздо меньшими потерями по

сравнению с неприятелем. Армия лишилась около 26 тысяч своих бойцов убитыми, ранеными и обмороженными, последних набралось 6 тысяч человек. Всего же русская армия на начало боев насчитывала 63 тысячи бойцов и убыль в их рядах составила 42 процента.

То, что «кавказские Канны» в исполнении военного министра Турции мушира Энвер-паши не состоялись, стало ярким событием в начале Первой мировой войны. В русских войсках по этому поводу шутили:

— Хотел Энвер-паша наших кавказцев загнать в «мешок», да сам из него еле ноги унес. Пол-армии в «мешке» своем оставил...

Сарыкамыш стал восходящей звездой полководца Российского государства Николая Николаевича Юденича: ему многие прочили большое будущее.

Когда в скором времени в Стамбуле, на очередном заседании султанского дивана — правительства Турции — прибывшего с Кавказа военного министра Энвер-пашу спросили, почему 3-я турецкая армия терпит полый разгром, тот ответил:

— Потому что на Кавказе против нас с первого дня воюет сам царский мушир Юденич.

— А разве в армиях султана нет своего Юденича-паши?

— Выходит, что нет. Но волей Аллаха он обязательно появится. Бьем же мы англичан в Месопотамии, да еще как бьем!

— Уважаемый Энвер-паша, Месопотамия от Анатолии¹⁰ и Стамбула гораздо дальше, чем Сарыкамыш и Карс.

— Это еще как сказать. В Турецкой Армении одни горы, да еще какие зимой! По ним ни пройти, ни проехать, а вы твердите мне об угрозе Анатолии и Стамбулу.

— Не твердили бы, если бы русский мушир Юденич-паша не воевал в горах словно на дунайской равнине...

Сарыкамышская победа имела сильный резонанс в начавшейся полгода назад мировой войне. О победе русского оружия сообщали фронтовые корреспонденты, о ней много писалось в газетах прежде всего стран Антанты.

За проявленное на поле брани мужество и доблесть более тысячи солдат, казаков, ополченцев и офицеров были представлены к воинским наградам Российской империи. Самой почетной для низших чинов традиционно был Георгиевский крест четырех степеней. В полках гордились своими георгиевскими кавалерами.

Николай Николаевич Юденич, только недавно ставший командующим Отдельной Кавказской армией, сумел продемонстрировать истинное полководческое искусство. Оно было оценено российским Отечеством и императором Николаем II по самой высшей мерке. Кавказский полководец производится в чин полного генерала русской армии — генерала от инфантерии.

Одновременно Юденич награждался самой прославленной орденом Святого великомученика и победоносца Георгия 4-й степени. В наградном листе так и было написано:

«Награждается... за Сарыкамыш и проявленную воинскую доблесть при начальствовании армией».

Отныне генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич именовался георгиевским кавалером.

В Великобритании и прежде всего во Франции отметили блестящую победу русского оружия. 6 января 1915 года по поводу Французской Республики в России М. Палеолог с известной долей восторга записал в своем дневнике:

«Русские нанесли поражение туркам вблизи Сарыкамыш, по дороге из Карса в Эрзерум. Этот успех тем более популярен, что наступление наших союзников началось в гористой стране, такой же возвышенной, как Альпы, изрезанной пропастями и перевалами. Там ужасный холод, постоянные снежные бури. К тому же — никаких дорог и весь край опустошен. Кавказская армия русских совершает там каждый день изумительные подвиги...»

Глава седьмая

ВОЙНА В ГОРАХ ТУРЕЦКОЙ АРМЕНИИ

Значение Сарыкамышской победы состояло в том, что теперь российская государственная граница за Главным Кавказским хребтом была надежно защищена. Генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич докладывал в могиловскую ставку Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича-Младшего:

— Кавказский край на начало кампании 1915 года защищен полностью и его территориям Турция больше не угрожает...

Теперь Отдельная Кавказская армия могла получить заслуженный отдых и приступить к своему устройству. Стали прибывать пополнения людей, запасов провианта и огневых припасов. Конница проводила «конский ремонт». Вовсю работали большие и малые штабы. Улучшались фронтовые коммуникации.

Имя Юденича теперь было широко известно в России. Во фронтовых публикациях «Русского инвалида», «Московских ведомостях» и многих других газет его называли продолжателем славных традиций вождей русского воинства, на протяжении двух столетий воевавшего на Кавказе.

Вероятно, стиль управления войсками главы Кавказской армии был чем-то сродни стилю таких личностей в российской военной истории и в истории войн на Кавказе, как прославленные генералы А. П. Ермолов и Н. Н. Муравьев-Карский.

Образ генерала Юденича теперь привлекал к себе многих пишущих людей. Один из современников так описывал в своих мемуарах его фронтовой быт:

«В небольшом, довольно грязном и неприветливом городишке стоит двухэтажный дом с двумя часовыми у подъезда с развевающимся над фронтоном флагом. Из-под крыши его выбегает целый пучок телефонных проводов, на дворе постоянно пыхтят автомобили. До поздней ночи, когда небольшой городок уже засыпает, светятся окна дома. Это ставка командующего Кавказской армией. Здесь помещение штаба, квартира генерала Юденича, ряда офицеров управления, точнее, кабинеты, в углу которых стоят кровати.

С вечера курьерами, по телефону и телеграфу поступают донесения. Некоторые из них немедленно докладываются командующему. Общий же доклад генерал-квартирмейстер обычно делает в 10 часов утра. Затем подается завтрак. Он проходит в общей столовой — отношения в ставке чисто товарищеские. После завтрака все приступают к работе...

Ее много. Она своеобразна. Дело в том, что отдельные армейские отряды по существу являются самостоятельными объединениями, небольшими армиями. Для каждого из них приходится оборудовать тыл, налаживать связь, думать об их усилении за счет армейских резервов. Если к этому еще прибавить, что турки сохраняют численное превосходство, что действовать нашим войскам приходится зачастую среди

ответственного мусульманского населения, то вся сложность бытия генерала Юденича станет еще понятнее.

В 18 часов командующий и штаб сходятся за обедом. Он длится недолго. После обеда генерал Юденич нередко выезжает в войска. Чаще же после часовой прогулки он возвращается в Ставку, где до поздней ночи принимает доклады о движении войск, об организации тыла, о решении кадровых вопросах...

Так изо дня в день тянется трудовая жизнь в затерянном среди гор Закавказья Ставке командующего».

В начале 1915 года русская Кавказская армия получила долгожданное усиление — прибывший с Северного Кавказа 4-й Кавказский армейский корпус, которым командовал генерал от инфантерии П. И. Огановский. Корпус насчитывал в своем составе более 30 пехотных батальонов и почти 10 кавалерийских эскадронов и сотен, но они были укомплектованы людьми менее чем на треть.

По поводу появления 4-го Кавказского армейского корпуса у Юденича состоялся по телеграфу не совсем приятный разговор с Верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем-Младшим:

— На линии Ставка Верховного. У аппарата главнокомандующий и начальник штаба Ставки генерал Янушкевич. Докладывайте.

— Сегодня первые эшелоны 4-го корпуса прибыли в Карс. Через две-три недели весь корпус будет на фронте.

— Каково состояние корпуса Огановского?

— Большой недокомплект в личном составе. В пехоте налицо четверть людей, в кавалерии — треть.

— Что вас еще беспокоит?

— Большой недокомплект офицерского состава.

— Восполните это своими резервами.

— Такой возможности не имею. Число офицеров запаса, числившихся в бывшем Кавказском военном округе, почти исчерпано, из других округов поступления офицеров запаса нет.

— А что же ваши армейские школы прапорщиков, Тифлисское военное училище?

— Ускоренные выпуски из училища и кавказских школ прапорщиков в Тифлисе и Гори не восполняют убыль офицеров даже в действующих войсках.

— Какой вы видите выход из положения?

— Принял решение открыть еще две школы прапорщиков. Командирам отдельных частей приказано отобрать для учебы в них лучших унтер-офицеров, Георгиевских кавалеров из рядовых.

— Хорошо. Так дальше и действуйте: смело выдвигайте перспективных прапорщиков на должности командиров пехотных рот. Военные училища много выпускников на Кавказ дать не могут. Для России главный фронт — Восточный.

— Это мне понятно. Но большая нужда есть в артиллерийских офицерах. Поступившая группа выпускников Константиновского училища проблему с командирами батарей не решает.

— Мой совет здесь — готовьте своих прапорщиков для артиллерии. Из инженерных и военно-топографического училищ пополнения вам тоже пока не будет.

— Позвольте спросить о причине?

— Причина одна: Северо-Западный и Юго-Западный фронты становятся на позиции.

— Тогда вопросов нет.

— Ваши планы на кампанию после прибытия 4-го Кавказского армейского корпуса?

— Штаб армии готовит новые наступательные операции на Эрзерумском направлении, но есть сложность в их осуществлении.

— Какая?

— С таким приращением сил мне, как командующему армией, трудно рассчитывать на оперативное превосходство над неприятелем.

— Как вас понимать, Николай Николаевич?

— Если Кавказская армия не получит полноценной замены 2-му Кавказскому корпусу, взятому на Восточный фронт, ей трудно будет проводить наступательные операции широкого масштаба.

— Чье это мнение?

— Это мнение мое и моего начальника штаба генерала Рауха.

— Мы понимаем ваше положение. Сообщаю, что государь и Ставка надеется на инициативу и твердость генерала Юденича, как командующего Отдельной армией. Не забывайте, что вы фактически командуете целым фронтом.

— Благодарю за доверие, но моя просьба о присылке полноценных подкреплений остается в силе.

— Вас понял. Сообщаем, что сейчас начато развертывание полков третьей очереди, пополнение получите из них.

— Благодарю за внимание к Кавказу.

— Касательно вашей просьбы о новой должности для генерала Калитина. Берхмана мы забираем сюда, а на его место командиром 1-го Кавказского армейского корпуса будет назначен Калитин. Высочайший указ последует в начале февраля.

— Могу заверить Ставку, что генерал Калитин может по своим данным возглавить армейский корпус.

— Есть ли у вас еще вопросы к Ставке?

— Есть. Когда будет получено высочайшее разрешение на проведение операции в Персии?

— Думается, что скоро. Сейчас дипломаты прорабатывают ситуацию, и тогда император примет окончательное решение.

— В Кавказской армии на ввод войск в Персию готовы. Экспедиционный корпус поручено сформировать и возглавить генералу Баратову. Он хорошо знает новый театр.

— Передайте ему, что действовать придется в самое ближайшее время. Еще вопросы?

— Все.

— Как только планы операций на кампанию будут готовы, прошу ознакомить с ними начальника штаба Ставки.

— Вас понял...

К чести Юденича нужно сказать, что он не слал в Ставку Верховного главнокомандующего слезных телеграмм о выполнении Кавказской армии личным составом; зная по оперативным сводкам, что почти все подготовленные резервы направлялись на Восточный фронт. Именно там шли широкомасштабные сражения русских фронтов с войсками Германии и Австро-Венгрии. Юденичу приходилось рассчитывать на собственные силы.

Командующий армией, планируя новые боевые операции, исходил прежде всего из реальных возможностей своих корпусов и отдельных отрядов. Так, новому 4-му Кавказскому армейскому корпусу генерала Огановского предписывалась следующая задача:

«...Частыми атаками улучшить занимаемое положение, ведя боевые действия передовыми отрядами, комплектуемыми из наиболее боеспособных частей».

Коротко и ясно: оперировать только наиболее боеспособными батальонами, казачьими сотнями, батареями, укомплектованными людьми до штатного расписания.

Корпусное начальство в лице генерала П. И. Огановского умело выполнило установку командующего. Применяя тактику внезапных ночных налетов обходящими и передовыми отрядами, 4-й Кавказский армейский корпус к середине июня вышел к селению Арнис и создал сплошную позицию, примыкавшую к озеру Ван, находившемуся вблизи турецко-иранской границы.

Теперь центр и правое крыло Отдельной Кавказской армии занимали горные перевалы, надежно прикрывавшие Сарыкамышское, Ольгинское и Батумское направления, то есть будущий Кавказский фронт приобрел стратегическую устойчивость. А это было исключительно важно для воюющей России.

В районе озера Ван произошло крупное вооруженное выступление местного христианского населения — армян и айсоров (ассирийцев). Их партизанские отряды создали серьезную угрозу турецким тылам. Чтобы подавить Ванское восстание, туда направились летучие жандармские отряды, которые огнем и мечом прошли по армянским и айсорским селениям.

Русская конница поспешила к городу Ван на выручку восставших жителей. Спешили на помощь армянские добровольческие дружины Кавказской армии. Их бойцы называли этот древний город «Армянской Москвой». Один из участников того стремительного марш-броска вспоминал:

«...Прошли уже много. Кругом ни души. Вдруг лай собак. Село. На рысях вскакиваем в него. По трупам вырезанных женщин и детей определяем, что село армянское. Трупы еще не разложились. Значит, резня была недавно. Кроме двух-трех худых собак — никого...

Двигаемся дальше. Из-за глыб камней показались люди, человек двадцать. Нас восемь (передовой офицерский разезд казачьего полка. — А.Ш.). Силы неравные. В нас не стреляют — примета хорошая. Курды всегда стреляют еще издалека. То оказались мужчины армянского вырезанного села. Они скрываются в горах от курдов уже несколько дней. О движении русских войск ничего не знают. И какова была их радость, когда они узнали, что Ван уже занят русскими вой-

сками. Объяснились кое-как по-турецки. Со слезами на глазах они целуют мои ноги в стремени. Жуткая человеческая драма...

Отпустив их в свое село, разезд дошел до озера Арчак. Мелкий пологий берег. Ни одной лодочки на горизонте. Все словно вымерло. Осторожно вышли на окраины маленького городка Арчак. От старушки армянки узнали, что турок в городе нет.

Задача выполнена. По торной мягкой дороге переменным вьюром мы спешим в Ван...»

На праздничном застолье в городе Ван, устроенном в честь русских офицеров, местный городской голова Арам-паша зачитал телеграмму в адрес царя России. Вот ее полный текст:

«В день рождения Вашего Величества, совпадающий с днем вступления Ваших Войск в столицу (древнюю. — А.Ш.) Армении, желая величия и победы России, мы, представители национальной Армении, просим принять и нас под Ваше покровительство. И пусть в роскошном и многообразном букете цветов Великой Российской империи маленькой благоухающей фиалкой будет жить автономная Армения».

...Появление русских войск на берегах озера Ван не было единственным успехом русских в начале 1915 года. Во-первых, было восстановлено присутствие небольшого отряда войск России на самом севере Иранского Азербайджана. Когда Сарыкамышский кризис дошел до своего апогея, генерал Мышлаевский, пользуясь своими правами заместителя царского наместника графа Воронцова-Дашкова, приказал стоявшему на кромке персидской территории отряду генерала Ф. Г. Чернозубова, возвратиться в российские пределы.

Мышлаевский поступил точно так, как это сделал Лорис-Меликов в недалеком 1877 году, когда Россия вела войну с Османской Портой за освобождение от османского ига славянской, православной Болгарии. В обоих случаях это заметно подорвало престиж России в Персии. В последнем случае это привело к усилению германского влияния в Тегеране среди шахского окружения и племенных вождей на иранском юге.

У Юденича сразу же после вступления в должность состоялся телеграфный разговор с генералом Чернозубовым:

— Федор Григорьевич, почему вы вывели свой отряд с персидской территории?

— Таково было личное приказание заместителя заместителя.

— Ясно. Где сейчас квартирует ваш отряд?

— У станции Джульфа.

— Информировать вас о следующем. По данным разведывательного отдела штаба армии в Персии появилась большая группа германских офицеров. Они формируют отряды из племен, враждебных влиянию России.

— Николай Николаевич, такую информацию я уже имею от своих лазутчиков.

— Но это еще не все. По данным разведки, через иранскую территорию в Афганистан проследовала немецкая миссия во главе с Нидермайером. В Кабул отправилась и турецкая миссия с Кизим-беом.

— Какую задачу вы ставите передо мной?

— Приказ о возвращении в провинцию Южный Азербайджан уже послан. Важно прервать линии связи турок и германцев с Афганистаном. Обратите особое внимание на караванные тропы, поскольку только по ним может идти поставка оружия и боеприпасов враждебным нам элементам. Задача ясна?

— Ясна. Приступаю к исполнению.

— Федор Григорьевич, в случае необходимости и оперативной обстановки разрешаю вам выходить на связь прямо со штабом армии. Есть ли у вас искровая станция?

— По штату ее отряд не имеет.

— Тогда она вам будет отправлена вместе с опытным радистом и шифровальщиком...

Юденич, вступив в командование Отдельной Кавказской армии, предписал чернозубовскому отряду немедленно возвратиться в провинцию Южный Азербайджан. 17 января русские войска вновь заняли его столицу — город Тавриз, захватив там 21 орудие местного шахского гарнизона, и к концу месяца уже контролировали все иранские земли, прилегавшие к границам России.

Отряду генерала Чернозубова пришлось на сей раз вступить в бой с местными «мятежниками», больше напоминавшими обыкновенных разбойников с большой дороги. Были обращены в бегство и авангардные конные отряды 13-го турецкого корпуса, действовавшего в Месопотамии.

Первоначально русской коннице преградили путь «скопища» конных курдов под начальством Мансур-бека. Они отступали с семьями, имуществом и скотом из-под города Сарай, где потерпели серьезное поражение в бою. Вместе с курдами отступала турецкая пехота численностью в несколько тысяч. В небольшой долине у селения Касрик произошло столкновение сторон, начавшееся с того, что пехотный батальон из засады обстрелял передовую казачью сотню.

Командир русского отряда генерал Николаев, начальник Закаспийской казачьей бригады, после выигранного боя доложил по радио в штаб Кавказской армии:

— Турецкие войска генерала Халил-бея, разбитые отрядом генерала Чернозубова под городом Сарай, отступили на юго-запад.

— Каковы действия командования турок на сегодняшний день? Докладите подробно.

— Чтобы не быть отрезанным, Халил-бей разбил свои отряды побатальонно и приказал самостоятельно, без втягивания в бой, по тропам проскользнуть мимо русских войск и сосредоточиться у Битлиса.

— Сведения достоверны?

— Да. Так в один голос показали на допросе несколько пленных турецких офицеров, один из них оказался офицером связи в штабе Халил-бея. Можно верить.

— Ваше участие в деле?

— Закаспийская казачья бригада у селения Каерик имела бой с курдской конницей вождя Мансур-бека и турками.

— Итог боя?

— Полностью разгромлен батальон турецкой пехоты. Конница Мансур-бека бежала к Битлису...

Однако Мансур-бек не дошел со своими воинами до города Битлиса. Посовещавшись со старейшинами своего кочевого племени, он решил сдаться. Мансур-бек лично выехал под белым флагом на переговоры и был с почестями принят в штабе русского отряда. Там через переводчика-армянина он заявил следующее:

— Мы — кочевники. Я глава одного из курдских племен, живущих у персидской границы. У меня — до четырех тысяч семейств и стада овец. Мы отступаем с турецкими войсками из-под самого города Сарай. Защищая свои кочевья, имущество и племя, мы воевали против русских. Теперь мы не хотим воевать с вами.

— Почему, уважаемый Мансур-бек, вы приняли такое решение?

— Теперь все — и мое племя, и кочевья, и стада овец остались позади русских войск...

— Что вы хотите объявить нам?

— Я как глава своего народа нахожу дальнейшее сопротивление русским войскам бесполезным и вредным и прошу вашей милости остаться под властью русского Белого царя.

— А где гарантии, что ваши воины в удобный час не повернут оружие снова против нас? Какие гарантии, Мансур-бек, вы можете дать нам, русскому командованию?

— Мы готовы дать гарантии.

— Какие же?

— Если нужно — мое племя сдаст русским начальникам свое оружие.

— И что тогда вы, Мансур-бек, ожидаете в ответ от нас?

— Я прошу считать мое племя мирным. Не воюющим больше за турецкого султана.

Условия для получения гарантии безопасности своему кочевому племени Мансур-бек предлагал действительно удивительные. Было хорошо известно, что молодой курд, не имеющий собственного оружия — винтовки, не может жениться, то есть никто за него не выйдет замуж, как за недостойного. Но вождь племени «куртинцев» пошел на это.

Однако сдача оружия — турецких десятизарядных винтовок, стрелявших свинцовыми пулями, воинами племени Мансур-бека едва не сорвалась. Возвращаясь с переговоров, вождь со своими телохранителями неожиданно наткнулся по дороге на забайкальских казаков, которые, не зная о прошедших переговорах, обстреляли вражеских конников. Мансур-бек был убит.

Русское командование высказало вдове соболезнование, в племя были отправлены тела погибших и их кони. Младший брат Мансур-бека — Бегри-бек начал выполнять условия достигнутого соглашения, приказав воинам сдать полученное от турок оружие. За сдачей наблюдала казачья сотня...

Затем в событиях на фронте наступил «черед» Батумской области. Юденич оказался фактически главноуправляющим Закавказским краем и потому не мог терпеть действий протурецких отрядов аджарских горцев-мусульман. Те нападали на небольшие группы военнослужащих русского Приморского отряда, вели разведку в пользу неприятеля.

Эти «мятежные» действия разворачивались в горной части Батумской области, в так называемом Чорохском крае. Там среди аджарцев оказалось немало турок, просочившихся через линию фронта. Был смещен командир Приморского отряда: вместо генерала Ельшина, получившего назначение на германо-австрийский фронт, командовать стал генерал Дяхов.

Командующий Кавказской армией при личной встрече по случаю назначения поставил перед ним серьезную задачу:

— Владимир Платонович, вам известна ситуация в Чорохском крае?

— Да, ведь я был начальником Михайловской крепости и потому хорошо знаком с Батумской областью.

— В горах южнее Батума положение стало опасным. Пограничная стража уже не в состоянии справиться с мятежными селениями. Все бы ничего, но к аджарцам пробралось немало турок, людей военных. Они же и доставили оружие в горы.

— Да, я об этом знаю. Турками и мятежниками здесь командует Халит-бей. Сейчас его жандармский отряд усилен шестью пограничными батальонами.

— По данным разведывательного отдела штаба армии турки намерены оперировать в Батумской области крупными силами, наступая от Артвина по Чорохской долине.

— Николай Николаевич, проблему защиты тыла Приморского отряда можно решить только силой. И никак иначе.

— Что вы предлагаете?

— Надо создать небольшие оперативные отряды для поиска мятежных сил в лесах Чорохского края.

— Такие отряды мною уже созданы.

— Следует использовать забытый нами опыт Алексея Петровича Ермолова в Чечне. Иного пути для замирения мятежных горных селений я не вижу.

— Хорошо, я с вами здесь согласен. Но предварительно надо предупредить старейшин о возмездии за совершенные нападения и убийства. Объяснить им, что русская армия не позволит бить себя с тыла да еще в условиях войны.

— Старейшины, Николай Николаевич, нам не помогут.

— Почему?

— Потому что среди мятежников много турок, которые в горах могут действовать вполне самостоятельно.

— Но аджарцы перед русской силой могут не подчиниться посланцам Энвер-паши.

— Вряд ли. Как мне известно, в отрядах мятежников главенствуют выходцы из Турции, — Бахаэттин Шакир и Халит-бей, например. Это они организовали восстание в турецком селении Тавскерт.

— Что ж, тогда действуйте военной силой.

— Будет исполнено, ваше превосходительство. Вверенный мне Приморский отряд в состоянии очистить Чорохский край от аджарских мятежников.

— Если мятежники превратят свои горные селения в крепости, как то было во времена Барятинского¹¹ и Паскевича¹², то смело штурмуйте их. Армия должна иметь уверенность в безопасности собственных тылов. Срок, Владимир Платонович, дается на то до весны.

— Считаю, этого времени вполне достаточно для замирения Чорохского края.

— Собственных сил у отряда хватит на проведение операции против мятежников? Или выделить что-то из армейских резервов?

— Нет, управимся сами.

— Тогда, Владимир Платонович, отправляйтесь в отряд. Действуйте на берегах Чороха по обстоятельствам...

Генерал Ляхов справился с задачей «замирения» Чорохского края. Протурецкие отряды мятежных аджарцев-мусульман были или вытеснены в турецкие пределы, или разгромлены. Но при этом обстрелу подверглось не одно селение на берегах реки Чорох и был разрушен не один дом местного жителя.

Мусульманское восстание в Батумской области было ликвидировано к началу апреля 1915 года. Турецкие отряды были оттеснены за линию государственной границы.

Когда русские войска ее перешли, они неожиданно столкнулись с крупными неприятельскими силами. Южнее селения Корнис 14-й Туркестанский стрелковый полк повел атаку на вражескую позицию, но потеряв около сотни человек, отошел назад. Как потом выяснилось, оборону здесь заняла 32-я турецкая пехотная дивизия. Мало того, что она имела численное превосходство над нападающими, но еще и занимала хорошо оборудованные в инженером отношении горные перевалы.

Командующему армией приходилось заботиться о размещении многочисленных пленных. Всего с начала войны и до середины февраля в плен к русским попали четыре паши (многими дивизиями у турок командовали полковники), 337 офицеров и 17675 нижних чина. Для размещения военнопленных в городе Баку, на острове Наргин, было спешно выстроено большое число бараков.

Отдельная армия приобретала новую организацию, войск в ней стало больше. Усилиями Юденича был сформирован новый, 5-й Кавказский армейский корпус. В командование им вступил генерал-лейтенант Н. М. Истомин, до этого командовавший 20-й пехотной дивизией. Были сформированы 4-я Кавказская стрелковая, 4-я и 5-я Кавказские казачьи дивизии из кубанцев и терцев.

Великий князь Николай Николаевич-Младший и начальник штаба ставки генерал Н. Н. Янушкевич сдержали свое слово. Они действительно помогли Отдельной Кавказской армии чем могли. Из Польши прибыла Кавказская кавалерийская дивизия, которой не было там места для маневренных действий и рейдов по тылам германцев. Противники все глубже и глубже зарывались в землю, и коннице уже не находилось места, чтобы разгуляться.

Прибывшая кавалерийская дивизия имела хороший опыт и состояла из прославленных полков русской армии. Это были полки — 16-й драгунский Тверской Наследника Цесаревича, 17-й драгунский Нижегородский Его Величества (едва ли не самый прославленный в Кавказской войне против имама Шамиля), 18-й драгунский Северский Его Величества короля Дании Христиана IX и 1-й Сунженско-Владикавказский имени генерала Слепцова Терского казачьего войска.

Генерал Юденич лично встречал полки армейской кавалерии на Тифлисском вокзале. Первыми прибыли эшелоны с драгунами-тверцами. Они и принесли на Кавказский фронт знаменитую солдатскую песню Первой мировой войны «Под зеленою ракитой»:

Под зеленою ракитой
Русский раненый лежал,
И к груди, свинцом пробитой,
Крест свой медный прижимал.
Кровь лилась из свежей раны

На истоптанный песок,
И уже слетались враны,
Чужа лакомый кусок.

Вдруг раздался клич военный,
Снова грянул жаркий бой.
И к ракете прислоненный
Услыхал его герой.

Услыхал и приподнялся,
Как мертвец среди могил,
Услыхал, за саблю взялся,
Но упал, лишенный сил.

Прибытие подкреплений, создание новых дивизий давало Юденичу возможности проводить более широкие и глубокие наступательные операции. Сарыкамышская стала добрым началом. Впереди были новые, более впечатляющие по своему замыслу, размаху и, что самое важное, по результатам.

Высшее военное руководство Турции и германская военная миссия решили попытаться перехватить инициативу у русского командования и восстановить прежнее положение, то есть вернуть утраченные собственные территории. Неудачливому муширу Энвер-паше пришлось возвратиться в Стамбул без обещанных им султану лавров победителя — переиграть полководца Юденича у Сарыкамыша ему не удалось.

Однако вскоре Юденич лишился 5-го Кавказского армейского корпуса и 20-й пехотной дивизии. С этими войсками он связывал большие надежды на задуманную им наступательную операцию. Однако эти надежды самым неожиданным образом рухнули после очередного телеграфного разговора с могилевской Ставкой:

— Ставка. У провода главнокомандующий и начальник штаба. Генерал Юденич, вы готовы к прямому разговору?

— Готов.

— Николай Николаевич, информируем вас о следующем. Наши союзники по Антанте, прежде всего Англия, настаивают на согласованном и решительном ударе по черноморским проливам. Инициатива принадлежит известному вам Черчиллю. Как вы относитесь к задуманной в Лондоне десантной операции?

— Резко отрицательно.

— Почему?

— Кавказская армия не сможет пока прорваться в Центральную Анатолию и оттянуть от проливов значительные силы турок на себя.

— Вы так считаете?

— Да, такой возможности я просто не имею.

— А в ближайшей перспективе?

— Тоже нет.

— В Ставке согласны с вашим мнением. Кроме того, мы учитываем ваши возможности на кампанию этого года.

— Тогда в чем будет состоять участие Отдельной армии в операции?

— Принято решение: готовить сильный десант с кораблей Черноморского флота в район Константинополя.

— Кто будет руководить операцией на Босфоре?

— В Крыму и Одессе сейчас формируется новая 7-я армия генерала Никитина. Задача на проведение большой десантной операции под Стамбул поручается ей.

— Но для этого нужны сухопутные, хорошо подготовленные войска!

— Да, и притом немалые.

— Вас понял. Что будет взято для Босфорского десанта с Кавказа?

— Ставка решила взять у вас 5-й Кавказский армейский корпус и 20-ю пехотную дивизию. Не возражаете?

— Решительно возражаю!

— Почему? Аргументируйте.

— С уходом с Кавказа этого корпуса и дивизии растянется фронт других соединений, особенно 1-го Кавказского армейского корпуса. Возможности для глубоких наступательных операций заметно снизятся. Будет трудно и держать активную оборону.

— Но в Ставке считают, что положение у вас прочное. Противостоящему против вас противнику после Сарыкамыша трудно будет собраться с новыми силами.

— Это неправильное мнение. По данным армейской разведки 3-я турецкая армия пополняется намного быстрее, чем мы ожидали.

— Даже если так, Ставка все равно не меняет задачи для формируемой 7-й армии генерала Никитина.

— По моему мнению, это будет авантюрой. Союзники бу-

дут остановлены турками у Дарданелл, и на помощь Никитину к Константинополю они прорваться не сумеют.

— Вы так думаете?

— Это мое твердое убеждение.

— Хорошо. Мы в Ставке еще раз обсудим возможности России для проведения такой десантной операции. Но Ставка не меняет своего решения об отзыве с Кавказа 5-го корпуса и 20-й пехотной дивизии. Вам приказывается исполнить это решение.

— Вас понял. Приказ будет выполнен в назначенный срок. Чем будут перевозиться войска?

— Кораблями Черноморского флота и судами пароходных компаний. Ваша задача — подготовить все для погрузки войск с берега.

— Будет исполнено. Будут ли еще какие-нибудь указания?

— Да. Кавказской армии разрешено оставить у себя часть громоздкого табельного имущества уходящих войск и их боеприпасы. Все это они получают на новом месте.

— Приказ понят.

— Тогда исполняйте...

Так 5-й Кавказский армейский корпус и 20-я пехотная дивизия, стоявшая ранее в приграничном городе Ахалцихе Тифлисской губернии, навсегда оставили Закавказье. В 20-й были собраны действительно одни из лучших полков Отдельной армии — пехотные Тенгинский, Навагинский, Куринский и, что самое обидное для Юденича, — 80-й пехотный Кабардинский полк. Его армия теряла в лице кабардинцев одних из самых главных героев Сарыкамьшской эпопеи.

Вместе с кавказской пехотой в Севастополь отправилась и Кубанская пластунская бригада полковника Букретова. По прибытию в город русской воинской славы пластуны были представлены находившемуся здесь императору Николаю II.

Русскому царю были представлены герои Сарыкамьша — полковник Генерального штаба Букретов, награжденный, как и командующий Кавказской армией, орденом Святого Георгия 4-й степени, начальник пулеметной команды 11-го Кубанского пластунского батальона сотник Коджар, начальник пулеметной команды 12-го батальона хорунжий Ванжа. Государь обратился к пластунам офицерам со словами благодарности:

— Спасибо вам, мои офицеры, что помогли генералу Юденичу сломить турок под Сарыкамьшем...

Особая монаршая милость была оказана героическому 3-му пластунскому батальону. Перед строем казаков Николай II обратился к ним с дерзавым словом:

— За молодецкую боевую службу 3-го пластунского батальона и в память моего сегодняшнего смотра назначаю шефом батальона моего сына наследника цесаревича Алексея Николаевича.

Батальон казачьей пехоты с берегов Кубани ответил дружным и единодушным «ура!».

Государь, одетый в серую черкеску пластунов, был расстроган до слез. Он сказал кубанцам еще несколько слов:

— Славные пластуны, я рад вас видеть здесь, в Севастополе. В Крымской войне черноморскую крепость России доблестно защищали 2-й и 8-й пластунские батальоны с Кубани. Подтвердите теперь вашу славу под стенами Царьграда...

Новая армия, создававшаяся для десантной экспедиции под Константинополь, на треть состояла из кавказских войск. Но русским не суждено было высадиться на берегах Босфора.

Юденич оказался прав. Босфорская десантная операция не состоялась, древний Царьград не увидел перед собой в 1915 году русские войска. А 5-й Кавказский армейский корпус и 20-я пехотная дивизия были переброшены из портовых городов северного Причерноморья на Восточный фронт.

В задуманной операции против черноморских проливов не повезло и союзникам России. Высаженная на Галлипольском полуострове армия британского генерала Гамильтона была сразу же остановлена 5-й турецкой армией под командованием германского генерала Лимана фон Сандерса.

Галлипольские дела шли у союзников из рук вон плохо. Английские, австралийские, новозеландские, французские войска понесли огромные потери. В итоге Антанте пришлось эвакуировать десант с Галлиполи. В Стамбуле праздновали это как большую победу Турции в Первой мировой войне, что в действительности так и было.

Поражение Дарданелльской экспедиции Антанты всерьез обеспокоило командующего Кавказской армией. Он понимал, что немалая часть воодушевленных одержанной победой турецких войск с проливной оборонительной зоны может в скором времени оказаться против его армии.

Чтобы упрочить русские позиции в Турецкой Армении, штаб Юденича задумал и провел смелую операцию — рейд нескольких тысяч конников. Ее осуществление было поручено командиру Кавказской кавалерийской дивизии генерал-лейтенанту Густаву-Классу-Роберту Робертовичу Шерпанье.

В мае месяце кавалерийские полки Шерпанье предприняли удачный рейд от персидского города Тавриза вокруг Ванского озера на города Ван и Урмия, закончившийся в восточной части Турецкой Армении. В рейд было отправлено 36 кавалерийских эскадронов и сотен при 12 горных и 10 полевых орудиях.

В рейд по вражеским тылам по приказу генерала Юденича ушли три драгунских полка — 16-й Тверской, 17-й Нижегородский, 18-й Северский и три казачьих полка — кубанский 1-й Хоперский и забайкальские 3-й Верхнеудинский и 2-й Аргунский.

В сводном отряде Шерпанье имелось и автоматическое оружие — станковые пулеметы: каждая кавалерийская дивизия получила в свой штат пулеметную команду на 8 «максимов» на двуколках. Их могли перевозить в разобранном виде и во вьюках.

Время для проведения операции большими силами конницы было удачное: трава всюду была в изобилии, кони и обозные верблюды были полностью обеспечены подножным кормом.

Была и другая, не менее веская причина. После достоверных известий о страшном поражении турок под Сарыкамышем христианское население Турецкой Армении стало братья за оружие. В середине февраля во многих деревнях стали образовываться армянские партизанские отряды. Затем такие отряды появились в районе города Ван и вблизи Сивасского уезда.

Турецкое командование сразу поняло всю опасность восстания у себя в тылу. Жандармские батальоны из Харпута, Диарбекира и Битлиса начали операции против армянских партизан, обрушивая свой гнев прежде всего на мирное население.

Хотя больших боев не произошло, экспедиция генерал-лейтенанта Шерпанье сумела отличиться на всем пути в 800 верст, которые конные полки и батареи прошли за две недели. У турок было захвачено 29 артиллерийских орудий, из

которых 26 стали трофеями при взятии города Ван. Жители Ванского озера встретили у себя русских, чего армянам-христианам с берегов Ванского озера турки не простили.

Рейд русской драгунской и казачьей конниц произвел удивительное впечатление на местные воинственные курдские племена: в армейском штабе Юденича хорошо знали, что курдские отряды курдов составляли большую часть турецкой кавалерии на Кавказе.

Была и другая причина боязни местных курдских племен появления на их землях больших сил русской конницы. Они боялись мести за совершенное ими в персидском городе Соудж-булаг злодеяние: там был убит российский консул полковник Яс, голова которого долго возилась курдами на пике...

Новым командующим 3-й турецкой армии был назначен генерал-лейтенант Хафих Хаки-паша. Но он неожиданно вскоре умер. Тогда на его место был назначен генерал-лейтенант Махмуд Камиль-паша, состоявший до того в должности заместителя военного министра. Ему были подчинены практически все воинские силы, расположенные на Кавказском театре военных действий — полевые войска, крепостные гарнизоны, жандармерия, пограничная стража.

Новый командующий сумел реально оценить свои возможности. В наследство от военного министра Энвер-паши ему достались пехотные полки, численность которых в редких случаях достигала тысячи человек. Дивизии имели максимум три-четыре тысячи солдат. Общая численность 3-й армии уменьшилась на одну треть.

Махмуд Камиль-паша энергично взялся за подготовку нового «победоносного» наступления на российское Закавказье: из глубины Турции подтягивались обученные резервы, производилась перегруппировка действующих войск. В результате боевая сила 3-й султанской армии была восстановлена и даже стала еще более впечатляющей. К июню 1915 года в армии насчитывалось 150 тысяч человек и 360 орудий.

Новый командующий турецкой армией задумал действительно смелый план. Он принял решение: силами специально созданной ударной группировки численностью около 60 тысяч человек нанести поражение слабому по составу 4-му Кавказскому армейскому корпусу и выйти во фланг и тыл основным силам русских.

Во главе ударной, так называемой «правофланговой группы» был поставлен генерал-лейтенант Абдулкерим-паша. Это был достаточно опытный военачальник, хорошо знавший Кавказ. Не случайно в 1918 году, после развала Российского государства, стамбульское правительство сделало его своим дипломатическим представителем в Тифлисе, столице Республики Грузии.

К тому времени Отдельная Кавказская армия насчитывала в своих рядах 133 тысячи пехоты, 36 тысяч пашек и 356 артиллерийских орудий. С северо-запада на юго-восток эти силы располагались весной 1915 года следующим образом: Приморский отряд, 2-й Туркестанский, 1-й Кавказский и 4-й Кавказский армейские корпуса, Азербайджанский отряд.

Русской армейской разведке удалось установить сам факт готовящегося неприятельского наступления. С передовой линии командующему было доложено, что новый начальник штаба 3-й турецкой армии германский майор Ф. Гузе с группой штабных офицеров прибыл для проведения рекогносцировки. Как было замечено, он на местности уточнял исходное положение первого эшелона наступающих войск. Взятые той же ночью пленные подтвердили результаты визуального наблюдения за вражескими позициями.

В штабе Юденича уже имелись отдельные сведения об ударной группировке Абдулкерим-паши, хотя полностью они не отличались. Однако сопоставив их со свежей разведывательной информацией, командующий понял, что противник со дня на день начнет операцию по прорыву русских позиций крупными силами.

Однако Махмуд Камиль-паша, равно как и мушир Энвер-паша, недоценили своего противника в лице генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича. Он по всем правилам стратегии и тактики решил упредить противника в наступательных действиях, при этом руководствуясь словами великого Суворова-Рымниковского, русского военного гения:

— Удивить противника — значит победить его!

Но сказав знаменитое суворовское изречение, Юденич обязательно добавлял свои собственные слова:

— Удивить и победить турок можно только при условии знания их силы, воли и слабых сторон...

Задача командующим была поставлена 4-му Кавказскому

армейскому корпусу: массивным ударом конницы разбить на левом фланге фронта в долине реки Евфрат сосредоточившиеся там крупные силы врага.

Генерал-лейтенант Огановский повел вперед свою конницу по трем расходящимся направлениям. Такое решение с тактической точки зрения оказалось крайне неудачным. Огромная масса русской конницы — 115 эскадронов и сотен, почти пять кавалерийских дивизий, оказались распыленными на большом расстоянии. Корпус задачу на упреждающий удар фактически не выполнил. Кроме шума и паники в турецких ближних тылах, результатов не было.

Узнав о том, обрадованный Махмуд Камиль-паша отдал приказ о наступлении. 9 июля 1915 года группировка, насчитывавшая в своих рядах более 80 пехотных батальонов и кавалерийских эскадронов, нанесла сильный удар на Мелаягертском направлении. Абдулкерим-паша стремился любой ценой прорвать фланговую оборону противостоящего ему русского 4-го Кавказского армейского корпуса, так и не доведенного до штатной численности.

Турки стремились в первую очередь перерезать растянутые в горах коммуникации, особенно те, которые проходили по долине реки Северный Евфрат. Неприятельские военачальники достоверно знали, что русские не могли держать для их защиты значительные силы, испытывавшие к тому же немалые затруднения с доставкой провианта.

Атакующим удалось застать врасплох подразделения боевого охранения русских, которое, не оказав организованного сопротивления, отошло к главным силам. В корпусном тылу начали активно действовать многочисленные диверсионные группы, находившие содействие у местного мусульманского населения.

Не поддержанный соседним Азербайджанским отрядом, 4-й Кавказский армейский корпус оказался в критическом положении. Его командир генерал Огановский вынужден был обратиться в штаб армии с просьбой разрешить отвод части сил на рубеж севернее Алашкертской долины:

— Докладывает командир четвертого генерал Огановский. Противник перешел в наступление большими силами и части корпуса ведут тяжелые оборонительные бои.

— Петр Иванович, почему боевое охранение корпуса не выполнило своей задачи?

- Причин несколько, и все они веские.
- Какие же вы видите причины?
- Во-первых, турецкие диверсанты с отрядами мусульманского населения перерезали нам коммуникации. Во-вторых, горная местность не позволила организовать взаимодействие между частями боевого охранения. И в-третьих, беспечность отдельных командиров.
- Что делается для борьбы с диверсантами?
- Созданы подвижные заставы из казачьих сотен и полусотен, им приказано преследовать диверсантов до их полного уничтожения. Перекрыты перевалы на дорогах.
- Сколько сможете продержаться на занимаемых позициях?
- Все позиции удержать не в состоянии. Турки начали действовать обходными отрядами, одновременно атакуя нас с фронта.
- Ваши просьбы?
- Нужна помощь резервами, прежде всего пехотой.
- Армия резервов имеет, как вы знаете, немного. К тому же быстро подойти из Карса по горам они не смогут.
- Тогда разрешите отвести часть сил корпуса на рубеж севернее Алашкертской долины.
- Что это вам даст?
- Спрямление линии фронта и усиление боевых порядков на передовой позиции.
- Отступление разрешаю в самом крайнем случае. Штаб армии сейчас занимается вопросами организации вам помощи.
- Держаться стало сложно: с утра турки атаковали нас уже дважды. В ряде мест они отбили у нас господствующие высоты. Полки несут большие потери. Транспорты с ранеными обстреливаются группами диверсантов и требуют усиленной охраны.
- Отбивайте атаки противника артиллерийским огнем.
- Это не всегда удается. Полевые батареи и большинство горных с сегодняшнего дня перешли на экономию боеприпасов. Подвоз их с корпусных складов затруднен в силу сложившейся ситуации.
- Изыскивайте любые меры для удержания позиций. Проявляйте частную инициативу. Помощь вам будет оказана.
- Приказ понят, Николай Николаевич.

- Еще раз — держитесь. Отход севернее Алашкертской долины разрешаю только в самом крайнем случае...
- Однако Огановский не сумел отразить натиск ударной группировки Абдулкерим-паши. После тяжелых боев в середине июля 4-й Кавказский армейский корпус стал отходить в направлении государственной границы. Турки, энергично наступая, заняли Караглис и стали взбираться от рубежа к рубежу на гребни Агридагского хребта. Отступавшие русские войска вели тяжелые арьергардные бои, изредка контратакуя.
- Абдулкерим-паша успешно решил первую половину поставленной ему Махмуд Камиль-пашой задачи на наступление. Весь левый фланг русских оказался в критическом положении. Но они сумели отступить к границе без серьезных потерь.
- Генерал Юденич, как опытный шахматист, отреагировал на ход противной стороны незамедлительно. Правильно понимая всю тяжесть складывающейся ситуации, он распорядился срочно сформировать сводный отряд, возглавить который поручалось решительному генералу Баратову.
- План Юденича был задуман на самой высокой ноте искусства стратегии. Командующий русской армией решил дать туркам возможность втянуться в горы как можно дальше, а затем молниеносным ударом в тыл перекрыть неприятелю пути к отступлению.
- Баратовский отряд начал скрытное сосредоточение у Даяра. Основу отряда составили 4-я Кавказская стрелковая и 1-я Кавказская казачья дивизии. Последняя состояла из первоочередных Кубанского, Уманского, Хоперского и Горско-Моздокского казачьих полков. С дивизиями уходила в наступление их артиллерия.
- Отряд генерала Н. Н. Баратова получился маневренный и легкий на подъем. Он состоял из 24 батальонов стрелков, 36 казачьих сотен и имел около 40 орудий. Все войска, сведенные в него, имели опыт ведения боев в горах.
- Командующий армией, утвердив план ответного удара по группировке Абдулкерим-паши, лично поставил боевую задачу генерал-лейтенанту Баратову:
- Николай Николаевич, вам известно о критическом положении корпуса Огановского?
- Да, известно. 4-й Кавказский отходит к российской границе по всей линии фронта.

— Государь и великий князь Николай Николаевич в Ставке обеспокоены ходом событий на нашем левом фланге. Поэтому спрашиваю: готов ли ваш отряд выступить завтра утром?

— Готов, Николай Николаевич. Ставьте задачу, которую ваш штаб держит в секрете от всего кавказского генералитета.

— То, что секрет соблюдается, уже есть успех на войне. Согласны?

— Согласен.

— Задача следующая. Сформированному вами отряду предстоит нанести контрудар на левом фланге в тыл туркам. Надо отбить удар «кулака» Махмуда Камиль-паши.

— Задача понятна.

— Детали задуманной операции, изложенные на карте, получите от штабистов.

— Каково направление задуманного контрудара?

— От Даяра вам предстоит выйти на линию Евфрата. Дальше идти не следует.

— Почему?

— Союзники-англичане этого не желают.

— Каковы последующие действия отряда, когда мы выйдем противнику в тыл и во фланг?

— В случае удачи контрудара вам предстоит вместе с 4-м Кавказским корпусом окружить наступающие турецкие войска в районе селений Караклис и Алашкерт.

— Если Абдулкерим успеет выйти из-под удара, что мне предпринимать?

— Будете действовать по обстоятельствам, но согласуя свои решения со штабом фронта.

— В таком случае могут возникнуть немалые трудности: мы уйдем от своих телеграфных линий.

— Все предусмотрено, Николай Николаевич. В распоряжение вашего отрядного штаба уже выделено две искровые станции, вторая будет на всякий случай резервной.

— Прекрасно, значит, связь есть.

— Тогда все. Желаю вам удачи.

— Благодарен за доверие, Николай Николаевич...

Хорошо задуманный на карте маневр сводного отряда генерала Баратова во многом не удался. Причин тому оказалось немало: незнакомая горная местность, разрушенные противником дороги, наконец, просчеты командования замедлили темпы контрудара.

Абдулкерим-паша показал завидную распорядительность. Поняв, что он может легко оказаться, в лучшем случае, в полуокружении, султанский военачальник стал быстро отводить назад свои войска от Караклиса. Сделал паша это своевременно, потеряв всего до трех тысяч человек.

Контратакующая группировка 3-й турецкой армии после первоначальных успехов откатилась на юг, к Евфрату и стала там закрепляться. К 15 сентября 4-й Кавказский армейский корпус занял оборону от перевала Мергемир до Бурнубулах. К югу от Арджиша генерал Огановский выставил сильное боевое охранение. После этого бои на левом фланге русских на время затихли.

Все же действия баратовского отряда могли иметь немалый успех, если бы не одно «но». Командир русского Азербайджанского отряда, стоявшего уже на турецкой территории восточнее озера Ван, генерал-майор Ф. И. Назарбеков проявил удивительную вялость в своих действиях и, как говорится, пальцем не пошевельнул, чтобы хоть как-то помочь наступательным действиям своего соседа справа.

Еще больше удивляли в тех событиях действия командира Кавказской кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Густава-Класса Роберта Робертовича Шерпанье. Его конница стояла на северном берегу Ванского озера и могла ударить по близкому селению Мелазгерту, стоявшему на берегах реки Мурад-чай. В Мелазгерте сходились четыре важных по положению дороги, и если бы русские взяли этот пункт, турки могли оказаться в «мешке».

Генерал Шерпанье уже «прославился» подобными действиями в Польше, в самом начале Первой мировой войны. На берегах озера Ван он также безучастно созерцал бегство турок к Евфрату, как год назад под Лодзью смотрел на бежавшую мимо его кавалерийского корпуса немецкую артиллерию и обозы. Тогда из вверенных ему государем императором 10 тысяч отточенных для боя шашек ни одна не вылетела из ножен.

Действиями Шерпанье командующий Отдельной Кавказской армией был просто сражен. При получении в армейском штабе радиограмм от Баратова, разгневанный Юденич приказал:

— Передайте Назарбекову и Шерпанье вопрос: почему при появлении перед ними спешно отступающих турок они

не атаковали их и не создали единый фронт атаки с Баратовым?

Ответ из Азербайджанского отряда поступил не сразу. Генерал-майор Назарбеков ответил за себя и за подчиненного ему командира кавалерийской дивизии:

— Наступать не мог по причине наличия сильного отряда турок восточнее Тодвана.

— А генерал Шерпанье почему не пошел вперед?

— Шерпанье не мог наступать с конницей из-за скопления войск противника у Мелазгерта.

Юденич ответил на все выше сказанное следующим:

— Тадван находится на западном берегу озера Ван. Что касается Мелазгерта, то до него Шерпанье было несколько часов ходу. Почему ваша конница не нанесла удар по дороге, по которой отступали турки?

— У меня не было никаких данных разведки о том, как отступают турки от Караклиса и Дутаха.

— Тогда вам мой приказ: наладить в отряде разведку — дальнюю и ближнюю.

— Будет исполнено, Николай Николаевич.

— О работе отрядной разведки ежедневно докладывать по радио в разведотдел штаба армии.

На том разбирательство с Назарбековым и Шерпанье закончилось. Помешало то, что Николай Николаевич достоверно знал, что в столице при императорском дворе у того и другого имелись высокопоставленные покровители. Таких людей у Юденича в окружении Николая II никогда не было.

С началом действий отряда генерала Баратова командующий Кавказской армией сделал все возможное, чтобы Махмуд Камияш-паша не смог перебросить новые войска в Алашкертскую долину. 2-й Туркестанский и 1-й Кавказский корпуса предприняли в ряде мест частные наступления, чтобы сковать силы турок. Корпуса пошли вперед с рубежа реки Чорох, селения Дели-баба, перевала Мергемир.

Но эти атакующие действия из-за недостатков боеприпасов развития не получили. Хотя свое дело они сделали, и султанский полководец не пошел на рискованное решение — снять с фронта войска для помощи отступавшему Абдулкерим-паше.

Все же один серьезный частный успех случился. Большая удача выпала на долю ударного отряда генерала Чернозубо-

состоявший из восьми дружин государственного ополчения, 48 конных казачьих сотен при 20 орудиях. Он сумел на Северо-Азербайджанском направлении продвинуться на 40–50 километров в глубь турецкой территории и занял подвижную оборону в горах в полосе 400 километров — от Арташпа до южного берега озера Урмия...

Командующему Отдельной Кавказской армией приходилось не раз докладывать в Ставку Верховного главнокомандующего о героических делах своих бойцов. Один такой случай произошел, уже будучи в эмиграции, белоказачий атаман войска Донского и известный писатель Петр Николаевич Краснов:

«Это было в самые первые дни войны на турецком фронте, в долине Евфрата. 1-го ноября 1914 года конный отряд Эриванской группы занял с боя турецкий город Душах-Кебир. Наше наступление шло в Ванском направлении к Мелазгерту. 2-го ноября от отряда была послана разведывательная сотня. Но, отойдя версты на четыре, она наткнулась на значительные силы конных курдов и принуждена была остановиться. Попытки разъездов пробиться дальше не увенчались успехом, и начальник отряда, генерал-майор Певнев, решил 6-го ноября произвести усиленную разведку отрядом трех родов войск и оттеснить курдов.

В разведку был назначен 3-й Волгский казачий полк Терского казачьего войска под командой полковника Тускаева, два орудия 1-й Кубанской казачьей батареи под командой подьесаула Певнева и два пулемета дивизионной команды под командой 1-го Запорожского Императрицы Екатерины II казачьего полка, сотника Артифексова.

3-й Волгский полк, только что мобилизованный, состоял из немолодых казаков, отдохавших из строя, со случайными, призванными из льготы офицерами и с командиром, только что назначенным из конвоя Его Величества и отвыкшим управлять конными массами.

Напротив, — батарея и пулеметчики — все были кадровые казаки с двух и трехлетним обучением, молодежь, горевшая желанием помериться силами с врагом, прекрасно воспитанная и дисциплинированная, сжившаяся со своими офицерами.

Ранним утром яркого солнечного дня отряд вышел из Душаха. Пройдя четыре версты, на линии селения Верхний Хартадих, где горные отроги рядов холмов, прорезанных круто-

ребрыми балками, спускаются в долину реки Евфрат, — отряд услышал выстрелы. Головная сотня была встречена пешими и конными курдами. Искусно пользуясь глубокими оврагами и складками местности, террасами спускающейся к реке, курды маячили кругом сотни, обстреливая ее со всех сторон.

Полковник Тускаев, не рискуя принять бой в конном строю, спешил две сотни, около 130–140 стрелков, — и повел наступление на конные массы. Противник, укрывшийся по балкам, развернулся. Перед волгскими цепями была организованная курдская кавалерия — тысяч до пяти всадников.

Курдская конница охватила головную сотню, бывшую в версте от казачьих цепей. Курды, джигитуя, подскакивали к казакам шагов на четыреста и поражали их метким прицельным огнем.

В сотне появились убитые и раненые. Она подходила к обрывистому берегу Евфратского русла, вся каменистая долина реки пестрела курдскими толпами. Гул голосов, неясные вскрики, ржанье коней раздавались от реки. Повсюду были цели для поражения огнем и так велика была вера в технику, в силу артиллерийского и пулеметного огня, что полковник Тускаев приказал артиллерийскому взводу выехать вперед цепей и огнем прогнать курдов.

Лихо, по конно-артиллерийски, вылетел по узкой тропинке к берегу подьесаул Певнев, развернулся за двумя небольшими буграми у самого берега и сейчас перешел на поражение, ставя шрампели на картечь.

Курды не дрогнули. Нестройными конными лавами, сопровождаемыми пешими, с непрерывной стрельбой, они повели наступление на головную сотню, стоявшую в прикрытии батареи и на орудия.

Терцы Волгского полка не выдержали атаки. Три взвода сотни оторвались и ускакали. Под берегом остался один взвод, — человек пятнадцать, и два орудия, яростно бившие в курдов.

Им на помощь был послан пулеметный взвод сотника Артифексова.

Широким наметом, имея пулеметы на выюках, пулеметчики выехали вперед орудий и сейчас же начали косить пулеметным огнем курдские толпы. Курды отхлынули. Пулеметный огонь был меткий на выбор, но курды чувствовали свое превосходство в силах и, отойдя на фронте, они скопи-

лись на левом фланге и, укрываясь холмами Евфратского берега, понеслись на бывшие сзади батареи сотни волгцев полковника Тускаева. Курды обходили их слева и сзади. Волгцы подали коноводов и ускакали, оставив и орудия под речным обрывом.

В величавом покое сияло бездонное синее небо над розово-желтыми кремнистыми скатами Малоазиатских холмов. Тысячам курдов противостояла маленькая кучка казаков, едва насчитывавшая тридцать человек. Орудия часто стреляли, непрерывно трещали пулеметы, отстреливаясь во все стороны и осаживая зарывавшихся курдов. Телами убитых лошадей и людей покрывались скаты холмов, но крались и ползали курды, и меток и губителен становился их огонь.

Два молодых офицера, подьесаул Певнев и сотник Артифексов, с горстью все позабывших и доверившихся им казаков, бились за честь русского имени.

Пулеметные ленты были на исходе. Взводный урядник Петренко — красавец и силач, — доложил Артифексову полупшепотом:

— Ваше благородие, остались три коробки...

В то же мгновение первый пулемет замолчал. Номера были ранены, а сам пулемет поврежден. И сейчас же ранило 1-й номер второго пулемета. Огонь прекратился.

Сотник Артифексов сел сам за пулемет, тщательно выбирая цели и сберегая патроны.

Из тыла прискакал раненый казак Врлжец.

— Командир полка приказал отходить! — крикнул он.

Из-за бугра показался Певнев.

— Сотник, прикрывайте наш отход, а мы прикроем ваш.

— Ладно. Будем прикрывать отход.

Заработал пулемет.

Сзади звонко звякнули пушки, поставленные на передки. Загрели колеса. Орудия, со взводом терцев, поскакали назад... На месте батареи остался зарядный ящик с убитыми лошадьми, трупы казаков и блестящие медные гильзы артиллерийских патронов.

На береговом скате офицер и десять казаков отстреливались от курдов пулеметом и из револьверов. Курды подходили на сто шагов. В неясном гортанном гомоне толпы уже можно было различить возгласы:

— Алла... Алла...

Одному Богу молились люди и молились о разном.

Прошло минут десять. Сзади рывкнул выстрел и заскрежетал снаряд. Подъесаул Певнев снялся с передков. Пулеметам надо было отходить. Курды бросили пулеметы, и конная масса, человек в 500, поскакала стороною на батарею. Нечем было их остановить, орудия стояли под прямым углом одно к другому и часто били, точно лаяли псы, окруженные волками... Артиллерийский взвод умирал в бою.

— Вьючить второй пулемет! — крикнул Артифексов и сел на свою лошадь. Сознание силы коня и то, что на нем он легко уйдет от курдов, придало ему бодрости.

Курды кинулись на казаков.

— Ребята, ко мне!

И тут, в XX веке, произошло то, о чем пели былины на пороге IX века. Петренко, как новый Илья Муромец, врубился в конные массы курдов и крошил их, как капусту. На бескровном лице дико сверкали огромные глаза, и сам он непроизвольно, не отдавая отчет в том, что он делает, хрипло кричал:

— Ребята, в атаку... Ребята, в атаку... в атаку...

Рядом с ним, на спокойной в этом хаосе людских страстей лошади, стоял казак 3-го Волгского полка, Файда, и с лошади, из винтовки, почти в упор бил курдов.

Пулеметы ушли... От отряда осталось только трое: сотник Артифексов, Петренко и Файда. Петренко был ранен в грудь и шатался на лошади...

— Уходи! — крикнул Артифексов, отстреливаясь из револьвера — и, как только Петренко и Файда скрылись в балке, выпустил своего могучего кровного коня...

Впереди было каменистое русло потока. Сзади нестройными толпами, направляясь к агонизировавшей батарее, скакали курды. Часто щелкали выстрелы.

Большие камни русла заставили сотника Артифексова задержать коня, перевести его на рысь и потом на шаг. Лошадь Артифексова вдруг как-то осела задом, заплела ногами и грузно свалилась. Сейчас же вскочила, прынула и упала на Артифексова, тяжело придавив ему ногу.

Мимо проскакали курды. Они шли брать батарею. Иные соскакивали у трупов казаков и обирали их. Громадный курд увидел Артифексова, бившегося под лошадью, соскочил с коня и с ружьем в руках бросился на офицера. Он ударил Артифексова по голове прикладом, торчком. Мохнатая

дубанская шапка предохранила голову и был только тяжелый удар, вызвавший минутное помутнение в голове. Артифексов схватил курда одною рукою за руку, другою за ногу и повалил его, зажав ему голову под мышкой правой руки, а левой рукой старался достать револьвер, бывший под лошадью. Курд зубами впился в бок Артифексова, но тому удалось достать револьвер и он, выстрелом в курда, освободился от него.

Мutilось в голове, как в тумане, увидел Артифексов двух волгских казаков, скакавших мимо.

— Братцы, — крикнул он, — помогите выбраться!

Казак по фамилии Высококобылка остановился.

— Стой, ребята, пулеметчиков офицер ранен.

— Я не ранен, я только не могу встать...

Высококобылка закричал что-то и стал часто стрелять по наседавшим курдам. Другой казак, Кабальников, тоже что-то кричал Артифексову. Артифексов рванулся еще раз и выкарабкался из-под лошади. Но сейчас же на него налетели трое конных курдов. Одного убил Артифексов, другого — кто-то из казаков, третий поскакал назад.

— Ваше благородие, бегите сюды! — крикнул Артифексову Высококобылка.

Казаки из-за больших камней русла не могли подъехать к офицеру.

Артифексов подошел к ним. Они стали по сторонам его, он вставил одну ногу в стремя одному, другую — другому и, обнимая их, поскакал между ними по дороге. Но дальше шла узкая тропинка. По ней можно было скакать только одному. От удара по черепу силы покидали Артифексова.

— Бросай, ребята. Все равно ничего не выйдет.

— Зачем бросай, — сказал Высококобылка и прыгнул со своей лошади.

— Садись, ваше благородие. Кабальников, веди его благородие. За луку держитесь. Ничего, увезем.

На мгновение Артифексов хотел отказаться, но машинально согласился. Высококобылка опустил на колено у покрытой в холме тропы и изготовился стрелять. И как только курды сунулись в промоину, меткими выстрелами стал их класть у щели.

Выпустив пять патронов, он догнал Кабальникова, вскочил на круп лошади и все трое поскакали дальше. Но не про-

скакали они и двухсот шагов, как курды прорвались в щель и стали стрелять по казакам. Высококобылка соскочил с лошади, лег и остался один против курдов, выстрелами на выбор он опять остановил их преследование, потом подбежал к Кабальникову и, взявшись за хвост лошади бежал за Артифексовым.

Они уже выходили из поля боя. Стали попадаться казаки отряда. Курды бросили преследование. Сотник Артифексов был спасен.

Глухою ночью он проснулся. Нестерпимо болела ушибленная нога. Кошмары давили. В пустой хате, где его положили, было темно и страшно. Шатаясь, он вышел на воздух. В бескрайней пустыне горел костер. Кругом сидели казаки.

— Братцы, дайте мне побыть с вами, страшно мне одному. Голова болит, — сказал Артифексов.

Молча подвинулись казаки. Офицер сел у костра. Он прилег. Чья-то заботливая рука прикрыла его ноги буркой.

Тихо горел костер. Трещали чуть слышно мелкие сучья. В стороне жевали кони. Высоко в небе ткали невидимый узор звезды, точно перекидываясь между собою лучами-мыслями.

Молчали казаки.

Подвиг братской христианской любви и самопожертвования был совершен.

По уставу.

Как офицер «дома» учил. Как наказывал отец. Как говорила, провожая мать. Как обязан был поступать каждый казак, как поступали тогда все...»

Петр Николаевич Краснов в своей книге «Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской Армии» трогательно описал лишь один эпизод героизма Великой войны на Кавказе. Их же совершено там было тысячи...

...Все же так называемая Евфратская операция Отдельной Кавказской армии имела успех. Так ее, в отличие от самого Юденича, расценили в могилевской Ставке Верховного главнокомандующего. Там посчитали, что в такой сложной по исполнению контрнаступательной операции полного, запланированного успеха достичь было просто невозможно. По этому поводу у Юденича состоялся разговор с великим князем Николаем Николаевичем-Младшим:

— У аппарата Верховный главнокомандующий. Доложите результаты Евфратской наступательной операции!

— Операция завершена. Войска 4-го Кавказского корпуса заняли оборону от перевала Мергемир до Бурну-булаха.

— Вас можно поздравить с тем, что линия фронта заметно улучшилась. На карте это хорошо видно.

— Так точно: левый армейский фланг вышел к Ванскому озеру, чего мы и добивались.

— Возможен ли теперь обход вашего левого фланга?

— Нет. Южный берег и дороги вдоль него сторожит своей конницей Азербайджанский отряд.

— Какие потери понес противник людьми в ходе операции?

— Как я уже докладывал в Ставку, турки потеряли только пленными одного пашу, 81 офицера, 5209 аскеров. Число раненых точно определить пока трудно.

— А взятые трофеи?

— У турок отбито 12 орудий и десяток пулеметов. Немного.

— Умаляете результаты, Николай Николаевич. Потеря турками двух батарей — это для них ощутимо.

— Согласен, но трофеев могло быть и больше.

— Генерал Баратов и отличившиеся офицеры к наградам представлены?

— Да. Наградные листы в Ставку отправлены еще вчера утром.

— Чем интересна была для вас проведенная операция?

— Своей незавершенностью и утраченными возможностями, ваше сиятельство.

— Что ж, самокритично. А для общественности, газетчиков?

— Во время контрудара было захвачено в плен 300 только что произведенных в пехотные подпоручики выпускников Константинопольского военного училища. Они так и не успели увидеть свои полки.

— Любопытный факт. Надо, чтобы для газет России и союзников это стало фронтовой информацией.

— Штабом армии это уже сделано.

— Хорошо. Могу порадовать вас лично — государь повелел мне представить вас к следующему Георгию.

— Ваше сиятельство, прошу передать государю мою глубокую признательность.

— Передам сегодня же. Государь вместе с цесаревичем Алексеем сегодня поездом прибывает в Ставку...

Высокая награда не заставила себя ждать. За умелое руководство Отдельной Кавказской армией при срыве широкого неприятельского наступления летом 1915 года генерал от инфантерии Юденич удостоился ордена Святого Георгия 3-й степени. Высочайший указ начинался словами:

«В воздаяние доблестных трудов и умелого предводительства русскими войсками на Кавказе награждается...»

Первая мировая война охватывала все новые и новые земли. Наступила пора ввода в соседнюю Персию крупных сил русских войск, чтобы воспрепятствовать действиям турецкой и германской агентуры. К тому времени в Тифлисе появился новый царский наместник на Кавказе.

Император Николай II был крайне недоволен развитием событий на Восточном фронте и уходом армий России из Польши и Галиции, хотя серьезным военным поражением это назвать никак было нельзя. Этим была обеспокоена и Антанта, которая испытывала большие трудности на Западном фронте. Так назрел вопрос о смене Верховного главнокомандующего.

На фронтах такое известие поразило многих. Полковник Николай Александрович Романов сменил на высшем командном посту воюющей России авторитетного, много повоювавшего и потому достаточно опытного генерала от кавалерии Николая Николаевича-Младшего. Последний был отправлен в почетную отставку на Кавказ, получив там должность наместника Его Величества.

Юденичу с великим князем удалось сразу же наладить контакт и в решениях армейских вопросов достичь полного взаимопонимания. По предложению командующего Отдельной Кавказской армией и при поддержке нового царского наместника для действий в Персии создается экспедиционный корпус.

Предыстория решения была такова. После краха Дарданелльской десантной операции престиж Великобритании на Востоке заметно пал, и это отразилось на внутривнутриполитическом положении в Персии. Душой германских интриг стал дипломат граф Каниц. Он нашел поддержку у ряда вождей кочевых племен на юге страны и в персидской жандармерии, созданной и обученной шведскими военными инструкторами, открыто симпатизировавших Германии.

В Лондоне в этом усмотрели прямую угрозу безопасности Британской Индии и стали требовать ввода в Персию крупных сил русской армии. После колебаний правительство Саидова согласилось с чуть ли не ультимативной просьбой своего союзника по Антанте.

Ни Юденич, ни великий князь Николай Николаевич-Младший сторонниками такого решения не были. Для них это означало только одно: Кавказский фронт растягивался с 500 верст до 1000 верст. Сразу же вставал вопрос — где взять войска для удержания такой фронтовой линии?

Экспедиционный Персидский корпус создавался в самые сжатые сроки. Командование им поручалось хорошо зарекомендовавшему себя в войне генерал-лейтенанту Баратову. Изначально корпус задумывался как маневренный. Поэтому в его состав вошло на первых порах 39 казачьих сотен, всего 3 пехотных батальона и 5 артиллерийских батарей. Всего набралось около 8 тысяч бойцов и 20 полевых пушек.

Перед убытием командующий экспедиционным корпусом генерал Баратов прибыл на аудиенцию к Юденичу. Разговор шел о ближайших и последующих задачах корпуса:

— Николай Николаевич, я хочу высказать вам и вашим бойцам от имени великого князя и меня лично самые добрые пожелания на будущее.

— Премного благодарен и великому князю, и вам, Николай Николаевич.

— Задачи, поставленные перед корпусом, доведены начальником оперативного отдела штаба армии?

— Да, приказ доставлен мне в опечатанном пакете и был вскрыт лично мною.

— Вопросы есть ко мне?

— Нет. В приказе все изложено предельно ясно.

— Тогда давайте поведем разговор о сложностях вашей задачи. Они прежде всего касаются взаимоотношений с союзниками.

— Но англичане выходят на армейский штаб.

— Пока так. Но когда турки припрут их на берегах Тигра, то они могут обратиться лично к вам.

— Что мне делать в таком случае?

— Прежде всего сообщите в штаб по искровой станции, мы вам ответим соответствующей инструкцией.

— Будет ли она обязательна к неукоснительному испол-

нению? Ведь в боевой обстановке ситуация за один-единственный день может резко измениться.

— На сей счет у меня уже был разговор о вас с великим князем.

— Что он может разрешить мне в крайней ситуации?

— Действовать по собственной инициативе и руководствоваться обстоятельствами.

— Значит, я могу побережь людей в случае эпидемий лихорадки и чумы: корпусная медицина только о них и говорит.

— Да, отвод войск из неблагоприятных местностей должен производиться обязательно. В штабе армии и так ожидают от вас больше не боевых, а санитарных потерь.

— Главная задача перед экспедиционным корпусом остается та же или может стать иной?

— Та же, Николай Николаевич. Я уверен, что вы не позволите турецкому фронту протянуть свой правый фланг к реке Аракс. И удержите Персию под нашим контролем.

— Помощь мне от союзников-англичан возможна или нет?

— На их оперативное содействие даже и не надейтесь. У них достаточно и своих забот...

Баратовский корпус был перевезен по железной дороге из Тифлиса в портовый город Баку. Затем на кораблях Каспийской военной флотилии и гражданских судах переброшен по морю и высажен в иранском порту Энзели, ближайшем к столичному Тегерану. Никакого противодействия со стороны иранцев встречено не было.

Баратову было известно, что по данным разведывательного отдела армейского штаба, из Турции в Персию проникли первые воинские отряды, хотя и небольшие по численности. Ими командовали один из племенных вождей курдов Эмир-Наджен и немецкий лейтенант фон Рихтер. Каждый прибыл с ротой турецких солдат.

Появление турецкой регулярной армейской силы на иранской территории не могло не встревожить штаб Кавказской армии. Было совершенно очевидно, что первые две роты султанской пехоты являли собой только передовой отряд сил гораздо больших. Говоря языком «Наставления по тактике», неприятель производил разведку боем. Поэтому задержка ответных действий грозила корпусу Баратова неприятными последствиями.

Спустя две недели колонны русских войск двинулись от берегов Каспия на города Хамадан и Кум, которые являлись важными пунктами германо-турецких вооруженных отрядов. Часть баратовского экспедиционного корпуса подступила к персидской столице, но в Тегеран не вошла, была реальная опасность нежелательных для России волнений.

Генерал-лейтенант Баратов действовал решительно и успешно. Заняв Хамадан, русские войска разгромили так называемые германо-турецкие диверсионные отряды (на самом деле это были ополчения ряда племенных вождей, называемых протурецки, и отряды персидской жандармерии во главе со шведскими инструкторами) в Буруджарде, Доулетабате, Лялекане и Куме.

Для русского командования стало откровением, что шведские офицеры оказались настроенными открыто прогермански. В том же духе они и воспитывали шахских жандармов. Но поднять их обученность до уровня Персидской казачьей бригады так и не смогли. А скорее всего — просто не успели.

До серьезных боев дело нигде не доходило. Противник или разбегался по окрестным горам, или просто разоружался и безлошадным отпускаясь по домам и шатрам кочевий. В ходе операции было отобрано двадцать два давно устаревших орудия, стрелявших чуть ли не чугунными ядрами, а авантюрист, специалист по иранским делам граф Каниц был убит при попытке оказать сопротивление казакам.

Уже в Персии генерал-лейтенант Баратов получил из штаба Отдельной Кавказской армии приказ Ставки Верховного главнокомандующего за № 681 1915 года. Приказ назывался — «Об ускоренном производстве всех в следующие чины за выслугу лет на фронте».

По этому приказу офицеры русской армии — пехоты, кавалерии, артиллерии, технических частей и тылов — могли быть представлены к производству в следующие чины в следующих случаях. В кавалерии:

1. Хорунжие и корнеты, выступившие на войну, с производством в сотники и поручики со старшинством 19 июля 1915 года. То есть один год войны им давал следующее офицерское звание.

2. Прапорщики, хорунжие и корнеты, выступившие на фронт после объявления войны, производятся в следующие

чины, пробыв на фронте и в строю 9 месяцев. Их старшинство в следующем звании ограничивалось также не выше 19 июля 1915 года.

3. Для получения чина подъесаула или штаб-ротмистра — надо пробывать на фронте и в строю ровно один год.

4. Для получения чина есаула или ротмистра — надо прокомандовать на фронте казачьей сотней или кавалерийским эскадроном один год и четыре месяца.

5. Для получения следующих штаб-офицерских чинов — надо на фронте и в строю пробывать не менее одного года и четырех месяцев.

Такие положения касались регулярной кавалерии — драгунской, уланской, гусарской и кирасирской, национальных конных частей и казачьей конницы.

Для артиллерии же эти сроки были заметно увеличены. В приказе объяснялась и причина: этот род оружия меньше всего был подвергнут огню неприятеля и нес наименьшие боевые потери.

Для пехоты сроки ожидания получения нового офицерского звания по приказу № 681 оказались меньше, чем для кавалерии. Это было и понятно. Именно «царица полей» несла наибольшие потери в людях и при наступлении, и при обороне:

1. Чтобы получить прапорщику или хорунжему-пластуну очередное воинское звание, требовалось пробывать на фронте и в строю только четыре месяца;

2. Другим офицерам, в звании выше прапорщика или хорунжего, на это требовалось уже полгода.

В порядке особого поощрения младшие офицеры получали очередное воинское звание за два боевых ранения. Потом высочайшим императорским указом эта статья приказа № 681 была отменена, как «излишне щедрая».

Новый приказ о чинопроизводстве на фронте вызвал массовое повышение в офицерских званиях. В рядах Отдельной Кавказской армии, например, к очередным воинским чинам были представлены почти все прапорщики, хорунжие и подъесаулы. К чести Юденича, он старался ни в чем не задерживать присвоение новых званий офицерам-фронтвикам, рисковавшим своей жизнью на передовой, относясь к ним особо уважительно.

Юденич стал инициатором удивительного для Первой мировой войны приказа о 28-дневных отпусках офицеров и

нижних чинов: в порядке очередности и по заслугам. Так, в казачьих полках полагалось отпускать двух офицеров и двух казаков из каждой сотни.

Каждый такой отпуск был «испытанием» для всех, будь то офицер или нижний чин. Там, на родине (особенно в деревнях и станицах), им приходилось рассказывать не только о живых, но и о погибших земляках-однополчанах.

Свой заслуженный в боях отпуск с Кавказа на Кубань казачий офицер-фронтвик Ф. И. Елисеев в мемуарах описывает так:

«Я в своей станице. Святая Пасха. Мы на кладбище, по обычаю — поминовение усопших. Там — вся станица. Масса родственников. Сплошное христосование до боли в губах. Казачки целуются крепко, смачно, обязательно в губы и три раза. Спросы да расспросы о мужьях. Свой офицер-станичник, да еще полковой адъютант, — живой вестник полка. Он должен все знать, и он должен все рассказать — как там?

Ко мне близко-близко подходит мать и тихо говорит:
— Сыночек... к тебе хотят подойти Боевы, да стесняются. Ведь их Гриша убит в полку... Отец и жена хотят расспросить: как он погиб, но боятся к тебе подойти, сыночек...

Воспоминания о гибели Гриши и то, что Боевы хотят подойти, да «боятся», — кровь ударила мне в лицо.

— Где они? — схватив руку матери, болезненно произнес я.
— А вон в сторонке, за могилами... — ответила она, указывая кивком головы.

Бросаю всех своих многочисленных родственников и через могилы, заросшие свежей травой, быстро, перескочком, приближаюсь к ним.

...Они стоят грустные, словно пришибленные — отец, мать, сноха и меньший сын.

— Дяденька, здравствуйте! Христос Воскресе! — очень почтительно и радостно говорю я, обнимая и целуя его в совершенно сухие губы — растерявшегося и убитого горем казака-старика 45 лет от роду. Жена его уже горько плачет, приговаривая:

— Гри-шут-ка на-аш па-ги-ип...
Обнимаю и целую старушку, залившуюся при виде меня еще больше горячими слезами. Все ведь они знают меня еще с пеленок, как своего родного соседа-казачонка, и вот теперь я — офицер, живой, здоровый, веселый, счастливый и бывший с фронта, где погиб их старший сын, будущий кор-

милец стариков. Рядом стоит сноха, жена Гриши. Стоит, горестно погупившись, и молча плачет...

— Жена Гриши? — спрашиваю ее, сам уже готовый расплакаться.

А она, горемычная вдовушка в свои 22 года, вместо ответа бросилась ко мне, повисла на шее и залила слезами и мои боевые ордена, и аксельбанты, и своим неутешным горем перевернула всю мою душу. И мне стало так неловко, даже стыдно, что я так нарядно одет, когда у них большое и непоправимое семейное горе. И мои боевые офицерские ордена, честно заслуженные в должности младшего офицера сотни, меня уже смущали и давили на психику.

Успокоились. Начались расспросы, как всегда у неисконного казачества: где? когда? как именно погиб Гриша?

Что я им мог сказать в утешение? Сын ведь погиб, погиб безвозвратно. Я даже не мог сказать им всю правду, чтобы еще больше не усилить их горе. Что он, Гриша, убит в лоб, убит наповал, не пикнув, как дышленок, так как такие подробности их убили бы еще больше. Ведь все хотят услышать, что «умирающий еще дышал, смотрел, вспоминал отца, мать, женушку-подруженьку... и перед последним вздохом просил им кланяться...» А тут — их сын и муж убит «наповал и в лоб». И какое могло быть здесь утешение для них...

Рассказал подробно, как их хоронили. Сказал, что мы умыли их лица, поставили православный крест (я не сказал, что это был маленький крестик из палочек, чтобы не огорчать их). Сказал, что могилу можно будет после войны найти и тело перевезти в станицу. Это я врал уже умышленно, желая хоть чем-нибудь, хоть как-нибудь посеять в их душах радость, утешение, успокоение.

От этого рассказа, вижу, посветлели их лица. Они уже смотрели радостно на меня, уже рассматривают мой мундир, ордена. Они уже называют меня по-станичному, по-старому — Федюшка. Но мне от всего этого стало неловко. И вот почему. Их сын, рядовой казак, погиб в бою, зарыт в чужой «распроклятой турецкой земле», а вот он, офицер, не только что жив, но и здоров, весел, приехал в отпуск, да еще к самой Святой Пасхе и — с орденами... Ну, какая же тут может быть справедливость?!..

Были тяжкие минуты, и было такое человеческое горе, которое никакими доводами, никакой логикой не докажешь и не докажешь.

Наговорились. Успокоились...»

...По решению Ставки Верховного главнокомандующего в декабре 1915 года в Туркестанском военном округе вновь создается Хорасанский отряд в составе около тысячи человек при четырех конных орудиях. Он направляется в провинцию Хорасан — северо-восточную часть Персии и перекрывает путь германо-турецким отрядам, пытавшимся пройти в Афганистан, чтобы отсюда совершать нападения на южные границы России.

Хорасанский отряд конными заставами перекрыл все известные караванные тропы. Туркестанцы — казаки-семиреченцы и стрелки одним своим присутствием отбили у вождей местных племен всякое желание воевать за обещания посылцев турецкого султана.

Британцы тоже были заинтересованы в прикрытии с персидской территории подступов к самой большой жемчужине английской короны — Индии. Русские, действуя совместно с английскими войсками, установили подвижную, конную автесу на рубеже Бирджент — Систан — Оманский залив. Так были сорваны далеко идущие планы Берлина и Стамбула по закреплению своих позиций в Персии.

Значение наступления экспедиционного корпуса генерала Баратова оказалось велико не только в чисто военном плане. Теперь русские войска могли запросто выйти к границе Месопотамии, современного Ирака. А там действительно тяжелые бои с турками вели союзники-англичане. Не было большим секретом, что Лондон никак не хотел видеть русские знамена на берегах Тигра и Евфрата.

Однако британское командование пока не просило здесь помощи у России, у командующего Отдельной Кавказской армией генерала Юденича. Это оно сделало несколько позже (хотя дела у англичан в Месопотамии шли из рук вон плохо).

Наступавший вверх по течению реки Тигр экспедиционный корпус генерал-лейтенанта Чарльза Таунсенда был разгромлен в сражении при Ктезифоне 6-й турецкой армией, которой командовал 72-летний немецкий генерал-фельдмаршал, барон Кольмар Вильгельм Леопольд фон дер Гольц. В Турции он прошел путь от адъютанта султана до командующего сперва 1-й армии, стоявшей на защите Стамбула, затем 6-й армией, действовавшей в Месопотамии.

Перед убитием к своей армии, генерал-фельдмаршал фон дер Гольц заявил в Стамбуле высшим турецким военным чинам:

— Я сброшу англичан в воды Персидского залива и не позволю русским казакам появиться в Месопотамии...

Действительно, под сильным натиском неприятеля войска Таунсенда отступили к водам Персидского залива и укрывались в крепости Кут-Эль-Амара. Турки осадили англичан и не позволяли извне прорвать блокадное кольцо. Командовавший 6-й султанской армией немецкий барон послал с юга Месопотамии в Стамбул немало победных реляций.

Попыток прорвать блокадное кольцо новый главнокомандующий английскими войсками в Месопотамии генерал-лейтенант Перси Генри Ноэль Лейк, прибывший из Индии, предпринял четыре. Однако пробиться к осажденной Кут-эль-Амаре британцам так и не удалось. При этом им неожиданно пришлось столкнуться с турецкой флотилией на реке Тигр, подобной которой генерал Лейк не имел.

Опасаясь усиления русского влияния в Месопотамии, на северных арабских землях, бывший начальник Генерального штаба английских войск в Индии, отверг предложение командования союзников соединиться с баратовским экспедиционным корпусом в Персии и вести совместные боевые действия против турок. Такое решение генерала Лейка вызвало в дипломатических кругах немало кривотолков. Ясно было только одно — военачальник британской короны дружелюбно к Российской империи не относился.

В результате вскоре осажденные в Кут-Эль-Амаре английские войска капитулировали. Месопотамия в годы Первой мировой войны стала единственным театром боевых действий, где Турция не потерпела поражения...

После Сарыкамышского поражения 3-я турецкая армия наконец-то восстановила свои основные силы. Об этом стало известно штабу Кавказской армии. Рано утром в кабинет командующего постучал его постоянный докладчик по оперативной обстановке полковник Масловский:

— Евгений Васильевич, у вас что-то срочное?

— Да, Николай Николаевич. Радиостанцией штаба 1-го Кавказского корпуса перехвачена шифровка из штаба 3-й армии в Стамбул.

— Удалось расшифровать радиограмму?

— Да, наши шифровальщики нашли к ней ключ.

— Кем подписана радиограмма?

— Начальником штаба 3-й армии германским майором Гузе.

— Содержание?

— Дается состав армии Махмуда Камиль-паши и ее численность на первое июня сего года.

— Вот это удача! Передайте командиру корпуса — пусть без промедления представляет наградные листы на всех участников радиоперехвата. А теперь доложите.

— На сегодняшний день 3-я армия состоит из трех корпусов — 9-го, 10-го и 11-го, 2-й кавалерийской дивизии.

— Старые знакомые. А какова их общая численность после Сарыкамышского погрома?

— 36 тысяч человек.

— Ясно. Значит до штата еще не набрали. Это для нас хорошо и даже очень. Кто еще входит в состав армии?

— Группа Хамди и немца Штанге. Действует на левом неприятельском фланге. Численность — около 10 тысяч человек.

— Что у них в Персии?

— Группа Халила. Около 20 тысяч. По данным нашей разведки — половина из курдской конницы.

— Общая численность 3-й армии дается в шифровке?

— Да, дается. Но, Николай Николаевич, удивительная вещь — начальник армейского штаба не знает общей численности своей армии. Он оценивает ее в 60 — 70 тысяч бойцов.

— Такое не удивительно, Евгений Васильевич. Много дезертиров, часть ополчений курдов время от времени расходуется по домам.

— По нашим данным, Махмуд Камиль-паша приказал ужесточить сбор дезертиров в приграничных местах.

— Правильное решение. В шифровке есть сведения о турецких резервах и пополнениях?

— Есть. Ускоренное обучение проходят 28 тысяч новобранцев.

— А сколько ожидается еще?

— На пути к Кавказу еще 7 тысяч пополнения. Только в радиограмме не говорится о том, обучено оно или нет.

— Что ж, судя по этим данным майора Гузе 3-я армия султана еще не восстановила себя полностью...

Ставку Верховного главнокомандующего вполне устраивало устойчивое положение Отдельной Кавказской армии. Поэтому на осень 1915 года ей ставились только задачи активной обороны. Это было бы хорошо, если бы протяженность рубежа расположения сил армии (до 1500 километров с позициями в Персии) соответствовала наличию сил и средств, которыми располагал генерал Юденич.

Однако такая ситуация не повлияла на склонность командующего к активным действиям на войне. Николай Николаевич по своей инициативе и с одобрения Ставки создает соборный «маневренный резерв» и производит перегруппировку кавказских войск, чем приводит в замешательство командующего неприятельской армией Махмуда Камилпашу. О своих действиях и планах Юденич сообщил в Могилев, в Ставку царя — главнокомандующего России:

— Ставка на проводе. У аппарата государь император и начальник штаба Ставки генерал Янушкевич. Говорите.

— Генерал Юденич. Докладываю: Отдельная Кавказская армия вновь готова перейти в наступление против противостоящих ей сил Турции.

— На чем основано такое мнение?

— Проведена перегруппировка войск. Прибыло пополнение, хотя полки до штатной численности еще не доведены. Ведется активная разведка противника конными дозорами и с воздуха.

— Что требуется еще Кавказской армии для перехода в новое наступление?

— Достаточное обеспечение боеприпасами — снарядами и патронами. Запасы ограничены, поскольку предыдущие бои привели к большому расходу огневых средств.

— Сообщаем, что в ближайшее время ваша армия достаточного количества боеприпасов получить не сможет.

— Почему, смею спросить?

— Отвечаем: идут тяжелые бои с германцами и австро-венграми. Все поступающее от военно-промышленных комитетов боеприпасы, почти не задерживаясь на тыловых складах, идут в сражающиеся войска.

— Вас понял. Все же смею просить: по возможности учитывать и потребности Кавказской армии.

— Обязательно учтем, но только в будущее время. Чем сейчас занимаются войска?

— Производятся инженерные работы по улучшению занимаемых позиций. На передовой получено много шанцевых инструментов, однако армия имеет мало саперных рот.

— Где вы ведете инженерные работы?

— На всем фронте — от приморского фланга у Батума до реки Восточный Евфрат.

— Ваши действия одобряем. Как армия готовится к скорой зиме? Есть ли трудности с обеспечением? С фронтов идет немало жалоб на тылы.

— Пока особого беспокойства нет. Поступает теплая одежда — полушубки, валенки, портянки.

— Как с провиантом?

— Армейские тылы делают запасы на зиму. С Кубани идет мука, фураж, у местного населения в Закавказье закупаем скот на мясные порции для войск.

— Министерство финансов армейскую казну пополняет исправно?

— Да, претензий нет.

— Как финансируются наши войска в Персии? Ведь генерал Баратов много продовольствия и фураж закупает на месте.

— Казна ему высылается в серебре. Персы наш серебряный рубль принимают при расчетах с очень большой охотой.

— Это хорошо. Есть ли еще у вас, как командующего армией, просьбы?

— Нет, ваше величество.

— Тогда у меня к вам есть еще один вопрос: как сложились отношения с великим князем?

— Полное взаимопонимание во всех вопросах, касающихся Кавказской армии.

— Хорошо. Я вами доволен. До свидания...

Император и начальник штаба его Ставки не случайно интересовались готовностью кавказских войск к зиме. Высоко в горах она всегда отличалась суровостью. Войска требовалось до наступления первых морозов обеспечить теплой одеждой, провиантом, боеприпасами, фуражом. Все это надо было завезти до того, когда обильные снегопады перекроют дороги в горах.

Дорог на кавказском театре войны имелось очень мало, да и к тому же многие из них больше напоминали караванные тропы. Поэтому Юденич заботился о дорожном строительстве еще с первых дней своего появления в Тифлисе. И всю

войну саперные роты и строевые части занимались ускоренной прокладкой новых дорог и исправлением старых.

Начавшаяся зима в горах надолго должна была приостановить боевые действия сторон, как это всегда случалось в предшествующие русско-турецкие войны. С наступлением сильных холодов с обильными снегопадами противники ограничивались лишь высылкой разведывательных отрядов, наблюдая за действиями друг друга.

Спокойно пережить зиму 1915–1916 годов штабу генерала Юденича не довелось. Вступление в войну Болгарии на стороне держав Центрального блока¹³ прямым образом отразилось на положении дел: открылось прямое сообщение между Германией и Османской Портой, куда сразу же пошел поток вооружения и боеприпасов, прежде всего артиллерии, — султанская армия с самого начала войны испытывала нужду в современных орудиях.

Поставки германских артиллерийских систем стали одной из причин поражения союзной десантной операции на Галлиполийский полуостров. О намерении союзников России эвакуировать десант стало известно в юденичском штабе. Вскоре из разных источников стали поступать сведения о том, что высшее турецкое командование вознамерилось перебросить освободившиеся на Галлиполи войска для усиления 3-й армии на Кавказе и в Месопотамию, где успешно велись боевые действия против англичан.

К достоинствам генерала Юденича относилось то, что он обладал стратегическим мышлением. Поэтому как командующий вооруженными силами на Кавказе он, естественно, не мог допустить беспрепятственного усиления противостоящей ему турецкой армии. Он решил разбить ее до подхода значительных подкреплений с берегов Дарданелл.

Перед тем как план новой крупномасштабной наступательной операции был отправлен в Могилев на утверждение императору Николаю II, в Тифлисе 18 декабря 1915 года состоялся военный совет Отдельной Кавказской армии. Председательствовал на нем великий князь генерал от кавалерии Николай Николаевич-Младший. Он и открыл заседание:

— Сегодняшнее заседание военного совета Кавказской армии собрано по предложению генерала от инфантерии Юденича Николая Николаевича. Он выскажет нам свои соображения по поводу предстоящих действий нашей армии.

— Ваше высочество, я буду краток. По агентурным данным и сведениям, которые поступили в Ставку Верховного Главнокомандующего, для противостоящей нам 3-й турецкой армии с Галлиполи выделены значительные резервы.

— Где они сейчас находятся?

— По нашим сведениям, часть этих войск уже покинула Константинополь и находится в пути на Кавказ.

— Что вы предлагаете на сей счет, Николай Николаевич?

— Я предлагаю перейти в общее наступление против армии Махмуда Камиль-паши еще до подхода вражеских подкреплений и разбить ее до подхода подкреплений.

— Но для проведения наступательной операции на широком фронте требуется превосходство в силах. Оно у нас на сегодня есть?

— На начало ноября месяца этого года мы преимущество над противником пока имеем.

— Из чего сегодня состоит боевая сила Кавказской армии?

— Она имеет в своем составе почти 130 батальонов пехоты, 372 артиллерийских орудия, более 200 сотен конницы, 52 дружины ополчения, 20 саперных рот и воздухоплавательный отряд из 9 самолетов.

— Что имеет под своими знаменами Махмуд Камиль-паша?

— Немало. Примерно такое же количество пехоты, многим более ста орудий, 40 кавалерийских эскадронов и около 10 тысяч иррегулярной конницы приграничных курдских племен, сведенной примерно в 20 отдельных отрядов.

— В таком случае, Николай Николаевич, в чем на сегодня состоит наше преимущество?

— Мы имеем с противником примерное равенство в пехоте. Но превосходим турок в три раза по артиллерии и в пять раз по регулярной коннице, поскольку казаки ничем не хуже турецких улан.

— Долго ли сохранится такое соотношение в силах и средствах?

— Сейчас сказать трудно. Что же касается артиллерии, то наше преимущество в ней может скоро исчезнуть, поскольку из Германии через Болгарию начались значительные поставки орудий всех систем — полевых, горных, тяжелых.

— Значит, вы считаете превосходство наше над 3-й турецкой армией существенным?

— Пока да, в артиллерии и кавалерии. Но такое преимущество нам требуется еще и реализовать.

Участники военного совета в Тифлисе прекрасно знали ситуацию на Кавказе. Противоборствующие армии были развернуты главными силами в полосе более 400 километров от Черного моря до озера Ван. От последнего на юго-восток позиция держалась только местами. Здесь стороны перекрывали по возможности дороги и горные перевалы.

Оба фланга 3-й турецкой армии, о чем Юденич и его военачальники хорошо знали, были надежно защищены самой природой. Левый — диким по проходимости хребтом Понтийского Тавра, правый — еще более неприступным горным массивом Драм-Дага. Позицию неприятельской армии предстояло рвать фронтальным ударом, поскольку обход ее флангов представлял огромные трудности для конницы.

Турки основные свои силы сосредоточили на Сарыкамышском и Ольгинском направлениях, надежно прикрывая кратчайшие пути к крепости Эрзерум — армейской тыловой базе, узлу транспортных коммуникаций всей восточной части Турции. Было ясно, что этот город-крепость Махмуд Камиль-паша будет оборонять изо всех сил.

Участники военного совета понимали и другое — наступившая в горах зима сковала действия сторон крупными силами. Но командующий Кавказской армией и его штаб более склонялись к переходу в наступление не позже второй половины января 1916 года. Упор делался прежде всего на внезапность и тщательность подготовки войск.

Поэтому Юденич на военном совете так сформулировал основную идею предстоящей армейской наступательной операции:

— Предложение штаба армии заключается в том, чтобы прорвать оборону неприятеля сразу на трех направлениях — Эрзерумском, Ольгинском и Битлисском.

Для многих участников совещания такое было неожиданностью. По всем канонам военного искусства вражескую оборону взламывали, за редким исключением, на главном направлении. Потому великий князь Николай Николаевич Младший сразу же заметил:

— Вы предлагаете нанести удар сразу на трех, а не на одном направлении?

— Да, на трех одновременно.

— Что это нам даст?

— Это не позволит командованию противника маневрировать по фронту своими резервами. Он будет скован нашими ударами.

— Но у турок много кавалерии для маневрирования по фронту.

— Сейчас с кавалерией иное дело, чем в начале войны. Бои показали, что курдская конница устойчивости в столкновениях не имеет. К тому же курдские полки не желают далеко уходить от племенных кочевий.

— Какие силы штаб армии собирается привлечь для проведения наступательной операции?

— Наступление планируется силами всех трех наших армейских корпусов — 1-го и 4-го Кавказских, 2-го Туркестанского.

— Какой удар из трех, по вашему мнению, Николай Николаевич, следует считать главным?

— В направлении селения Кебри-кей.

— Какие силы будут задействованы здесь?

— В кебри-кейскую ударную группировку намечено ввести не менее 20 пехотных батальонов и 15 казачьих сотен.

— А не будет ли этих сил мало? Как мне известно, турки создали там довольно прочную оборону, хорошо оборудованную в инженерном отношении.

— Штаб учел это. Прорыв ударной группировки намечается поддержать огнем 80–100 артиллерийских орудий. Такой плотности пушечного огня турки на Кавказе еще не испытывали.

— Что вы предпримите, если неприятель отразит фронтальные атаки наших войск?

— Такое не исключается. В таком случае надежда на действия обходных и разведывательных отрядов. Они должны внести переполох во вражескую оборону.

— Разнесено ли наступление по трем направлениям по времени?

— Да, такова задумка штаба.

— Кто первым из корпусов пойдет вперед?

— Первым начать наступление предстоит 2-му Туркестанскому корпусу на два дня раньше других.

— По всей видимости, армейский штаб планирует создать из войск туркестанцев ударную корпусную группу прорыва?

— Такая группа в документах уже сформирована. Она будет состоять из 4-й Кавказской стрелковой дивизии с ее артиллерией, Сибирской казачьей бригады и 1-го Кавказского мортирного дивизиона.

— Вы считаете, что эти силы справятся с поставленной задачей?

— Вполне. Стрелки генерала Воробьева более чем успешно действовали в предыдущих боях. О неустрашимости сибирских казаков лучше всего говорит схватка за Ардаган. А мортирный дивизион со своей огневой мощью на том участке прорыва будет просто необходим.

— Хорошо. Но, как я понял, сковывать турок вы решили одновременно по всей линии фронта?

— Точно так.

— Кто, кроме армейских корпусов, будет задействован из армейских сил?

— Будет приказано проявить активность Приморскому отряду на Батумском направлении, Ван-Азербайджанскому — на Ванском и Урмийском направлениях.

— Будет ли поставлена такая же задача генералу Баратову?

— Она уже спланирована. Русскому экспедиционному корпусу в Персии предстоит наступать в направлении города Керманшах.

— Войдет ли в таком случае генерал Баратов в соприкосновение с союзниками-англичанами?

— В том вероятности нет. У англичан дела на юге Месопотамии идут из рук вон плохо. Одни неудачи.

— А возможна ли согласованность удара с ними?

— Думаю, что исключена. Союзники не хотят видеть русских на берегах Тигра. Это чувствуется по их поведению.

— Тогда остается надежда только на собственные силы?

— Только на себя. Но время, надеюсь, укажет британцам на необходимость союзных действий с нашей армией.

— Что ж, я буду докладывать в Ставку государю императору, что подготовка наступательной операции Кавказской армии военным советом одобрена. Есть ли другие мнения, господа генералы?

Разработанный юденичским штабом оригинальный план нового разгрома 3-й турецкой армии военный совет одобрил единодушно. Сомневающимся в предстоящем успехе среди кавказского генералитета не нашлось...

Ставка утвердила план. Перегруппировка войск началась 22 ноября, и ее организаторам приходилось считаться с наличием лазутчиков в своем тылу. Марши воинских частей проводились под видом учений, вывода войск с передовой на «заслуженный» отдых и на переформирование. Так, к примеру, была осуществлена на линии огня смена 2-й Кавказской стрелковой дивизии, которая выводилась в резерв только что назначенного командиром 4-го Кавказского армейского корпуса генерала от инфантерии В. В. де Витта.

Время позволяло сделать многое. Поэтому подготовка зимнего наступления в горах Турецкой Армении отличалась тщательностью. Принимались все меры для обеспечения людей теплой одеждой: каждый боец получал пару валенок и теплые портянки, короткий полушубок, стеганные на вате шаровары, папаху с отворачивающим назатыльником, варежки и шинель.

Командующий Кавказской армии был хорошо знаком с особенностями боевых действий зимой в Балканских горах во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. На случай необходимости маскировки в заснеженных горах Юденич предусмотрительно приказал заготовить достаточное число белых коленкорových халатов и белые чехлы на шапки.

Приходилось считаться не только с горными снегами. Чтобы яркое зимнее солнце не слепило глаза, личному составу 1-го Кавказского корпуса, которому предстояло наступать на высокогорье, были выданы защитные очки.

Генерал Юденич и его помощники-штабисты стремились при планировании наступления учесть буквально всякую мелочь. Так как район предстоящей операции был безлесный, а подвоз дров почти невозможен, каждый солдат должен был иметь при себе два полена для обогрева на ночлегах. От редкого кустарника в речных долинах проку оказывалось мало.

В крайнем случае командиры рот разрешили своим солдатам разбирать на дрова брошенные местными жителями жилища. Глинобитные и сложенные из дикого камня дома в горах «крепились» деревом. Но официальных приказов старшего начальства на сей счет, разумеется, не издавалось.

Кроме того, в снаряжение наступавших пехотных рот входили толстые жерди или доски для устройства переправ — мостков через незамерзающие горные ручьи и речушки. Во

время зимнего наступления под Сарыкамышем сотни турецких солдат получили обморожения ног из-за мокрой обуви, которая леденела на морозе. Просушить обувь не удавалось даже при разведении жарких костров.

Состоявшее при инспекторе артиллерии генерале Слюсаренко метеорологическое отделение постоянно анализировало состояние погоды и выдавало рекомендации в войска на день и на неделю. К концу 1915 года в полосе расположения корпусов и отрядов Отдельной Кавказской армии было развернуто 17 (!) метеостанций. Такого история войн еще не знала.

Заблаговременно перед началом наступления были пополнены до норм все передовые и промежуточные склады боеприпасов и интендантского имущества. Чтобы не возбуждать подозрений у турок и их агентуры, действующей в тылу русских войск, в приказах по тылу рекомендовалось из-за трудностей доставки довольствия использовать для этого любое благоприятное время.

Армейский штаб во время разработки наступательной операции не знал ни сна, ни отдыха. Использовались любые возможности для создания видимости подготовки Кавказской армии лишь к зимовке в горах и неготовности к наступательным операциям до самой поздней весны будущего года.

Командующий армией требовал содержать в рабочем порядке железнодорожные пути от станции Сарыкамыш до Карса, и подъездные дороги к ним. От Карса до Мерденека и Ольты с лета 1915 года эксплуатировалась фронтовая узкоколейка на конной тяге — так называемая конка. Благодаря этому снабжение войск 2-го Туркестанского и 1-го Кавказского корпусов осуществлялось в основном по железной дороге. Шли работы по строительству параллельно шоссе от Сарыкамыша до Караургане узкоколейки паровой тяги.

Поскольку зима в горах Турецкой Армении изобиловала обильными снегопадами, в войсках на это время были сформированы специальные снегоочистительные команды. Они боролись со снежными заносами на важнейших участках армейских коммуникаций. Одновременно эти команды занимались охраной дорог.

Обозы заметно пополнились вьючными животными — лошадьми и верблюдами, кое-где стали использовать и ослов. Верблюжьи караваны стали привычны на фронтовом «пейзаже».

Армейский штаб оборудовал для себя передовой командный пункт в Караургане, расположенном в 20 километрах от линии фронта. Сооружение новых линий связи держалось в тайне и производилось под видом исправления старых. Телеграфные линии получили надежное охранение из конных патрулей и пограничной стражи дозоров. Служба радиосвязи была объединена в отдельную радиогруппу, подчиненную штабу армии.

Увеличилось число искровых станций — радиопередатчиков. Для их получения генерал Юденич затеял целую переписку с могилевской Ставкой Верховного главнокомандующего. Просил настоятельно, говоря о необходимости сверхштатных радиостанций. Подготовка радистов велась при армейском штабе.

Чтобы маршевое пополнение не могли обнаружить турецкие наблюдатели, перевалы через горные хребты в опасной зоне преодолевались только ночью с соблюдением полной светомаскировки. Строжайше запрещалось даже курение на ходу. Днем с русских передовых позиций каждой дивизии в тылу демонстративно отводилось по батальону, которые под покровом ночи возвращались обратно.

Обеспокоенные турки неосмотрительно выдвинули вперед в светлое время дня усиленные дозоры. То там, то здесь на солнце проблескивали стекла пейсовских¹⁴ биноклей, которыми Берлин щедро одарил своих союзников. Об этом доложили Юденичу, на что тот ответил:

— Приказываю: вражеские дозоры не тревожить.

— Но если это удобнейший случай для их уничтожения, тогда как поступать?

— Огня по ним не открывать, даже просто отпугивающего.

— А если дозоры захватываются? Будет близко подбираться к нашим окопам?

— Ну и пусть подбираются, и на наши хитрости насмотрятся досыта. Это только нам и надо...

Штабная подготовка генерала Юденича была высокой. Штаб Отдельной Кавказской армии разрабатывал под руководством своего командующего наступательную операцию тщательнейшим образом. Ее подготовка была достойна академических учебников по военному искусству в годы Первой мировой войны. Особое внимание обращала на себя оперативная маскировка подготовки наступления.

Штабом армии был распушен слух о намечавшихся якобы ранней весной наступлении Ван-Азербайджанского отряда и экспедиционного корпуса генерала Баратова совместно с англичанами в Месопотамии. А чтобы все было правдоподобно, Юденич приказал произвести в Персидском Азербайджане закупку большого количества верблюдов для обозов. Одновременно закупались гурты скота для питания войск, заготовлялась пшеница и фураж.

Поскольку «кормовых» денег в казне баратовского корпуса имелось только на самое необходимое, Юденич отдал по финансовому ведомству армии следующий приказ: командирам отдельных воинских частей разрешалось выменивать скот, фураж и пшеницу у местных жителей на сахар.

Дезинформация турецкого командования велась всевозможными способами. За несколько дней до начала наступления армейским штабом была послана командиру 4-й Кавказской стрелковой дивизии срочная нешифрованная телеграмма. В ней содержались «сведения» из разряда секретных — сосредоточиться на станции Сарыкамыш для дальнейшей отправки по железной дороге в Персию. Все было сделано так, чтобы содержание нешифрованной телеграммы особой важности стало известно многим по пути ее движения.

13-й стрелковый полк дивизии был «шумно» переброшен в пограничную Джульфу, где, выгрузившись из железнодорожных вагонов, совершил неспешный, демонстрационный суточный переход. После этого полк быстро возвратился назад.

20 декабря в Карской крепости, в своем штабе командующий армией собрал высший офицерский состав. Присутствовали только командиры корпусов и 4-й Кавказской стрелковой дивизии — генералы Калитин, де Витт, Пржевальский и Воробьев с начальниками своих штабов. Генерал Юденич, предупредив собравшихся о необходимости соблюдения строжайшей тайны, изложил план предстоящей наступательной операции на Эрзерумском направлении.

Никаких письменных документов на руки участникам совещания не выдавалось даже в печатанном виде. Уже это одно свидетельствовало о полной секретности всего услышанного на совещании в Карсе.

За пять дней до начала операции участок прорыва был полностью изолирован от армейского тыла. На всех путях

были выставлены сторожевые заставы и конные разъезды, им была поставлена категоричная задача — всех впускать и никого, ни под каким предлогом, не выпускать из охраняемой зоны. Таким образом треугольник Ольты — Карс — Каизман оказался полностью изолированным не только для посторонних лиц, но и для своих военных.

Почтовая служба продолжала принимать почтовую и телеграфную корреспонденцию также в одностороннем режиме. Письма и телеграммы не отправлялись в Тифлис в течение всех этих дней.

Любопытную картину представляла из себя и железнодорожная станция города Карс. Поезда из Грузии приходили в город переполненными, а из Карса уходили пустыми.

Строжайшая тайна готовящегося армейского наступления соблюдалась буквально во всем. Не только войска, но и старшие начальники были извещены о ней в самые последние минуты. Причем каждому командиру было сообщено, что именно на него возложено нанесение главного удара. Это оказалось чрезвычайно важным психологическим моментом, благодаря которому все должностные лица на фронте были предельно энергичны.

Умело проведенная штабной «командой» Юденича игра по маскировке готовящейся наступательной операции и дезинформация врага через его же агентуру в тылу русских достигла своей цели. Подготовка зимнего наступления Отдельной Кавказской армии военными исследователями по сей день считается «классикой» Первой мировой войны, да и не только ее.

Факт остается фактом. Введенные в полное заблуждение демонстративным передвижением русских воинских частей в районе Джульфы на левом фланге турки до самой последней минуты полагали, что в наступление в направлении на Битлис должен перейти 4-й армейский корпус противника.

Вот почему события утра 28 декабря 1915 года стали для султанского командования полной неожиданностью. А первая телеграмма, пришедшая в Стамбул из Эрзерума, сообщила о катастрофе на Кавказе. Ничего не подозревавшие и не опасавшиеся перед Новым годом командующий 3-й турецкой армией Махмуд Камиль-паша и его начальник штаба германский полковник Гузе даже уехали, с разрешения военного министра, с фронта в отпуск к своим семьям.

Там, в тылу, и застала двух главных начальствующих лиц султанских войск на Кавказе срочная телеграмма. Она была предельно кратка:

«Русские начали наступление почти по всему фронту. Фронт прорван в нескольких местах. Направление главного удара русских — на крепость Эрзерум».

Глава восьмая

БИТВА ЗА ЭРЗЕРУМСКУЮ КРЕПОСТЬ

Перешедший первым в наступление 2-й Туркестанский корпус генерала Пржевальского едва не споткнулся в первые же дни о сильные вражеские укрепления на вершине горы Гей-даг. Ее пришлось брать соединенными усилиями двух дивизий — 4-й и 5-й Туркестанских стрелковых с помощью артиллерийского огня. Многократные атаки с целью взлома вражеской обороны велись в полосе восточнее озера Тортум-гель до селения Веран-тап.

Левый фланг туркестанцев с выходом на перевал Карачлы и к селению Кепри-кей неожиданно для турок повернул на запад, а не пошел вперед по более удобным горным дорогам. Такой ход русских привел в замешательство неприятеля. Ему стало ясно, что «Юденич-паша» затевает что-то серьезное.

Генерал Юденич интуитивно повернул ночью батальоны армейской пехоты с Ольгинского и Эрзерумского направлений в сторону перевала Мергемир. Убежденное в том, что главный удар русские будут наносить силами 1-го Кавказского корпуса, турецкое командование оставило без должного внимания этот горный участок. Именно здесь, пробиваясь сквозь вьюгу, наступали бойцы генералов Волошина-Петриченко и Воробьева.

После 2-го Туркестанского корпуса в наступление перешел 1-й Кавказский. Атаки шли с большими потерями: сильные оборонительные позиции стойко удерживались их защитниками. Все же сдержать натиск кавказских войск они не смогли и стали с боем то там, то здесь отступать с передовой линии обороны.

Обеспокоенный низкими темпами начавшегося наступления командующий Отдельной армии связался по телегра-

... с командиром 1-го Кавказского корпуса генералом Кали...

...ным:
— Петр Петрович, как идут дела?

— Пока туго. Турецкие позиции у Кизил-килиса оказа...

...сь намного прочнее, чем доносила разведка.

— Как ведет себя неприятель?

— Обороняется отчаянно. Местами контратакует и не па...

...дет перед нашими штыковыми атаками.

— Кизил-килис надо взять как можно скорее. В против...

...ном случае турки успеют подтянуть сильные резервы к Гуд...

...жидбогазскому проходу.

...м — Узел вражеской обороны корпус возьмет в ближайшие

...два-три дня. Ввожу в дело вторые эшелоны.

— Нужна ли помощь от армии?

— Николай Николаевич, пока армейских резервов кор...

...пусу не требуется. Управимся собственными силами.

— Вашему соседу справа поставлена задача поддержать

...давление на Кизил-килис.

— Генерал Пржевальский уже известил меня об этом.

— Согласование совместных действий по месту и времени

...ведите только шифровками по искровым станциям.

— Понял.

— Разведку ведите беспрестанно.

— Вперед высылаются усиленные казачьи разъезды. Хо...

...рошо зарекомендовала себя Маньчжурская партизанская

...конная сотня.

— Есть ли в ней участники Русско-японской?

— Есть и немало.

— Окажите любезность: передайте от меня маньчжурцам

...благодарность за выказанную отвагу в эти дни.

— Будет исполнено, Николай Николаевич.

— Давление на отступающих турок не ослабляйте. В про...

...тивном случае они могут закрепиться на каком-то из горных

...перевалов.

— Такая задача командирам дивизий мною поставлена.

— С Богом, Петр Петрович, информируйте меня о всех де...

...талях наступления...

Калитинский корпус усилил свое атакующее «дыхание».

Особенно жестокий бой кипел 31 декабря в схватке за Азап...

...кейскую позицию. В ночь на Новый год, в метель, 4-я Кав...

...казская стрелковая дивизия наконец-то прорвала вражес-

кий фронт. Из Тифлиса незамедлительно следует победная телеграмма на имя императора Николая II в его могилевскую Ставку. Великий князь Николай Николаевич-Младший спешит доложить об успехах:

«Сегодня утром дивизия генерала Воробьева прорвала линию турецкого фронта. Наступление Отдельной армии развивается успешно».

Ставка Верховного главнокомандующего ответила предельно кратко:

«Поздравляю моих кавказцев. Николай».

...Новый 1916 год войска Отдельной Кавказской армии встречали в победном наступлении едва ли не по всей линии фронта.

Наступление велось по всей позиционной полосе задействованных в районе прорыва войск трех армейских корпусов. Наиболее упорное сопротивление турки оказывали по обоим берегам реки Аракс, по долине которой пролегли удобные пути в Эрзерум.

Командующий Кавказской армией теперь дневал и ночевал «за рабочим столом». Донесения из войск шли непрерывным потоком. Полученную информацию требовалось осмыслить, проанализировать, «положить» на карту. В начале января Юденич только раз надолго оторвался от дел. Случилось это так.

В кабинет генерала вошел дежурный по штабу. Оторвавшись от бумаг, Юденич спросил офицера:

— Что у вас?

— Ваше превосходительство, прибыл первый транспорт с ранеными из долины Аракса.

— Где сейчас раненые?

— Разгружаются в эвакуационном госпитале. Дальше другим транспортом будут отправлены в Карс и Тифлис.

— Прикажите подать мне и адъютанту коней. Съезжу к раненым, послушаю, что нижние чины думают о наступлении...

В казарменном одноэтажном каменном здании эвакуационного госпиталя было по-зимнему темновато. Раненых было много, и фигуры в серой от шинелей толпе выделялись только белыми повязками на головах, руках, ногах.

Николая Николаевича, давно привыкшего к фронтовой жизни, поразили спокойные, даже какие-то сосредоточен-

ные лица раненых солдат. Словно что-то особенное залегло в их глазах, видевших смерть на поле брани, в складках сжатых от боли губ. Командующий остановился около совсем молодого солдата, спросил его:

— В бою был в первый раз?

— Впервой, ваше высокоблагородие.

— Сам откуда будешь?

— Из рязанских. Рязского уезда, деревня Бутровка.

— Что, страшно было в бою?

— Страшно... Но только сперва. Потом по привык.

Солдат виновато, словно стыдясь своей слабости, опустил глаза.

— Куда ранен?

— В грудь. Пуля там застряла. Не болит, но говорить трудно, потому и голос у меня тихий стал.

— Ничего, держись. В госпитале тебя поправят.

Другой раненый, к которому обратился Юденич, оказался разговорчивее и бойчее, чем первый. Слегка улыбаясь, он стал торопливо рассказывать о себе:

— Пуля — ерунда. Да и стреляет турок неважно. Сначала — немножко эдак жмешься: засвистит справа — гнешься влево, а слева слышишь — з-з-з... опять вправо. Потом на самого себя смешно делается: просвистела, так уж не укусит.

— А как тебя ранило?

— В атаку шли. Как щелкнет пуля в руку, я о том и не догадался сразу. Так, обожгло, что-то на минутку и прошло. Чувствую вдруг — рукав мокрый. Глядь, а он весь в крови! И как увидел это, так сразу и ослабел. То стрелял, бежал с ротой, падал на землю, опять бежал вперед. А тут сразу и ноги подкосились, и винтовку удержать не могу, в глазах круги пошли.

— Кто тебе первую помощь оказал? Ротный санитар?

— Никак нет, сам. Ну присел и давай перевязку делать. Винты, там, и все, что нужно, теперь у каждого солдата есть, ваше высокоблагородие.

Последний, с кем поговорил Юденич, оказался Георгиевский кавалер, унтер-офицер по званию. Марлевая повязка закрывала у него всю голову и глаза. Подошедший госпитальный врач доложил командующему:

— Ранен в лицо, перебит глазной нерв. Но держится молодцом — боль терпит стойко.

— Как тебя звать? С тобой говорит командующий армией генерал Юденич.

— Взводный унтер-офицер Митрохин Иван. Из 9 Туркестанского стрелкового полка, 14 роты.

— Где был ранен?

— На берегу реки Аракс. Когда наш батальон атаковал турецкую деревушку у горы.

— Как это было?

— Мы подошли к деревеньке уже совсем близко, ворвались в сады. Турки стреляли из ружей. Ротный приказал мне вести взвод в обход крайних домов. Побежали по саду от дерева к дереву. Турецкие пушки начали стрелять — их батарея близко стояла. Остановился я на миг за деревом, а тут и оглушил меня удар откуда-то сверху.

— Что было потом?

— Мне показалось, что у меня полголовы снесли, и я закричал: «Братцы, я убит!» Прислонился к дереву, а кровь заливает лицо. Слышу, что мимо меня бегут солдаты, кричу им: «Братцы, захватите меня с собой!» А они мне в ответ кричат: «Некогда. В штыки идем». Там я упал, в саду-то. Потом санитары подобрали.

— Как себя сейчас чувствуешь, Митрохин?

— Сейчас лучше. За глаза врач обнадеживает. А так — ничего. За отечество постоял.

— Крепись, взводный. Сегодня же дам команду, чтоб тебя представили к Георгиевскому кресту за храбрость.

— Премного благодарен, ваше высокоблагородие...

Покидая госпиталь, Юденич спросил сопровождающего его военного врача, старшего в приемной смене:

— Есть ли надежда у унтер-офицера Митрохина? Будет он хоть немного видеть или нет?

— Трудно сказать. Один глаз потерян безвозвратно, почти нет надежд на сохранение другого. Надежда на чудо, природное здоровье и Господа Бога.

— Дай Бог, чтоб он остался зрячим...

Как и предусматривалось планом, армейская группа прорыва вступила в бой 30 декабря. Передовой отряд генерала Волошина-Петриченко получил задачу овладеть укрепленной горой Кузу-чан, а затем — селением Шербеган. Отряд генерала Воробьева и Сибирская казачья бригада, скрытно сосредоточившись у селений Сономер и Геряк, начали выхо-

... в ближний тыл турецким войскам, сражавшимся в Пасинской долине.

Могилевская Ставка ежедневно интересовалась ходом наступления на Кавказе:

— У аппарата Верховный и начальник штаба Ставки генерал Алексеев. Доложите о ходе наступления!

— Наступление идет в полосе всех армейских корпусов. Войска действуют успешно, в соответствии с планом операции.

— Потери большие?

— По всей видимости, нет. Точных данных о боевых потерях штаб армии пока не имеет.

— Как ведет себя противник?

— Под давлением атакующих отходит на всех направлениях с боем, стараясь зацепиться за горные перевалы.

— Где встречено особенно упорное сопротивление?

— По обоим берегам реки Аракс.

— Это очень важно. По долине Аракса идут удобные пути к Эрзеруму. Не забывайте об этом.

— Бои на Араксе под особым контролем армейского штаба. Анализируется любая информация, поступающая оттуда.

— Ставка уверена в успехе вашего наступления. Просим незамедлительно информировать об изменениях в ходе операции.

— Будет исполнено.

— Настаиваете ли вы на оказании помощи Кавказской армии на данный момент?

— Нет, поскольку наступление своими силами уже дает нам определенный успех.

— Тогда желаем вам удачи!

— Спасибо...

Юденич старался уловить переломный момент в противостоянии. Только к вечеру 1 января русская армейская разведка со всей достоверностью установила, что почти все воинские части из резерва 3-й турецкой армии введены в сражение для поддержки своих первых эшелонов. Многочисленные пленные, особенно офицеры и штабисты, подтвердили этот факт.

Уже одно это было большим тактическим успехом командующего Кавказской армии. Его резервы пока не расходовались, и он имел прекрасную возможность выдвигать их вслед за наступающими первыми эшелонами.

Оценив обстановку, командующий связался по телеграфу с великим князем Николаем Николаевичем-Младшим, с которым ему приходилось советоваться при принятии ответственных решений:

— Тифлис. У аппарата наместник Его Величества.

— Генерал Юденич. Докладываю: турки перед фронтом 1-го Кавказского корпуса спешно отходят назад.

— Поздравляю с большой удачей. А где же их резервы?

— По показаниям многочисленных пленных Махмуд Камиль-паша почти все ввел в сражение. Резервы турецких дивизий были исчерпаны в первый же день нашего наступления.

— Ваше предложение, Николай Николаевич?

— Штаб армии принял решение усилить 34-ю стрелковую дивизию и 1-й Кавказский корпус по просьбе его командира генерала Калитина резервными полками.

— Считаю по опыту боев в Карпатах и под Перемышлем такое решение своевременным.

— Значит, вы согласны с решением армейского штаба?

— Согласен и одобряю. Что вы выделяете для 34-й дивизии?

— 263 пехотный Гунибский полк.

— А для Калитина?

— 262-й пехотный Грозненский полк.

— В каком состоянии эти полки?

— Укомплектованы по штатам военного времени. Люди отдохнули, обозы полностью обеспечены вьючными животными, огневые припасы — сверх положенных норм.

— Обозы пополнены верблюдами?

— Да, ими. Только что прибыла большая партия, закуплена на севере Персии.

— Исполняйте ваше решение. Обо всем, прошу вас, немедленно информируйте Тифлис.

— Какое мнение Ставки о начале наступления?

— Ставка кавказцами довольна. Дай Бог и дальше так, дорогой Николай Николаевич. Удачи вам во всем задуманном!

— Пока удача в наших руках...

Наступление разворачивалось по всему фронту. 3 января кавказские стрелки спустились с гор в Пассинскую долину, преследуя буквально по пятам отступающих неприятелей. Однако уничтожить основные силы турок в долине так и не

удалось: сжигая за собой склады и селения, те искусно выжили из окружения с небольшими потерями. 4-я Кавказская стрелковая дивизия не успела по плохо разведанным горным дорогам замкнуть кольцо вокруг Пассинской долины. Знающих проводников не нашлось.

Турок спасло здесь и еще одно обстоятельство. Высланная в ночь на 3 января вперед Сибирская казачья бригада имела задачу взорвать мост через реку Аракс близ Кепри-кея, предпринимательно уничтожив его охранение. Однако сибирские казаки, не имевшие проводника из местных жителей, заблудились в ночи при начавшейся сильной метели и вынужденно возвратились на исходные позиции.

Впоследствии выяснились обстоятельства неудачи. Бригада русской конницы почти достигла моста, но, сбившись в непроницаемой тьме в горах с верного пути, проблуждала в неприятельском тылу до рассвета. В ту ночь к тому же турецкому охранению переправы через Аракс было запрещено жечь костров. Так что «светомаскировка» охраны себя показала с самой лучшей стороны.

Однако сибирские казаки уже через несколько дней вознаградили себя успехом за эту оплошность. За горой Хасан-кала они вместе с кубанским 3-м Черноморским казачьим полком, пойдя в атаку неудержимой лавой, разгромили близ Хасан-калы турецкий арьергард. Конники преследовали его на дальность прямого пушечного выстрела с передовых фортов Эрзерумской крепости.

Появление многих сотен казаков перед эрзерумскими фортами стало полной неожиданностью для неприятеля. Сибиряки и кубанцы появились перед фортами в тот час, когда турки очищали укрепления от обильно выпавшего снега. Переполох получился большой: аскеры, бросая лопаты и метлы, бросились в панике под защиту крепостных батарей.

Казаки взяли в плен по пути к Эрзерумской крепости около 2 тысяч султанских аскеров из 14 различных вражеских полков восьми дивизий (!). Это одно свидетельствовало о том страшном беспорядке, в котором отступала к Эрзеруму уже наполовину разгромленная 3-я турецкая армия. Эрзерумский гарнизон после прихода такого «напуганного русскими пополнения» был далеко не в восторге.

3 января в штаб Отдельной Кавказской армии пришло первое, долгожданное донесение из-под Эрзерума:

«Турки готовят форты к обороне. Отступившие из Пас-синской долины неприятельские войска пополняют крепостной гарнизон. С фортов открыт пушечный огонь...»

Это дало Юденичу полное право доложить в могилевскую Ставку:

— Авангард наступающей Кавказской армии сегодня днем вышел на ближние подступы к Эрзеруму.

— Поздравляю вас и моих солдат Кавказской армии с успехом. Жду от воинства России полной победы.

— Не сомневайтесь в них, ваше величество. Эрзерум будет взят со дня на день.

— Бог вам в помощь. Помните, что на других фронтах с Кавказа ждут только победных сообщений...

На следующий день с боем было взято селение Кепри-кей, позиции вокруг которого турки укрепили по всем правилам полевого фортификационного искусства германской армии. Ошеломленные ударом полки 9-го и 10-го вражеских корпусов сперва дрогнули, а потом бежали в сторону уже недалекого Эрзерума. Горные дороги захлестнул человеческий поток. Султанские офицеры всех рангов оказались бессильными удержать своих аскеров, хотя приказ корпусных начальников гласил:

— Держаться стойко, как подобает героям-воинам османского султана...

На южном берегу реки Аракс турецкие батальоны тоже стали отступать. Делали они это неорганизованно, оставив русским свои артиллерийские склады. Среди турецких командиров не нашлось человека, кто бы отдал приказ об их подрыве.

Наступавшая здесь 4-я Кавказская стрелковая дивизия имела полный успех. Ее авангардные батальоны гнали турок вдоль северного берега реки Аракс все дальше и дальше, не давая им «зацепиться» за селения с их каменными постройками.

Обходной отряд дивизии под командованием капитана В. И. Сорокина в ночном бою овладел окраинной древней крепости Календор. После жаркой перестрелки ее гарнизон капитулировал, не став до последнего защищать обветшалые по давности времени календорские стены и бастионы.

Командующий 3-й турецкой армии генерал-лейтенант Махмуд Камиль-паша метал громы и молнии, требуя от сво-

ей пашей и дивизионных начальников только одного: остановить наступление русских любой ценой. Но было уже поздно — турецкий позиционный фронт трещал по всем швам. Причем рвался не только там, где было тонко. Атакующих не могли сдержать даже самые искусно устроенные полевые укрепления.

Все же турецким войскам на эрзерумском направлении удалось избежать полного разгрома. Здесь вина во многом лежала на штабе 1-го Кавказского корпуса и его командире генерале Калитине, который с опозданием отдал распоряжение о начале преследования отступавшего неприятеля.

Причина была выяснена: корпусная разведка допустила нерасторопность и «проморгала» час, когда неприятель начал покидать занимаемые позиции. Генерал Юденич по телеграфу потребовал от всех начальников, начиная с полкового звена, следующее:

— Разведку и по фронту, и в его глубину вести днем и особенно ночью. Любой факт отхода турок перепроверять. Докладывать о том по инстанции незамедлительно.

В боях прошли и Рождественские праздники. Командующий Кавказской армии в эти дни посещал госпиталя, эвакуационные транспорты с ранеными, был на передовой. В окопах заранее готовились к встрече Юденича, и все шло по неписаному правилу. С появлением автомобиля генерала на полковых позициях раздавалось:

— Ста-но-ви-сь!

Выстраивались взводы, роты, батальоны. В сопровождении полкового начальства Юденич делал обход:

— С Рождеством Христовым, братцы!

В ответ из солдатских шеренг несло:

— Ура-а-а! Покорнейше благодарим, ваше превосходительство!

Затем начиналось богослужение. За окопами на ровной площадке с утоптанном снегом появлялся стол — обыкновенный «козел» с положенными на него неизвестно откуда взятыми в этих горах досками. Полковой священник готовился к празднованию Рождества Христова. Когда все было готово, командир полка спрашивал:

— Можно начинать, батюшка?

Священник кивал в ответ головой, и на позициях полка раздавалась команда, многократно дублированная в ротах:

— Смирно-о! На молитву, шапки — долой!..

Тысячи рук вскидывались и обнажали головы. Люди стояли торжественно, с серьезными лицами, моргая воспаленными от бессонницы и порохового дыма глазами.

Начинался молебен. Полковой батюшка после молитвы совершал обход. Широко размахивая руками, солдаты кланялись на лбы и плечи тяжелые мужицкие кресты, низко кланяясь, касаясь лбами холодного снега. После этого весь полк становился на колени и люди тихо пели слова молитвы:

Спаси, Господи, люди твоя
И благослови достояние твое...

9 января русские овладели последними вражескими позициями у селения Кизил-килис. Теперь уже ничего не преграждало им пути к Эрзерумской крепости.

Однако победы давались кавказцам тяжело. Потери составляли для армии уже почти 20 тысяч человек. Так, 39-я пехотная дивизия лишилась половины своего боевого состава. Турки же потеряли всего около 25 тысяч человек, а еще 7 тысяч попали в плен.

Через фронтовые корреспонденции на страницах газет всей России стал известен подвиг 154-го пехотного Дербентского полка. Во время первых восьми дней боев полк потерял всех своих старших офицеров. На штурм укреплений Азап-кея дербентских пехотинцев повел полковой священник, протоиерей Смирнов, лишившийся в той атаке ноги...

Генералу Юденичу показалось весьма заманчивым взять крепость Эрзерум с ходу. Но даже приблизительные расчеты показывали, что для штурма требовалось большое количество боеприпасов, а в ходе непрерывных наступательных боев стал ощущаться недостаток в винтовочных патронах. Подвезти их можно было только с армейских складов в Карсе. Там находился неприкосновенный запас огневых припасов Отдельной Кавказской армии.

Опасность виделась и в другом: артиллерия едва поспевала за наступающей пехотой. Подвоз же снарядов оказался делом более трудным, чем рассчитывали армейские штабисты. Но Николай Николаевич их не винил, прекрасно понимая, что война ломает любые, даже самые точные расчеты.

Об этом у Юденича состоялся короткий разговор с царским наместником в Тифлисе:

— Докладываю о положении дел: казаки Сибирской бригады вышли к Эрзеруму.

— Поздравляю с успехом.

— Уверен, что турецкая армия приведена в полное расстройство, деморализована, утратила способность бежать к полевому лагю, бежит под защиту крепости.

— На чем основано ваше заключение?

— Склады турками сжигаются повсеместно. Такая крепость, укрепленная позиция, как Кепри-кейская, брошена без боя.

— Ваши ближайшие намерения, Николай Николаевич?

— Считаю, что немедленный штурм вражеской крепости будет удачен.

— Есть ли препятствия перед немедленным штурмом Эрзерума?

— Да. Малое количество ружейных патронов в складах не позволяет мне решиться на штурм сегодня или в самые ближайшие дни.

— Даны ли вами указания на подвоз огневых припасов?

— Даны телеграфом и по радио.

— Николай Николаевич, офицеры моего штаба сейчас занимаются анализом создавшейся ситуации. К вечеру документ будет мною подписан и выслан вам на аэроплане. Мои рекомендации прошу принять к исполнению.

— Будет исполнено, ваше сиятельство...

Великий князь Николай Николаевич-Младший, как и его отец Николай Николаевич-Старший, был опытным в военном деле человеком. Он не случайно был назначен императором Николаем II с началом Первой мировой войны Верховным главнокомандующим. Оказавшись по воле судьбы на Кавказе, великий князь, не вмешиваясь в дела командующего Отдельной армией, в то же время стремился оградить его от возможных случайностей.

В юденичский штаб через день аэропланом из Тифлиса было доставлено указание царского наместника на предстоящие действия. Оно гласило:

«Генералу от инфантерии Юденичу.

Указываю Вам на нижеследующее:

1. Обращаю ваше особенное внимание, чтобы не только начальники отдельных колонн, но и сами командиры действовали строжайше по вашим директивам. Дарованный нам

успех надо использовать, но планомерно, не увлекаться, и все должно быть в общей связи. Мне кажется, что занятие района г. Хасан-кала не соответствует тому, что вы телеграфировали мне утром о характере использования занятой территории. Хотя я уверен, что управление вы держите твердо в своих руках, но считаю все же нужным подтвердить важность действовать планомерно.

Требую, прежде всего, прочнейшего занятия укрепленной линии, на которой вы наилучшим образом можете отражать все попытки турок вновь занять отвоеванную территорию. Такой линией на главном направлении мне представляется перевал Карачлы, с. Кепри-кей, гора Ах-баба (к югу от с. Кепри-кей); на занятые же сегодня пункты смотрю только как на выгодно-наблюдательные.

2. Я вполне уверен, что войска, проявившие столько доблести, поборовшие такие невероятные трудности, способны к проявлению высочайше-геройских подвигов, но я совершенно согласен с вами, что общая обстановка не позволяет нам решиться двинуться на штурм Эрзерума без тщательной подготовки и во всеоружии необходимых для этого средств. Помимо малого количества ружейных патронов, у нас нет соответствующей артиллерии для успешной борьбы с тяжелой турецкой артиллерией, фортами и долговременными укреплениями; наш общий резерв сравнительно слаб, база наша отдалена, и подвоз, как вы сами сообщили мне, для Кепри-кея затруднен.

Перед Туркестанским корпусом турки, судя по вашим донесениям, еще оказывают серьезное сопротивление. Что Кепри-кейская позиция была оставлена турками без боя, вполне естественно, потому что с падением г. Кузу-чан она была обойдена с фланга и угрожалась в дальнейшем с тыла. Может быть, турецкая армия и не в состоянии в данное время оказывать нам сопротивление в поле, но мы не знаем, к чему она способна на верхах крепости, при поддержке сотен орудий.

Ввиду сказанного, не считаю себя вправе разрешить производство этой операции.

Используйте самым широким образом конницу, если есть корм, для разведки.

Наместник Его Величества

Великий князь Николай Романов.

Юденич колебался в выборе способа взятия крепости. Колебался так, как и до него и после колебался не один прославленный полководец. За исключением одного — генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. Тот, вероятнее всего, сказал бы своим генералам:

— Сие дело подобно измаильскому..

— Непреступных крепостей на войне не бывает. Особенно турецких у наших границ...

— Атакуйте Эрзерум с Богом на устах, и Господь вам поможет, ребятушки...

Николай Николаевич, преклонявшийся перед полководческим искусством русского военного гения, Суворовым не удивлялся. Потому немедленный штурм Эрзерумской крепости не состоялся.

Посланные на линию фронта офицеры штаба командующего — полковник Масловский и подполковник Штейфон доставили Юденичу сведения, укрепившие его во мнении начать осаду Эрзерумской крепости.

— Турецкие войска на главном направлении повсеместно заканчивают отход к крепости.

— Как идут сегодня дела у кавказцев?

— Наши полки преследуют противника на эрзерумском направлении без серьезных боев.

— Передайте командирам первых эшелонов: неприятелю не давать возможности оторваться от преследователей.

— Такие рекомендации, от вашего имени, Николай Николаевич, нами уже даны.

— Благодарю, господа, за разумную инициативу...

Русская пехота появилась перед фортами Эрзерума 7 января. Такой быстрый приход к городу авангардных 4-й Кавказской стрелковой дивизии и 263-го пехотного Гунибского полка оказался для турок сюрпризом неприятным.

Штурм Эрзерума, куда продолжали с трех сторон стекаться остатки разгромленной 3-й турецкой армии, был отложен на неопределенное время. Причин тому оказалось немало и главной стала сама крепость. Или вернее сказать — Карский крепостной район, едва ли не самый мощный в азиатских владениях султана.

Великий князь Николай Николаевич-Младший, хорошо осведомленный о военном потенциале Турции на Кавказе, по-

вел о том очередной телеграфный разговор с командующим Кавказской армией:

— Николай Николаевич, вам известно о том, что германцами перед самой войной Эрзерум укреплялся?

— Да, известно. Штаб Кавказского военного округа имел информацию, что здесь трудился немецкий генерал Поссельт. Есть и чертежи новых оборонительных сооружений.

— Поссельт — это тот немец, который одновременно являлся и комендантом Эрзерумской крепости?

— Точно так.

— Что он успел построить? Ведь времени у него имелось совсем немного.

— Турецкий Генеральный штаб имел от немцев несколько проектов строительства эрзерумских крепостных укреплений. Выбор пал на Поссельта. Но он успел только оборудовать полевыми укреплениями позиции на линии старых фортов.

— Как сохранились форты со времен войны 1877–1878 годов, когда турки капитулировали тогда перед вашим и моим тезкой, Муравьевым-Карским?¹⁵

— По докладам офицеров моего полевого штаба — прекрасно. Многие успели подновить.

— Крепостной артиллерии много?

— По данным пленных — больше, чем достаточно. Но среди тяжелых калибров в основном устаревшие орудия.

— Значит, Берлин не успел доставить крупновесные орудия крупного калибра на Кавказ?

— Выходит, так. Поставки артиллерийских систем в первую очередь идут в действующую армию.

— Ваши штабисты понимают значение Эрзерума в этой войне?

— Вне всякого сомнения. Взятие крепости и Эрзерумского нагорья отдаст нам в руки всю Турецкую Армению.

— И, я добавлю, открывает перед войнами-кавказцами прямой путь в Анатолию.

— Турки понимают это не хуже нас. Потому и биться будут изо всех сил.

— Готовьте операцию. Мною уже доложено в Ставку о вашем желании взять Эрзерумскую крепость штурмом.

— Докладываю: подготовка уже началась.

— А что, если приступ закончится неудачей?

— Доложите государю, что генерал Юденич всю ответственность берет на себя.

— Хорошо. Ваши слова будут известны императору. Но скажите, что и с себя я ответственность снимать не буду.

— Все же я верю в успех атаки на крепость.

— Верю и я. Буду ждать от вас частых донесений. Их просят и из Могилева.

— Вас понял. Задача будет поставлена моим оперативникам сей же час...

Эрзерумская твердыня, которую армия России за всю историю русско-турецких войн брала не один раз, представляла из себя целый крепостной район. Его основу составляла природная горная позиция Девебойну, отделявшая Пассинскую долину от Эрзерумской. На горном хребте располагались одиннадцать хорошо подготовленных к круговой обороне фортов. Они размещались в две линии, прикрывая друг друга артиллерийским огнем.

Все более или менее удобные подступы к Девебойну с севера прикрывались полевыми укреплениями — творением германского генерала-фортификатора Поссельта. Даже внешний обзор говорил об искусности проведенных инженерных работ. К слову сказать, во все времена турки славились искусством строительства надежных укреплений.

Два мощных форта защищали южное предместье города крепости. С них артиллерийскими батареями простреливались не только близлежащие дороги, но и горные тропы. Протяженность всей горной оборонительной линии Эрзерума превышала сорок километров, впечатляла уже только одна эта цифра.

Большинство фортов представляли собой сооружения закрытого типа в виде каменных многоярусных башен с амбразурами для орудий. Часть из них имела по два-три вала и систему рвов глубиной до шести-семи метров. В некоторых фортах имелись капониры или полукaponиры для обстрела рвов на тот случай, если в них проникнет противник. Гарнизоны фортов состояли из орудийных расчетов, многочисленной пехоты прикрытия и саперных команд. Была отлажена система связи между крепостными укреплениями.

В целом Эрзерумская крепость имела довольно обширную укрепленную позицию, развернутую фронтом на восток с прикрытыми флангами. Ее уязвимым местом являлись ты-

ловые обводы. Через них город мог блокировать любой противник, проникший на Эрзерумскую равнину. Русские такой опыт уже имели в прошлом. Султанское командование, готовясь к Первой мировой войне, о том как-то подзабыло, история его ничему не научила.

Генерал Юденич, как уже опытный полководец, понимал, что начинать осаду и штурм Эрзерумской крепости или вернее — огромного по площади крепостного района нельзя без обеспечения флангов осадных войск. С возможностями 3-й турецкой армии приходилось считаться даже тогда, когда она выглядела разбитой. Поэтому командующий связался сперва с командиром 2-го Туркестанского армейского корпуса генералом Пржевальским:

— Михаил Алексеевич, как у вас на сегодняшний день проходит операция? Доложите.

— На сегодня полки корпуса перешли реку Тортум-чай и оттеснили турок на запад где на пятнадцать, где на двадцать пять километров.

— Как сопротивляется противник?

— Скажу одно — стойко и упорно.

— Как идут дела у подчиненной вам 3-й Кубанской пластунской бригады?

— Казачья пехота сражается с первых дней похвально. Сейчас ведет наступательные бои на западном берегу озера Тортум-гель, только что взяла укрепленное селение Ванк.

— Кто вам противостоит?

— На Испирском направлении действует сильный отряд Халил-бея с двумя полками пограничников. За озером Тортум-гель бои ведут в основном батальоны султанского ополчения.

— Трудности большие?

— Наступать стало сложнее: полное бездорожье, в горах глубокие ущелья с незамерзающими речушками, снегопад, метели.

— Как с морозами?

— Доходит до двадцати градусов по сведениям корпусных метеорологов.

— Обмороженных много?

— Почти нет, в достатке получили зимнего обмундирования. Если не считать тех солдат, которые проваливаются через лед в воду. Лесов здесь нет — нет и топлива.

— Людей берегите, как можете.

— Стараюсь, Николай Николаевич. Какие задачи ставите туркестанскому корпусу?

— Действуйте по утвержденному плану. Цепко держитесь за перевалы и проходы через горные хребты, не отдавайте их туркам назад.

— Задачу понял. Туркам тоже нужны перевалы и проходы.

— Потому и контратакуют.

— Михаил Алексеевич, штаб армии очень надеется на вашу стойкость. Особенно сейчас, когда предстоит брать Эрзерум...

Юденич знал, что 2-му Туркестанскому корпусу приходится крайне трудно. Перевалы были завалены снегом, горные дороги во многих местах приходилось расширять трудом не только саперных рот, но и пехотных батальонов. Деревянная лопата в полках приобрела особую ценность, ее беггли, не забывали в пути.

Особенно трудно дался наступающим частям перевал Капаунгар на высоте 2310 метров от уровня моря. Генерал-лейтенант Пржевальский тогда «в сердцах» послал корпусному инженеру телефонограмму следующего содержания:

«Жду от вас выполнения в кратчайший срок не только возможного, но и невозможного; от успеха вашей работы зависит успех операций корпуса».

...После разговора с Пржевальским, Юденич связался со штабом 4-го Кавказского корпуса, действовавшего на левом, южном фланге. Генерал Огановский рассеял опасения командующего из-за ее растянутого левого крыла:

— Докладываю: крупных сил турок перед позицией корпуса пока не наблюдается.

— Это проверенные данные?

— Точно так. Конная разведка, далеко высылаемая, приносит только такие сведения.

— А где же войска, которые Энвер-паша у Стамбула вытребовал из Месопотамии?

— Как сообщают лазутчики и пленные, турки силой до корпуса идут от Багдада на Мосул. Но дороги не позволяют совершить им скорый марш-бросок. Так что месопотамцев мы пока не ждем.

— Это хорошо. Как ведете наступление?

— Небольшими отрядами. Большими наступать не позволяют горные дороги. Артиллерии на передовой у меня стало меньше.

— Почему так?

— Большая часть орудий 66-й артиллерийской бригады остались позади. Их лошади переданы 1-му Кавказскому корпусу. Калитину сейчас артиллерия нужнее.

— Знаю. Это было мое распоряжение с согласия великого князя.

— Николай Николаевич, есть ли изменения в задачах моего корпуса помимо плановых?

— Пока нет. Сейчас от вас одно требуется — вести разведку на широком фронте.

— Понял. Багдадскую дорогу возьму под контроль.

— В случае появления турок на ней — атакуйте. Не дайте Энвер-паше помочь Эрзерумскому гарнизону войсками из Месопотамии. Это очень важно.

— Что еще мне будет приказано?

— Старайтесь упредить турок во всех их действиях...

В первый же день своего прибытия под Эрзерум Юденич лично провел рекогносцировку крепости и смог по достоинству оценить ее неприступность, мощь бастионов и фортов. Сопровождавшим офицерам сказал:

— Ничего, возьмем Эрзерум. Русские бывали в нем и прежде. Крепость Карс была для нас не слабее...

Началась тщательная подготовка к штурму. Сторожевые заставы блокировали все возможные подступы. По утверждению командующим графику разведку вел армейский воздухоплавательный отряд. Делали это авиаторы беспрепятственно, поскольку неприятель на Кавказе аэропланов, из Германии, еще не имел.

Воздухоплататели постоянно рисковали, снижаясь до такой высоты, что турки начинали открывать по самолетам залповый огонь из винтовок. Когда об этом доложили генералу Юденичу, то он сказал:

— Рисковать надо не только на земле, но и в воздухе. Лучших из летчиков прошу представить к наградам...

За несколько первых дней осады Эрзерумской крепости русские отряды выбили турок из близлежащих селений и, пользуясь темными ночами в горах, все ближе и ближе подбирались по выкопанным до рассвета окопам к фортам. Требовались свежие, самые достоверные сведения о противнике: численности, душевном состоянии, обеспеченности во всем.

Одному из ночных дозоров казаков-кубанцев повезло — они перехватили небольшой кавалерийский конвой, сопровождавший офицера в звании подполковника. Доставленный в армейский полевой штаб, офицер был допрошен через переводчика лично Юденичем:

— Ваше звание, фамилия, должность?

— Подполковник пехоты Хамди-бей, господин генерал. Офицер штаба 10-го корпуса.

— Куда следовали?

— В штаб 11-го корпуса.

— Какую позицию занимает ваш корпус на сегодняшний день?

— Корпусу приказано держать оборону на севере от Эрзерума через хребет Думлу-даг и в проходе Гурджи-богаз.

— Все три корпусные дивизии здесь или нет?

— Все три. В первой линии оборону держат только две.

— А третья дивизия, в корпусном резерве?

— Да. Размещена близ форта Тафта.

— Кто обороняет Девебойнскую позицию — 9-й или 11-й корпуса?

— Девятый, господин генерал. Одиннадцатый корпус расположен за ним в резерве. Одна дивизия стоит под городом, две другие — у селений Тасмахор и Сивишли.

— Что Махмуд Камиль-паша имеет в самом городе?

— Сама старая крепость занята запасными батальонами, которые прибыли из городов Трапезунд и Эрзинджан за несколько дней до прихода вашей кавалерии.

— И все? Так мало?

— Нет, не все. Командующий приказал разместить в самом городе сводные пехотные полки, составленные из наиболее расстроенных боями армейских полков.

— Сколько всего у вас имеется под Эрзерумом пехоты?

— Говорят, что более 80-ти тысяч. Но полностью укомплектованных частей совсем мало. Много аскеров разбежалось. В 11-м корпусе есть роты всего по 40 винтовок.

— Ожидается вами скорый штурм или нет?

— Ожидается.

— Под Сарыкамышем зимой 1915-го были?

— Был. Командовал пехотным батальоном...

Полевой армейский штаб переехал поближе к месту предстоящих событий, в город Хасан-кала, на запад от Кепркея. Здесь и был объявлен приказ о штурме согласно оконча-

тельно выработанному плану атаки Эрзерумской крепости. Войска были распределены следующим образом:

1. 2-й Туркестанский армейский корпус:

а) колонна генерала Азарьева — 4-я Туркестанская стрелковая дивизия с артиллерией — 24 орудия полковника Андриевского;

б) колонна генерала Чаплыгина — 5-я Туркестанская стрелковая дивизия;

в) корпусной резерв из 4-х стрелковых батальонов.

2. Колонна генерала Волошина-Петриченко — Донская пешая казачья бригада в составе четырех батальонов. (Но один из батальонов попал по дороге в горах при сильном морозе в сильную метель и потерял большую часть бойцов обмороженными.)

3. Колонна генерала Воробьева — 4-я Кавказская стрелковая дивизия при 36 артиллерийских орудиях.

4. Артиллерийский участок генерала Вадина у села Гюльджас. Здесь было размещено 16 тяжелых осадных орудий и 18 полевых гаубиц. В прикрытии стояла одна дружина государственного ополчения.

5. 1-й Кавказский армейский корпус:

а) колонна генерала Рябинкина — 39-я пехотная дивизия с 30 полевыми пушками;

б) колонна генерала Докучаева — сводная из 8 пехотных батальонов и 4 ополченческих дружин;

в) колонна генерала Чиковани из 4 с половиной дружин и 5 казачьих сотен;

г) корпусной резерв — 4 батальона пехоты без артиллерии;

д) армейский резерв генерала Савицкого — 12 пехотных батальонов, 4 орудий и 2 казачьих сотен.

6. Армейская конница:

а) колонна генерала Раддаца из 12 казачьих сотен с 12 конными орудиями.

б) колонна генерала Николаева из 18 казачьих сотен.

Одним словом, генерал Юденич собрал для штурма Эрзерумского крепостного района максимум сил, которые могла дать на тот день русская Кавказская армия. Всего на приступ отряжалось его приказом 88 батальонов пехоты, 9 с половиной дружин государственного ополчения, 166 орудий, 29 полевых гаубиц, 16 тяжелых осадных орудий, подвезен-

ных с большим трудом из Карса, 70 с половиной казачьих сотен и 4 саперные роты.

Когда приготовления к 27 января почти полностью завершились, командующий подписал приказ о генеральном штурме вражеской крепости:

«...Используя захват массива Карга-базар, господствующего над левым флангом Девебойнской позиции, произвести решительный удар в полосе Чабан-деле, Далангез, с одновременным наступлением 2-го Туркестанского корпуса со стороны Гурджибогаского прохода на Кара-гюбекскую позицию и обходом Девебойну своим правым флангом... разбить противника...»

В тот же день генерал Юденич собрал военный совет и объявил, что штурм крепости назначен на 30 января, на 8 часов вечера. После чтения боевого приказа Николай Николаевич, среди прочего, заметил, что силы штурмующих и защитников Эрзерума по пехоте примерно равны, исходя из числа батальонов. Один из участников военного совета заметил:

— Можно перенести штурм на начало февраля. За эти дни на Карса и Грузии подойдет маршевое пополнение для пехотных полков. Нужна отсрочка хотя бы на одну неделю.

Выслушав, Юденич с присущим ему в такие минуты сподвижеством сказал:

— Вы просите отсрочки? Согласен с вашими доводами и даю вам отсрочку: вместо 8 часов вечера штурм начнется в 5 часов пять минут.

После такого ответа все сомнения собравшихся словно улетучились: о переносе дня штурма турецкой крепости не было и речи.

Заседание военного совета завершилось последним приказанием генерала Юденича:

— Прошу задержаться еще на одну-две минуты. Надо всем сверить часы. Сверять будем по моим карманным, а то чтобы чего не вышло с началом завтрашней атаки. Штурмовать-то будем в темноте...

В тот же день кавказские войска, предназначенные для штурма эрзерумских укреплений, заняли исходные позиции. В два часа пополудни осадные пушки и полевые гаубицы артиллерийского участка генерала Вадина у селения Гюльджас открыла огонь по форту Чобан-деде и вражеской позиции около него.

В назначенный час следующего дня штурмовые колонны сперва 1-го Кавказского, а через три часа — и 2-го Туркестанского корпусов устремились на штурм вражеских полевых укреплений и линий крепостных фортов. За первые сутки удалось овладеть северной частью позиции Гурджибогазского прохода, фортом Кара-гюбек. При его взятии отличился 11-й Туркестанский стрелковый полк, шедший в первом эшелоне.

Что особенно было важно — удалось овладеть сильным фортом Далан-гез. Он надежно прикрывал собой ближайшие подступы к крупному узлу Эрзерумской обороны форту Чобан-деде в ущелье реки Туй-су.

Захваченный форт Далан-гез занял для обороны пехотный штурмовой отряд подполковника И. Н. Пирумова. С рассвета 1 февраля турки повели огонь по утраченному укреплению из более чем сотни артиллерийских орудий. Шквал снарядов всех калибров отрезал защитников форта от других войск, у них стали к вечеру кончатся боеприпасы.

Пехотинцы старались теперь стрелять только прицельно, зная, что с каждым патроном они растрачивают силу заградительного огня. Наиболее «ушлые» из стрелков вели пальбу из подобранных вражеских ружей, снимая патронные сумки с убитых турок. По тому, как все реже становился огонь со стороны русских из Далан-геца, неприятель понял бедственное их положение в полуразрушенном форте.

Пять яростных атак вражеской пехоты было отражено винтовочным и пулеметным огнем. Шестую и седьмую русские отбили уже штыками, сберегая последние патроны на самый крайний случай. Для того чтобы отразить восьмую, в строй встали даже раненые бойцы. Тогда и погиб смертью храбрых ротный командир прапорщик Навлянский, до того своим пребыванием в самых опасных местах вселявший бодрость в солдат.

Когда турки поднялись в восьмую атаку, к уцелевшим защитникам Далан-геца подоспела неожиданная помощь, в которую они уже не верили: неизвестный рядовой под вражеским огнем в вечерних сумерках доставил на ослах боеприпасы.

После, узнав, как держались защитники форта Далан-гез, генерал Юденич приказал найти того солдата, чтобы наградить его Георгиевским крестом. Однако никто не признался из нижних чинов о своем подвиге, что немало огорчило командующего.

Из 1400 нижних чинов и офицеров полутора батальонов 2-го пехотного Бакинском имени великого князя Сергея Михайловича полка, оборонявших захваченный форт Далан-гез, осталось в строю всего около трехсот по большей части раненых. За ночь героический гарнизон пополнили, а раненых эвакуировали в тыл.

Знаменательно было то, что и в далеком 1877 году этот Эрзерумский форт брали не кто иной, как пехотинцы-бакинцы, — 10-я рота полка под командованием штабс-капитана Мамаева, погибшего при взятии Далан-геца смертью героя. Этот победный штурм стал подлинным украшением боевого формуляра полка, славной страницей в его летописной биографии.

Морозный и солнечный день 1 февраля стал переломным в штурме Эрзерума. Русские овладели последним наиболее труднодоступным из запиравших Гурджибогазский проход фортов — фортом Тафта. Штурмовавший это вражеское укрепление 17-й Туркестанский стрелковый полк полковника Кириллова захватил в Тафте в качестве трофеев 10 крупнокалиберных орудий и множество снарядов.

Войска Кавказской армии прорвались в Эрзерумскую долину. Первым спустился в нее с гор 15-й Кавказский стрелковый полк полковника Запольского. То были минуты настоящего воинского триумфа. Появление русских в долине стало настоящим потрясением для оборонявшихся турецких войск — начиналось замыкаться вокруг крепостных укреплений кольцо окружения.

После получения донесения руководивший ходом Эрзерумской операции генерал Юденич не скрывал радости:

— Теперь в уныние придут и аскеры, а особенно местные оболченцы. А последних в гарнизоне много...

Турки отчаянно стремились беспрестанными контратаками отбросить наступающих, но все было тщетно. Одновременно султанские войска изо всех сил старались удерживать Девебойнскую позицию, — от нее зависела судьба города-крепости и в очередной раз — судьба 3-й турецкой армии.

Неожиданно воздушная разведка доложила об оставлении турецкими войсками собственно Эрзерумской крепости и самого города: полки пехоты, стоявшие там, были брошены в сражение за Девебойну.

В резко изменившейся на поле битвы ситуации надо было что-то предпринимать. Юденич решил пойти ва-банк — он переподчинил командиру 2-го Туркестанского армейского корпуса колонны генералов Волощина-Петриченко и Воробьева, а также конницу генерала Раддаца, поставив задачу совершить рейд во вражеском тылу.

Такое решение дало желаемый результат. В полевой армейский штаб стали один за другим приходить донесения о победах штурмующих войск:

— Елисаветпольцы прорвались к подступам форта Чобан-деде и проникли в его ров...

— Дербентский полк пошел в штыки на вражескую батарею. Захвачено 28 орудий...

— 155-й пехотный Кубинский полк приступом взял форт Гяз. Идет подсчет потерь и взятых трофеев...

— Форт Узун-Ахмет взят бойцами 163-го пехотного Гунибского полка. Потери среди офицеров полка — больше половины...

— 5-я Кавказская стрелковая дивизия прошла боевое крещение. Ее полками в ходе штурма взяты форты Кобургу и оба Картаюка...

— Дружинники из государственного ополчения ворвались в форт Каракол. Победа добыта штыками...

— Кизляр-гребенские казаки конной атакой на турецкие позиции на Девебойну взяли батарею из 6 орудий. Спешившись, отбили вражескую контратаку...

— Неприятельские кавалеристы численностью до двух эскадронов бежали в горы севернее города. На поле боя они не вернулись...

2 февраля наконец-то пали в ходе яростного штурма считавшиеся неприступными форты хребта Палентекена и форт Чобан-деде. После сражения генерал Юденич скажет в адрес отличившихся там слова похвалы:

— Доблестная 39-я пехотная дивизия превзошла саму себя. Ее бесстрашным духом прониклась ополченская дружина из Казани. И турецкие форты пали...

В 7 часов утра 3 февраля 1916 года русские войска — 39-я «Железная» пехотная дивизия — ворвались в покинутый турками город Эрзерум. В тот же день защитники последних еще сражающихся фортов капитулировали. В плен сдались 235 офицеров и свыше 12 тысяч аскеров. Тро-

феями победителей стали 323 крепостных и полевых орудий, 12 знамен.

Но победа далась дорогой ценой, хотя и несовместимой с предельными потерями. При штурме было убито и ранено 1000 русских воинов. Да еще в полевые госпитали слегло 6 тысяч обмороженных людей. Солдаты «теряли ноги» по той же известной причине — толщина подошвы сапог для горной зимы оставляла желать много лучшего. «Победить» военное интендантство Юденичу так и не удалось до самого 1917 года...

Командующий вместе с офицерами армейского штаба прибыл в Эрзерум. У дома губернатора, самого приметного в городе, Юденич сошел с коня и принял рапорт прапорщика, начальника только что выставленного здесь караула русских пехотнцев. Среди прочего Николай Николаевич поинтересовался у командиров 39-й дивизии:

— Кто из ваших бойцов первым ворвался за эрзерумские стены? Я бы хотел его лично обнять и поздравить.

— Ваше превосходительство, первый из ворвавшихся в город оказался не нашим бойцом, к сожалению.

— Так кто он?

— Есаул-Медведев, командир конвойной сотни штаба 1-го Кавказского корпуса.

— Как же ему удалось опередить «Железную»?

— Удалось. Пока мы готовились к последней штыковой атаке, его сотня бросилась в шашки на бегущих турок и первой ворвалась за стены Эрзерума.

— Какой молодец! Быть ему в Кубанском казачьем войске еще одним кавалером Святого Георгия...

В тот же день во всех полках, дружинах и батареях Отдельной Кавказской армии был оглашен приказ командующего. В нем выражалась горячая и трогательная благодарность всему личному составу за мужественное исполнение своего воинского долга перед российским Отечеством.

В те дни радостный Юденич едва поспевал подписывать наградные листы на отличившихся в боях за Эрзерум. Также, например:

«За беззаветную храбрость в сражении под Эрзерумом, проявленную пулеметчиком четвертой роты 163-го пехотного Гунибского полка младшим унтер-офицером Белозерцевым, наградить его Георгиевским крестом 2-й степени...»

Среди еще не погасших пожаров поверженной крепости командующий Отдельной Кавказской армии лично вручал перед строем под звуки музыки полковых оркестров Георгиевские кресты и ордена Святого Георгия отличившимся при штурме Эрзерума воинам. Георгиевскими кавалерами стали более сотни рядовых пехотинцев, кавказских и туркестанских стрелков, казаков, ополченцев, унтер-офицеров. Ими стали полковники Габаев и Фисенко, подполковник Воробьев, штабс-капитан Запольский, поручик Вачнадзе...

Из Тифлиса от великого князя Николая Николаевича Младшего пришла поздравительная телеграмма:

«С победой поздравляю сердечно Вас и ваших кавказских героев. Государь наградил вас новым Георгием...»

Юденич приказал размножить текст телеграммы. Она со всей торжественностью читалась перед строем в пехотных батальонах, казачьих сотнях, артиллерийских батареях, ополченских дружинах, штабах.

Награда за овладение крепостью Эрзерум и новый разгром 3-й турецкой армии не заставила себя долго ждать. Командующий Отдельной Кавказской армии генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич был высочайше удостоен императорского Военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия 2-й степени — крестом для ношения на шее и звездой для парадного мундира.

Это было во многом примечательное награждение. В Российской Императорской армии в годы Первой мировой войны Юденич стал последним полководцем, кто удостоился такой высокой по степени ратной награды — Военного ордена. К слову сказать, за все годы той Великой войны, Георгиевской награды 1-й, высшей степени удостоен не был никто.

В высочайшем указе о награждении, который был опубликован во многих газетах России, говорилось:

«...В воздаяние отличного выполнения при исключительной обстановке, блестящей боевой операции, завершившейся взятием штурмом Девебойнской позиции и крепости Эрзерума 2 февраля 1916 года.

Верховный Главнокомандующий
вооруженными силами России
император Николай II Александрович»

Сообщение о новой большой победе на Кавказе обошло все российские газеты — от столичных изданий до местных. На

я генерала Юденича поступили поздравительные телеграммы от командующих фронтами и флотами, походных отрядов казачьих войск, политиков и, что было особо приятно, от союзников России по Антанте.

Эрзерумская наступательная армейская операция, продолжавшаяся на фронте протяженностью в 300 километров, завершилась полной победой русского оружия. Крепость Эрзерум, с которой Стамбул связывал большие надежды, пала.

Эта операция показала безволие турецкого Генерального штаба и неспособность германских военных советников оказать действенную помощь 3-й армии, главные силы которой обороняли крепость. В Стамбуле так и не решились пойти на то, что сделали русские генералы Юденич и Мышлаевский во время битвы за Сарыкамыш, рискуя снять немалую часть войск с линии фронта.

Султанское же командование не пошло на подобное. Оно опасалось потерять большее, чем было утеряно в заснеженных горах у Сарыкамыша. Хотя в тех условиях можно было снять часть войск с береговых укреплений Босфора и особенно Дарданелл.

Более того, турецкое командование, полностью утратив инициативу в войне на Кавказе, и не пыталось в те дни вернуть ее или хотя бы как-то сдержать наступающий пыл кавказских войск России.

Все же султанский Генеральный штаб сделал реальную попытку оказать некую помощь защитникам Эрзерума. В разгар сражения он прислал в Трапезунд «вместительный» крейсер «Явуз». Тот доставил 8 пулеметных команд с 32 пулеметами, горную артиллерийскую батарею, 2 аэроплана, 1000 новеньких, только что полученных германских пехотных винтовок, 300 ящиков различных боеприпасов, и... всего 4 сотни солдат и 29 офицеров.

Была сделана попытка перебросить доставленные грузы и людей в Эрзерум. Но занесенные снегом перевалы не позволили это сделать. Борьба со снегами турецкие войска еще не научились, «мобилизованные» деревенские старосты с поставленной задачей тоже не справились.

Большие надежды возлагались на 2 аэроплана с громкими и звучными названиями — «Арибурун» и «Анафарт». Их пилоты прошли обучение в германских летных школах. Один самолет во время перелета из Трапезунда в Эрзерум по-

терпел аварию в горах, другой же счастливо долетел до крепости. Но во время боев одинокий аэроплан на штурмующие турецкие укрепления русские полки своим появлением в воздухе страха не нагнал.

Когда о «неотложной» помощи из самого Стамбула крепостному гарнизону стало известно Юденичу, он только покачал головой, сказав:

— Такой помощью на фронте дыр не латают и осажденных крепостей не спасают. Энвер-паше это следовало бы знать...

В годы Первой мировой войны наступление на Эрзерумскую крепость стало одной из самых умело организованных и исполненных операций, проведенной к тому же в труднейших зимних условиях горного театра военных действий. Даже альпийские успехи австрийцев и итальянцев с их союзниками не шли в сравнение.

Великий князь Николай Николаевич-Младший доносил Верховному главнокомандующему Николаю II Александровичу Романову:

«Господь Бог оказал сверхдобротным войскам Кавказской армии столь великую помощь, что Эрзерум после пятидневного беспрерывного штурма взят...»

Эрзерумский штурм поразил Россию и ее союзников по Антанте, мало думавших и знавших о войне на далеком от Западного фронта Кавказе.

Падение Эрзерумской крепости потрясло Турцию. Теперь Стамбулу было не до очередных побед над англичанами на юге Месопотамии и не до Палестинского фронта. Надо было прикрывать от русских собственную Анатолию, поскольку армия генерала Юденича теперь держала в своих руках все удобные пути из Турецкой Армении.

Глава девятая

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ ПОЛКОВОДЦА

Овладев крепостью Эрзерум, русская армия не остановилась, повела преследование остатков 3-й султанской армии, расстроенной и ошеломленной поражениями. Турки стремились укрыться в расположенном неподалеку городе Эрзинд-

не и в укреплениях на горе Испир и хребте Думлу-даг. пришлось выбивать их и оттуда.

Преследование в полосе наступления 2-го Туркестанского армейского корпуса проходило в крайне сложных условиях. В ущельях свирепствовала пурга, склоны гор обледенели, дорожки занесло глубоким снегом. Запасы продовольствия, вывезенные с собой, оказались на исходе. Солдаты все чаще питались только одними сухарями.

Но русские войска неимоверными усилиями овладели горой Испир, выбив с нее оборонявшихся турок. Таким образом главные силы отступающей вражеской армии оказались захваченными с флангов. Все шло так, как задумывалось Юденичем и его уже умудренным опытом войны в горах штабом.

Преследование длилось всего пять дней и было приостановлено 9 февраля. Могилевская Ставка выразила по этому поводу недовольство, но генерал Юденич назвал обстоятельства, заставившие его отдать такой приказ. Причин действительно набиралось больше чем достаточно.

Обозы даже с самым необходимым не поспевали за наступающими войсками. Возникли перебои с провиантом, пехота расстреливала последние запасы винтовочных патронов, старейшая полевая артиллерия теряла на обледенелых горных дорогах много упряжных лошадей и становилась «малопродуктивными».

Хуже всего оказалось дело с фуражом для многих тысяч коней. Отправленный из армейских тылов фураж попросту съедался почти весь во время пути обозными лошадьми и верблюдами. И если обозные лошади и верблюды «дышали» здоровьем, фронтовые кони с каждым днем все больше и больше теряли «форму».

Тыловое армейское начальство попыталось было помочь продолжающим наступление туркестанцам. Им был выделено две сотни «кораблей пустыни» — верблюдов. Но те с великим трудом передвигались по горным дорогам и тропам, заваленными глубоким снегом.

Из наступающих войск в полевой штаб Юденича пошли только тревожные донесения. Поэтому командующий Кавказской армией приказал 2-му Туркестанскому корпусу закрепиться на реке Западный Евфрат и перейти к позиционной обороне. В скором времени такие распоряжения получи-

ли и остальные войска, участвовавшие в Эрзерумской наступательной операции.

В ходе преследования окончательно разбитой армии Махмуда Камиль-паши было взято в плен еще 80 офицеров и 7500 аскеров. Тысячи султанских ополченцев скрывались в своих селениях и городках. Трофеями русских стали 130 орудий, бросаемых турками по пути повального бегства.

В Стамбуле в считанные дни решились на смену командующего 3-й армией, «преступно сдавшего России крепость Эрзерум»: Махмуда Камиль-пашу сменил генерал-лейтенант Абдулкерим-паша. Но он продержался на этой должности всего до марта месяца...

По замыслу Юденича из стратегических соображений началось выравнивание линии фронта. Оно было связано с проведением в ряде мест локальных наступлений. 4-й Кавказский армейский корпус в ночь на 17 февраля взял атакой город Битлис, стоявший на перепутье важных дорог. При этом корпусной командир проявил военную хитрость, заставив вражеское командование перебросить большую часть войск от Битлиса на другие направления.

Султанское командование, одураченное ложными маневрами русских, решило вернуть Битлис. Была спешно создана сильная ударная группа из пехотной дивизии, сохранившей свою боеспособность, и многотысячных конных отрядов местных курдских племен. Однако кавказцы смогли вовремя нанести упреждающий удар, разбив пеших турок и рассеяв курдскую конницу. Повторных попыток отбить город не последовало.

Овладение Битлисом значило много. Теперь прочно перекрывался единственный удобный путь, по которому высшее султанское командование до сих пор перебрасывало на Кавказ подкрепления из Месопотамии и Сирии.

Противник в окрестностях Битлиса развернул было диверсионную деятельность на дорогах с помощью отрядов курдской конницы. Новый командир 4-го Кавказского корпуса генерал В. В. де Витт принял ответные меры: много курдских селений, брошенных бежавшими в горы жителями, было сожжено, выявленные отряды всадников преследовались казачьей конницей до последней возможности.

Это подействовало — едва ли не ежедневно к де Витту стали прибывать вожди и старейшины от курдских племен с

ражением покорности России. Часть племенных вооруженных формирований было разоружено, хотя секретом не являлось то, что воины-курды сдавали далеко не все огнестрельное оружие и патроны.

Одновременно с действиями на левом крыле фронта началось наступление вдоль берега Черного моря и русским Приморским отрядом, который опирался на Михайловскую (Батумскую) крепость. Приморцы последовательно с боями преодолевали вражеские оборонительные рубежи по левым берегам многочисленных горных речушек.

В Батуме с ее удобной гаванью находились два миноносца и недавно введенная в строй после ремонта канонерская лодка «Донец», пострадавшая в самом начале войны от бомбардировки с моря. Но трех кораблей было мало для поддержки Приморского отряда в случае его наступательных действий.

Начались телеграфные переговоры Тифлиса с Могилевом, которые завершились тем, что из Севастополя, главной базы Черноморского флота, в середине января прибыли линейный корабль «Ростислав», канонерская лодка «Кубанец» и два миноносца. Эти корабли вместе с уже имевшимися на Кавказе военными судами и образовали Батумский военно-морской отряд для содействия приморскому флангу Отдельной Кавказской армии.

Приморский отряд генерала В. П. Ляхова теперь наступал при огневой поддержке с моря кораблей Черноморского флота. С них в тыл неприятеля было высажено несколько небольших десантов. Десанты высаживались с тральщиков и транспортных судов, имевших малую осадку и подходивших почти к самому берегу.

Турки обычно встречали десантников сильным огнем, кое-где даже из пушек и пулеметов. Но при первой же угрозе штыковой атаки или начавшегося артиллерийского обстрела с моря сразу скрывались в окрестных горах, благо все труднодоступные тропы от берега вели только туда.

По поводу десантов у командующего Кавказской армией с генералом Ляховым и командиром Батумской военно-морской базой капитаном 1-го ранга Римским-Корсаковым состоялся разговор:

— Действительна ли помощь Приморскому отряду с моря?

→ Да, весьма ощутима. Огонь корабельной артиллерии по турецким позициям ведется постоянно.

— А десанты с моря в тыл?

— Здесь ситуация сложнее. К берегу вплотную могут подходить только тральщики. С них спускаются сходы. С других десантных судов высадка на берег идет только на лодках. Тяжести приходится перегружать на баржи.

— Тогда на тральщики сажайте только лучшие батальоны — кубанских пластунов. Их первыми высаживайте на берег.

— Приказ понят.

— Всех остальных — на транспорты. Каков состав десантного отряда?

— Два батальона пластунов — почти две тысячи сто бойцов. Два взвода горной артиллерии с 2 орудиями и лошадьми и 2 взвода пулеметной команды отряда.

— Как вы считаете, таких сил достаточно для удержания захваченного на берегу плацдарма?

— Вполне. К тому же десанты высаживаться вдалеке от наступающих по берегу войск не будут.

— Как отлажена корректировка артиллерийского огня с кораблей по берегу?

— Связь берега с морем ведется по радио.

— А береговые батареи турок?

— Мы ожидали от них большего. Наши артиллеристы всякий раз выигрывают вчистую.

— Тогда остается пожелать вам и вашим батумцам, капитан, новых успехов...

Взяв город Ризе, русские войска стали закрепляться на реке Архаве. Теперь они находились на дальних подступах к важному портовому городу Трапезунду, взятие которого входило в планы Верховного главнокомандующего и самого Юденича.

Велось наступление и силами русского экспедиционного корпуса генерала Баратова на персидской территории вблизи границ Турции. Здесь рейды казачьей конницы немало помогли британцам, которые продолжали вести тяжелые бои на юге современного Ирака.

Экспедиционные войска в наступлении 24 февраля заняли город Керманшах — центр Западной Персии. Под угрозой русской конницы оказалось Багдадское направление — турки так и не решились перебросить часть своих сражавшихся войск с Месопотамского фронта на помощь подвергнувшейся разгрому своей 3-й армии.

Это были последние эпизоды широкомасштабной Эрзерумской наступательной операции. Стратегический успех Эрзерумской Кавказской армии заключался в том, что она овладела единственным укрепленным районом Турции в Малой Азии — крепостью Эрзерум. Приоткрывались ворота через далекий Эрзинджан в Анатолию — центральные провинции отживающие свой век в истории Османской империи.

Начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев, главный стратег России в великой войне так отозвался об Эрзерумской операции:

«Этот успех приобрел на ближневосточном театре особую значимость на фоне неудач в ходе Дарданелльской операции и наступления англичан в Месопотамии».

...Победа победой, а война на Кавказе для противных сторон и их военных вождей продолжалась. И не видно было ей ни конца, ни края.

В первых числах марта из Петрограда возвратился великий князь Николай Николаевич-Младший. Его встреча в Тифлисе с командующим Кавказской армии напоминала военное совещание с участием всего двух действующих лиц:

— Государь император просил передать вам, Николай Николаевич, глубокую личную признательность за Эрзерум.

— Прошу передать государю мое верноподданническое благожелательство.

— Он выразил пожелание дополнить достигнутый успех не менее успешным ударом на Трапезунд.

— Это мнение императора или его штаба?

— Таково мнение Ставки Верховного. Об этом со мной говорил генерал Алексеев.

— Думаю, что с такой задачей армия справится.

— Каковы на сегодня силы Приморского отряда?

— У генерала Ляхова в строю 15 тысяч человек при 50 орудиях. Но из армейских резервов в Батум мы послать почти ничего не можем — нам весь фронт держать надо.

— Тогда большая надежда на Черноморский флот.

— Ляхову с самого начала войны деятельно помогает капитан 1-го ранга Римский-Корсаков, командир Батумской военно-морской базы. Ее корабли хорошо пристрелялись к вражескому побережью.

— Значит, и в этот раз будет поставлена Римскому-Корсакову задача на взаимодействие с Приморским отрядом.

— Ляхову не пройти к Трапезунду без хорошей поддержки с моря.

— Тогда, Николай Николаевич, пусть армейские штабисты-оперативники поспешат с разработкой наступательной операции от города Ризе.

— Будет исполнено, ваше превосходительство.

— Как вы собираетесь назвать новую операцию?

— Трапезундской...

Расчеты, проведенные в армейском штабе, со всей очевидностью показали, что Приморский отряд генерала Ляхова для гарантированного успеха наступления сил имеет недостаточно. Об этом Юденич известил Ставку.

Император Николай II пошел навстречу просьбе командующего Кавказской армией и великого князя Николая Николаевича-Младшего. С Русского фронта по железной дороге в город-порт Новороссийск были перевезены 1-я и 3-я Кубанские пластунские бригады. Они составили ударную силу Приморского отряда генерала Ляхова.

Трапезундская наступательная операция с самого начала развивалась успешно. Для оперативного управления войсками в Приморский отряд прибыл командующий Кавказской армией. Юденич лично руководил высадкой у Сюрмене десанта силой в одну Кубанскую пластунскую бригаду с приданной ей казачьей батареей.

Решение высадить десант у Сюрмене привело к серьезному конфликту с командующим Черноморским флотом адмиралом А. А. Эбергардом. Тот считал задуманное делом рискованным и опасался за свои корабли:

— Николай Николаевич, прибрежные воды по глубинам и подводным опасностям не размечены на морских картах района Сюрмене. Я, как командующий флотом, считаю проведение десантной операции делом рискованным.

— Андрей Августович, на то она и война, чтобы рисковать.

— Согласен. Но одно дело, если в атаке гибнет пехотный батальон или на подводной mine подрывается боевой корабль с экипажем.

— Если вы опасаетесь мин, то можно послать вперед тральщики. Прикроете их огнем с моря в случае необходимости.

— У меня сейчас в Батуме стоит всего два тральщика. Да и то вы их используете для высадки на берег своих пластунов.

— Что ж, других десантных судов мы пока не имеем.

— А почему вы своей властью не мобилизовали в Батуме частные суда с их экипажами?

— От них проку мало. На гребных парусниках даже пехоты много не перевезешь. А пароходов в Батуме с началом войны не бывало.

— Пароходы можно было пригнать из других черноморских портов. Они там есть и стоят, как правило, в бездействии.

— Сейчас уже нет времени просить о том Ставку. Что вас, Андрей Августович, сейчас беспокоит у берегов Кавказа?

— Из Севастополя передали радиogramмой о появлении в восточной части Черного моря германского линейного корабля «Гебен».

— Это тот «Гебен», который в Константинополе переименовали в «Султан Селим»?

— Да. Но появление у кавказских берегов мощного «Гебена» — это уже серьезно.

— Почему?

— По имеющимся данным, он идет в сопровождении подводных лодок. Число их пока не установлено.

— Тогда какая роль вашей Севастопольской эскадры, если вражеский линейный корабль подойдет к берегам Кавказа?

— Эскадра предназначена для ведения войны на море, а не для прикрытия армейских десантов.

— Вы так считаете?

— Не я так считаю. Это закон военно-морского искусства, не мною установленный.

— Но Трапезундская операция проводится по решению Ставки. И не вам, господин адмирал, ее отменять или ставить под сомнение.

— Пусть это так, но я отвечаю за целостность Черноморского флота, а не вы.

— Тогда поступайте как знаете, но Батумский флотский отряд высаживать десант у Сюрмене все же будет. О том уже доложено из Тифлиса Верховному Главнокомандующему.

— Хорошо. Но рисковать кораблями оперативной эскадры я не волен.

— В таком случае «Гебен» страшен вам, а не мне...

Это столкновение двух людей, наделенных большими правами на войне, имело свое продолжение. Адмирал Эбергард перед самой высадкой десанта у Сюрмене отдал приказ кораблям, прибывшим из Севастополя, покинуть воды этого

прибрежного района. Появился здесь «Султан Селим» с немецкой командой на борту — и высаживающуюся на берег 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду ждала гибель. Мог погибнуть и сам командующий Кавказской армией.

Вскоре Эбергард был снят с должности командующего флотом Черного моря и отправлен в почетную столичную ссылку. На то у Ставки Верховного главнокомандующего оказались серьезные причины. Правда, благоволивший к сыну русского консула в Греции император Николай II высочайшим указом назначил опального флотоводца членом Государственного совета и Адмиралтейств-совета.

На его место в Севастополь прибыл с Балтики начальник Минной дивизии вице-адмирал А. В. Колчак, снискавший большую популярность своими действиями в Рижском заливе и награжденный орденом Святого Георгия 4-й степени за проведение десантной операции в германском тылу у мыса Домеснес (Жалкасагс). С Колчаком у Юденича до самого конца их личного знакомства, в том числе и в ходе Гражданской войны, сложились отношения полного взаимопонимания. И что немаловажно — доверительного.

Турки сумели оказать сильное сопротивление только на западном берегу реки Карадеры. Отличился 19-й Туркестанский стрелковый полк полковника Б. Н. Литвинова, разбивший турок у Офа и взявший сильные неприятельские позиции у Буюк-Дере.

Затем стрелки-туркестанцы с боем овладели городом Дживизаликан к юго-западу от Трапезунда. Одна из рот этого полка под вражеским огнем сумела перебежать каменный мост через Карадеру, прежде чем неприятель успел его взорвать. В том бою были взяты в плен 2 тысячи султанских солдат-аскеро́в.

После того как была прорвана вражеская оборона, Приморский отряд через четыре дня занял без боя порт Трапезунд — современный турецкий город Трабзон. Его гарнизон без всякого сопротивления отступил в окрестные горы. Покинула город и часть его мусульманского населения в страхе перед «неверными».

За городом русские еще наступали по единственной идущей вдоль берега колесной дороге, но вскоре генерал Ляхов приказал остановить продвижение. Причина была одна — турецкое командование перебросило на линию реки Иска-

р-дереси значительные силы пехоты — до 41 батальона, из которых 31 заняли прибрежный участок, а остальные заняли в горах, которые грозно нависали над узкой приморской равнинной полосой.

На захваченной турецкой территории была создана русская военная администрация. Генерал-губернатором портового Трапезунда был назначен генерал Шварц, отличившийся в самом начале мировой войны защитой крепости Ивангород на польской земле и имевший немалый опыт обустройства крепостных районов.

«Гебен» все же появился у черноморских берегов Кавказа. В сопровождении подводных лодок он попытался было приблизиться к Новороссийску, но был встречен там русским линейным кораблем и отогнан в открытое море. Появившаяся в тот же день у берегов близ города Ризе германская подводная лодка была повреждена русским миноносцем, атаковавшим ее.

После взятия Трапезунда командующий Отдельной Кавказской армии доложил в Ставку императору Николаю II следующее:

«Город и порт Трапезунд взят отрядом генерала Ляхова. Считаю Трапезундскую наступательную операцию завершённой...»

Верховный главнокомандующий ответил телеграммой:

«Штаб Кавказской армии. Юденичу.

Поздравляю моих доблестных кубанских пластунов, стрелков-туркестанцев и генерала Ляхова с одержанной доблестной победой во имя России. Горжусь ими.

Николай».

В Ставке Трапезунду придавали самое серьезное значение. В первых числах мая в нем высаживается 5-й Кавказский корпус генерал-лейтенанта В. А. Яблочкина — 2 третьестепенные дивизии, сформированные в Малороссии близ города Мариуполя. Их перебросили на Кавказ по Черному морю. Генерал-лейтенант Ляхов получил повышение по службе и стал командиром 39-й пехотной дивизии.

Многие участники Трапезундской операции получили боевые награды — ордена и медали, золотое оружие с надписью «За храбрость», очередные воинские звания, денежные премии. Один из главных героев — командир 19-го Туркестанского стрелкового полка полковник Литвинов, получив-

ший тяжелое ранение, был награжден Почетным Георгиевским оружием, а затем — еще и военным орденом Святого Георгия 4-й степени.

Победа в успешно проведенной Трапезундской операции никак не отразилась на послужном списке командующего Кавказской армии и его боевых наградах. Более того, император стал проявлять недовольство генералом Юденичем.

Причина усматривалась одна. Николай II, стремившийся во всем выполнять союзнические обязательства перед Антантой, был недоволен «темпами» наступления русских войск на черноморском побережье восточной Турции. Ему казалось, что командующий Отдельной армией излишне осторожничают. Новые победы на Кавказе могли бы «прикрыть» перед Антантой неудачи в последних операциях на главном Восточном фронте.

Всероссийский монарх, на беду русской армии, никогда не отличался способностями военачальника. Правда, он сам это понимал и потому собственными высочайшими указами не рос в званиях, довольствуясь чином «рядового», но венценосного армейского полковника. На военных советах в Ставке он привычно молчал.

Юденич получил из могилевской Ставки не одну недовольную телеграмму. В них хорошо читались нотки раздражения Верховного главнокомандующего. Более того, эту высочайшую раздражительность передавал и великий князь Николай Николаевич-Младший уже в своих телеграммах из Тифлиса на фронт:

«В Сарыкамыш генералу Юденичу.

Срочно.

Не желая обращаться непосредственно к генералу Яблочкину, обращаю ваше внимание на невнимательное отношение к левому флангу 5-го корпуса, что считаю весьма необходимым. На этом фланге видно отступление вместо наступления. Я недоволен действиями пластунов. Не вижу связи, они действуют разрозненно и без руководства. Если командиры не обладают необходимыми способностями, то их нужно отстранить.

24. 6. 16. № 1769.

Генерал-адъютант Николай».

Результаты последних наступательных операций русской Кавказской армии союзники по Антанте — Россия, Великобритания и Франция — закрепили секретным соглаше-

нием в апреле 1916 года. Оно показало, как европейские державы делили то, что еще оставалось под властью некоего могущественной империи турок-османов.

В этом документе, в частности, отмечалось следующее:

«...Россия аннексирует области Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса до подлежащего определению пункта на побережье Черного моря к западу от Трапезунда. Область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сертом, течением Тигра, Джебзире-ибн-Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией и областью Мергевера, будет уступлена России, которая взамен признает собственностью Франции территории, заключенные между Ала-Дагом, Кесарией, Ак-Дагом, Ильдиз-Дагом, Зарой, Эгином, Харпутом. Кроме того, начиная от области Мергевера, граница арабского государства пойдет по линии горных вершин, отделяющих в настоящее время оттоманскую территорию от персидской...»

Приобретение порта Трапезунд заметно улучшило снабжение правого фланга Кавказской армии — здесь стала закладываться крупная тыловая база. Для ее прикрытия образуются Платанский укрепленный район, который занял 5-й Кавказский армейский корпус. Он был создан по инициативе Юденича, занявшимся реорганизацией подчиненных ему войск. Как показали последующие события на черноморском побережье, формирование нового корпуса явилось своевременной мерой.

В конце весны, когда просохли дороги в горах и еще не наступил летний зной, пришел в движение и русский Экспедиционный корпус генерала Н. Н. Баратова. Союзники настойчиво бомбардировали официальный Петроград и могилевскую Ставку просьбами нанести сильный удар в направлении Багдада, чтобы облегчить положение английских войск на иракском юге.

Однако наступление русского корпуса от персидского города Керманшаха на Месопотамию никак не отвечало стратегическим интересам Кавказской армии и потому не входило в планы ее командующего. В таком случае баратовские войска опасно отрывались от отрядов, прикрывавших левый фланг Кавказской армии.

Баратовский экспедиционный корпус имел в тот период значительные силы только в коннице — 65 кавалерийских

эскадронов и казачьих сотен. Пехоты имелось всего 8 батальонов и 2 ополченческие дружины. Из артиллерии — 36 орудий. Потому у Юденича с заместником Его Величества в Тифлисе состоялся разговор не из самых приятных:

— Ваше сиятельство, я имею возражения относительно наступления генерала Баратова от Керманшаха на Багдад.

— Какие, Николай Николаевич?

— Наш Экспедиционный корпус в Персии насчитывает на сегодняшний день по данным армейского штаба всего 9104 птыка, 9919 сабель и 504 офицера.

— Но это же немалые силы.

— В коннице — да. Но пехоты для такой глубокой операции явно недостаточно. Также есть и другие причины.

— Вы имеете в виду растянутость коммуникаций и малярию?

— Да, именно это. Через месяц, а то и меньше, корпусные лазареты будут переполнены больными малярией.

— Что вы предлагаете, как командующий армией?

— Не поддаваться на требования англичан и не ставить Баратову задачу на наступление этой весной.

— Что тогда вы считаете его задачей?

— Удержание занимаемых позиций близ Керманшаха, где здоровый горный климат и нет большой опасности малярии. Часть своих сил он будет действовать на Ван-Азербайджанском направлении.

— Николай Николаевич, думаю, что вам не стоит выступать против уже принятого решения Ставки оказать своими действиями помощь союзникам на юге Месопотамии.

— Но от этой операции выгод в стратегическом положении армии мы никаких не получим. Даже наоборот, линия фронта еще больше растянется.

— При согласии с вашими доводами настаиваю на выполнении решения Верховного.

— Но это далеко от реалий сегодняшнего дня.

— В Ставке смотрят на войну несколько иначе, чем мы смотрим на нее здесь, на Кавказе.

— Согласен. Но в Ставке никто не будет отвечать за наши неудачи и излишние людские потери.

— Как никто? А государь император?

— Всероссийский самодержец, как вы знаете, отвечает за войну на Кавказе только перед Господом Богом.

— Николай Николаевич, приказание Ставки нам надо выполнить.

— Хорошо. Выполним. Только от этого нам будет настолько хуже, насколько лучше союзникам-британцам.

— Кто знает! Приказ Баратову на операцию передайте сегодня же. И проследите за его исполнением, как командующий армией.

— Будет исполнено. Только помочь Экспедиционному корпусу пехотой я сейчас не в состоянии.

— Ничего, Баратов будет угрожать туркам у Багдада кавалерийским рейдом — в Месопотамии мало кавалерии.

— Согласен. Если ее Энвер-паша не перебросит из Сирии и самой Турции.

— Думаю, что у него такое просто не получится...

В силу известных причин генерал-лейтенант Баратов не мог держать большую часть своих сил на фронте, который он удерживал на линии Сенне, Алиабад, Хоррибад, — половина войск в тылу и резерве. Турки имели против него по фронту сил меньше — 4 пехотных батальона, 4 кавалерийских эскадрона и 20 орудий. Но у Ханекина и Мендели стояли значительные резервы, готовые нанести по русским сильный фланговый удар в случае их наступления от Керманшаха. С этим приходилось считаться.

К тому времени положение англичан на иракском юге стало еще более сложным, чем во время проведения Эрзерумской операции. Принятые в апреле английским корпусом попытки силами 4 дивизий на берегах реки Тигр деблокировать осажденную турками крепость Кут-эль-Амара, занятую войсками генерала Таунсенда, успеха не имели.

К тому времени командир осажденных британцев официально оповестил Лондон, что запасы провианта у него подходят к концу и если его не деблокируют, то он сдастся в плен неприятелю. Вот почему правительство Великобритании так настойчиво требовало удара баратовского корпуса по Багдаду.

28 апреля, после 147-дневной осады, британские войска капитулировали и в плен к туркам попали 5 генералов, 3 тысячи английских солдат, 7 тысяч индусских солдат и 3300 военнослужащих частей обслуживания. Стамбул пришел в ликование. Еще бы — военное поражение было нанесено самой Британской империи на фоне неудач султанских армий на других фронтах.

Командующий Кавказской армией был вынужден отдать генералу Баратову приказ о наступлении. Русские с боем заняли город Каср-и-Ширин, захватив там громадные запасы военного имущества противника. Турки были оттеснены к городу Ханекин и отошли с персидской территории в пределы Ирака.

Но большего Баратов со своими 8 пехотными батальонами на линии фронта в 800 верст сделать просто не мог. Англичане же требовали от русской пехоты силой в два полка то, чего не смели требовать от своих 4 дивизий на берегах Тигра.

Баратов отправил для связи с англичанами разведывательную сотню казаков-кубанцев сотника Гамалея. Та провралась с боями через территорию расселения враждебно настроенных курдских племен и прибыла к союзникам. Но англичане, как говорится, даже пальцем не пошевелили для установления непосредственного контакта с русскими на границе Персии и Месопотамии.

Когда об этом и многом другом в поведении союзников англичан было сообщено Баратовым в штаб Кавказской армии, Юденич связался по радио с командиром русского Экспедиционного корпуса:

— Николай Николаевич, поздравляю с успехом. Как ведут себя турки после ухода из Каср-и-Ширин?

— Отошли к Ханекину. По данным разведки у них там скопилось много пехоты.

— Как ведут себя союзники по ту стороны границы?

— Как и прежде. Общаться с союзниками в войне никак не хотят.

— Что сообщает сотник Гамалей?

— То же самое.

— В таком случае приказываю вам приостановить наступление. В Месопотамию силами корпуса не входить ни под каким предлогом. Не увлекаться даже преследованием разбойных курдов.

— Тогда какие задачи ставит передо мной штаб армии?

— Укрепиться в Каср-и-Ширине и к западу от него.

— Задача понятна. Что еще будет приказано?

— Вести денно и ночью дальнюю и ближнюю разведку.

— Будет исполнено.

— Сообщаю, что в Месопотамии произошла смена командующего 6-й турецкой армией. Командовавший ею германский фельдмаршал фон дер Голь-паша на днях умер от тифа.

— Кто заменил его?

— Известный вам Халиль-паша.

— Есть ли в штабе Кавказской армии данные о силах турок в Месопотамии?

— Есть и довольно достоверные.

— Что держат турки против англичан против Кут-эль-Амара?

— Только один слабый 18-й армейский корпус в 16 тысяч человек. Против вас, Николай Николаевич, действует по приказу Халиль-паши 13-й корпус. Он заметно сильнее 18-го.

— Сколько в нем сил?

— По явно неполным данным 25 тысяч бойцов и 80 орудий.

— Но турецкие аскеры — это не мои стрелки и казаки. Ваше превосходительство, прошу разрешения нанести удар по Ханекину. Считаю, что есть надежда его взять у турок.

— Вы реально рассчитали свои возможности?

— Да, надеюсь на успех.

— Тогда атаку города Ханекина разрешаю. В случае успеха вам ставится задача удержать его.

— А если мы не возьмем Ханекин?

— В случае неудачи разрешаю отход на прежние позиции.

— Приказ понят...

Ранее удачливый Баратов на сей раз явно переоценил свои силы и возможности. Турки атаку русских на город Ханекин отразили и сами перешли в наступление, войдя на территорию Персии. Они захватили сперва Керинд, а затем и важный по положению город Керманшах, но дальше им продвинуться не удалось.

Когда командующего Кавказской армией запросил из Ставки начальник штаба генерал Алексеев о причинах отхода баратовского корпуса, Юденич ответил предельно кратко:

— Экспедиционный корпус отошел не под давлением турок.

— Как это надо понимать, Николай Николаевич?

— Наши войска оказались в непривычном для себя маловодном и выжженном солнцем районе Ханекина. Только от солнечного удара погибло очень много людей. Пошел падеж конского состава.

— Но ведь такое можно было предвидеть.

— Предвидели и докладывали о том в Ставку.

— Николай Николаевич, могу только сказать, что требования союзников к России государь считает обязательными для выполнения.

— Но тот же Ханекин показал, что англичане на юге Месопотамии даже с места не сдвинулись.

— Мы об этом запрашивали Лондон. Там сослались на трудности боев на берегах Тигра.

— Тогда какие могут претензии к генералу Баратову, Михаил Васильевич? Ведь он мой прямой подчиненный.

— У Ставки нет претензий к вам. Только будьте, пожалуйста, в следующий раз предупредительнее во взаимоотношениях с англичанами на вашем театре войны.

— Хорошо. Я учту ваш добрый совет...

Баратов отвел войска Экспедиционного корпуса в более здоровые по климату горные районы. Если в боях с турками за май месяц он потерял всего 460 человек, то от болезней и прежде всего от малярии — 2430 человек, больше трети всего боевого состава корпуса. Некоторые батальоны и сотни напоминали собой малярийные лазареты.

Англичане содействия наступлению русских на город Ханекин не оказали. Это дало право командующему Кавказской армии подтвердить свой приказ на отступление от границ Месопотамии в случае неудачи, что генерал Баратов и исполнил.

Опасаясь контрударов неприятеля, генерал Юденич приказал постоянно вести разведку с воздуха. Летчики имели возможность не только наблюдать за передвижениями турок с малых высот, но и фотографировать их войсковые колонны на дорогах в горах, а артиллерийские батареи на занимаемых позициях.

10 апреля армейские воздухоплататели донесли, что ими обнаружено передвижение крупных частей турецкой пехоты и конницы в направлении на Харпут. Было отмечено передвижение и нескольких батарей полевых орудий.

Как выяснилось позже, султанское командование решило вернуть себе Эрзерум, хотя к тому времени разгромленная 3-я неприятельская армия своих сил еще не восстановила. Новый ее командующий генерал-лейтенант Вахиб-паша торопился отличиться перед султаном. Но его затея вызывала энтузиазм разве что у германских советников.

В лице прибывшего из Стамбула генерала у Юденича появился действительно серьезный противник. Это был младший брат Эсад-паши, известного турецкого военачальника, прославившегося защитой города Янины во время Первой Балканской войны 1912–1913 годов. Вахиб-паша, по данным разведывательного отдела штаба Отдельной Кавказской армии, относился к новому поколению «европеизированных» султанских военачальников. Сам фон Сандерс придерживался о нем высокого мнения.

Со вступлением Турции в Первую мировую войну Вахиб-паша был назначен командующим хорошо оснащенной и обученной германскими инструкторами 2-й армии, которая находилась в стратегическом резерве Верховного командования Турции и квартировалась в европейской части Турции, прикрывая собой столицу. В марте паша принял командование 3-й султанской армией.

Вахиб-паша настоял перед султаном, военным министром и Генеральным штабом на значительном увеличении сил вверенной ему армии, уже дважды за войну оказавшейся разгромленной русскими. В мае она получила значительные подкрепления (их собирали всюду, где только можно), и число дивизий в ней было доведено до пятнадцати. В состав 3-й турецкой армии влились новые корпуса — 5-й и 12-й.

Когда о том армейская разведка донесла, встревожился не только юденичский штаб, но и могилевская Ставка. На Кавказе назревали новые серьезные события. Становилось ясно: Вахиб-паша попытается вырвать из рук противника давно утерянную Турцией стратегическую инициативу.

Генерал Юденич не стал медлить с контрмерами. По его распоряжению 5-й Кавказский армейский корпус упредил неприятеля, нанеся удар на Гюмиш-Хене и в направлении города Эрзинджана. Начали активные действия и другие корпуса. В ходе наступательных усилий русских завязалась упорная борьба за Байбурт, Килькит и особенно важный из стратегических соображений Эрзинджан.

К началу этих сражений Отдельная Кавказская армия заметно прибавила в силах и в военно-техническом оснащении. Когда командующий в середине мая 1916 года попросил начальника своего штаба доложить о боевом составе подчиненных ему войск, тот положил на стол следующий документ:

«Совершенно секретно.

Списочный состав Отдельной Кавказской армии:

Пехотных батальонов — 183 и одна отдельная пехотная рота.

Дружин государственного ополчения — 49.

Казачьих сотен и кавалерийских эскадронов — 175.

Пулеметов — 675. (Преимущественно системы «Максим»).

Орудий различных артиллерийских систем — 470 (полевых, горных, осадных).

Инженерных рот — 26.

Авиационных и воздухоплавательных отрядов и рот — 4.

Автомобильных и мотоциклетных команд и рот — 6.

Броневых автомобилей — 9.

Всего личного состава:

Штыков — 207 293.

Сабель — 23 220...»

Ознакомившись с документом и привычно расписавшись в левом верхнем углу, командующий спросил начальника штаба:

— На какое число данные?

— На 18-е число мая месяца.

— Прибавление к этим силам в ближайшее время ожидается?

— Нет. У Ставки теперь все внимание отдано Галиции и Прибалтике. Подготовленные резервы и боевая техника идут туда, Кавказу перепадает совсем мало.

— Что известно разведотделу о составе 3-й турецкой армии на настоящее время?

— По нашим данным в ней сейчас насчитывается 206 батальонов пехоты и 45 эскадронов кавалерии.

— По людям, выходит, мы примерно равны с турками.

— Да.

— Отмечено ли появление у турок большого числа немецкого оружия, боеприпасов?

— Пока нет, но ожидается в самое ближайшее время. Такова информация от пленных.

— Что известно о курдской коннице?

— В курдских племенах теперь не очень охотно собирают конные ополчения.

— Какова же ее численность в составе 3-й армии?

— Оценка различных источников колеблется от 7 до 10 тысяч всадников, все так же плохо обученных и плохо вооруженных. Дисциплины не знают по сей день.

— Это хорошо. Но для диверсий в горах и в нашем тылу лучше людей Вахиб-паше сыскать трудно.

— После многих поражений курды сейчас воевать идут не очень-то охотно.

— Почему?

— Мы наказываем племена за проведенные их воинами разбои — отнимаем овечьи стада.

— Помогает такая мера?

— Еще как: голод — не тетка...

Бои вокруг Байбурта, Килькита и Эрзинджана, упорство и настойчивость турок и прежде всего их военачальников свидетельствовали: в Стамбуле не без наставлений из Берлина и Вены и поддакивания со стороны германской военной миссии фон Сандерса решили 1916 год сделать переломным в борьбе за Кавказ. Для этого султанское высшее командование сделало действительно очень много.

Прежде всего на помощь 3-й армии Вахиб-паше пришла с берегов Дарданелльского пролива хорошо подготовленная и еще не знавшая в войне ни малых и тем более больших поражений 2-я турецкая армия. Первое известие об этом в штабе Кавказской армии восприняли с немалой озабоченностью: одно дело воевать против одной неприятельской армии, другое — против двух.

— Николай Николаевич, только что получена депеша из Ставки Верховного за подписью генерала Алексева. Он сообщает, что турки начали переброску на Кавказ своей 2-й армии.

— В телеграмме указывается источник информации?

— Да, стало известно от агентурной разведки. Скорее всего такая информация поступила по дипломатическим каналам из самого Стамбула.

— Это серьезно и даже очень.

— Известно, что эта армия формировалась из отборных войск для защиты Стамбула и черноморских проливов.

— Кто на сегодня ею командует?

— Мушир Ахмед-Иззет-паша.

— Которого сегодня в Турции величают Дарданелльским победителем?

— Да.

— Что известно о его предшествующей деятельности?

— Ему 52 года, большой стаж службы в султанской армии. Во время Первой Балканской войны 1912 года занимал пост начальника Генерального штаба, во Второй 1913 года — так называемой Межсоюзнической — был главнокомандующим турецкой армией. В действиях против болгар показал себя хорошо. Но фигура маршала примечательна не только этим.

— Чем еще?

— Выступал и довольно твердо против вступления Турции в эту войну.

— Любопытно. А чем мушир интересен еще?

— В отличие от военного министра Энвер-паши и почти всего турецкого генералитета никогда активно не участвовал в политической деятельности.

— Это уже позиция военного человека, настоящего службиста. Армия прибывает от Дарданелл?

— Да, переброска начата оттуда.

— Какие предположения делает Ставка и армейский штаб относительно места дислокации армии Иззет-паши на Кавказе?

— Ее переброска от пролива Дарданеллы начата по Багдадской железной дороге. Это уже установлено достоверно. Можно с уверенностью говорить о том, что она появится на левом фланге нашего фронта.

— Как скоро новая турецкая армия окажется в местах дислокации? Ваш прогноз?

— Не скоро.

— Причины?

— Сосредоточение армии и ее стратегическое развертывание будет задержано тем, что ее войскам придется идти походным маршем до позиций в горах от железнодорожных станций. А это от 250 до 600 километров. Возможно, к августу вся армия будет на месте.

— Значит, у нас будет время подготовиться к встрече Иззет-паши. Это уже хорошо.

— Да, время позволит провести перегруппировку части сил армии.

— Известен ли состав 2-й армии?

— По нашим данным в ней на сегодняшний день четыре

армейских корпуса: 2-й, 3-й, 4-й и 16-й. Но присутствие на Кавказе 3-го корпуса турок пока под вопросом.

— Сколько достоверно установлено дивизий, прибывающих сюда?

— Точно семь.

— Кто начальник армейской штаба?

— Полковник Исмет-бей. В штабе есть германские советники.

— Численность армии хотя бы примерно известна?

— Известна довольно точно — 78 тысяч человек. Ожидается, что на месте она пополнится курдской конницей. Но больше 10 тысяч курдов турки собрать не смогут.

— Артиллерия?

— Число орудийных стволов по нашим подсчетам около сотни. Много новейших с заводов Круппа. Но горной артиллерии в армии пока нет.

— Пока нет, но будет обязательно.

— Первые бои покажут ее наличие или отсутствие у турок.

— Продолжайте собирать информацию о новой турецкой армии: задействуйте воздушную и агентурную разведку, запросите дополнительные сведения у штаба Верховного.

— Будет исполнено, Николай Николаевич...

Верховное командование Турции откровенно торопило события на Кавказском фронте. Прибывшая новая, 2-я армия мушира Ахмета Иззет-паши заняла линию фронта между населенным пунктом Харапут и озером Ван. Обосновавшись, турки сразу же повели по всему фронту разведку боем, стремясь собрать как можно больше информации о противостоящих им силах русских. Это им удавалось, благо они всегда могли опереться на содействие местного мусульманского населения.

Пленные, словно сговорившись, утверждали одно — их командующий говорит только о скором и победном наступлении на русских. По всему чувствовалось, что настрой солдат-аскеров и офицерского состава армии боевой. Пораженческий дух отсутствовал напрочь, чего никак нельзя было сказать о личном составе 3-й турецкой армии. В этом между армиями была огромная разница, что и показали последующие события.

Появление новых султанских войск повлияло на ситуацию в Курдистане. Было установлено через лазутчиков, что

в прибывающую 2-ю армию на месте влилось сразу же 7 тысяч курдской конницы. Таким образом племена курдов в своем большинстве снова решили поучаствовать в мировой войне.

Новая неприятельская армия заняла сравнительно небольшой участок линии фронта в сто километров с сильно пересеченной горной местностью. Но Юденича тревожило другое — опытный полководец Ахмет Иззет-паша встал своими войсками против стыка 1-го и 4-го Кавказских корпусов. Уже одно это таило в себе немалую опасность при массированном атакующем ударе турецкой стороны.

Боевой порядок 3-й турецкой армии заметно уплотнился, она тоже получила значительные подкрепления. Стало известно, что перед Вахиб-пашой поставлена задача перейти в наступление на линии: берег Черного моря — горная область Дерсим, южнее города Эрзинджана. Тем самым задумывалось сковать силы русских на главном, эрзинджанском, направлении.

Еще до общего перехода в наступление на Эрзинджанском направлении Вахиб-паша решил ликвидировать так называемый Мамахатунский выступ на линии фронта. Мамахатун обороняла 4-я Кавказская стрелковая дивизия и, когда на нее обрушились сразу два турецких армейских корпуса — 9-й и 11-й, она с боями отошла.

Потеря Мамахатуна серьезно озаботила Юденича. Он понял эту схватку как предвестие большого неприятельского наступления. Когда же турки попытались продвинуться дальше на Эрзерум, то их остановила быстро подтянутая к месту боев 39-я пехотная дивизия, имевшая славу одной из лучших в Кавказской армии. Ее полки успешно отразили пять массированных атак неприятеля.

Под Мамахатуном ни один из полков Вахиб-паши не смог повторить подвиг воинов 153-го пехотного Бакинского полка, которым командовал полковник Масловский. В боях 21, 22 и 23 мая русские пехотинцы-бакинцы остановили атакующие 17-ю и 28-ю вражеские дивизии (!) и отразили две сильные атаки турецкой кавалерии. В последних случаях бакинцы всем полком вели залповый огонь в упор стоя и с колена, как на зачетном учении.

153-й пехотный Бакинский полк в тех боях покрыл себя славой, но и понес тяжелые потери — за три дня жарких бо-

ев он лишился 21 офицера и 900 нижних чинов. Когда командующему армией доложили о подвиге бакинцев, Юденич приказал:

— На каждую пехотную роту полка Масловского выдать по четыре наградных Георгиевских креста. Каждого ротного офицера представить к ордену.

Схватка за Мамахатун была предвестником больших событий. Командующий Кавказской армии требовал от своих военачальников усилить ведение разведки. Об этом же он попросил и Ставку Верховного. В Турцию, прежде всего в Стамбул, были направлены опытные агенты. Их информация оттуда удивляла тем, что она во многом отличалась от той, что передавала России британская разведка на Ближнем Востоке через английский Генеральный штаб.

В связи с этим в юденичском штабе царило «непонимание» ожидаемых событий. Но все изменил один случай. В начале июня Юденича перед самым рассветом разбудил оперативный дежурный штаба армии:

— Николай Николаевич, из Огнота получена срочная радиодиаграмма на ваше имя.

— Что там случилось, докладывайте.

— На позиции нашей передовой заставы перед Огнотом вышел майор турецкого Генерального штаба и добровольно сдался в плен.

— Кто он по должности?

— Начальник оперативного штаба 3-го корпуса 2-й армии.

— Оперативник-штабист армии Ахмета Иззет-паши? Вы правильно расшифровали радиодиаграмму?

— Точно так, Николай Николаевич. Шифровальщики проработали радиодиаграмму без ошибок.

— Перебежчик назвал причины сдачи в плен?

— Да. Майор по национальности черкес, его отец-эмигрант родом с берегов Лабы. С детства подвергался насмешкам и обидам со стороны турок. В султанской армии его унижали так же, как и в гимназии и военном училище. Поэтому он и стал помышлять о переходе на сторону русской армии.

— Чем этот перебежчик подкрепил свое стремление перейти на нашу сторону?

— Он принес с собой корпусные оперативные документы, приказы мушира Иззет-паши, шифровки из Стамбула, из

Генерального штаба Турции, другие интересующие нас документы.

— Их подлинность в Огноте проверена?

— Да, через переводчика.

— Тогда прикажите немедленно отправить в Огнот аэроплан за этим майором и его документами.

— Будет исполнено, ваше превосходительство. Какие еще будут приказы на сей счет?

— Передайте за моей подписью шифровки в штабы корпусов, дивизий и отдельных отрядов: проверить показания перебежчика и данные доставленных им документов боевой разведкой и захватом контрольных пленнх.

— Николай Николаевич! У вас есть основания не доверять этому черкесу?

— Да, есть. В разведке у турок тоже сидят не дураки...

Перебежчик из Огнота был незамедлительно доставлен в штаб Кавказской армии. Подлинность оперативных документов, «покинувших» таким неожиданным способом штаб 3-го турецкого корпуса, сомнений не вызывала. Они, равно как и показания майора, свидетельствовали об одном — на Эрзинджанском направлении султанским командованием готовится широкое наступление с привлечением всех полевых войск и курдской племенной конницы.

Все же умудренный опытом войны Юденич решил перестраховаться. Турки, вероятно, были немало удивлены тем, что за несколько ночей по всей линии фронта русской разведкой было взято не один десяток пленнх. Кроме того, где пехотной ротой или батальоном, где казачьей сотней русские войска провели разведку боем, стараясь прежде всего вызвать на себя огонь турецких батарей и пулеметчиков, ранее не установленных визуальным наблюдением.

И показания «контрольных» пленнх, и результаты разведок боем только подтверждали показания перебежчика и доставленных им документов. Сходство полученной информации казалось удивительным.

Теперь у Юденича сомнений в том, что генерал-лейтенант Вахиб-паша и маршал Ахмет Иззет-паша решились на сильный удар, больше не осталось. Требовалось принять самые срочные контрмеры, хотя времени на то оставалось немного.

Вахиб-паша, зная, что прибывшая на Кавказ 2-я турецкая армия уже отвлекла на себя значительные силы против-

ника, решил нанести удар на трапезундском направлении в стык русских 5-го Кавказского и 2-го Туркестанского корпусов. По плану военачальника султана на этом участке плотность пехоты турок должна была составлять на один километр в два с половиной раза больше, чем у войск России. То есть полбатальона против роты.

Такое соотношение сил на участке прорыва сохранилось до самого дня наступления турок, несмотря на то, что Юденич усилил 5-й Кавказский корпус семью пехотными батальонами из армейского резерва, а некоторые полки корпуса довел до четырехбатальонного состава. Неприятель все равно имел ощутимое превосходство в месте прорыва: 27 турецких пехотных батальонов прорывали фронт 12 батальонов обороняющихся русских.

В начале июня 3-я турецкая армия перешла в наступление, но не по всей линии фронта, как это ожидалось. Главный удар наносился свежими 5-м и 10-м корпусами долиной Диман-Су в направлении на Трапезунд через Оф. Туркам удалось вклиниться в стык между русскими корпусами.

Однако развить прорыв им не удалось: аскеры скоро «споткнулись» о стойкость 19-го Туркестанского стрелкового полка полковника Литвинова. Его бойцы в течение двух суток (!) держали мертвой хваткой две галлиполийские пехотные дивизии врага, не давая им даже на версту продвинуться вперед.

Из 60 офицеров и 3200 рядовых солдат и унтер-офицеров полковник Литвинов после двухсуточного боя недосчитался 43 офицеров и 2069 нижних чинов. Перед его позициями осталось лежать 6 тысяч атаковавших турок-пехотинцев. Но тот бой туркестанских стрелков был славен не только цифрами поверженного врага.

В рукопашной схватке стрелками был поднят на штыки начальник 10-й вражеской дивизии: не простой дивизионный генерал, а сын султана Абдул Гамида. Его телохранители не смогли уберечь османского престолонаследника, решившего добавить к своему монаршему имени воинскую славу.

Судьба командира 19-го полка в последующем сложилась трагично. Летом 1917 года полковник Литвинов назначается начальником 1-й Закавказской пехотной запасной бригады, в которой он должен был восстановить пошатнувшуюся дис-

циплину. В конце года он был арестован, но вскоре освобожден своими туркестанскими стрелками. Уехав во Владикавказ, Литвинов тщательно подготовил там восстание терских казаков против 11-й Красной Армии. После соединения с белой Добровольческой армией, по своей просьбе он назначается командиром Туркестанского отряда и принимает самое активное участие в Гражданской войне в Закаспийской области. Получил чин генерал-майора, будучи командиром Закаспийской стрелковой дивизии.

В эмиграции Литвинов проживал в Белграде и симпатиями к новой власти в оставленном Отечестве не отличался. В 1945 году 73-летний бывший белый военачальник был выдан правительством И. Б. Тито СССР, попал в концентрационный лагерь, где вскоре погиб.

Подвиг 19-го Туркестанского стрелкового полка позволил корпусным командирам генералам Яблочкину и Пржевальскому произвести перегруппировку своих войск и тем самым прикрыть угрожаемые направления. Положение таким образом было спасено. Генерал Юденич приказал армейским корпусам — 5-му Кавказскому и 2-му Туркестанскому провести серию контратакующих ударов. После этого наступавший порыв неприятеля на Трапезундском направлении иссяк.

Юденич быстро организовал ответное наступление на 3-ю султанскую армию. Туркам пришлось откатиться на исходные позиции. В ходе боев был разбит их элитный полк. Его знамя стало почетным трофеем 490-го пехотного Ржевского полка. Много стамбульских гвардейцев попало в плен, одним своим видом поражая русских солдат: каракулевыя шапки, изношенные сапоги, мундиры из добротного сукна...

Проведенная Эрзинджанская наступательная операция закончилась полным успехом русского оружия. Ее выполнение легло на плечи 1-го Кавказского корпуса генерала Калитина. По его приказу Сибирская казачья бригада проникла в неприятельский тыл на Сивасском шоссе у Михор и вызвала панику в обозах турок.

Действия на правом фланге обходных калитинских войск — 4-й Туркестанской стрелковой бригады и 4-й Кубанской пластуной бригады — принудили противника, оборонявшегося на правом берегу реки Северный Евфрат, поспешно отойти к западу и очистить город Эрзинджан.

Первыми ворвались в него пехотинцы-дербентцы, форсировавшие реку Мурад-чай по грудь в ледяной воде.

Счастье и удача на войне в который уже раз отвернулось от 3-й турецкой армии. Кавказская армия нанесла ей очередное тяжелое поражение. Части султанских войск только пленными потеряли 17 тысяч человек.

Русские летом восстановили прежнее положение у Мамахатуна, вернув его обратно. Бои носили крайне кровопролитный характер. Среди отличившихся в очередной раз оказался пехотный Бакинский полк, который взял в плен 63 офицера и 1,5 тысячи аскеров, захватил два орудия. Под Мамахатуном всего в плен сдалось 4 тысячи турок.

Битва за возвращение Мамахатуна вошла в историю Первой мировой войны как одна из самых блистательных конных атак в исполнении двух казачьих полков. Вот как описывает ее в белоэмигрантском информационном листке Кубанской канцелярии («Вольная Кубань», 1930, Белград) один из участников — есаул Ширай, тогда прапорщик, младший офицер одной из сотен 1-го Таманского казачьего полка, контуженный в том бою разрывом снаряда:

«25 июня 1916 года 1-й Кавказский корпус генерала от кавалерии Калитина перешел по всему фронту в наступление. 1-я конная бригада 5-й Кавказской казачьей дивизии генерала Колесникова, входившая в группу генерал-майора Ляхова, после занятия Мамахатуна двинулась на Эрзинджан.

6 июня утром бригада заняла селение Юхоон-Лори, оставленное турками без боя, и, не задерживаясь, двинулась дальше к селению Аик, где по данным разведки противник занимал окопы по хребту, включая и село Аик. Командир бригады решил немедленно же атаковать в конном строю сидящую в окопах турецкую пехоту, не ожидая подхода нашей артиллерии и пластунов, шедших в четырех верстах правее бригады.

Командирам полков было приказано выдвинуть вперед от каждого полка по две сотни и атаковать ими неприятеля. От 1-го Таманского полка были назначены 1-я (в ней тогда числился младшим офицером прапорщик Ширай. — А.Ш.) и 3-я сотни, от 1-го Кавказского — 2-я и 6-я. В назначенных в первую линию сотнях было около 120 пашек (в каждой казачьей сотне. — А.Ш.).

Местность версты на две до окопов была ровная, покрытая пшеницей. Посреди, параллельно хребту, занятому турками, протекала небольшая речушка. За речушкой, на версту, местность ровно поднималась к самому селу Аик.

Было 7 часов вечера, солнце уже село за гору, но его заходящие лучи еще окрашивали небо, когда назначенные сотни по знакам своих командиров развернулись в лаву. Пошли рысью. Таманские сотни шли правее кавказцев.

Изредка стали посвистывать пули и сотни прибавили аллюр. Пули стали свистеть все чаще. Заклокотали до того молчавшие турецкие пулеметы, пролетели и разорвались первые снаряды гаубичной батареи. Раздалась команда: «Пашки вон!» и «Наметом!»

Защелкали разрывные пули, дававшие синеватые вспышки в наступивших сумерках.

Сотни были взяты в работу с трех сторон. От щелканья разрывных пуль, трескотни пулеметов, разрывов снарядов ничего не было слышно. Сотни несли крупные потери. Но лихих таманцев и кавказцев уже ничего не могло остановить. С доблестными командирами впереди они дорвались до турок и с лихвой возместили им свои потери. Аик был взят.

В то же время бригада совместно с пластунами ликвидировала скопившуюся на правом фланге атаковавших сотен сильную угрозу в виде появившейся новой турецкой пехоты.

В полной уже темноте все было кончено. Казаки еще раз поддержали свою старую славу...»

Действительно, та конная атака оказалась удивительной по исполнению и конечному, победному результату. Но тому бою предшествовала «телеграфная переписка» командующего Отдельной Кавказской армии генерала Юденича и командира казачьей бригады полковника Колесникова.

Дело обстояло так. Бригада из двух кубанских казачьих полков, пройдя долину Лори Дараси (Долина Роз), оказалась остановленной большими силами турецкой пехоты, укрепившейся на горном хребте. Полковник Колесников, выставив сторожевые дозоры, укрыл бригады в горном провале и доложил по радио командованию о сложившейся ситуации.

— Что мне будет приказано делать?

Ответ пришел почти сразу же, за подписью самого командующего Кавказской армией:

— Бригаде с боем двигаться вперед.

Генерал Колесников был готов исполнить полученный приказ, но оба командира полков энергично запротестовали. После долгих пререканий бригадный начальник уступил и от его имени командиру армии была послана радиogramма:

— До подхода нашей артиллерии и проведения подготовительного огня движение бригады вперед невозможно.

На вторую радиogramму ответ от генерала Юденича пришел еще быстрее, чем на первую. Это была даже не просто радиogramма, а целое послание:

«Сибирская казачья бригада весь свой боевой путь продельвает по тылам турок. Сибирские казаки — наши гости здесь, на Кавказе, и они отлично применились к боевой обстановке ранее им неведомых мест, в то время как своя же, Кавказская бригада кубанских казаков, идет только обыкновенным путем в силу приказа или устава. Приказываю двигаться вперед и атаковать турок. Юденич».

Приказ командующего Кавказской армией конная бригада выполнила одной-единственной атакой, в которой участвовали все ее 1500 пашек. Турецкая пехота была сброшена с вершины горного хребта лобовой конной атакой и большей частью истреблена в ходе преследования по долине Лори Дараси...

Мушир Ахмед Иззет-паша торопился поддержать своим наступлением Вахиб-пашу. Но в его планы вмешались стратегические расчеты германских советников: по срокам они явно поспешили передислоцировать с берегов Дарданелл 2-ю армию. При этом не брались в расчет пропускные способности железнодорожных магистралей. Новая армия развернулась на отведенных ей позициях не в апреле, а лишь в конце июля, с опозданием в два с половиной месяца.

Войска свежей турецкой армии смогли перейти в наступление только в первых числах августа. Раньше других прибыл на новое место 16-й армейский корпус подлинного героя битвы за Дарданеллы генерала Мустафы Кемаль-паши, будущего президента Турецкой Республики Ататюрка¹⁶ — «Отца турков». Не случайно после разгрома англо-французского десанта на Галлиполийском полуострове жители Стамбула встречали его как спасителя столицы.

На Кавказе оваянному дарданелльской славой Кемаль-паше довелось даже короткий срок весной 1917 года коман-

довать 2-й турецкой армией. Но вскоре он по решению Стамбула был отправлен на Сирийско-Палестинский фронт, который к концу войны, что говорится, «затрепал по швам».

Сосредоточив наконец-то на исходных позициях свой корпус, маршал Ахмед Иззет-паша обрушился на защищаемые русскими Огют и Битлис. Особенно тяжелые бои завязались на левом фланге 1-го Кавказского корпуса, в горах Турецкой Армении.

Генерал Юденич решил дать наступающему противнику встречное сражение, то есть повторить, но в новом исполнении, победную Евфратскую операцию. В район Киги он перебросил ускоренным маршем две пехотные дивизии только что сформированного 6-го Кавказского армейского корпуса, командование которым было поручено генерал-лейтенанту Д. К. Абадиеву.

У селения Киги, в районе озера Ван прошли исключительно тяжелые для сторон встречные бои. Туркам в конце концов пришлось отступить. Близ города Хане русские войска охватили полки 4-й турецкой дивизии и нанесли им полное поражение. В плен попали 11-й пехотный (50 офицеров и 1600 солдат) и остатки 10-го пехотных полков. После этого разгрома вражеская дивизия, как таковая, перестала существовать.

Был с боем возвращен обратно город Муш, отданный было неприятелю. 16-й корпус Мустафы Кемаль-паши, успешно наступавший на левом фланге, был смят русскими и стал отходить. У селения Раята 4-я Кавказская казачья и Своднопограничная (составленная из кавказской пограничной стражи) дивизии в трехдневных боях уничтожили турецкую пехотную дивизию, которая теперь оставила в списочном составе 2-й султанской армии только свое наименование.

Планы мушира Ахмед Иззет-паши оказались разрушенными в самом начале их осуществления. А планы были далеко идущие, да еще утвержденные на самом высоком уровне в Стамбуле — намечалось овладеть Эрзерумом. Контрудара кавказских войск генерала Юденича начавшие было наступление две султанские армии не выдержали и очередную битву им проиграли вчистую. Да иного исхода и трудно было ожидать в том противостоянии.

Попытки Стамбула изменить ситуацию на Кавказе наступлением сперва 3-й, а затем 2-й армия выглядели достаточно авантюрными поступками правящей тройцы — номи-

нального главнокомандующего на войне султана Мехмеда V, фактического главнокомандующего военного министра маршала Энвер-паши и начальника штаба германского генерал-лейтенанта Бронзарта фон Шеллендорфа.

В ходе русского контрнаступления турецкие армии понесли такие большие потери, что пришлось некоторые корпуса преобразовать в дивизии, а дивизии — в полки. К концу 1916 года 3-я армия насчитывала всего около 36 тысяч пехотников, 2-я — 64 тысячи. Эти данные и доложил генерал Юденич Верховному главнокомандующему императору Николаю II:

— Ваше величество, докладываю о результатах Эрзинджанской операции. Задача выполнена, город Эрзинджан взят.

— Поздравляю с победой, Николай Николаевич. Из Парижа и Лондона на сей счет мне уже пришли поздравительные телеграммы. Какое настроение в войсках?

— Победное, ваше величество. Сейчас усилили натиск на 2-ю турецкую армию. Ее корпуса отступают перед нами по всей линии фронта.

— Данные о турецких войсках у вашего штаба имеются?

— Да. По оперативным данным сейчас в составе армии Кемаль-паши всего 78 батальонов пехоты, у Иззет-паши осталось 64 батальона.

— Почему столько? Ведь еще весной они вместе имели 309 пехотных батальонов.

— Больше половины из них или уничтожена, или разбежалась, или передана на доукомплектование. Такая же картина и в турецкой кавалерии.

— Как вели себя те 14 новых турецких дивизий, что прибыли на Кавказ с Дарданелл?

— Сражались храбро. Но тоже ни одна из них не избежала разгрома.

— Весьма похвально. Ведь именно эти дивизии разгромили десант союзников у проливов.

— Выходит, наш русский солдат оказался крепче британского и французского.

— Начальник штаба Ставки генерал Алексеев мне докладывал, что курды покидают султанскую армию.

— Да, ваше величество, это действительно так. Из противостоящих мне армий ушло две трети племенной курдской конницы.

— Как на это реагирует командование противника?

— Пытается применить против дезертиров жесткие меры. Но результат обратен — в области Дерсим сейчас идет сильное выступление племен курдов против турок.

— Вы установили контакт с восставшими племенами? Они могут стать вашими союзниками в войне.

— Такая задача поставлена мною командиру 6-го Кавказского корпуса генералу Абадиеву.

— Николай Николаевич, Ставка довольна ходом войны на Кавказе. Чем сейчас занимается ваш штаб?

— Планированием военной кампании следующего года.

— Помните, что главная задача Кавказской армии остается прежней.

— Ваше величество, Кавказская армия не допустит появления Турции в Закавказье...

К началу сентября Кавказская армия вышла на рубеж Элхеу, Эрзинджан, Огнот, Битлис, озеро Ван, где и установилась новая линия фронта. Возникла стратегическая пауза. Русские войска подустали в ходе контрнаступления в горах, и им настоятельно требовался отдых.

Началось планирование кампании 1917 года — Первая мировая война, которую в генеральных штабах стран-участниц задумывали закончить победой в один всего календарный год, затягивалась. Воюющие стороны больше всего беспокоило то, что все затягивалось на самое неопределенное время. Об этом начальник штаба Верховного генерал Алексеев не раз предупреждал командующего Отдельной армии:

— Николай Николаевич, в Ставке есть агентурные сведения, что Стамбул в следующем году собирается отвоевать у вас Трапезунд.

— Что ж, мы готовимся к этому.

— Что вами делается?

— Вокруг Трапезунда создается укрепленный район. Армейскими инженерами разработана система полевых укреплений, чтобы прикрыть город со всех сторон.

— Как идут работы?

— С трудом. Переброшены новые саперные роты из Карса, Сарыкамыш и Батума.

— В чем состоят трудности?

— Не хватает людских рук, инженерного инструмента и разных материальных мелочей.

— Причины этого известны?

— Конечно, известны — они все на виду. На тыловых складах необходимого осталось мало, интендантство с подвозом из европейских губерний не справляется. Что творится на железных дорогах страны — Ставке известно лучше нас в Тифлисе.

— Конечно, известно. Ставка всеми мерами старается выравнять положение на железных дорогах, но пока безуспешно. Николай Николаевич, какое кодовое название получил создаваемый укрепрайон?

— Платановский.

— Какое политическое самочувствие кавказских войск?

— Падает дисциплина, Михаил Васильевич. Агитаторы социалистических партий усилили свою деятельность в тыловых и запасных частях. Изымается много вредных прокламаций и нелегальных газет.

— Ведете вы с ними борьбу?

— Это сложно. Похоже, что отдельный корпус жандармов — его тифлисский дивизион — со своими задачами уже не справляется. На армейский полевой жандармский эскадрон нагрузка растет с каждым месяцем.

— Николай Николаевич, ничем реально мы вам здесь помочь не можем. Опирайтесь на собственные силы, на здоровую часть кавказских войск, на офицерство, Георгиевских кавалеров.

— Что нами, Михаил Васильевич, и делается. А как ситуация на других фронтах?

— Заметно хуже, чем у вас на Кавказе, особенно на Северном фронте. Там уже появились распропагандированные социалистами целые полки. И даже не в тылу, а на фронте, в окопах.

— В Кавказской армии такого нет...

Разрабатывая оперативные планы на кампанию нового, четвертого года войны, Юденичу и его армейскому штабу приходилось считаться со многими важными обстоятельствами. Их набиралось четыре.

Во-первых, относительная самостоятельность Отдельной Кавказской армии вследствие обособленности театра военных действий. Не случайно генерал Антон Иванович Деникин в своих «Очерках русской смуты» скажет следующее:

«Кавказ жил своей жизнью, осведомляя центр лишь в той степени, в какой считал нужным, и в освещении, преломленном сквозь призму местных интересов».

Во-вторых, тяжелое положение Кавказской армии. Почти бездорожный и крайне ограниченный в продовольственных ресурсах горный край создавал массу сложностей для жизнедеятельности войск. Особенно тяжело приходилось дивизиям южного, левого крыла фронта.

Санитарное состояние армии выглядело все более ужасающим. Юденича потрясла докладная записка, поданная ему начальником медицинской службы армии. В ней говорилось, что только за один месяц — декабрь 1916 года — из состава боевых частей выбыло вследствие цинги и эпидемии тифа около 30 тысяч человек, или говоря иначе — две полнокровные пехотные дивизии. Такие потери в людях за один месяц Кавказская армия не несла ни в одной боевой операции.

В этой ситуации русского командующего успокаивало только одно — в турецкой армии тоже свирепствовала эпидемия тифа, занесенная в Турецкую Армению из Месопотамии.

Из штабов корпусов, дивизий, отдельных отрядов приходили и другие не менее тревожные донесения. Из-за отсутствия фуража, бескормицы и болезней лошадей и верблюдов армейские обозы оказались приведенными в полное расстройство. Поставки в армию живой обозной «техники» из России почти прекратились. На местах — в тыловом Закавказье и в северных персидских провинциях — все труднее было приобрести и лошадей, и верблюдов.

Падеж лошадей привел к тому, что немало артиллерийских батарей, стоявших на огневых позициях, оказались полностью без конной тяги. Пушечные и мортирные батареи не могли идти вперед, то есть участвовать в наступлении, менять свои позиции и, наконец, в критической ситуации отступить даже на одну-единственную версту.

Снабжение действующих войск передовой позиции к концу года резко ухудшилось. Причина была все та же. Укомплектованность тыловых транспортов составляла уже только сорок процентов.

В-третьих, большая заинтересованность союзников, особенно англичан, в активизации действий русских войск с це-

лью исключения наступления турецких сил на других азиатских фронтах, которые проходили по арабским землям Турции. Речь шла о близкой к Кавказу Месопотамии и далекой от нее Палестины.

Именно этим генерал Юденич обосновал негативное отношение Ставки Верховного главнокомандующего к его предложению, которое он высказал в разговоре с начальником штаба генералом Алексеевым:

— Михаил Васильевич, вы ознакомлены с моими докладными записками о санитарном состоянии Кавказской армии и ее тыловых транспортов?

— Да, ознакомлен. Лично доложил государю.

— Премного благодарен за это, Михаил Васильевич. Какова была реакция его величества?

— Он не приемлет ваше главное предложение отвести войска к источникам питания: центром к Эрзеруму, правым флангом к государственной границе.

— Но если этого не сделать, армия потеряет свою прежнюю боеспособность.

— Об отводе войск с захваченной территории Турции не может быть и речи, Николай Николаевич. Неужели вы этого не понимаете?

— Понимаю, но у меня уже немало полевых батарей лишились конной тяги. А о тифозных лазаретах, переполненных с осени, и говорить не хочется.

— Относительно медицинской помощи: принято решение направить на Кавказ большую группу мобилизованных врачей. С ними отправляются медицинские сестры с курсов. Среди них много добровольцев.

— Спасибо. Весьма признателен за такую заботу.

— Что касается тягловой силы для обозов, то постарайтесь решить эту проблему на месте, у себя.

— Такой возможности у меня почти нет.

— Изыскивайте. Ставка может помочь вам только в лечении конского состава армейской кавалерии.

— Есть ли надежда на то, что император пересмотрит свое отношение к моим предложениям?

— Даже и не надейтесь. Союзники даже при частичном удовлетворении ваших просьб предъявят России не одну ноту протеста.

— Тогда где же выход?

— Выход в прочном удерживании занимаемых позиций...

И последним, четвертым обстоятельством, которое «давило» на командующего Кавказской армии в принимаемых им решениях, стал климат.

У Юденича в самом конце декабря 1916 года состоялся телеграфный разговор с начальником штаба 4-й Кавказской стрелковой дивизии генералом Квинитадзе. Тот со свойственной грузинам вспыльчивостью высказал Николаю Николаевичу все трудности фронтовой жизни для подчиненных ему пехотинцев:

— У провода генерал Юденич. Кто у аппарата?

— Начальник штаба дивизии генерал Квинитадзе.

— Где командир дивизии?

— В госпитале. Подозрение на возвратный тиф, но врачи обнадеживают.

— Можете доложить о состоянии войск дивизии?

— Да, ваше превосходительство.

— Докладывайте.

— Стрелковая позиция удерживает занимаемые позиции, но сама находится вся в снегах.

— Как это понимать, генерал Квинитадзе?

— Дословно, ваше превосходительство. Снегами завалены окопы, землянки, дороги, перевалы. Вся дивизия помняла винтовки на лопаты и ведет войну со снегом не на жизнь, а на смерть.

— Удастся вам расчищать дороги?

— Разве их можно расчистить! Снегом заносится все, над чем трудилась солдатская лопатка.

— Как идет доставка продовольствия?

— Никак, ваше превосходительство. Наша дивизия доедает местные ресурсы, после того как был съеден дивизионный неприкосновенный запас.

— Поясните, господин генерал.

— Пояснить тяжело. Поели на местах всех ишаков, собак и теперь охотимся на кошек.

— Где ваши обозы?

— Стоят который уже день на перевалах. Ни туда, ни сюда пробиться сквозь снега не могут...

Позднее генерал Квинитадзе в своих дневниковых записях опишет зимнюю жизнь 4-й Кавказской стрелковой дивизии:

«Одновременно с достройкой окопов и землянок строили дороги на Эрзерум. Но это была просто детская игра с природой. В начале декабря 1916 года солнце спряталось и повалил снег. Увидели солнце лишь на два дня в конце декабря, но затем недели две-три шел непрерывно снег. Все дороги завалило им. Расчищать их было невозможно, так как расчищаемый участок сейчас же снова заносило...

Снег стоял стеной до 3 — 4 сажень, ветер страшный, метель. В 20 шагах ничего не видно; стоят люди и чистят дорогу, заметаемые снегом и замерзая...

На позициях, где мы находились до ухода в Эрзерум, было что-то трудноописуемое. Часто утром нельзя было открыть землянку, так как вся она, до верха, оказывалась засыпанной снегом...

Зимой поели ишаков, кошек и собак. Иной раз солдаты варили бульон из хвостов и ели его. Лошади отъедали друг у друга хвосты и гривы...

Обозы стояли на перевалах, занесенные снегом».

Такая безотрадная картина была не только в горах вокруг Эрзерума, а едва ли не по всей линии фронта кавказских войск. Зима во многих случаях становилась победительницей, делая пребывание людей на высокогорье просто невыносимым. Казалось, что написанные кистью великого баталиста Василия Верещагина картины триптиха «На Шипке все спокойно» перекочевали с Балканских гор в горы Закавказского края. По ночам, когда метель в горах — особенно в ущельях и на перевалах — кружила нескончаемым хороводом, на постах замерзали часовые. Бывало, что их не спасали ни появившиеся наконец на передовой валенки, ни теплые башлыки, надеваемые поверх папах и защищавшие от ледящего ветра лица, ни щедрые фронтовые «чарочные» порции.

Было и еще одно обстоятельство, которое все больше сказывалось на положении дел в Кавказской армии и в тыловом Закавказье. Обстановка внутри Российской империи осложнялась с каждым месяцем, и в армейские корпуса кавказских войск уже приходили отголоски политической борьбы, которая шла в России. Правительство императора Николая II неумолимо теряло контроль над государством. Российская империя катилась к своему историческому крушению.

Процессы разложения воинских коллективов стали все более заметны в рядах Кавказской армии. Падала воинская

дисциплина. Генералу Юденичу пришлось столкнуться с многочисленными фактами, когда различные местные политические организации Закавказья, всевозможные общественные комитеты пытались парализовать своими решениями деятельность командования Кавказской армией.

Все вышесказанное обстоятельство проигнорировать было никак нельзя. Учитывая их, Юденич считал возможным подготовить к весне 1917 года лишь две частные наступательные операции, о широкомасштабном наступлении речь не шла.

Первую операцию — на Мосульском направлении на северо-востоке современного Ирака. Она должна была осуществиться силами нового 7-го Кавказского армейского корпуса генерал-лейтенанта Ф. Г. Чернозубова. Корпус был сформирован на основе 2-го Кавказского кавалерийского корпуса. Вместе с войсками Чернозубова предстояло наступать из Персии русскому Экспедиционному корпусу генерала Баратова.

Вторую наступательную операцию — дивизиями левого армейского фланга. На остальных направлениях предполагалось вести активную оборону, сдерживая возможные атаки турок и мешая им маневрировать имеемыми резервами.

Номинальный главнокомандующий на Кавказе заместитель Его Величества великий князь Николай Николаевич Младший в полной мере разделял замыслы командующего Отдельной Кавказской армией. Не возражала против юденичских планов на 1917 год и Ставка, тем более что у нее не просились резервы и дополнительные запасы боеприпасов для проведения крупномасштабных операций.

Но генерал Юденич при планировании четвертой военной кампании сделал одну серьезную ошибку. Он «не учел» союзнические обязательства России перед Антантой.

Лондон, по всей видимости, был в подробностях ознакомлен императором Николаем II с русскими планами на будущий год. В британском Генеральном штабе забили тревогу по поводу перспектив продолжения войны на Ближнем Востоке. В конце января 1917 года, когда суровая горная зима сковала активность воюющих сторон, в столицу кавказского наместничества город Тифлис прибыл полномочный официальный английский представитель.

Посланец туманного Альбиона получил продолжительную аудиенцию у царского наместника. На встрече присут-

вовал и командующий Кавказской армией. Англичанин прямо высказал великому князю Николаю Николаевичу Младшему все то, зачем он приехал в Тифлис:

— Ваше сиятельство, я имею поручение от начальника Имперского Генерального штаба генерал-фельдмаршала сэра Вильяма Роберта Робертсона высказать вам мнение высшего командования британской короны по поводу хода войны на Кавказе.

— Сэр, мы с генералом Юденичем Николаем Николаевичем готовы с пониманием отнестись к сказанному вами.

— Ваше сиятельство, по полученной информации из русской Ставки нам стало известно, что в новой военной кампании вами не планируется больших наступательных операций против прогерманской Турции. Это действительно так?

— Да, сэр.

— В чем же причина такого решения, позвольте вас спросить?

— Кавказская армия сейчас не имеет таких возможностей, сил и средств, как было в первые военные кампании.

— Тогда я от имени сэра Робертсона должен напомнить вам о союзнических обязательствах России по Ближнему Востоку.

— Они нам хорошо известны.

— Тогда вам должно быть известно, что английские войска ведут тяжелые бои в Месопотамии и Палестине.

— Да, о том нам известно по информации, которая поступает в Тифлис из Могилева от генерала Алексеева.

— Прекрасно. Тогда вы должны понимать, как надеется командующий нашими войсками на юге Месопотамии генерал Фредерик Стэнли Мод на вашу помощь.

— Нам понятны его пожелания относительно ударов русских на Багдад и Ханекин.

— Но не следует забывать, что своими наступлениями вы окажете несомненную помощь и английским войскам в Египте и Палестине.

— Там должны уже почувствовать то, что большая часть турецких войск с берегов Дарданелл оказалась не в Газе и у Святого города, а у озера Ван.

— В Лондоне высшее командование британской короны уже оценило такой вклад в войну союзной России.

— Тогда чего еще желает от России на Кавказе начальник Имперского Генерального штаба генерал сэр Робертсон?

— Новых наступлений русских войск из Персии в направлении на Багдад и Ханекин.

— Понятно. Чем вызвана эта просьба?

— Имперским Генеральным штабом запланировано на эту военную кампанию большое наступление на Багдад.

— Что имеет для этого генерал сэр Мод?

— Немного. Пять индийских пехотных и одну индийскую кавалерийскую бригаду.

— Сколько это будет в цифрах?

— 55 с половиной тысяч штыков, 5100 сабель и 205 орудий. Но это еще не все. Тылы генерала сэра Мода, а они весьма ненадежны, находятся под усиленной охраной более чем 16 тысяч штыков, 1400 сабель и 39 орудий.

— Это немалые силы для европейцев на Востоке. Что же вам мешает провести эту наступательную операцию самостоятельно?

— 6-я турецкая Иракская армия и ее командующий генерал Халил-паша, который уже доставил нам немало неприятностей.

— Нам известно, что едва ли треть королевской армии Британии задействована на восточных фронтах против Турции.

— Да, это действительно так.

— Что же желает Великобритания от России в Месопотамии?

— Скорое по времени сильное давление на левый фланг и тылы 6-й турецкой армии.

— Что это даст Антанте на Ближнем Востоке?

— Английские войска, наступая от Кут-эль-Амара вверх по Тигру и Евфрату, смогут без больших потерь захватить Багдад.

— А чем в таком случае могут помочь английские войска русским?

— Мы готовы выделить для ваших экспедиционных войск в Персии некоторое количество провианта и автомобилей для перевозки к границам Месопотамии пехоты.

— А как с вопросами согласования совместных действий?

— Положение войск генерала сэра Мода значительно хуже. Ваших — более предпочтительнее. Поэтому лучше всего

начать наступление вам, нанося удар в сторону Ханекина и Багдада.

— Но, как нам известно, арабские территории Турции к сфере российского влияния не относятся.

— Да, это так. Таково принципиальное решение Антанты по разделу сфер влияния на Ближнем Востоке.

— Сэр, вам известны затруднительные обстоятельства, в которых оказалась наша Кавказская армия?

— Да, известны. Но ваше сиятельство, думается мне, знает мнение императора России по этому вопросу?

— Мы с генералом Юденичем о том уже оповещены из Ставки.

— Тогда будем считать, что вопрос с наступательными операциями для помощи войскам британской короны на юге Месопотамии принципиально решен?

— Да, решен. Мы внесем коррективы в наши планы на наступивший 1917 год.

— Каковы ваши пожелания, сэр, как представителя союзного командования?

— Начать наступление на Месопотамию как можно раньше.

— Тогда, ваше сиятельство, остается пожелать армиям Антанты побыстрее разгромить Турцию и вывести ее из войны.

— Дай тому Бог, сэр...

Русскому командованию на Кавказе пришлось пойти на встречу настоятельным просьбам союзников. Уже 2 февраля русские войска перешли в наступление на Багдадском и Пенджвинском направлениях. Операция протекала успешно. 1-й Кавказский корпус вышел к северной границе Месопотамии, 7-й Кавказский корпус — к городу Пенджвину, узлу важных транспортных артерий.

Генерал Баратов больших сил для наступления выделить не мог: малярия обескровила его корпус. Но все же русские сбили с оборонительной позиции 2-ю турецкую пехотную дивизию, заняли иракский город Ханекин и завязали упорные бои на переправах через реку Дияла. Чтобы продвинуться здесь еще дальше, требовалась пехота и еще раз пехота. А ее не было и не ожидалось.

Наступление на Пенджвин проходило в условиях суровой горной зимы в разоренном войной районе иранского Курдистана. Здесь наступал отряд генерала Назарова, ко-

мандира 2-й Забайкальской казачьей бригады. Он имел под командой совсем немного сил — 18 казачьих сотен и кавалерийских эскадронов, 2 добровольческих армянских стрелковых батальона.

Для того чтобы продвигаться к Пенджвину, приходилось прокладывать в снегу траншеи. Лошадей вели на поводу. Бойцы ночевали в снежных норах, питались почти исключительно сухарями.

Используя успехи русской Кавказской армии, английские войска в конце февраля заняли город Багдад, к которому они так трудно пробивались уже давно. Султанский командующий Халил-паша отказался от мыслей вести упорные бои на удержание Багдада. Его 6-я Иракская армия поспешно отступила в северном направлении, поскольку оказалась под двойным ударом и ей грозил в случае наступления русских полный разгром.

Опытный Халил-паша принял в опасной ситуации самое разумное решение, поскольку опоздай турки с отходом, им бы пришлось отступать по пустыне, в которой кочевали враждебные племена арабов-бедуинов. Племена горцев-куртинцев все больше проявляли свою неблагонадежность по отношению к Стамбулу, с этим тоже приходилось считаться турецкому командованию.

Учитывая то, что главные боевые действия в кампанию 1917 года предстояло вести с персидской территории, Юденич обратился к начальнику штаба Ставки Верховного генералу Алексееву со следующим предложением:

— Михаил Васильевич, вся тяжесть боевой активности с февраля легла на плечи Баратова. У меня есть предложение по реорганизации русской армии на Кавказе.

— Как, Николай Николаевич?

— Я предлагаю сформировать новый армейский корпус для действий в направлении Сулеймание и сформировать особый корпус со штабом в Кередже близ Тегерана. Это всего сорок километров от персидской столицы.

— Что это нам даст?

— Из этих новых корпусов и 7-го и 1-го кавалерийских можно образовать 2-ю Кавказскую армию для ведения войны против Турции с территории Персии.

— Что ж, идея вполне перспективная.

— Мой штаб считает так же. Тем более, что управление Экспедиционным корпусом из Тифлиса и тем более из Карса или Сарыкамыша крайне затруднено и оперативностью не отличается. Это обстоятельство нас очень беспокоит.

— Но в таком случае эта армия может вам не подчиняться.

— Если так надо для пользы дела, то у меня возражений не будет. Пусть решает государь император и Ставка.

— Кого вы предлагаете на должность командующего новой Кавказской армией?

— Разумеется, генерала Баратова Николая Николаевича.

— Есть ли другие кандидатуры из подчиненных вам генералов? Может быть, есть кандидатуры на других фронтах?

— Других нет. Кто лучше Баратова знает Персию и подступы к Месопотамии? Никто. К тому же он уже не раз продемонстрировал самостоятельность и разумность в оперативных решениях.

— Да, нам в Ставке об этом хорошо известно. Вы будете настаивать на этой кандидатуре?

— Лично для меня это давно созревшее решение.

— Хорошо, Николай Николаевич. Я доложу о вашем предложении Верховному. Желаю удачи!

— Благодарю, Михаил Васильевич...

Однако императору Николаю II, терявшему политический контроль над государством, было уже не до Кавказа. Предложение Юденича о создании 2-й Кавказской армии осталось неисполненным. Ему так и не сообщили из Могилева о реакции Верховного главнокомандующего на новый проект.

...Из европейской части России до Кавказа докатывались громы внутренних политических потрясений. Но Отдельная Кавказская армия еще оставалась воинским организмом, не подвергшимся разрушению. В ее войсках пока не проглядывались признаки деморализации. Не было и распропагандированных воинских частей, хотя антивоенные настроения стали заметны не только среди нижних чинов, но и среди офицества.

Во фронтовых сводках января и февраля последнего для России года Первой мировой войны с Кавказа приходили удивительные сообщения. Полки воинов-кавказцев ходили в атаки и продолжали одерживать победы над врагом.

17 февраля 1917 года 19-й Туркестанский стрелковый полк, которым теперь командовал полковник Хромых, по

собственному почину овладел турецкими позициями на вершинах хребта Ики-Сиври — на высоте в 3300 метров. Неприятель был прогнан с самых благоприятных для обороны позиций в горах и даже не попытался вернуть их себе назад. Не поддержанные в наступательном порыве соседними полками туркестанские стрелки дальше не пошли.

Этот боевой эпизод в биографии Отдельной Кавказской армии оказался примечателен следующим. Прославленный многими боевыми подвигами в годы Великой войны полк туркестанских стрелков был укомплектован офицерами гвардейской пехоты, попросивших перевода на Кавказ, где русские войска «еще дерутся по-настоящему».

Такой своеобразный протест офицеров российской гвардии на характер войны на Русском фронте получил самую широкую огласку. И вновь на страницах газет, за исключением разве что самых оппозиционных, прозвучало имя генерала от инфантерии Н.Н. Юденича, полководца, который продолжал воевать наступательно и победно.

В середине февраля у командующего Отдельной Кавказской армией состоялся последний телеграфный разговор с императором Николаем II, находившимся в могилевской Ставке:

— У аппарата Верховный главнокомандующий. Докладывайте.

— Ваше величество, со взятием города Эрзинджана достигнут стратегический предел в наступательных возможностях подчиненной мне Кавказской армии.

— Разве для России на Кавказе появился предел?

— Да, всему есть пределы на войне, ваше величество.

— Почему вы так считаете, Николай Николаевич?

— Армейские коммуникации растянулись в горной, совершенно дикой местности на 500–600 верст. Продовольственные транспорты вынуждены сами съесть большую часть доставляемого провианта. Топлива почти нет. О проблемах санитарных, людских, боевого обеспечения я докладывал вам в Ставку ранее неоднократно.

— Каково ваше личное мнение? Вы же человек с именем.

— Ваше величество, роль Кавказской армии на сегодняшний день в стратегическом отношении закончена.

— Вы зря так считаете, Николай Николаевич. Есть идея — в апреле взять Царьград комбинированной атакой — с моря и суши.

— Овладеть столицей большого государства? Овладеть черноморскими проливами и городом с миллионным населением с его береговыми крепостями?

— Да, именно такая идея появилась в нашей Ставке.

— Но у такого стратегического замысла должно быть твердое, реальное обоснование.

— Вы считаете его нереальным?

— Ваше величество, у вверенной мне армии на сегодняшний день нет реальных сил, резервов и материальных средств выйти к Константинополю через Анатолию.

— Но ведь об этом помышляли такие великие полководцы России, как генерал-фельдмаршалы Иван Иванович Дибич-Забалканский¹⁷ и Иван Федорович Паскевич-Эриванский. И еще совсем недавно ваш тезка Муравьев-Карский.

— Но в тех русско-турецких войнах была совсем иная ситуация и иное соотношение сил. В этой войне русской армии не пройти через Анатолию к Царьграду.

— Вы уверены в этом?

— Точно так, ваше императорское величество. Это мнение и моего армейского штаба.

— Генерал, у вас же много блестящих побед. Вы герой Сарыкамыш и Эрзерума. Надо верить в новые победы.

— Это уже не для Кавказа. Мы здесь исчерпали себя.

— Вы зря так, Николай Николаевич. Не стоит чрезмерно сгущать краски. Через месяц штаб Ставки вышлет вам свои соображения на сей счет.

— Потребуется ли Ставке Верховного главнокомандующего соображения штаба Кавказской армии?

— Это на решение моего начальника штаба генерала Михаила Васильевича Алексева.

— Вас понял. Какие будут указания Верховного вверенной мне Кавказской армии?

— Пока держитесь на занимаемых позициях. Ваша армия скоро получит новые задачи, скорректированные с действиями союзников на Ближнем Востоке.

— Будут ли при этом учитываться интересы России на Кавказском театре, ваше величество?

— Естественно, будут. Но мы не можем и не учитывать наши союзнические обязательства.

— Вас понял.

— Есть ли ко мне вопросы?

— У меня есть одно пожелание, если позволите его высказать.

— Да, конечно. Слушаю вас, Николай Николаевич.

— В определении новых задач Кавказской армии штаб Ставки пусть подходит реально.

— Хорошо. Ваше пожелание будет передано мною генералу Алексееву для сведения...

Юденич сам понимал, что теперь главное для войск его армии было удержание занимаемых позиций. Политические противоречия делали русскую армию такой слабой духом, как не было в другие времена.

Командующий все время старался быть в стороне от ветров политических бурь, стремясь заниматься исключительно фронтовыми заботами и делами. Но он уже постоянно замечал за работниками армейского штаба, что те ждали с нетерпением известий не с фронтов, как раньше, а из столичного Петрограда.

Но так было не только в юденичском штабе. Так было и в окопах, госпиталях, армейских тылах. Вести же из бурлящего политическими страстями столичного Петрограда приходили обычно самые противоречивые и с большим опозданием. Порой Николай Николаевич с большим трудом разбирался в сути происходящего.

Кавказ для России в 1917 году оставался далекой окраиной, с мнением которой в центре политики особо не считались. Командующий Кавказской армии не раз ощущал это на себе. С ним императорское окружение в вопросах политических почти никогда не советовалось.

Огромная Российская держава, маленькой частью которой была Кавказская армия, со дня на день ждала каких-то перемен к лучшему. И за все тяготы военного времени, многие тысячи погибших и искалеченных воинов-фронтовиков простые люди-россияне, все больше и открыто винили одного-единственного человека. Царя Николая II.

Россия стояла на пороге февральских политических потрясений 1917 года, которые обрушили не только ее государственные устои, но поставили на путь саморазрушения Русскую армию. Командующие фронтами, флотами, армиями, корпусами, дивизиями в полном бессилии взирали на процесс разложения Российской Императорской армии и флота.

Приближалась Русская смута, как образно назвал в своих мемуарах события 1917 года генерал Антон Иванович Деникин. На Кавказ эта Смута пришла с известным опозданием.

Юденич с тревогой наблюдал за тем, как у него во фронтовом тылу с каждым месяцем активизировали свою политическую, а для армии разлагающую деятельность различные кавказские комитеты и партии.

События в далеком от Кавказа Санкт-Петербурге не заставили себя долго ждать. Трудно сказать, был ли к ним готов боевой генерал Юденич или нет. Об этом он не высказывался даже в кругу доверенных лиц.

Глава десятая

ВО ГЛАВЕ КАВКАЗСКОГО ФРОНТА

В первый день нового 1917 года юденичский штаб доложил в могилевскую Ставку данные о численности и состоянии Отдельной Кавказской армии. Она имела 247 батальонов пехоты, 236 сотен и эскадронов конницы и 546 орудий. Это была большая военная сила.

Обращало на себя внимание то, что почти вся ее конница являлась казачьей — имелось всего 18 драгунских эскадронов Кавказской кавалерийской дивизии. Небезынтересно было отметить и то, что из семи корпусных генералов пять были казаками — генералы Калитин, Пржевальский, Баратов, Абациев и Чернозубов.

В Ставке Верховного главнокомандующего Николая II надеялись, что заметная казачья прослойка спасет Кавказскую армию от революционных потрясений. Но в том окружении последнего Романова заблуждалось.

Поводами для недовольства солдатской массы служили прежде всего сами условия фронтовой жизни. В своих воспоминаниях начальник 66-й пехотной дивизии, которая занимала позиции за Шайтан-даг (Черная гора) в районе Огнота с осени 1916 по весну 1917 генерал И. В. Савицкий писал следующее:

«Положение частей на позициях, на высоте от 2400 до 300 метров над уровнем моря, становилось все более и более

тяжелым. На топливо были разобраны все брошенные жителями деревни. Доставка продуктов и фуража вследствие глубоких снегов была очень затруднительна.

К весне положение ухудшилось. Начались заболевания возвратным тифом. Из-за начавшегося весной 1917 года таяния снегов доставка продуктов ухудшилась. По долинам с большим трудом, но все же можно было доставлять продукты на подводах.

Далее, на горы, продукты везли на вьюках и складывали в тылу позиции юрты, а отсюда продукты переносились пешими командами, так как лошади с вьюками проваливались в глубокий снег...»

Февральская революция дошла до русских войск на Кавказе, его городов и селений сперва скупыми телеграфными строчками, потом огромными шапками на страницах газет. И сразу на фронте и в тылу замитинговали.

Известие о начавшейся Февральской революции в Петрограде пришло в Тифлис и штаб Кавказской армии с телеграммой начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева, отправленная на имя всех главнокомандующих фронтами и отдельными армиями. Телеграмма пространно сообщала:

«Сообщаю для ориентировки: двадцать шестого, в тринадцать часов сорок минут, получена телеграмма генерала Хабалова о том, что двадцать пятого февраля толпы рабочих, собравшиеся в различных частях города, были неоднократно разгоняемы полицией и воинскими частями. Около семнадцати часов у Гостинного двора демонстранты запели революционные песни и выкинули красные флаги. На предупреждение, что против них будет применено оружие, из толпы раздалось несколько pistolетных выстрелов, был ранен один рядовой. Взвод драгун спешился и открыл огонь по толпе, причем убито трое и ранено десять человек. Толпа мгновенно рассеялась. Около восемнадцати часов в отряд конных жандармов была брошена граната, которой ранен один жандарм и лошадь. Вечер прошел относительно спокойно.

Двадцать пятого февраля бастовало двести сорок тысяч человек рабочих. Хабаловым было объявлено о воспрещении скопления народа на улицах и подтверждено, что всякое проявление беспорядка будет подавляться силой оружия. По

донесению генерала Хабалова с утра двадцать шестого февраля в городе спокойно. Двадцать шестого в двадцать два часа получена телеграмма от председателя Государственной Думы Родзянко, сообщавшего, что волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры и что начало беспорядков имело в основании недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику.

Двадцать седьмого военный министр всеподданнейше доносит, что начавшиеся с утра в некоторых войсковых частях волнения твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и батальонами. Бунт еще не подавлен, но военный министр выражает уверенность в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры.

Председатель Государственной Думы двадцать седьмого, около полудня, сообщает, что войска становятся на сторону населения и убивают своих офицеров.

Генерал Хабалов двадцать седьмого, около полудня, всеподданнейше доносит, что одна рота запасного Павловского полка двадцать шестого февраля заявила, что не будет стрелять в народ. Командир батальона этого полка ранен из толпы. Двадцать седьмого февраля учебная команда Волынского полка отказалась выходить против бунтовщиков, и начальник ее застрелился. Затем эта команда, с ротой этого же полка, направилась в расположение двух других батальонов, и к ним начали присоединяться люди этих частей.

Генерал Хабалов просит о присылке надежных частей с фронта. Военный министр к вечеру двадцать седьмого февраля сообщает, что батарея, вызванная из Петергофа, отказалась грузиться на поезд для следования в Петроград. Двадцать седьмого февраля, между двадцатью одним часом и двадцатью двумя, дано указание главнокомандующим Северного и Западного фронтов отправить в Петроград с каждого фронта по два кавалерийских и два пехотных полка с энергичными генералами во главе бригад и по одной пулеметной команде Кольта для Георгиевского батальона, который приказано направить двадцать восьмого февраля в Петроград из Ставки.

По высочайшему повелению, главнокомандующим Петроградским округом с чрезвычайными полномочиями и под-

чинением ему всех министров назначен генерал-адъютант Иванов.

Двадцать восьмого, около двадцати четырех часов, мною сообщено главнокомандующим о необходимости подготовить меры к тому, чтобы обеспечить во что бы то ни стало работу железных дорог.

Двадцать седьмого, после двенадцати часов, военный министр сообщает, что положение в Петрограде становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими верными долгу частями погасить не удастся, и войсковые части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары. Петроград объявлен в осадном положении. Двадцать седьмого, в два часа, послана телеграмма от меня главнокомандующим Северного и Западного фронтов о направлении в Петроград, сверх уже назначенных войск, еще по одной пешей и конной батарее от каждого фронта.

Двадцать восьмого, в три часа, мною послана телеграмма командующему войсками Московского округа о принятии необходимых мер на случай, если беспорядки перекинутся в Москву, и об обеспечении работы железнодорожного узла и доставки продовольствия.

Двадцать восьмого февраля, в час, от генерала Хабалова получена телеграмма на высочайшее имя, что он восстановить порядка в столице не мог. Большинство частей изменило своему долгу и многие перешли на сторону мятежников. Войска, оставшиеся верными долгу, после борьбы в продолжении всего дня, понесли большие потери.

К вечеру мятежники овладели большей частью столицы, и оставшиеся верными присяге небольшие части разных полков стянуты у Зимнего дворца.

Двадцать восьмого февраля, в два часа, военный министр сообщает, что мятежники заняли Маринский дворец и там находятся члены революционного правительства. Двадцать восьмого февраля, в восемь часов двадцать пять минут, генерал Хабалов доносит, что число оставшихся верными долгу уменьшилось до шестисот человек пехоты и до пятисот всадников при пятнадцати пулеметах и двенадцати орудиях, имеющих всего восемнадцать патронов (снарядов), и что положение до чрезвычайности трудное.

Головной эшелон пехотного полка, отправляемый с Северного фронта, подойдет к Петрограду примерно к утру первого марта.

Государь император, в ночь с 27 на 28 февраля, изволил отбыть в Царское Село. По частным сведениям революционное правительство вступило в управление Петроградом, обвинив в своем манифесте переход на его сторону четырех гвардейских запасных полков, о занятии арсенала, Петропавловской крепости, главного артиллерийского управления.

Только что получена телеграмма военного министра, что мятежники во всех частях города овладели важнейшими учреждениями. Войска под влиянием утомления и пропаганды бросают оружие, переходят на сторону мятежников или становятся нейтральными. Все время на улицах идет беспорядочная стрельба; всякое движение прекращено; появляющихся офицеров и нижних чинов на улицах разоружают.

Министры все целы, но работа министров, по-видимому, прекратилась.

По частным сведениям, председатель Государственного совета Щегловитов арестован. В Государственной Думе образован совет лидеров партий для сношения революционного правительства с учреждениями и лицами, назначены дополнительные выборы в Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов от рабочих и мятежных войск.

Только что получена от генерала Хабалова телеграмма, из которой видно, что фактически повлиять на события он больше не может. Сообщая об этом, прибавлю, что на всех нас лег священный долг перед государем и родиной сохранить верность долгу и присяге в войсках действующих армий, обеспечить железнодорожное движение и прилив продовольственных запасов.

28 февраля 1917 г.

Алексеев.

Полученная из могилевской Ставки телеграмма послужила поводом для экстренного совещания в кабинете наместника. На нем присутствовало только двое лиц, от которых во многом зависела политическая обстановка на фронте и в закавказских губерниях. Эти двое были — великий князь Николай Николаевич-Младший и генерал от инфантерии Юденич.

— Какое впечатление на вас, Николай Николаевич, произвела телеграмма генерала Алексеева?

— Самое удручающее, ваше сиятельство.

— Почему?

— Государство и ранее сталкивалось с беспорядками, как то было в 1905 году, но тогда армия в своей массе оставалась верна долгу и присяге.

— После Маньчжурии столица не сидела на голодном пайке и в магазинах всегда лежал хлеб.

— В России с хлебом проблем быть не должно. Если не уродился урожай в одних губерниях, значит, он был в других. Кроме того, есть же и государственные запасы.

— По моим данным, Кубань и Дон, южные губернии полны запасов хлеба. Страна четвертый год не кормит им Европу.

— Ваше превосходительство, развал на железных дорогах любые запасы может превратить в ничто.

— Николай Николаевич, мы сейчас превращаемся в доморощенных политиков. А наша с вами задача — удержать Кавказский край, Кавказскую армию от анархии и беспорядков. Что мы можем сделать здесь, в Тифлисе?

— Здесь что-либо сделать нам сложнее, чем на передовой.

— Почему? Ведь там войска и здесь войска.

— Я уже второй год, ваше сиятельство, замечаю, что пополнения приходят к нам все более и более ненадежные. В тыловые казармы к нижним чинам, как в гости, сегодня ходят какие-то комитетчики, агитируют против существующего строя, против войны.

— Но это здесь, в Тифлисе и Баку. Фронт же стоит и сражается.

— То, что полки в бой ходят — это верно. Вот только настрой солдат стал совсем иной.

— Причина этого настроения?

— Люди устали от войны. Из деревень и особенно из промышленных городов в армию приходят нерадостные письма. В них рассказы то о неурожае, то о беспорядках, то о голодании семей, то о гибели родных и близких.

— По данным командира Отдельного жандармского эскадрона армии шатания на фронте пока нет.

— Да, это так. Надеюсь, что ситуация не изменится к худшему.

— Николай Николаевич, что мы будем делать, если политические беспорядки перекинутся на Кавказский край?

— В отличие от Петрограда и генерала Хабалова у нас достаточно надежных воинских частей, верных долгу.

— Но сейчас трудно положиться даже на кавказское казачество. Не так ли?

— Так. Казаки тоже люди, и они тоже устали от войны. Но есть и другие верные присяге войска, кроме батальонов пластунов, казачьих полков и батарей.

— О ком вы говорите?

— Об армейских школах прапорщиков — Тифлисской, Горийской и прочих, о военном училище. Найдутся, кроме казаков, и верные стрелковые полки. Драгуны наконец.

— Но будут ли они стрелять в бунтовщиков на нефтепромыслах Баку или на железной дороге?

— Трудно сказать. Все зависит от ситуации и твердости офицеров. С последними тоже не все в порядке, как вы хорошо знаете.

— Знаю. В полках все меньше становится кадровых офицеров-дворян. Офицеры из запаса и после краткосрочных курсов — совсем не то, что нужно армии. В этом беда.

— Ваше сиятельство, в телеграмме начальник штаба Ставки обязывает нас позаботиться о железных дорогах.

— Да, это его настоятельная просьба.

— Тогда я дам указание начальнику штаба армии и тифлисскому коменданту в случае беспорядков на станциях и остановки движения использовать армейские железнодорожные эксплуатационные батальоны.

— А смогут ли они поддержать нормальный ритм движения поездов?

— Думаю, что смогут. Но придется выделить для обеспечения безопасности их работы охрану.

— Из кого?

— Из отдельных казачьих сотен, пограничной стражи, тыловых пехотных батальонов, если нет признаков, что они распропагандированы комитетчиками.

— Хорошо. Я одобряю ваши предложения и даю согласие на использование таких мер, но только прошу об одном, Николай Николаевич.

— О чем?

— Если возникнут беспорядки и вам придется использовать военную силу, то обходитесь, ради Бога, без пальбы по людям. Не надо крови.

— Я тоже против крови. Но если бы обстоятельства зависели только от нас с вами.

— Вы думаете, что мятежники не остановятся ни перед чем?

— Думаю, да. Помните гурийские красные сотни? А революционеров-бомбометчиков в Грузии с их Камо? Не войска в них стреляли, а наоборот.

— Да, было много чего в наместничество Воронцова-Дашкова. Но тогда держава устояла и поднялась.

— То-то, что устояла. А сегодня в столице в драгунских солдат стреляют из толпы, не с баррикад..

— Ладно, будем стараться держать порядок в Кавказском крае, насколько это будет возможно...

Из дворца наместника Юденич возвращался в глубокой задумчивости. Он ехал по тифлиским мостовым верхом в сопровождении адъютанта и десятка казаков-кубанцев из конвойной полусотни штаба командующего. На улицах было многолюдно, работали магазины и трактиры. Поражало обилие извозчиков, уличных торговцев и людей в военной форме.

Юденич, проезжая мимо, приглядывался прежде всего к военным. Офицеры и нижние чины привычно отдавали честь генералу, а тот ловил себя на том, что делается это как-то не молодцевато, принужденно. И тревожило то, что многие встреченные им на тифлиских улицах солдаты имели неряшливый вид...

Прибыв в штаб армии, командующий приказал усилить охрану вокзалов и железнодорожных мостов, складов с провиантом. Впервые в гарнизонах вводились офицерские патрули. Было приказано не допускать в казармы гражданских лиц, которые назывались представителями различных комитетов и партий.

Секретной депешей командирам тыловых частей и начальникам гарнизонов Юденичем приказывалось принять все меры для недопущения участия военнослужащих в любых митингах и политических собраниях. Подобные приказы отдавались главнокомандующими всех фронтов. Но в последние числа марта 1917 года они выполнялись не везде и не всегда.

В 10 часов 15 минут утра на стол кавказского наместника легла очередная телеграмма из штаба Ставки. Ее содержание поразило великого князя — император Николай II терял власть на глазах:

«Его величество находится во Пскове, где изъявил согласие объявить манифест идти навстречу народному желанию учредить ответственное перед палатами министерство, поручив председателю Государственной Думы образовать кабинет».

По сообщению этого решения главнокомандующим Северного фронта (генерал от инфантерии Н. В. Рузский. — А.Ш.) председателю Гос. Думы, последний, в разговоре по аппарату, в три с половиной часа второго сего марта, ответил, что появление манифеста было бы своевременно 27 февраля; в настоящее же время этот факт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшных революций; сдерживать народные страсти трудно; войска деморализованы. Председателю Гос. Думы хотя и верят, но он опасается, что сдержать народные страсти будет невозможно.

Что теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находится фактически в руках петроградского временного правительства.

Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданнейшую просьбу его величеству через сверху.

2 марта 1917 г., 10 ч. 15 м.

№ 1872.

Алексеев».

Великий князь, срочно вызвавший к себе во дворец Юденича, еще не успел вчитаться в содержание первой телеграммы, как с телеграфного аппарата сползла новая лента, продолжающая первую:

«Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единст-

во мысли и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, и решение относительно внутренних дел должно избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху.

2 марта 1917 г., 10 ч. 15 м.
№ 1872.

Алексеев».

Прибывший во дворец генерал Юденич застал великого князя за чтением второй алексеевской телеграммы. Было ясно, что случилось что-то из ряда вон выходящее. Царский наместник молча протянул генералу ворох телеграфных лент:

— Читайте, Николай Николаевич. Хотя это адресовано лично мне, но касается и вас.

Пробежав глазами строчки на телеграфных лентах, Юденич посмотрел на великого князя, стоявшего перед ним с совсем не свойственной его натуре нерешительным видом.

— От вас, ваше сиятельство, требуется срочное послание в Ставку.

— Да, Михаил Васильевич Алексеев хочет знать мое мнение относительно завтрашнего дня Романовых.

— Как я понял, начальник штаба Верховного солидарен с генералом Рузским, чей Северный фронт сейчас ближе всех к Петрограду.

— К столице наша Кавказская армия отношения не имеет. Требуется только мое мнение, изложенное в телеграмме. Судьбу Романовых будут решать другие главнокомандующие.

— Какой же ответ вы изволите послать в Могилев?

— Самый прямой. Вопрос стоит не сколько о судьбе монархии Романовых, сколько о судьбе России.

— И о судьбе воюющей Русской армии.

— Разумеется. Судьба Отечества и его армии всегда была едина.

— Так на что вы решились, ваше сиятельство?

— Трудно произнести. Но в Ставке ждут моей телеграммы не через час или два, а сию минуту.

Великий князь сел за стол и быстро набросал текст ответной телеграммы Алексееву, который оставался сейчас фак-

тически главой всех фронтов, всех вооруженных сил Российской империи. Закончив писать, Николай Николаевич-Младший протянул листок Юденичу.

— Прочтите, прошу вас. Может быть, что-то не так сказано?

«Ставка Верховного главнокомандующего. Могилев.

Генералу Алексееву.

Для государя императора лично в руки.

Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверхмеры.

Я, как верноподданный, считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить ваше императорское величество спасти Россию и вашего наследника, зная чувство святой любви вашей к России и к нему.

Осенья себя крестным знаменем, передайте ему — ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвой молю Бога подкрепить и направить вас.

Генерал-адъютант Николай».

— Каково ваше мнение, Николай Николаевич, по содержанию моей телеграммы?

— Она искренняя. Значит, отречение государя неизбежно?

— Это уже свершившийся факт. Передачей престола царевичу Алексею он спасет России, ее армию и династию. Другого выхода у нашего монарха просто нет.

— Но есть же верные ему силы на фронтах. Верные и решительные генералы. Я знаю много таких.

— Государь не пойдет на пролитие крови своих верноподданных. Это ясно как Божий день. Он не будет врагом своему народу.

— Если так, то нам остается только ждать ответа из Ставки.

— И сообщения о том, на что решится всероссийский государь.

— Думаю, что все выяснится сегодня, 2-го марта...

Ни великий князь Николай Николаевич-Младший, ни генерал Юденич тогда еще не знали, что император Николай II, получив из штаба Ставки телеграммы от главнокомандую-

щих фронтов, послал две телеграммы. Одну — в Петроград. Вторую — в Могилев.

«Петроград.

Председателю Государственной Думы Родзянко.

Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки-России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия, при регентстве брата моего великого князя Михаила Александровича.

Николай».

Схожая телеграмма была адресована монархом начальнику своего штаба Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву:

«Наштаверх. Ставка.

Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына.

Прошу всех служить ему верно и нелицемерно.

Николай».

Последний всероссийский император еще надеялся удержать престол в руках династии Романовых. Но попытка посадить на царство цесаревича Алексея не удалась сразу. Отказался через сутки от подобного предложения и брат государя Михаил Александрович. Он после недолгих раздумий и совета близких ему людей не решился поднимать упавшую корону Российской империи.

Все вопросы решались в самом узком кругу российских политиков из Государственной думы и высшего генералитета в лице генералов Алексеева и Рузского. Первый являлся фактическим главой Ставки Верховного главнокомандующего и пока еще держал в своих руках все нити руководства фронтами и тыловыми войсками. Второй имел под своим командованием самый близкий к Петрограду Северный фронт и, вполне возможно, мог бы повлиять военной силой на события, происходившие в столице. Однако ни тот, ни другой генерал своей верноподданнической признательности императору Николаю II выказывать не стали.

Великий князь Николай Николаевич-Младший, скорее всего, догадывался о закулисных политических играх вокруг будущего российского трона. Но повлиять на них из далекого города Тифлиса уже не мог. Что же касается генерала Юденича, то он, можно сказать с уверенностью, оказался да-

жеко от тех событий, которые вошли в историю России под названием Февральской революции.

Как всегда бывает в таких случаях, «дела» творились не большой группой заинтересованных людей. Что же касается фронтов, то они продолжали жить своей повседневной жизнью. Войска сражались, и их далекие тылы в столице и крупных городах митинговали и «делали политическую погоду» в государстве.

Все, что знали на Кавказском фронте о событиях в Петрограде, в могилевской ставке и царском поезде, который находился на железнодорожных путях под Псковом, заключалось в ворохах телеграфных лент. Кавказ, как и вся Россия, замер в ожидании:

Поздно вечером 2 марта в штаб Отдельной Кавказской армии, опять же по телеграфу из Ставки, был доставлен высочайший манифест об отречении императора Николая II от российского престола. Он гласил следующее:

«Ставка.

Начальнику штаба.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу было угодно ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть.

Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благославляем его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом

единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой родины призываю всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновение царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай
Г. Псков.

2 марта 15 час. 5 мин. 1917 г.

Министр императорского двора
Генерал-адъютант граф Фредерикс».

В тот день, перед тем, как лечь спать, отрекшийся от престола Николай II записал в своем личном дневнике:

«2-го марта. Четверг.

Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бесцельно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2 1/2 ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии, нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого.

Кругом измена и трусость и обман!»

В своих воспоминаниях о последних высочайших царских указах, подписанный рукой Николая II Романова, самодержца и Верховного главнокомандующего России, генерал А. С. Лукомский пишет:

«Перед отречением от престола государь написал указ об увольнении в отставку прежнего состава Совета министров и о назначении председателем Совета министров князя Львова.

Приказом по армии и флоту и указам Правительствующему сенату Верховным главнокомандующим государь назначил великого князя Николая Николаевича.

Все это с курьером было послано в Ставку для немедленного распубликования».

...В Тифлис одновременно с манифестом об отречении императора Николая II от престола пришел приказ о назначении (вторичном) великого князя Николая Николаевича Младшего Верховным главнокомандующим. Тот незамедлительно, утром того же дня, выехал в могилевскую Ставку принимать дела.

Юденич провожал великого князя на тифлисском вокзале. Столица кавказского наместничества была взбудоражена сообщениями из Петрограда. Огромная толпа любопытствующего народа, собравшегося у поезда, напирала на оцепление казаков-конвойцев. Поэтому разговор получился немногословным, словно два полководца понимали, что в самом скором времени оба останутся не у дел:

— Николай Николаевич, берите всю власть в свои руки. Я, как Верховный, очень надеюсь на ваш высокий авторитет в кавказских войсках.

— Ваша светлость, вы же знаете ситуацию. Анархия, митинги, развал тылов. В Баку и Тифлисе различные комитеты стали вмешиваться в решения командования. Снабжение идет из вон рук плохо.

— Все вижу, не слепой. Но фронт надо держать любой ценой. Для турок сейчас самое время вернуть утерянное в войне.

— Фронт удержим, Николай Николаевич. За это не волнуйтесь в Ставке.

— На том искреннее спасибо. Воюя здесь, помните о России. До свидания!

— Желая удачи в новой должности, Николай Николаевич!

— Спасибо. Еще раз до свидания...

Политические события, предшествовавшие отъезду великого князя в Могилев, развивались стремительно. В юденичский штаб телеграфной строкой пришло заявление великого князя Михаила Александровича, в пользу которого отрекся Николай II. И этот Романов отказывался от императорской короны.

Власть в России перешла в руки Временного правительства. На фронтах с нетерпением ждали его первых шагов.

Через несколько дней после отъезда великого князя Николая Николаевича-Младшего в Тифлис пришла правительственная телеграмма. Генерал от инфантерии Юденич назначался исполняющим делами главнокомандующего кавказскими войсками.

Вскоре был образован новый фронт — Кавказский. Хотя по сути дела он с первых дней Великой войны уже существовал благодаря оторванности от Восточного (или Русского) фронта. Его главнокомандующим стал Николай Николаевич Юденич.

За него перед Временным правительством, обеспокоенном вопросом лояльности армии к новой власти в государстве, говорило два немаловажных обстоятельства.

Во-первых, это был действительно авторитетный в войсках полководец, герой Сарыкамыш и Эрзерума. Его имя пользовалось известностью в стране и высшем военном и политическом руководстве Антанты.

Во-вторых, боевой генерал в февральских событиях показал себя благоразумным человеком. Он не встал в ряды защитников свергаемой революционным движением династии Романовых и не выражал никакого сочувствия отрекшемуся от престола Николаю II.

И первое, и второе, хорошо известное членам Временного правительства, стало поводом для появления в истории Первой мировой войны нового главнокомандующего фронтом в России.

Но как ни парадоксально, именно русская Смута стала временем падения полководца Юденича. На то нашлись свои причины.

Уже на следующий день после назначения новому главнокомандующему, которому из войск от товарищей и просто знакомых продолжали идти поздравления, пришлось заняться неотложными фронтовыми делами. Дело заключалось в том, что части Экспедиционного корпуса генерал-лейтенанта Н. Н. Баратова, выдвинувшиеся в долину реки Дияла, начали испытывать серьезные трудности. Сигналы один за другой в самых резких выражениях посыпались радиogramмами в крепость Карс, где размещался штаб фронта.

Причина была следующая и вовсе не неожиданная. Командующий союзной английской армией, воевавшей в Месо-

тамии, отказался помочь русским с провиантом, хотя предварительная договоренность по инициативе самих же англичанцев была достигнута перед началом новой военной кампании.

Юденич по всем доступным ему каналам связи обратился к союзникам с просьбой о помощи, но получил вежливый отказ. Баратовский Экспедиционный корпус накануне начала сезона тропической жары с ее вспышками эпидемии малярии оказался в крайне сложном положении. В войсках началось «брожение», прежде всего в пехотных батальонах.

Главнокомандующий фронтом попытался повлиять на союзников через Ставку в Могилеве, но эти усилия оказались так же тщетными, как и предыдущие. Лондон больше волновало положение британских войск на Ближнем Востоке, чем трудности обеспечения русских.

Теперь Юденич в своих донесениях в Ставку стал определять настроение подчиненных ему войск как «неустойчивое». Из Могилева ему на это «указали»: мол, надо использовать революционный порыв людей для новых побед на фронте.

О позиции британских союзников стало известно в кавказских войсках. Через самое короткое время на стол Юденича положили очередную радиogramму от Баратова. Ее содержание стало полной неожиданностью:

«Созданный в корпусе солдатский комитет самочинно арестовал представителя английского военного атташе при корпусе капитана Грея».

Однако конфликт удалось уладить. Корпусной солдатский комитет удалось без особых трудностей убедить в неправомерности действий по отношению к личности союзного офицера. Капитана Грея отпустили из-под ареста и принесли ему извинения.

В Карской штаб-квартире фронта хорошо осознавали всю тяжесть сложившегося положения. В этой ситуации Юденич принял однозначное решение — прекратить наступление в направлении современных иракских границ и с 6 марта перейти по всей линии Кавказского фронта к позиционной обороне. Всю ответственность перед Временным правительством за такие действия он брал на себя.

Одновременно 1-й и 7-й Кавказские корпуса отводились в районы с лучшими условиями квартирования. Главного-

мандующего откровенно начинала раздражать самостоятельность действий солдатских комитетов, состоявшихся преимущественно из нижних чинов. В новых местах базирования этих двух корпусов условий для митинговых страстей виделось немного.

Такой ход событий на «спокойном» Кавказском фронте крайне встревожил Временное правительство, ратовавшее за продолжение войны «до победного конца». Тем более что на новую российскую власть оказывалось все возрастающее давление из штабов государств Антанты. Оттуда требовали, чтобы Россия продолжала наступательные военные действия и выполняла свои союзнические обязательства, в том числе и на Кавказском театре военных действий.

Из Петрограда и Могилева в Тифлис и Карс пошел поток телеграмм, тон которых постоянно менялся — от просительного до повелительного. Генералу Юденичу раз за разом предписывалось возобновить наступление на фронте, не считаясь с потерями и настроениями солдатской массы.

Со своей стороны Николай Николаевич понимал, что Временное правительство катастрофически теряет свое влияние не только в стране, в армейских тылах, но и на фронтах. Подобные свидетельства во множестве доходили до штаба Юденича.

Когда, например, новая «временная» власть предложила генералу от кавалерии Алексею Максимовичу Каледину, будущему атаману Донского казачьего войска, занять пост Походного атамана всех Казачьих войск России, тот наотрез отказался. Каледин ответил посланцу на официальное предложение так:

— Должность эта совершенно ненужная. В чем я решительно не сомневаюсь.

— Почему так, гражданин генерал?

— Должность эта и в прежние времена существовала только для того, чтобы посадить кого-нибудь из великих князей Романовых.

— Но у походного атамана имеется свой штаб, которому самим Богом велено трудиться до седьмого пота!

— Зря вы так считаете. Члены штаба проводили время в тылу, держась на почтительном расстоянии от армии, ее каждодневных нужд и горестей.

— Но сейчас, уважаемый Алексей Максимович, не то время. Не при царе. Один революционный настрой войск чего стоит.

— Все едино. От должности отказываюсь, она сегодня для русского воинства ни к чему...

В Петрограде, который продолжали сотрясать забастовки и манифестации, творилось что-то невообразимое. Чуть ли не каждый день приходили сообщения о каких-то малоопытных изменениях в верхнем эшелоне власти. Все время кого-то назначали, кого-то снимали. Эта череда перестановок касалась и самого Временного правительства.

Действующую армию поражило и другое. За один 1917 год в России на политическом небосклоне мелькнули имена шестнадцати (!?) военных министров. Сперва генерала от инфантерии А. А. Поливанова сменил генерал от инфантерии Д. С. Шувалов. Того сменил генерал от инфантерии М. А. Беляев, который пробыл во главе военного ведомства чуть более одного месяца. Его сменил председатель Государственной думы А. И. Гучков, который в первом по составу Временном правительстве занял сразу два ответственных поста — военного и морского министров.

На смену Гучкову 5 мая пришел амбициозный А. Ф. Керенский, на короткое время ставший официальным главой воюющей России. Керенского сменил генерал-майор А. И. Верховский, последний военный министр старой России. До этого он в звании полковника командовал войсками Московского военного округа, лично сделал много для борьбы с корниловцами.

После Октябрьского переворота революционно настроенный генерал Верховский в ранге военного министра был уволен в двухнедельный отпуск, вернувшись из которого узнал, что его должность Советом народных комиссаров упразднена. Затем для Верховского последовала служба в Красной Армии, в 30-х годах арест по обвинению в антисоветской деятельности и, наконец, расстрел по приговору Военной коллегией Верховного суда СССР. Разумеется, дело было сфабриковано, бывший последний военный министр Временного правительства и Российской Республики никакой антигосударственной политической деятельностью не занимался и не мог заниматься.

...Глубоко убежденный в обоснованности принятого им решения, генерал Юденич в конце апреля направил в Ставку

Верховного главнокомандующего достаточно, на его взгляд, аргументированный доклад. В нем говорилось о положении дел на Кавказском фронте и возможных перспективах действий подчиненных ему войск.

Из доклада явствовало прежде всего одно: Николай Николаевич Юденич стремился на войне к реальному пониманию ситуации, избегая всякого рода доктринерства.

Однако доклад кавказского полководца никак не убедил М. В. Алексеева. К тому же он только-только был назначен Временным правительством на пост Верховного главнокомандующего армиями России в идущей войне.

Озабоченный Алексеев после прочтения представленного ему с Кавказа доклада связался по телеграфу с Юденичем.

— На проводе Ставка, главверх генерал Алексеев. Кто у провода?

— Генерал Юденич.

— Николай Николаевич, я ознакомился с вашим докладом. Ставка им крайне недовольна. Вы нарисовали нежелательную картину.

— Понимаю, но в докладе дается истинное положение дел и предложения, исходящие из реальной ситуации.

— Вы сгущаете краски. В Петрограде и командование Антанты настроены на скорый разгром противников.

— Но только не на Кавказе.

— Почему вы так считаете?

— Наступательный дух войск иссяк. Материальных ресурсов нет. Людских резервов тоже. Об этом я уже докладывал в Ставку, но ответа не получил.

— Однако Кавказский фронт должен воевать и довести разгром Турции до конца. Пока она не запросит хотя бы перемирия.

— Михаил Васильевич, это невозможно.

— Почему, изволью вас спросить.

— На переговоры турки, в штабах которых верховодят германские генералы и офицеры, не пойдут.

— Тогда турецкое командование надо принудить к тому военной силой, новыми победами.

— Я, как глава фронта, считаю, что на обозримое сегодня мы должны вести на Кавказе только позиционную борьбу.

— А как же наши обязательства перед союзниками?

— Как? А так, как их перед нами выполняют в Месопотамии англичане. С них надо брать пример. Тогда нам проще будет воевать против турок в горах.

— Ваши суждения идут вразрез с мнением вверенной мне Временным правительством Ставки. Николай Николаевич, вы понимаете, к чему может привести ваша позиция?

— Да, понимаю. Но представленный вам доклад подписан без колебаний. В нем изложена вся правда.

— Хорошо. В таком случае копию вашего доклада вынужден отправить на рассмотрение в Петроград. У меня другого выхода сегодня просто нет.

— Вас понял. Отправляйте с моего согласия.

— Николай Николаевич, я вас еще раз предупреждаю о возможных нежелательных для вас последствиях.

— Благодарю за предупреждение, ваше превосходительство. Буду ждать правительственного решения...

Николай Николаевич Юденич был глубоко уверен в правоте своей позиции, изложенной в докладе. Он уже вполне осознал, что свержение монархического строя окончательно уничтожило воинскую дисциплину и единоначалие в Русской армии. Он прямо писал, что если так называемая демократизация армии продолжится, то Россия окажется без боеспособной военной силы.

Думается, что и Верховный главнокомандующий генерал Алексеев во многом соглашался с доводами Юденича. Да и к тому же личность того не давала поводов для особых сомнений. Кавалер ордена Святого Георгия трех степеней, а в Первой мировой полный бант Георгиев не имел никто, не давал поводов для сомнений в профессионализме.

Однако эфемерная попытка главнокомандующего Кавказским фронтом как-то повлиять на военные решения Временного правительства успеха не имела. Петроград усмотрел в докладе «брожение умов» и «ненадежность».

Реакция Временного правительства на доклад генерала Н. Н. Юденича последовала незамедлительно. 7 мая 1917 года он отстраняется от командования Кавказским фронтом как «сопротивляющийся указаниям Временного правительства». Формулировка причин отставки говорила сама за себя.

Той же правительственной телеграммой снятого с должности генерала вызывали в столицу. В Петрограде считали,

что дальнейшее пребывание на Кавказе Юденича крайне нежелательно. Временное правительство без каких-либо веских на то оснований опасалось теперь уже опального полководца.

Так действующая Русская армия на финишной прямой Первой мировой войны потеряла одного из своих лучших военачальников. Последнего из плеяды награжденных Военным орденом Святого Георгия 2-й степени, героя обороны Сарыкамыша и взятия Эрзерума.

Вполне естественно, что за свою сорокалетнюю военную деятельность на самых различных командных и штабных должностях Николай Николаевич Юденич имел и просчеты. Противное утверждать — дело несерьезное. Но тем не менее он внес ощутимый вклад в развитие русского военного искусства, что было бы неразумным отвергать в силу каких-то политических обстоятельств. У Юденича в Первой мировой войне, с самого ее начала, имелось собственное «имя».

Успехи, одержанные под его руководством Кавказской армией, принесли ему уважение и авторитет среди российской общественности, в армейской среде. В истории полководцев принято оценивать прежде всего по одержанным на поле брани победам. А они у генерала Юденича были. И немалые.

Дальнейший ход отечественной истории, революционные потрясения 1917 года резко изменили судьбу этого человека, всю свою жизнь посвятившего ратному служению Отечеству. Неумолимый ход времени превратил кавказского полководца из национального военного героя в политического изгоя...

Ознакомившись с приказом об отставке, Юденич передал дела главнокомандующего фронтом новому главе генералу М. А. Пржевальскому, с которым бок о бок прослужил на Кавказе последние годы.

Николай Николаевич знал Пржевальского хорошо и был высокого мнения о его человеческих и военных достоинствах. Выпускник Михайловской артиллерийской академии и Николаевской академии Генерального штаба на Кавказе служил с 1888 года. Долгих девять лет состоял секретарем генерального консула Российской империи в турецком городе-крепости Эрзеруме, занимаясь сбором разведывательной

информации. Хорошо изучил Кавказский театр военных действий. Был начальником штаба пехотной дивизии, затем командовал пехотным полком. В 1905–1906 годах являлся (последовательно) начальником штабов Кубанского и Терского казачьих войск.

Войну генерал-майор М. А. Пржевальский встретил в должности начальника Кубанской пластунской бригады, вскоре переименованной в 1-ю. Прославился в боях за Сарыкамыш, затем командовал 2-м Туркестанским армейским корпусом. За отличия имел два ордена Святого Георгия — 4-й и 3-й степеней, что лучше всего говорило о его способностях как военачальника. На третьем году войны дослужился до чина генерала от инфантерии, — после взятия стрелками-туркестанцами у турок укрепленного Байбурта.

Последний разговор Юденича с Пржевальским состоялся в кабинете главнокомандующего, в штабе фронта:

— Михаил Алексеевич, вам уже известно о решении правительства отправить меня в отставку и вашем назначении на фронт?

— Да, Николай Николаевич. Телеграмма из Петрограда пришла в штаб корпуса, потому я и появился здесь.

— О причинах моего снятия в телеграмме говорилось?

— Нет. Ничего, кроме моего назначения.

— Тогда я вам о том скажу. Меня обвинили в сопротивлении Временному правительству.

— Но ведь для такого обвинения должно быть основание!

— Оно, Михаил Алексеевич, было и есть.

— Какое, Николай Николаевич?

— А тот доклад в Ставку, который я представил Верховному главнокомандующему генералу Алексееву об истинном положении дел на фронте. Писал так, чтобы ничего не утаить.

— Доклад, содержание которого вы обсуждали с командирами корпусов?

— Да, он самый. Премного благодарен вам, Михаил Алексеевич, за ваши суждения, которые вы представили в штаб фронта по докладу.

— Слова благодарности здесь излишни. Я был обязан обо всем высказаться со всей доверительностью к вам, Николай Николаевич.

— За доверительность и благодарю.

— Теперь вы куда?

— Мне приказано без задержки, после сдачи дел прибыть в столицу.

— Николай Николаевич, хочется вас спросить о ваших планах. Ведь не в ваши годы и не при ваших заслугах перед Отечеством уходить в полную отставку.

— Я на то и надеюсь. Надеюсь, что мне дадут какую-нибудь должность на фронтах. Не хотелось бы в военное время оказаться в тылу, это не для меня.

— Дай Бог вам удачи, Николай Николаевич.

— Спасибо, Михаил Алексеевич. А вам я искренне от всей души желаю проявить себя во главе Кавказского фронта. Хотя говорю вам это с горечью.

— Почему?

— Фронт уже сейчас не тот, что был в начале года. Да и вы сами не хуже меня это знаете.

— Знаю. Но хочется надеяться, что все изменится к лучшему.

— Трудно в это верить. Разрушены сами устои Русской армии. Даже офицерский корпус стал не тот: кадровых офицеров в полках пересчитать сегодня по пальцам можно.

— Да, это так. Школы прапорщиков военные училища не заменят. Офицеры военного времени политикой занимаются не менее нижних чинов.

— Вот то-то и оно. А кто командовать ротами на фронте будет, если не сегодняшние прапорщики и подпоручики? Воевать — это не митинговать в тылу.

— Нам ли, Николай Николаевич, падать духом?

— Действительно, не нам. Так что еще раз желаю вам успехов в новой должности...

Отставной командующий Кавказским фронтом прибыл на берега Невы по железной дороге во второй половине мая. Петроград встретил его длинными очередями за хлебом, множеством листовок самых различных политических партий, которые ветер гонял тучами по улицам и площадям, проспектам и набережным. В них требовалось одно — отставка Временного правительства и конца бесконечной войне.

Юденич воочию убедился, что огромный столичный гарнизон — не один десяток запасных полков и батальонов — полностью разложился как военная сила. Он видел, проез-

дя по Петрограду, как какие-то личности в штатском бойко агитировали солдат, свободно проходя мимо часовых в казармы. Воинская честь не отдавалась даже генералу.

В военном министерстве все же, после долгих обсуждений, решили не отправлять заслуженного генерала в полную отставку. А. И. Гучков, еще совсем недавно блиставший антимонархическими речами в Государственной думе, принял прибывшего с Кавказа опального полковника.

— Как добрались до обновленного февралем Петрограда, уважаемый Николай Николаевич?

— По правде говоря, с трудом, Александр Иванович. Бастуют то машинисты, то станционные служащие. Да и с углем для паровозов беда. На коне доскакать можно было бы скорее.

— С железными дорогами у нас проблемы. Но правительство решит их, как я надеюсь, в самом ближайшем будущем. Идет война, а фронтам столько всего надо!

— Да, вы здесь правы, гражданин министр.

— Николай Николаевич, хочу вас заверить, что правительство высоко ценит ваши заслуги на Кавказе.

— Благодарю за сказанное, Александр Иванович.

— Нам бы очень не хотелось, чтобы вы оставляли ряды армии новой России. Каково ваше мнение на сей счет?

— Я бы хотел вновь вернуться в действующие войска. На любой фронт, в любой должности.

— Хочу огорчить вас. На фронтах пока вакантных должностей для вашего высокого чина не предвидится.

— Тогда что мне могут предложить в военном министерстве?

— Скромную для заслуженного генерала должность. Но обязанности для наших беспокойных дней ответственной. Вы в этом можете не сомневаться.

— Так что же это за должность?

— Можно назвать ее инспекторской. Вам надлежит объезжать казачьи области и ознакомиться с царящими там настроениями.

— Не могу не возразить на это. Ведь не с моим же боевым опытом выполнять подобные правительственные поручения.

— В таком случае, гражданин генерал, хочу вас огорчить. Другой должности для вас в столице не находится...

Военный министр Временного правительства принял генерала от инфантерии с орденом Святого Георгия 3-й степени на мундире (прочие ордена и медали Юденич носил только в торжественных случаях) более чем холодно. В этом гражданин Гучков оказался совсем не одинок. Столь же прохладно приняли опального полководца и в Генеральном штабе.

В Петрограде у генерала Юденича произошла встреча с замечательной личностью — Георгием Ивановичем Шавельским, последним в истории Русской армии протопресвитером — главой военного духовенства. У этого человека было поистине удивительная биография.

Шавельский начал свою деятельность священнослужителя в двадцать лет псаломщиком. Через три года после рукоположения в сан поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию и после ее окончания был определен на место священника в Суворовской Канчанской церкви при Николаевской военной академии. С началом Русско-японской войны был назначен священником 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, который сражался на полях Маньчжурии.

Вместе с этим полком Шавельский разделил все трудности походной жизни, лично принимал участие в сражениях при Кайджоу, Вафангоу, под Ляояном и на реке Шахэ. Был ранен и контужен. За боевые заслуги награжден орденами Святой Анны 3-й и 2-й степеней и Святого Владимира 4-й степени с мечами, а также золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Юденич познакомился с полковым священником в Китае, когда тот в декабре 1905 года был назначен на должность главного полевого священника 1-й Маньчжурской армии.

Отличившийся немалыми организаторскими способностями, Шавельский в 1910 году советом Санкт-Петербургской Духовной академии удостоивается степени магистра богословия, а в 1911 году высочайшим императорским указом назначается протопресвитером¹⁸ военного и морского духовенства России.

С началом Первой мировой войны протопресвитер Императорской Российской армии и флота развил поистине колоссальную деятельность по духовному воспитанию нижних чинов, офицерства, воинов запаса. Ему подчиняются глав-

ные священники фронтов, Балтийского и Черноморского флотов.

Протопресвитер Шавельский издал несколько инструкций военному духовенству. Среди прочего, например, они требовали: во время боя на передовой полковой священник обязан был находиться на перевязочном пункте, «где всегда скапливается множество раненых, нуждающихся: одни — в напутствии, другие — в утешении».

Или: «Воину, своей смертью запечатлевшему верность долгу, царю и Родине, надлежит воздать последнюю заслуженную им честь. Посему, при погребении умершего священнику следует принять все меры, чтобы оно было совершено по установленному чину и с соблюдением соответствующих христианских обрядов».

В «Инструкции священникам запасных батальонов и ополченческих частей армии» определялось и предписывалось «воспитание и укрепление в молодых воинах, которыми пополняются ряды нашей армии, сознания долга, мужества и патриотизма до готовности с радостью положить свою жизнь за благо и счастье родной Земли».

Протопресвитер военного и морского духовенства Г. И. Шавельский выступал за то, чтобы в рядах Русской армии не допускались конфликты на религиозной почве, за права и достоинства верующих других конфессий. В одном из его циркуляров (№ 737 от 3 ноября 1914 года) говорилось:

«...Усердно прошу духовенство действующей армии избегать по возможности всяких религиозных споров и обличений иных вероисповеданий, а равным образом зорко следить, чтобы в походные полковые и госпитальные библиотеки для воинских чинов не попадали брошюры и листки со встречающимися в них резкими выражениями по адресу католичества, протестанства и других исповеданий, так как подобные литературные произведения могут оскорблять религиозное чувство принадлежащих к этим исповеданиям и ожесточать их против Православной Церкви, а в воинских частях сеять пагубную для дела вражду.

Подвигающееся на бранном поле духовенство имеет возможность подтверждать величие и правоту Православной Церкви не словом обличения, а делом христианского самоотверженного служения как православным, так и инославным, памятуя, что и последние проливают кровь за Веру,

Царя и Отечество и что у нас с ними один Христос, одно Евангелие и одно крещение, и не упуская случая, чтобы послужить уврачеванию и их духовных и телесных ран».

...Встреча Юденича с Шавельским произошла в стенах Военного министерства. И полководец, отправленный в отставку, и протопресвитер армии и флота были рады такому нежданному случаю:

— Я очень рад, Николай Николаевич, видеть вас снова в добром здравии, полным духовных и телесных сил. Благодарю за сей случай Господа.

— И я весьма рад, Георгий Иванович, видеть вас здесь. Последний раз мы встречались с вами после Маньчжурии только в Ставке.

— Да, в ней. Я слышал о вас вести, в которые мне просто не хочется верить. Так ли это на самом деле?

— Так, Георгий Иванович. Я на днях сдал фронт новому главнокомандующему и стал отставным генералом. Весьма прискорбно для меня, но это уже свершившийся факт.

— Говорят, что вы лишили союзников поддержки кавказских войск. Можно ли этому верить?

— Да. Я отказал правительству в новом наступлении на Кавказе в направлении на Месопотамию,

— Надеюсь, на то были самые веские причины?

— Точно так. Войска фронта находятся в таком состоянии, что большое наступление им сегодня только во вред.

— Что же, охотно верю вашим словам, Николай Николаевич.

— А вы, Георгий Иванович, смею спросить, по какому случаю оказались в министерстве, коли ваше служебное место в Ставке при Верховном главнокомандующем?

— Секретов нет. Новое правительство, назвавшее себя для России Временным, вовсе перестало заниматься на фронте делами духовными. Эта беда меня гнетет все больше и больше с каждым днем.

— Своими полковыми священниками на Кавказе и вы, и я можем просто гордиться.

— Да, Николай Николаевич, свой долг священнослужителя Русской Православной Церкви они выполняют, несмотря ни на что и по сей день...

Юденич в знак согласия только кивнул головой. Ему почему-то вспомнилась заметка в одной из московских газет за

конец 1914 года, номер прислал ему в армейский штаб один из старых преподавателей родного Александровского военного училища.

Ту заметку Николай Николаевич тогда зачитал на совещании армейского командного состава со словами:

— Послушайте, господа генералы, что пишут о доблести наших кавказских бойцов в газетах Первопрестольной.

На первой странице газеты, под рубрикой «Вести с Русского театра Великой войны», рассказывалось о деятельности военного священника М.:

«Среди прибывающих в последнее время в Москву раненых высказывается восхищение перед доблестью и ратными подвигами отца Стефана М., полкового священника одного из славных Кавказских полков, выдержавшего ряд блестящих боев с немцами. (Речь шла об одном из стрелковых полков Кавказского военного округа, с началом войны переброшенного на Восточный фронт. — А.Ш.)

Полковой священник всегда неразлучен с солдатами. Зачастую верхом на лошади батюшка выезжает под градом пуль на передовые позиции своего полка, и не было случая, чтобы раненый солдат не получил от батюшки сердечного и душевного утешения, а умирающий — религиозного напутствия.

Когда один из батальонов полка, окруженный с трех сторон неприятелем, очутился в опасном положении, батюшка всех призвал к мужеству. «Умрем, но не сдадимся в плен», — воодушевленно говорил он, предлагая закрепить такую клятву дружеским рукопожатием.

Батальон проявил изумительное мужество и храбрость. Трехчасовая атака немцев в количестве целого полка и артиллерии окончилась отступлением, причем германцы оставили массу убитых и раненых...»

— Георгий Иванович, так чем конкретно вы так озабочены?

— Да как не быть озабоченным? Брожение, начавшееся в Петрограде, перекинулось на фронты, в полки, которые до последних дней смуты не знали и оставались верными долгу и воинской чести.

— Но это же больше касается дел мирских, а не духовных!

— Если бы так, Николай Николаевич. Воины перестают посещать богослужения, слушают больше агитаторов, прибывающих из тылов, чем своих полковых пастырей.

— На это могу сказать, что даже в мои последние дни на посту главнокомандующего на Кавказе ничего подобного не случилось.

— Николай Николаевич, дорогой вы мой. Кавказ всегда был далек от России, а ваш фронт — от революционного Петрограда.

— Какая разница во фронтах? Ведь долг военного священнослужителя для всех един.

— Он был и есть один, как велит нам Господь Бог. Ведь какой скорбный список ушедших пастырей мы сегодня имеем — отец Вениамин Поликастрицкий, отец Николай Кулачицкий, отец Елпидий Осипов, отец Григорий Ковалевский, отец Филипп Горбаневский... Разве всех их, убитых, тяжело раненых и без вести пропавших, перечтешь?

— Пусть будет им вечная память и слава.

— Господь Бог им воздаст за содеянное. Но речь сегодня идет о нашей пастве, людях православных, кровью своей омывающих окопы на фронтах. В их сердцах все меньше веры в церковь остается.

— Почему такое случилось, Георгий Иванович?

— Почему? Извольте, скажу. Священники в армии и на кораблях всегда пользовались заботой и добрым расположением командиров, получали от них помощь при совершении церковных обрядов. Сейчас поддержки становится все меньше.

— Но ведь никто не отменял положения о военных священнослужителях. Ни Временное правительство, ни Ставка Верховного.

— Они-то не отменяли. Зато любой полковой комитет может это сделать: лишить паству, которая еще не потеряла веру в силу Всевышнего — духовного пастыря.

— Вы чего-нибудь добились здесь?

— Нет, Николай Николаевич. Правда, в правительстве обещали мне помочь.

— Дай Бог. Только что-то мне не верится в силу правительства из социалистов. Ему и на фронте особо не доверяют.

— Надеюсь, что все в нашем многострадальном Отечестве образумится...

В Петрограде Юденич задержался всего на два-три дня. Он уехал в родную Москву, куда с Кавказа, из Тифлиса, уже успела перебраться его семья. Теперь ему приходи-

лось в условиях войны переходить на положение отставного военного, ставшего волей судьбы гражданским человеком.

Генеральская пенсия пока позволяла вполне прилично существовать, хотя цены на все самое необходимое, особенно на продукты, росли как на дрожжах. А новые денежные знаки Временного правительства, прозванные в народе «керенками», едва ли не с каждым месяцем «облегчались» нулями. В стране начинала свирепствовать инфляция.

Как известно, у безработных и отставников уйма свободного времени. Юденич посещал родное ему Александровское военное училище, благо оно находилось совсем рядом с родительским домом. А в Москве Николай Николаевич встретил немало сослуживцев и однополчан, среди которых оказалось немало инвалидов Первой мировой и Русско-японской.

Случайно отставной генерал посетил парад войск Московского гарнизона. Там он послушал страстные речи хорошо знакомого ему по газетам министра-социалиста Александра Федоровича Керенского. Тот с трибуны ратовал за победное продолжение войны с Германией и ее союзниками.

В сердце кавказского полководца затеплилась надежда на возвращение в армейский строй, на то, что он с его способностями и боевыми заслугами еще будет нужен Отечеству. 55-летний возраст он считал для себя не помехой: было бы только достойное дело на идущей войне.

Спокойная жизнь отставного генерала никак не устраивала Николая Николаевича, и он решил, посоветовавшись с товарищами по училищу, посетить Ставку Верховного главнокомандующего в Могилеве. Там он собирался поставить перед новым Верховным генералом А. А. Брусиловым вопрос о своем возвращении к активной военной деятельности, иначе говоря, попроситься на фронт.

Брусилов только недавно получил назначение на этот высший пост, заменив генерала М. В. Алексеева, который был снят Временным правительством. Поводом стала алексеевская речь на Первом офицерском съезде, проходившем в Могилеве. Тогда Верховный главнокомандующий осудил политику правительства, которая губительно вела к полному разложению армии и флота.

В город Могилев Юденич приехал 17 июня. В тот день войска Юго-Западного фронта перешли в новое наступле-

ние. В Ставке он так и не смог решить свою генеральскую судьбу — там на всех уровнях управления армией царил неразбериха, а порой и безвластие. Комиссары Временного правительства, зачастую не имевшие никаких познаний в военном деле, вмешивались в решения высшего командования, реализуя прежде всего собственную политическую амбициозность.

Это стало своеобразным отголоском тех революционных процессов, которые почти неуправляемо происходили в армейских низах. Разложение военной силы России шло через вмешательство солдатских комитетов в командование не только отдельными воинскими частями, но уже и дивизиями.

Но главной причиной того, что поездка Н. Н. Юденича в Могилев была полностью безрезультатной, стал его разговор с новым Верховным главнокомандующим генералом от кавалерии А. А. Брусиловым, только недавно оставившего пост главы Юго-Западного фронта.

Юденичу следовало бы знать, что Брусилов являлся протеже нового военного министра Временного правительства А. Ф. Керенского. Николай Николаевич же видел в Алексее Алексеевиче прежде всего боевого генерала и... выпускника привилегированного Пажеского Его Величества корпуса и генерал-адъютанта Свиты Его Императорского Величества. Но в Ставке перед ним предстал уже другой человек.

Брусилов после февраля 1917 года откровенно пришелся ко двору Временного правительства. Его, популярного полководца Первой мировой войны, не случайно порой именовали «революционным генералом». Был известен случай, когда в городе Каменец-Подольском толпа носила его в красном кресле.

Свою «революционность» Брусилов продемонстрировал в первый же день своего прибытия к новому месту службы, в Ставку. Для торжественной встречи нового Верховного главнокомандующего был выстроен караул Георгиевского пехотного батальона. Он был сформирован еще при императоре Николае II специально для охраны Ставки из фронтовиков — офицеров и нижних чинов, которые отличились в боях и были награждены Георгиевскими крестами.

Обходя строй почетного караула Георгиевских кавалеров, недавний генерал-адъютант государя-императора по-

жал руку каждому солдату, но не поздоровался ни с одним офицером батальона, тоже заслуженными фронтовиками, награжденными орденом Святого великомученика и победоносца Георгия.

Генерал-лейтенант А. И. Деникин, служивший начальником штаба у М. В. Алексеева, а затем и у Брусилова на том же посту, о назначении последнего главой Ставки писал в своих эмигрантских мемуарах «Очерки Русской смуты» следующее:

«Назначение генерала Брусилова знаменовало собой окончательное обезличивание Ставки и перемену ее направления: безудержный и ничем не объяснимый оппортунизм Брусилова, его погоня за революционной репутацией лишили командный состав армии даже той, хотя бы чисто моральной опоры, которую он видел в прежней Ставке...»

Юденичу стоило немало труда пробиться на прием к Верховному. Тот, по всей видимости, особо не желал встречаться с человеком, снятым Временным правительством с должности командующего Кавказским фронтом. Но все же приехавший опальный полководец проявил настойчивость и встреча генералов состоялась.

Она прошла в бывшем алексеевском кабинете, в котором Николаю Николаевичу приходилось несколько раз бывать на различных совещаниях и видеть почти всегда молчавшего при обсуждении фронтовых дел государя. В кабинете с тех пор мало что изменилось, только со стены исчез большой портрет императора Николая II.

Уже в самом начале разговора Юденич понял, что он в Ставке нежеланный гость. И прежде всего для самого Брусилова, не говоря уже о многочисленных комиссарах Временного правительства:

— Гражданин генерал от кавалерии, разрешите представиться вам как Верховному главнокомандующему.

— Николай Николаевич, можно не представляться — вы мне хорошо знакомы.

— В таком случае, я могу изложить вам свою просьбу без лишнего вступлений?

— Да, можете. К тому же у меня почти нет времени на долгие беседы.

— Алексей Алексеевич, я буду краток. Моя просьба заключается в желании вернуться в армию.

— В качестве кого вы желали бы себя в ней видеть?

— Мой опыт позволяет мне испрашивать командование армией или даже корпусом. О возвращении на Кавказ я не настаиваю.

— Но вы же хорошо знаете отношение к вам Александра Федоровича Керенского, нашего полномочного военного министра. Он вас не жалует с тех пор, как вы на Кавказском фронте отказались выполнять приказы Временного правительства.

— Да, мне знакомо отношение Керенского к генералу Юденичу. Но я все же надеюсь найти у вас поддержку.

— Но это просто невозможно.

— Алексей Алексеевич, я, как и вы, не мыслю жизни вне армии. Это моя и ваша судьба.

— Николай Николаевич, буду с вами откровенен. Если даже я и приму участие — посильное, разумеется, вас не примут солдатские комитеты. Это вне всякого сомнения.

— Но ведь есть приказ, воинская присяга. Наконец, солдатский долг подчиняться командирам.

— Здесь вы во многом ошибаетесь. Революционная армия совсем иной воинский организм, чем была армия при императорах. Сейчас на фронте не только приказы, но даже убеждение людей продолжать вести войну до победного конца не всегда помогают.

— Но ведь это может привести к полному развалу армии и поражению России в войне.

— Временное правительство и наши союзники по Антанте не допустят такого, будьте уверены.

— Но пока видится обратное.

— Вы ошибаетесь, Николай Николаевич. Сегодня для новой России знаменательный день — мой Юго-Западный фронт перешел в наступление против австрийцев и германцев. Я уверен — будет новая большая победа.

— Дай Бог, Алексей Алексеевич.

— Мне пора на связь, жду новостей с фронта.

— Так как же с моей просьбой?

— Ничем не могу вам помочь, Николай Николаевич. Вы заслуженный генерал, но отставка ваша полная. Желаю вам на покое найти себе какое-нибудь достойное занятие.

— Что ж, премного благодарен вам и на том. Разрешите откланяться, гражданин генерал от кавалерии.

— До свидания, Николай Николаевич. Я уже дал команду обеспечить вас билетом на поезд до Москвы...

Желание заслуженного ветерана вновь послужить России, пусть даже в должности намного ниже главнокомандующего фронтом, осталось нереализованным. На сей счет Юденичу не стоило строить каких-либо иллюзий: слишком много боевых и со славой царских генералов после февраля 1917 года оказалось не у дел, в полной отставке.

Впрочем, схожая судьба оказалась и у Брусилова. Он так и не смог справиться с положением на фронтах и быстро впал в немилость Временного правительства. Вскоре после того июньского разговора с Юденичем, 18 июля, Брусилов был снят с должности Верховного главнокомандующего. На его место заступил новый протеже Керенского — Лавр Георгиевич Корнилов, в скором времени ставший одним из зачинателей Белого движения.

Из Могилева Николай Николаевич возвратился в Москву подавленным, в расстроенных чувствах. В древней русской столице бурлила политическая жизнь, но она не могла захлестнуть отставного генерала по следующей причине: Юденич не был ярким монархистом и, думается, не примыкал на твердых идейных позициях ни к одной из правых буржуазных партий во второй половине 1917 года.

Он на какое-то время оказался сторонним наблюдателем всего происходящего в России. Но такое состояние не могло продолжаться долго. Юденич словно взял себе время для окончательного выбора и определения жизненных поступков на ближайшее будущее.

Ему было ясно одно — Русская армия под воздействием революционной пропаганды и агитации разваливается прямо на глазах. И в этом была национальная трагедия Российской державы.

Лично для Николая Николаевича трагедия заключалась в следующем. Он еще с училищного времени смотрел на армию как на инструмент, крепивший мощь государства. Теперь этот «стальной» инструмент был настолько изъеден «ржавчиной», что перестал отвечать своему историческому предназначению.

Октябрьский переворот в Петрограде, названный вскоре его устроителями Великой Октябрьской социалистической революцией, отставной генерал Юденич не принял. Да и не мог принять по одной простой, но веской причине: старая Рус-

ская армия, службе в которой он отдал всю свою сознательную жизнь, по воле новой власти прекратила существование.

Перед кавказским полководцем встал выбор дальнейшего жизненного пути. Времени для принятия решения он, по сути дела, почти не имел: лозунг новой власти гласил: «Кто не с нами, тот против нас».

Сразу после свержения Временного правительства Юденич оставил родную для него Москву, поэтому он не был свидетелем уличных боев между белыми и красными в Петропрестольной. Генерал негласно перебрался на временное местожительство в город на Неве, по всей видимости, надеясь на какие-то изменения событий.

Однако ни в каких политических акциях в Петрограде участия Юденич не принимал. Хотя и не стоял, как казалось тогда многим его знакомым, в стороне от нарождающегося Белого движения. Хорошо знакомый ему генерал М. В. Алексеев с середины октября уже формировал подпольную военную структуру — так называемые «офицерские пятерки», позднее из них возникла белая «Алексеевская организация».

Юденич не был ее участником, но, вне всякого сомнения, хорошо знал о ней, ее целях и задачах. Ему стало известно и воззвание Алексеева на вольном казачьем Дону, куда тот перебрался для начала вооруженной борьбы за старую Россию:

«Русская государственность будет создаваться здесь...»

Обломки старого русского государства, ныне рухнувшего под небывалым шквалом, постепенно будут пробиваться к здоровому государственному ядру юго-востока...»

Бывший главнокомандующий Кавказским фронтом после недолгих размышлений принимает следующее решение. На Юг, на казачий Дон он не поедет, а борьбу с Советами, «могильщиками» государства Российского поведет здесь, на северо-западе. В самом красном Петрограде и на ближайших подступах к нему.

Глава одиннадцатая

ГЛАВА БЕЛОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Юденич полностью переходит на нелегальное положение. Он создает в Петрограде из преданных ему офицеров собст-

венную контрреволюционную организацию. Правда, многочисленностью она, как «Алексеевская» не отличалась. Николай Николаевич первоначально надеялся на антибольшевистское восстание в самом Петрограде, но достаточно скоро убедился в его невозможности.

Петроград с начала 1918 года «бурлил» подпольной политической жизнью. Гражданская война, начавшаяся на юге России, только стимулировала такого рода деятельность. Юденич и его соратники устанавливают контакты со многими контрреволюционными организациями самой различной направленности.

У группы Юденича были хорошие связи с Гвардейской офицерской организацией, в состав которой вошли кадровые офицеры расформированных Советским правительством полков Русской гвардии — Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского, Павловского, Гренадерского, Литовского, Московского, Стрелковых — 1-го, 2-го Царскоевского, 3-го и 4-го, Кавалергардского, Конно-Гренадерского и других, составлявших до 1914 году ядро петроградского гарнизона.

Эта подпольная антибольшевистская организация отправила немало офицеров-фронтовиков на юг страны, где в городе Новочеркасске, столице Донского казачьего войска, шло формирование Добровольческой армии. Ее создавали генералы М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов и А. И. Деникин, хорошо знавшие друг друга.

От руководителей организации гвардейских офицеров Юденич узнает о том, что недавний противник России в Великой войне — кайзеровская Германия идет на консолидацию военных антибольшевистских сил в России. Естественно, Берлин делал это в своих интересах и вовсе не собирался ценой крови немецких солдат восстанавливать правление династии Романовых, свергая Советскую власть.

Стало известно, что представитель Гвардейской офицерской организации ротмистр П. фон Розенберг, происходивший из немецких прибалтийских баронов, в июле 1918 года имел официальную беседу с посланцами Берлина. В петроградском помещении Прибалтийской миссии он встречался с представителем германского оккупационного командования на Востоке.

Цель такой встречи была понятна. Берлинский эмиссар, обладавший официальными полномочиями для ведения переговоров, стремился установить самые тесные контакты с офицерскими антибольшевистскими силами, прежде всего прогерманской ориентации.

Ротмистру П. фон Розенбергу было прямо заявлено, что германское командование готово начать в оккупированной части России формирование русских добровольческих воинских частей для похода на Петроград и Москву. Сама Германия, для которой Первая мировая война на Западном, Итальянском и других фронтах еще не закончилась, не могла начать наступление собственными силами.

Юденича в этой информации заинтересовало следующее. Берлин был готов оказать содействие созданию одной из таких белых добровольческих армий на северо-западе России, в непосредственной близости от красного Петрограда. А точнее — в Прибалтике.

Однако генерал еще не знал тогда следующее. Берлин с самого начала контактирования с антибольшевистскими организациями вел двойную игру. Германия в своих интересах больше всего желала бы установить контроль над новой Россией, а не бороться против нее с оружием в руках своими войсками.

Об этом со всей достоверностью свидетельствуют многочисленные факты. Так, высокопоставленный берлинский чиновник, статс-секретарь фон Кюльман так инструктировал посла Германии в Москве:

«Используйте, пожалуйста, крупные суммы, поскольку мы чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы большевики выжили...

Мы не заинтересованы в поддержке монархической идеи, которая воссоединит Россию...»

Юденичу в то время было достоверно известно, что и Германия, и бывшие союзники России по Антанте стремились прежде всего пожинать плоды Первой мировой войны. Той войны, в которой благодаря сепаратному Брест-Литовскому мирному договору Советская Россия в числе победителей не оказалась.

Как бы там ни было, но летом 1918 года Николай Николаевич Юденич, ощутив необходимость военного и политического сотрудничества с командованием Германии, на-

чинает делать свои первые шаги в этом направлении. Можно утверждать, что в Берлине сразу же заинтересовались личностью такого известного по Кавказу полководца, одно имя которого уже обещало немцам известный успех в начатом деле.

Но первоначально Юденич имел конспиративную встречу с ротмистром П. фон Розенбергом. Речь шла о германских намерениях относительно борьбы с большевизмом и будущего России:

— Господин ротмистр, как вы лично оцениваете серьезность намерений германского командования относительно помощи Белому движению здесь, на северо-западе России?

— Господин генерал, беседа, проведенная мной в Прибалтийской миссии, сомнений на этот счет у меня не вызывает. Даже наоборот.

— Почему?

— Германия сама столкнулась с проблемой большевизма в собственной стране.

— Значит, можно верить в поддержку Белого движения со стороны немцев?

— Точно так, господин генерал.

— Что германское командование может дать Добровольческой армии здесь, на северо-западе, в случае ее формирования?

— Как мне было сказано, это прежде всего оружие и боеприпасы. Вполне возможно — обмундирование, часть продовольствия, военных советников.

— Насчет советников — это совершенно излишне. У нас достаточно офицеров с прекрасным боевым опытом.

— Немецкая сторона подразумевает под военными советниками прежде всего военных наблюдателей.

— Рассматривались ли вопросы финансирования создаваемой Белой армии?

— Да. Но здесь конкретного я услышал, увы, мало.

— Может быть, в решении денежной проблемы вам давались какие-нибудь советы?

— Об этом речь велась как-то вскользь. Было сказано, что можно надеяться на финансовую поддержку стран Антанты и даже эстонского правительства, занявшего открыто враждебную позицию к Советам.

— Что ж, это уже что-то. Позиция Эстонии мне известна.

— Большевики сейчас в своих газетах власти Ревеля называют не иначе, как белоэстонскими.

— Что вы еще, господин ротмистр, можете сообщить мне?

— Нечто очень важное для вас, Николай Николаевич. Германское военное командование очень заинтересовано в деловом сотрудничестве лично с вами.

— Известна ли им моя позиция относительно будущего нашего Отечества, — России единой и неделимой?

— В разговоре речь об этом не велась.

— Тогда, господин фон Розенберг, передайте своему недавнему собеседнику, что я готов принять содействие германской стороны в борьбе с Советами здесь, под Петроградом.

— Будет исполнено, господин генерал.

— Как долго мне надо ждать официального ответа на мое предложение?

— Думаю, что ответ немцев не заставит себя ждать...

Ответ германского эмиссара в Петрограде действительно не заставил себя долго ждать. Время торопило заинтересованные в военном сотрудничестве стороны.

Генерал Н. Н. Юденич вступает в самый тесный контакт с Н. Е. Марковым, авторитетным человеком в антисоветском подполье в России того времени, являющимся одним из руководителей «Комитета петроградских антибольшевистских организаций» — отделения небезызвестного «Правого центра».

Результатом их нескольких тайных встреч стало вручение ротмистру-гвардейцу П. фон Розенбергу полномочий на продолжение переговоров с германской стороной.

Итогом встреч барона Розенберга с германским представителем стал совместно выработанный проект создания русской добровольческой армии на северо-западе. Среди пунктов проекта, представленных Юденичу, обращали на себя внимание следующие:

«Формирование армии должно производиться... под прикрытием германских оккупационных войск.

Командующим армией, с диктаторскими полномочиями, должен быть назначен русский генерал с популярным боевым именем, причем желательно было бы назначение генерала Юденича, генерала Гурко или генерала графа Келлера.

В одном из городов оккупированной области, перед началом формирования, должен быть создан Русский монархиче-

ский съезд, имеющий своей задачей выделить из своего состава Временное правительство России.

Армия по окончании формирования должна быть приведена к присяге законному царю и Русскому государству.

Все установления политического характера должны быть вынесены на Монархическом съезде и утверждены избранным Временным правительством...»

Этот документ был ничем иным, как проектом будущего договора между заинтересованными сторонами перед походом белой добровольческой армии на красный Петроград и последующим восстановлением монархии Романовых в России. Николай Николаевич Юденич без колебаний согласился с содержанием этого проекта, тем самым поставив себя в ряды крайне правых в Белом движении, то есть официально объявив себя убежденным монархистом.

Германская сторона осталась довольна завершением переговоров. Ее эмиссар покидает Петроград и убывает в литовский город Ковно (ныне Каунас), там тогда находилась Главная квартира германского военного командования на Востоке.

Ротмистр П. фон Розенберг, наделенный полномочиями петроградского антибольшевистского подполья, пробирается в город Псков, оккупированный немецкими войсками. Там ему позволяют воспользоваться услугами германских курьеров, легально и регулярно ездивших в город на Неве, в Германскую миссию.

Германское командование без особых проволочек дало разрешение для прохода через позиции своих войск на Псковщине белым офицерам из любых антисоветских организаций. Добровольцы, в том числе и из организации Юденича, осуществляли переход из «Совдени» через советско-германскую демаркационную линию.

За неделю через «границу» пробиралось всего до десятка человек. В Пскове белые добровольцы занимали открывшееся в городе русское комендантское управление. Оно существовало при штабе расквартированной здесь 5-й германской дивизии.

Немецкое командование действительно оказывало добровольцам «посильную» помощь. Им было разрешено оборудовать в Пскове общежитие и было выделено помещение в бывшем гарнизонном офицерском собрании на Сергиевской ули-

це. Оно стало местом различных встреч для участников Белого движения. Кроме того, здесь можно было дешево поесть и просто провести время.

Пока в офицерском собрании шли только жаркие дискуссии на политические темы. На Сергиевскую улицу зачастили такие общественные деятели-эмигранты, волей случая оказавшиеся в Пскове, как Г. М. Дерюгин и А. П. Горский, бывшие сенаторы Н. И. Туган-Барановский и Н. Н. Лавриновский. Все они имели определенную известность в российских общественных кругах.

Чаще всего обсуждалась идея создания в Пскове русского воинского формирования, благо добровольцев все прибывало и прибывало. Нашелся и человек, который стал своего рода центром подобных дискуссий. Им оказался не военный, а сугубо гражданский — бывший земский начальник, исполнявший теперь роль переводчика при немецком дивизионном штабе Б. Б. Линде.

Белые «псковитяне», томившиеся мыслью о собственном военном бездействии в то время, как на российском юге деникинская Добровольческая армия вела ожесточенные бои с Красной Армией, создали так называемую инициативную группу. В нее вошли ротмистры Розенберг, Гоштовт, капитан Тарновский, подполковник барон Вольф, военный чиновник Радко-Дмитриев, ряд других добровольцев.

Посланец Берлина, который вел в Петрограде переговоры с ротмистром П. фон Розенбергом, вернулся из Ковно на берега Невы только в сентябре месяце. Он привез полное согласие германского командования на осуществление проекта договора немецкой стороны с петроградским антибольшевистским подпольем. Одной из договаривающихся сторон являлся генерал от инфантерии Н. Н. Юденич со своими сторонниками-монархистами.

Получив это сообщение, Юденич стал действовать. В октябре его полномочные представители прибывают в город Псков. Там, на месте, они знакомятся с началом хода формирования белой добровольческой армии, которая первоначально получила название Северной.

Когда представители возвратились, естественно нелегально, в Петроград, Юденич получил от них исчерпывающие сведения о действительном положении дел. Это во мно-

гом и определило то, что Николай Николаевич решил перебраться на свободную от Советов российскую территорию и там начать вооруженную борьбу против красных уже в открытую.

Однако перебраться в Псков или эстонскую столицу город Ревель кавказский полководец не захотел. В конце ноября 1918 года Юденич по фальшивым документам, поездом отправился в близкую от Петрограда Финляндию. Его сопровождали два доверенных человека — адъютант поручик Н. А. Покотилло и начальник личной канцелярии полковник Г. А. Данилевский.

Через границу перебраться удалось без особых приключений: в то время такие переходы еще не таили в себе серьезных опасностей. Старой пограничной стражи уже не существовало, советские же пограничники еще не набрались должного опыта «распознавания» контрреволюционеров.

Юденич до конца жизни сохранял в тайне даже от близких ему людей «кухню» перехода через границу в Финляндию, поскольку достоверно знал, что помогавшие ему люди остались после Гражданской войны в Советской России. Имена белых подпольщиков, переправивших Николая Николаевича с супругой за кордон, стали известны почти через 80 лет после рассекречивания части архивных документов ВЧК 20-х годов по белой военной эмиграции. Один из таких документов гласил:

«Сводка иностранного отдела ВЧК о разведывательной деятельности В. Г. Орлова.

Иностранный отдел ВЧК. Получено 1 февраля 1922 г.

№ 370. Сов. секретно

От н/резидента в Эстонии.

Первоисточник — (не указано).

Степень достоверности — (не указано).

Копии разосланы:

1) т. Пиляру

2) т. Прокофьеву

3)

4)

Начиню ВЧК

Уполномоченный

О разведке Врангеля

Ведение разведывательной работой за границей штабом генерала Врангеля поручено Орлинскому (настоящая фамилия Орлов).

В царское время он был командирован в ставку следователем по важнейшим делам. В его компетенцию входили дела о шпионаже, измене и т. д. Орлов одно время был помощником известного в царское время следователя по особо важным делам Александрова.

Также он принимал участие во время войны в комиссии Батюшина в расследовании по делу полковника Мясоедова и др.

После октябрьского переворота он получает место председателя Уголовной комиссии, которая помещалась на Фонтанке в быв(шем) доме жандармской полиции (у моста, у Летнего сада). Параллельно Орлов под фамилией Орлинский служит у англичан, все время отправляя и руководя пунктами по отправке офицеров в Архангельск. Связь он поддерживает с ныне расстрелянным Экеспарре Алекс. Алекс. и Жижиным Ник. Ник.

После разгона английского консульства в Петрограде и убийства лейтенанта Крами денежные отпуска на работы прекратились, вследствие чего было решено дальнейшее существование группы поддерживать налетами, для чего воспользовались группой быв(ших) морских офицеров Вас. Вас. Тихомирова, состоящей из 30 человек офицеров, юнкеров и кадет. Ими был произведен ряд налетов, но вскоре (в конце 1918 года) Тихомиров был вынужден бежать из Петрограда.

Орлов входит в контакт с имеющейся в Петрограде белофинской организацией и начинает работать у них, которая и продолжается вплоть до января 1919 года. Во главе этой организации был А. А. Алеман, бывший офицер, финский подданный. Организация помещалась на Гончарной улице в доме финского подданного (кажется, 14) и на Литейном проспекте, 35.

В составе организации были А. А. Муранек, б(арон) Трантман (расстрелян), Ф.Ф. Дигель, Сильфорс и другие. Имелись большие средства как от финнов, так и немцев (Бартелс — консул в Швеции). Организация в январе 1919 года выбыла в Финляндию, сохранив связь с Питером (через пропускной пункт в Белоострове).

Ими были перевезены из Питера: генерал Юденич с женой (Трантман и Шувалов), ген(ерал) Арсеньев и др. Орлинский бежал также в Финляндию, откуда перебросился к Деникину, где получил пост завед(ующего) контрразведкой и разв(едкой). При Врангеле командирован в Берлин, где находится ныне, руководя работой для Врангеля не через Миллера, коему посылает копии. Его адрес: Берлин, Шарлоттенбург, Пивбурштрассе, 71, Стенслов. Псевдонимы: Орест Боровий, Вячеслав Орбанский.

До настоящего времени поддерживает связь с Бартелсом, адрес коего: Берлин, Вильгельмштрассе, 64, Стаатском, консул Бартелс. Прилагаю при сем переписку между Орловым и нашим осведомителем.

С подлинным верно.

Копия с копии верно: сотр. д.п. (Подпись неразборчива)».

...Так генерал Юденич оказался на территории Финляндии. Он прибывает по железной дороге в ее столицу город Гельсингфорс (ныне Хельсинки) и останавливается там, сразу же начав политическую и организационную деятельность среди русской белой эмиграции, оказавшейся здесь довольно многочисленной.

Обстановка для такого рода деятельности в столице Финляндии оказалась самой благоприятной. В стране, получившей в декабре 1917 года от Советской республики признание национальной независимости, только что закончилась собственная Гражданская война. Отряды Финской Красной гвардии были разгромлены войсками германского экспедиционного корпуса и белофиннами (Белой гвардией) и вытеснены в пределы «Совдепии».

В той кровавой междоусобице в Финляндии главным силам русского флота, базировавшегося на морской крепости Свеаборг под Гельсингфорсом, в середине марта — начале апреля 1918 года удалось уйти в Кронштадт. Тогда же, в апреле, отгремели последние выстрелы в приграничном финском городе Выборге.

Город Ригу захватили немецкие войска из 6-го резервного корпуса генерал-майора графа фон дер Гольца, к слову сказать, ставшего в 1934 году фюрером Немецкого имперского союза бывших офицеров. Латвия стала «знакомиться» с германской властью или вернее — с ее военной администрацией.

С советской властью в Прибалтике было покончено при самом активном участии армии Германии. Уже одно это обнадеживало сторонников Белого движения на северо-западе России.

Уже находясь в Гельсингфорсе, Юденич ознакомился с окончательными условиями формирования русской добровольческой армии. Они были выработаны на переговорах с германской стороной. В состав русской делегации входили Линде, ротмистры Розенберг и Гершельман, капитан Тарновский.

После четырех заседаний был создан документ. Каких-то споров по содержанию его пунктов не случилось. Условия создания военных сил Белого движения на северо-западе России в окончательном варианте гласили:

«1. Русская добровольческая Северная армия, по соглашению с Императорским Германским правительством и при посредстве Главного Германского военного командования на востоке, начинает свое формирование 10 октября 1918 года.

2. Районом формирования указанной армии назначаются оккупированные части Псковской и Витебской губерний — с городами Псков, Остров, Изборск, Режица и Двинск.

3. Формирование армии будет происходить в названном районе под прикрытием германских оккупационных войск.

4. Армия будет комплектоваться:

- а) местными русскими офицерами и добровольцами;
- б) таковыми же перебежчиками из Советской России;
- в) таковыми же из других оккупированных германцами русских областей;
- г) таковыми же военнопленными, находящимися в Германии...

5. Командующим армией, с диктаторскими полномочиями, назначается русский генерал с популярным боевым именем, желательно, при согласии — генерал Юденич, генерал Гурко или генерал граф Келлер.

6. Денежные средства на содержание армии отпускаются германским правительством заимообразно Русскому государству...

7. Вооружение, снаряжение, шанцевый инструмент, обмундирование, продовольствие и технические средства даются германским правительством...

8. Армия по окончании формирования приводится к присяге Законному Царю и Русскому государству.

9. На формирование армии дается срок не менее двух с половиной месяцев...

10. По сформировании армии германские войска отходят на новую демаркационную линию и сдают старую русским войскам.

11. За месяц перед своим отходом германские военные и гражданские власти сдают все управление армейским районом таковым же русским властям.

12. При армии остаются для связи три германских офицера...

13. Германские войска при наступлении не участвуют в подавлении большевизма, но следуют за армией для поддержания внутреннего порядка и престижа власти.

14. После занятия Петербурга объявляется военная диктатура, причем диктатором будет командующий Северной армией.

15. Задачи армии:

- а) защита указанного выше армейского района от большевистского нашествия;
- б) движение вперед для взятия Петербурга и свержения большевистского правительства;
- в) водворение порядка во всей России и поддержка законного русского правительства».

Белая добровольческая Северная армия формировалась на совершенно иных принципах, чем создавались белые армии на юге России во главе с генералами Корниловым, Алексеевым и Деникиным, в Сибири адмирала Колчака и на Русском Севере — генерала Миллера. Отличие было прежде всего в утверждении монархической идеи, сторонником которой оставался и Юденич.

Вышеизложенный документ декларировал, что создаваемая белая добровольческая Северная армия должна присягнуть «Законному Царю». А так как свергнутый император Николай II вместе с семьей и близкими людьми был расстрелян в июне этого года в Екатеринбурге, то новый российский монарх должен был быть выдвинут «Русским Монархическим Съездом».

Ознакомившись с копией заключенного договора, Юденич обсудил его со своим окружением. Его больше всего за-

интересовали пункты, которые касались взаимодействия германских и белых добровольческих войск и выбор командующего Северной армией из русских генералов «с популярным боевым именем»:

— Ясно одно: германское командование намерено расширять зону оккупации руками и кровью добровольцев.

— Николай Николаевич, но немцы же берут на себя обеспечение порядка на очищенных от большевиков территориях.

— Берут-то берут, но сколько с этих территорий уйдет поездов с русским добром, никто сказать не может.

— Но ведь за германскую помощь все равно придется расплачиваться, как записано в договоре после нашей победы.

— Придется. Только тогда цена будет другая, конкретная.

— Будете ли вы, ваше превосходительство, настаивать на своей кандидатуре на пост командующего Северной армией?

— Нет, решительно не буду.

— Почему, Николай Николаевич? Ведь из всех трех названных в пункте пятом вы самый титулованный и опытный. За вами слава Кавказской армии и фронта.

— Для германского военного командования наиболее приемлема другая кандидатура.

— Чья же? Графа Келлера или генерала от кавалерии Ромейко-Гурко?

— Непременно Келлера Федора Артуровича. Только его.

— Тогда какова будет ваша руководящая роль на северо-западе России?

— Пока не знаю. Но думаю, что в самом скором времени все устроится...

Юденич не ошибся, назвав кандидатуру 61-летнего генерала от кавалерии Федора Артуровича Келлера самой подходящей для Берлина и политических руководителей Белого движения на посту командующего Северной армией. Графа Келлера Николай Николаевич знал давно и в чем-то даже преклонялся перед этим неординарным человеком, показавшим свою твердость монархических убеждений в февральских событиях памятного 1917 года.

Келлер действительно был заметной фигурой среди командования Русской армии. (Он был племянником героя Русско-японской войны графа Ф. Э. Келлера, чем очень гордился.) С началом Русско-турецкой войны 1877–1878 годов за освобождение православной Болгарии от векового осман-

ского ига он оставил стены Тверского кавалерийского юнкерского училища и ушел добровольцем на войну. За личную храбрость был награжден солдатским Георгием 3-й и 4-й степеней. Во время революционных потрясений 1905–1907 годов исполнял обязанности временного Калишского генерал-губернатора. В этом польском городе был ранен и контужен взрывом брошенной в него террористами-социалистами бомбы.

Первую мировую войну генерал-лейтенант Келлер встретил в должности командира 10-й кавалерийской дивизии. Отличился в ходе Галицийской битвы и особенно под городом Яворовым. Весной 1915 года у Баламутовки и Ржавенцев провел знаменитую кавалерийскую атаку силой 90 (!) эскадронов и казачьих сотен возглавляемого им 3-го конного корпуса, состоявшего из 10-й кавалерийской, 1-й Донской казачьей и 1-й Терской казачьей дивизий. (В том бою было взято в плен около 4 тысяч австро-венгерцев.) Был награжден за время войны, среди прочих орденов, Святым Георгием 4-й и 3-й степеней, в январе 1917 года получил звание полного генерала — генерала от кавалерии.

Но известность он приобрел на несколько ином поприще. Убежденный монархист, узнав об отречении императора Николая II, направил ему личную телеграмму, предлагая свои услуги и вверенный ему конный корпус для подавления мятежа. Однако последний Романов так и не рискнул на подавление революционного брожения в империи военной силой: не желая пролития крови соотечественников, своих вчераших верноподданных.

Узнав о решении всероссийского самодержца, граф Келлер в сердцах сказал своим штабистам:

— Российскую державу надо спасти не отречением и милосердием, а рукой военного человека, верного «Вере, Царю и Отечеству». И только так, а не иначе.

Один из офицеров спросил своего генерала:

— Федор Артурович, что же теперь будет с Россией, с ее армией? Ведь с отречением государя пропадает единоначалие и единовластие.

На это Келлер с присущей ему прямоотой ответил:

— Державу и Русскую армию ждет анархия и беды. Дай только Бог, чтобы в этом развале нашлась бы сильная рука, чтобы стать под нее для спасения Отечества.

— Дай Бог и нам участвовать в этом праведном деле.

— Не беспокойтесь, господа. В грядущей мясорубке трудно будет удержаться где-то в стороне: идет большая смута...

Когда на Юго-Западном фронте был получен текст присяги Временному правительству, генерал Келлер отказался приводить к присяге свой конный корпус, — для него существовало только монархическое правление. За неповиновение он был отправлен в отставку.

Поселившись в Харькове, граф Келлер не принял предложения отправиться на Дон и вступить в ряды Добровольческой армии. Он переехал в Киев, где был назначен гетманом П. П. Скоропадским главнокомандующим войсками на территории Украины с подчинением ему местных гражданских властей. Но вскоре Келлер был перемещен на другую должность из-за своих взглядов на будущее России: восстановление монархии и возрождение «великой и неделимой» империи.

Получив предложение возглавить формируемую в Псковской и Витебской губерниях добровольческую Северную армию, граф Келлер дал согласие, но выехать из Киева не успел. Он взял на себя руководство обороной города от войск Симона Петлюры, но ввиду невозможности сопротивления распустил подчиненные ему вооруженные отряды. Келлер был убит петлюровцами выстрелом в спину на киевской Софийской площади у памятника Богдану Хмельницкому.

Повод для расстрела прославленного на войне русского военачальника у петлюровцев «нашелся» весомый. Они не хотели, чтобы на их земле восстановилась прежняя власть, а генерал Келлер на всю Малороссию заявил:

— Через два месяца поднять Императорский штандарт над священным Кремлем!..

Речь, разумеется, шла о Московском Кремле. По такому случаю в Киево-Печерской Лавре отслужил молебен сам митрополит Антоний Храповицкий, будущий глава Русской Православной Церкви за границей. Благословил графа Келлера на такой воинский подвиг и глава Церкви патриарх Тихон.

Единственно, что успел сделать генерал Келлер по командованию белой Северной армией, так это отправить своим бойцам-добровольцам послание. Оно было распространено среди них в листовке под названием «Призыв старого солдата»:

«За время трех лет войны, сражаясь вместе с вами на полях Галиции, в Буковине, на Карпатских горах, в Венгрии и Румынии, я принимал часто рискованные решения, но на авантюры я вас не вел никогда. Теперь настала пора, когда я вновь зову вас с собою, а сам уезжаю с первым отходящим поездом в Киев, а оттуда в Псков...

За Веру, Царя и Отечество мы присягали сложить свои головы — настало время исполнить свой долг...

Время терять некогда — каждая минута дорога! Помните и прочтите молитву перед боем — ту молитву, которую мы читали перед славными нашими победами, осените себя крестным знаменем и с Божьей помощью вперед за Веру, за Царя и за целую неделимую нашу родину Россию».

Но самовольно стать во главе белой Северной армии граф Келлер не решился. Он послал из Киева главнокомандующему Добровольческой армии на юге России генерал-лейтенанту А. И. Деникину телеграмму следующего содержания:

«Признаете ли Вы меня командующим Северной Псковской монархической армией или мне следует сдать эту должность?»

Естественно, что Келлер получил от Деникина только официальное признание его новой должности. Хотя нового командующего еще не было в городе Пскове, там образовался Совет обороны Северо-Западной области.

В Пскове было объявлено о наборе добровольцев в белую армию, что приветствовалось в Гельсингфорсе Юденичем и всей белой эмиграцией в Финляндии. Николай Николаевич телеграфировал в Псков:

«Желаю воинам-добровольцам Северной армии больших и скорых побед и взятия красного Петрограда...»

За первую неделю в вербовочных пунктах в ряды создаваемой армии записалось полторы тысячи человек, из которых шестьсот были офицерами. Очень много оказалось добровольцев из числа унтер-офицеров старой Русской армии. Создаваемые войска подчинялись во всем только своему командованию, поскольку в расквартированной в Пскове германской дивизии началось «революционное брожение».

В Северной армии восстанавливались воинские уставы Российской Императорской армии. Только теперь в обра-

щении к офицерам не требовалось произносить слова «ваше благородие», «ваше превосходительство»... Эти обращения заменялись на «господин поручик» и так далее. Командиры обращались к нижним чинам только на «вы», а не на «ты».

Форменное обмундирование было преимущественно русского образца, благо почти все мужчины Псковской губернии ходили в одежде фронтовиков. Был только добавлен отличительный знак: на левом рукаве угол из российского триколора острием кверху, а в его середине — белый крест.

Юденич был достаточно хорошо проинформирован о составе Северной Псковской армии. К концу октября она состояла из 1-й стрелковой дивизии под командой генерала П. Н. Симанского трехполкового состава. Каждый полк имел по 500 человек, составлявших два батальона. Имелись и отдельные полки: 1-й стрелковый добровольческий Псковский полковника Лебедева, 20-й стрелковый Островский полковника Дзержинского и 3-й Режицкий полковника фон Нефа.

Кавалерии имелось совсем мало. В городе Острове стояло 150 конников-партизан полковника лейб-гвардии Уланского полка Бибикова. В Режице — конный отряд белых партизан такой же численности под начальством полковника Афанасьева.

Однако перед началом боевых действий Северная армия получила неожиданное усиление. На сторону белых перешел от красных эскадрон из 400 кавалеристов с 2 орудиями и 8 пулеметами под командованием поручика Б. С. Пермикина.

Затем ночью через советско-германскую демаркационную линию в районе железнодорожной станции Карамышева прорвался конный полк лихого штабс-ротмистра С. Н. Булак-Балаховича, которому суждено было стать заметной фигурой в Гражданской войне. Его полк насчитывал 1120 конных бойцов с 2 трехдюймовками и 4 пулеметами. Ядро полка Булак-Балаховича, сформированного еще весной 1918 года, составлял партизанский отряд офицера Пунина, действовавшего во время Первой мировой войны против германцев в окрестностях города Риги.

В это время 5-я германская дивизия митинговала, и ею фактически управлял Совет солдатских депутатов. Когда 13 ноября ВЦИК Советской республики аннулировал

Брест-Литовский договор, немцам было предложено покинуть город Псков. Что они и сделали, предварительно распродав большую часть дивизионного имущества.

Власти германского командования в городе Пскове и его окрестностях фактически уже не существовало. Белоэстонцы тоже пока не претендовали на древнюю Псковщину. «Хозяином» города неожиданно для многих стал Булак-Балахович, теперь уже подполковник белой армии.

Булак-Балахович со всей присущей ему решительностью ввел свой конно-партизанский отряд в Псков или, говоря точнее, — захватил его военной силой. Власть была установлена белая, и началось преследование красных, то есть сторонников Советской власти. Прошли публичные казни.

Через сутки в городе появилась газета под названием «Новая Россия освобождаемая», в которой на первой полосе был напечатан следующий приказ Булак-Балаховича за № 1:

«Разбив главные силы противника, пытавшиеся прорваться к Пскову, 29 мая я прибыл в город и, согласно приказа главнокомандующего эстонскими войсками и командующего войсками отдельного корпуса Северной армии, принял командование военными силами Псковского района.

Комендантом Псковско-Гдовского района назначается подполковник Куражев. Комендантом гор. Пскова назначается капитан Макаров.

Ввиду невозможности для военной власти принять на себя заботы по устройению местной жизни и невозможности задерживать местное устройство, — право и обязанности местной гражданской власти временно вручаю образуемому из пользующихся общественным доверием лиц Общественному Гражданскому Управлению города Пскова и уезда, постановления и решения которого, контролируемые военным комендантом, обязательны для всех граждан.

Вручением гражданских функций местным общественным силам Народные Белые Войска доказывают искренность провозглашаемых ими демократических лозунгов.

Пусть все знают, что мы несем мир, устройство и общность.

Населению предлагаю сохранять спокойствие. Мои войска победоносно продолжают свое наступление. Все

попытка противника оказать сопротивление быстро ликвидируются.

Атаман крестьянских и партизанских отрядов
и командующий войсками
Псковского и Гдовского районов,
подполковник Булак-Балахович.
30 мая 1919 г.»

Белое командование, взяв в свои руки Псков, попыталось решить проблему снабжения горожан и войск продовольствием. Реквизиции хлеба и других продуктов в разоренном войной уезде дать ничего уже просто не могли.

На помощь пришла американская миссия, обосновавшаяся в столице Эстонии. Посредником в этом деле стали эстонские власти в лице министра торговли А. Яксона. В занятых белыми районах Псковщины стали производить натуральный обмен американской пшеничной муки на лен. При этом на один вес муки требовалось отдать два веса русского льна, который потом из Ревеля «уплывал» в Англию.

По этому поводу белый партизанский атаман Булак-Балахович издал соответствующий приказ. Он гласил:

«Так население в завоеванных мною у большевиков местностях, а равно и мои войска находятся в критическом положении по снабжению их хлебом и продуктами, настоящим свидетельствую свою готовность оказать полное содействие псковскому льнопромышленному товариществу в меновой торговле продуктами на лен для эстонского правительства.

Командующий войсками Псковского района
полк. Булак-Балахович»

О том, как один из самых известных белых партизан в годы Гражданской войны осуществлял гражданское правление в городе Пскове и в подконтрольных ему уездах Псковской губернии, может свидетельствовать следующий выданный и подписанный им документ:

«Удостоверение
(Копия)

Сие дано начальнику оперативного отделения штаба командующего войсками Псковского района полковнику Стоякину в том, что ему разрешается вступить во временный брак с Н. (в подлинном обозначены полностью имя, отчество и фамилия) впредь до возвращения ее мужа.

Поводом к расторжению брака может послужить также появление во Пскове жены полковника Стоякина.

Командующий войсками Псковского военного района
полковник Булак-Балахович
Вр. и. д. Начальника штаба (подпись)
15 июля 1919 г.
№...
г. Псков»

...Белая добровольческая Северная армия находилась в ожидании прибытия своего командующего графа Келлера. Его обязанности сперва временно исполнял генерал А. Е. Вандам, а затем полковник Г. Г. фон Неф. Начальником штаба последнего стал известный петроградский подпольщик ротмистр П. фон Розенберг.

В этой ситуации 12-тысячная южная группа красной 7-й армии нанесла неожиданный удар по противнику в направлении Пскова. Но большинству из трех белых добровольцев «северян» удалось вырваться из города и его окрестностей. Один из офицеров — участников тех боев — писал в своих мемуарах:

«Весь путь отступления был сплошным боем. Крестьяне, распропагандированные и снабженные оружием чрезвычайной из Торошино, всюду устраивали засады, а артиллерии 15 верст пришлось идти под обстрелом цепи крестьян, преследовавших отступавших. В одной из деревень были избиты и арестованы 12 офицеров. Отряд Балаховича освободил их и воздал должное крестьянам».

В итоге отступления у белогвардейцев осталась узенькая полоска псковской земли с уездным городом Гдовом в качестве «столицы». Красные войска не решились пробиваться к границам белой Эстонии. Вскоре бои затихли.

Надежд на большие успехи у 7-й армии не было: плохо организованная, она к тому же не имела боевого командования. Не случайно Троцкий так отзывался о ней:

«7-я армия была... самой слабой, самой бессильной в ряду многочисленных армий Советской республики».

Была и другая причина того, что красные войска, действовавшие против белогвардейцев-«северян» и белоэстонцев, не смогли добиться более решительных результатов. Красному Питеру стала угрожать новая опасность: из Финляндии в поход выступила 2-тысячная Олонецкая добровольческая

армия. Она стремилась занять восточную часть Карелии и присоединить ее к Финляндии.

Появление этого «игрушечного» войска посеяло в Петрограде настоящую панику. Белые нанесли поражение войскам красной 7-й армии, захватили Видлицу и Олонец и стали угрожать городу на Неве. Но с этой армией удалось быстро справиться.

Находившийся в Гельсингфорсе генерал Юденич пытался разобраться в причинах поражения добровольческой Северной армии и оставления ею города Пскова. Поэтому он согласился с мнением генерала Симанского:

«Полковник Неф обладал узким кругозором и полным отсутствием опыта в руководстве не простым боем, а все же целую операцию. Начальник штаба неопытен, штаб громоздок, неприспособлен к численности отряда, скопирован со штабов Первой мировой войны...»

Связь между штабами и отрядами не налажена...»

Красная 7-я армия продолжала наступление, но теперь севернее Пскова, вдоль Балтийского побережья. 29 ноября красные взяли город Нарву и создали там правительство Эстляндской трудовой коммуны.

Угроза со стороны военных сил Белого движения красному Питеру на время была ликвидирована...

Проживая в Финляндии, добровольный эмигрант Николай Николаевич Юденич случайно сошелся, не строя на то каких-либо планов, с генерал-лейтенантом, командиром кавалерийской дивизии бывшей Российской Императорской армии бароном Карлом Густавом Эмилем Карловичем Маннергеймом. С ним кавказского полководца связывало хорошее знакомство по годам обучения в Николаевской академии Генерального штаба. Маннергейм был с декабря 1918 года регентом Финляндии и главнокомандующим ее армией.

Частые беседы с Маннергеймом позволили Юденичу выяснить отношение властей и политиков Финляндии к Белому движению в России:

— Господин регент, поздравляю вас с полной ликвидацией красной опасности в Финляндии.

— Благодарю вас, господин генерал. Но с этим следует поздравлять не только нашу Белую гвардию.

— Вы имеете в виду германских военных?

— Да, непременно их.

— Как вы относитесь к тому, что финская Красная гвардия нашла убежище в Советской России?

— У меня есть достоверные сведения, что Ленин и Троцкий разбрасывают красных финнов по всем фронтам. Против этого я ничего не имею: пускай умирают за Москву.

— А разве Гражданская война в России не затрагивает интересы Финляндии, господин регент?

— Разумеется, затрагивает: ведь Финляндия была совсем недавно частью Российской империи. Но Советы повели политику далеко не имперскую и подтвердили нашу независимость.

— Однако красная опасность для вас все же остается.

— Да, это так. На юге страны бои носили ожесточенный характер и воспоминания о них тревожат наше правительство.

— Тогда есть смысл армии Финляндии стать союзником Белого движения в идущей по ту сторону границы Гражданской войне. Удар по близкому от Выборга красному Петрограду мог бы решить многое и прославить вас, барон.

— Этого нам нельзя делать.

— Почему, господин регент?

— Причина одна — командование Великими силами выступает за единую и неделимую Россию. А наша Финляндия была ее частью, царским наместничеством, хотя и имела небольшую автономию.

— Но вы можете договориться на сей счет и с генералом Деникиным, и с адмиралом Колчаком.

— К сожалению, они тверды в своих политических взглядах на будущее России. Места для независимой Финляндии нет.

— Вы убеждены в этом?

— Не только убежден, но и имею о том словесные подтверждения.

— В таком случае вы, как противник финской Красной гвардии, должны помочь нам в создании белых добровольческих войск на вашей территории.

— Нашему правительству это крайне нежелательно, хотя я убежденный сторонник Белого движения в России. Я ведь все-таки был генералом царской армии и воевал на стороне императора Николая II против дружественной сегодня Финляндии Германии.

— Значит, на открытую официальную поддержку белой эмиграции в вашей стране нам надеяться не приходится?

— Формально это так. Но неофициально, господин генерал, вы можете на меня рассчитывать.

— Что же, я вам признателен за это, господин барон.

— Можете действовать и дальше на финской территории. Я, как регент Финляндии, буду смотреть на это сквозь пальцы. Но только при одном обязательном условии.

— Что это за условие?

— Белым войскам не будет дозволено вести войну с Советской Россией через финскую границу.

— Какой вы, господин барон, видите для нас выход в такой ситуации?

— Очень простой: в поход на красный Петроград надо идти из Эстонии. Правительство Ревеля и находящиеся там посланцы Антанты полностью на вашей стороне, господин Юденич.

— Да, это я знаю...

Действительно, 1918 год показал, что власти Финляндии не проявляли «классовой» заинтересованности к формированию у себя из добровольцев русской Белой армии. Но на военно-организаторскую деятельность эмигрантов из России правительство и регент барон Маннергейм действительно смотрели сквозь пальцы. Это значило для Юденича и его окружения многое.

Местные власти никак не реагировали на деятельность в Териоках группы русских морских офицеров, занимавшихся вербовкой и отправкой военных на Мурман. И тем более их не интересовала германофильски настроенная группа бывшего премьер-министра России А. Ф. Трепова, объединявшая кадровых офицеров, эмигрантов из числа промышленников и финансистов. Треповцы были в Гельсингфорсе как у себя дома.

Вскоре у регента Маннергейма возникли большие трудности в управлении Финляндией. К власти после выборов пришла так называемая «партия мира» во главе с президентом страны Стольбергом. Теперь уже бывший царский генерал просто не мог оказать Белому движению реальной военной помощи со стороны финской армии.

После убийства в Киеве графа Келлера кандидатура генерала Юденича как командующего белой Добровольческой армии Северо-Запада выдвинулась на первый план. Не торопясь брать на себя это бремя, Николай Николаевич выехал в Шве-

цию: там он постарался прозондировать возможность интервенции бывших союзников России по Антанте против Советов.

9 декабря в одной из гостиниц Стокгольма Юденич встретился с советником британского посольства в Швеции Р. Клайвом и военным атташе (агентом) генералом Я. Боулдером. Разговор шел откровенный:

— Сэр Клайв, я представляю интересы русской военной эмиграции в Финляндии и Эстонии и соратников известного вам российского премьер-министра Трепова.

— Да, господин Юденич, нам известна ваша позиция в русском вопросе. Британское посольство в Стокгольме достаточно хорошо осведомлено о вашей деятельности в Гельсингфорсе. А еще более — на Кавказском фронте.

— Благодарю вас за признание моих союзнических заслуг перед Британией.

— Как мы понимаем, у вас к нам есть серьезный разговор?

— Да. И я очень надеюсь на взаимопонимание.

— Тогда говорите, господин генерал.

— Прежде всего мне хочется высказать главное пожелание своих соратников по борьбе с большевизмом.

— Какое, господин Юденич?

— В кругах русской эмиграции очень обеспокоены тем, что в такое тяжелое для России время ее бывшие союзники по Антанте не столько помогают Белому движению, сколько ссорятся по вопросу о будущем государственном устройстве России.

— Что вы предлагаете?

— Оставить вопрос о государственном устройстве России открытым, до полной победы над Советами.

— Что это даст по вашему мнению?

— Консолидацию внешних и внутренних антибольшевистских сил. Для Белого движения это жизненно важно.

— Как нам известно, вы, господин генерал, по убеждениям стойкий монархист и далеко не демократ?

— Да, это действительно так. Но пока нас, прежде всего военных русских деятелей, волнует не государственное устройство освобожденной от большевиков и прочих социалистов России, а победа над нашим общим врагом.

— В Лондоне известно, что вы находитесь в самых теплых отношениях с германским командованием на Востоке. Так или нет?

— Так, господин Клайв.

— Что же вас заставляет менять позицию по отношению к союзникам по Антанте?

— Прежде всего то, что не английские или французские войска оккупировали Прибалтику и стали фронтовым гарнизоном в русском городе Пскове перед Петроградом, а немецкие.

— Но в Германии идут события, напоминающие вашу революцию, и немецкие оккупационные войска возвращаются на родину.

— Вот поэтому и я, и мои сторонники по Белому движению очень хотели бы, чтобы место немецких оккупационных войск заняли союзные. То есть, чтобы Антанта не допустила ухода германцев с российских территорий без такой замены.

— Но это невозможно из-за отношения английской общественности к событиям в России. У нас уже произошли забастовки докеров, а левые газеты мы не можем закрыть в силу закона о свободе печати.

— Жаль, господин Клайв. В большевизме есть опасность и для британской короны.

— Но мы не допустим появления большевизма на Британских островах ни под каким видом.

— Согласен: Англия не Россия. Однако усиление Красной Армии, военная и политическая экспансия большевистского правительства разве не тревожит вас сегодня?

— Разумеется, тревожит. Некоторые наши политики считают, что борьба с левой опасностью уже в самом скором времени будет вестись все серьезнее.

— Где? В России?

— Нет, у нас в Британской империи.

— Но все же наши союзники обязаны помочь погибающей России хотя бы за то, что дал им Русский фронт в Первой мировой войне. Разве не справедливо было бы так поступить с вашей стороны?

— Согласен, господин Юденич. Поэтому я и военный атташе нашего посольства в Стокгольме генерал Боуллер стою за военную интервенцию против Советской России.

— Однако ваше командование в вопросах организации интервенции достойно серьезной критики.

— Почему же?

— В ваших штабах думают наступать на Москву из Сибири и с Севера. Это маловероятно, господа.

— Но в Сибири военные силы антибольшевизма значительны: у омского правительства огромные людские ресурсы. А в Мурманске уже стоят наши военные корабли.

— Однако наступление из Сибири и Мурманска на советские столицы Петроград и Москву может сорваться из-за недостатка путей сообщения. На железных дорогах России полная разруха еще с начала 1917 года, не говоря уже о сегодняшних днях.

— Мы знакомы с транспортной ситуацией в России: она просто поразительна для такой потенциально сильной страны. Тогда, господин Юденич, как вы смотрите на успех удара Добровольческой армии с юга на Москву?

— С сомнением.

— Почему?

— У генерала Деникина сильная армия, но для наступления на Москву на широком фронте он не имеет достаточно войск. Хотя маневренной казачьей конницы и бронепоездов у него в избытке.

— Что же мешает Деникину и его генералам расширить фронт и начать победный поход на Москву?

— У него не наберется даже минимума войск, необходимых для закрепления на территориях, очищенных от красных.

— А что вы можете предложить в нашей совместной борьбе с большевизмом?

— Прежде всего — захватить Петроград. Для этого самый удобный плацдарм для концентрации белых войск — Финляндия и Эстония. Там есть хорошие дороги и порты, а по нашим разведывательным данным петроградский гарнизон крайне немногочислен.

— С чего, по вашему мнению, надо начинать приготовления для похода на Петроград?

— С занятия союзными войсками портов в Прибалтике, откуда уходят германцы.

— Как вы считаете, сколько для этого потребовалось бы союзных войск?

— Думаю, что можно было бы обойтись 50 тысячами человек. Хорошо снаряженных и дисциплинированных.

— Что дает Белому движению интервенция Антанты в Прибалтике?

— Это позволило бы антибольшевистским силам сформировать в прибалтийских губерниях действительно сильную и многочисленную армию из белых добровольцев. И она могла бы успешно нанести удар по Петрограду.

— Но балтийские порты и Эстония, как вы нам только что сказали, всего лишь один из плацдармов для борьбы с Советами на северо-востоке России. А как быть, по-вашему, с Финляндией?

— Ее правительство и регента барона Маннергейма Антанте следовало бы подтолкнуть к более непримиримой позиции в отношении красной Москвы.

— Что будет, если Лондон и Париж нажмут на Финляндию?

— Она предоставит Белому движению свою территорию для создания воинских формирований.

— Какие у вас резервы в этой стране, господин генерал?

— Сейчас в Финляндии насчитывается одних только русских офицеров от двух до четырех тысяч. Они, как добровольцы, могли бы стать ядром Белой армии Северо-Запада.

— Но эти тысячи надо еще вооружить и снарядить. Не так ли?

— С этим нет больших затруднений. Вооружение и снаряжение можно получить из оставленного в Финляндии в 1917 году русского военного имущества.

— Но как нам известно, белофинны пользуются им, и потому трудно говорить о сохранившихся запасах оружия, боеприпасов и военного снаряжения.

— Эта информация никак не соответствует действительности, господин Клайв.

— У вас есть другая информация на сей счет?

— Да, есть и вполне достоверная на сегодняшний день. Финская Белая гвардия не в состоянии использовать все оставленное военное имущество. В одном Свеаборге, морской крепости, российское военное интендантство и перед войной, и в ее ходе сосредоточило огромные запасы всего необходимого для действующей армии и Балтийского флота.

— Но разрешит ли правительство Финляндии и ее регент вам воспользоваться этими военными ресурсами?

— Такое решение Финляндии зависит от позиции Антанты в этом вопросе.

— Однако тех кадровых военных, что сейчас находятся на территории Финляндии, как нам видится, будет недостаточно для победного похода на Петроград.

— Здесь я могу согласиться с вами. Но мы намерены перебросить в Финляндию из Архангельска и Мурманска еще около 4 тысяч. Есть и еще резервы.

— Какие же, господин Юденич?

— Можно морем перебросить в Финляндию уцелевшие после отступления из Пскова в Эстонию войска Северной Псковской армии. А это еще несколько тысяч повоевавших с красными бойцов...

Выслушав Юденича, советник и военный агент посольства Великобритании в Швеции высказали свое мнение по отношению к планам вождей Белого движения на северо-западе России. И советник Клайв, и генерал Боуллер говорили с достаточной откровенностью, поскольку личных симпатий к Советской республике они не испытывали, если не сказать большего:

— Английское правительство не считает возможным идти по пути давления на Финляндию, чтобы ее правительство и регент Маннергейм разрешили вам начать формирование добровольческой армии на ее территории. Это факт.

— Чем объясняется такая позиция Лондона?

— Прежде всего тем, что британское правительство на днях собирается признать независимость Финляндии и строить с ней межгосударственные отношения.

— Тогда у нас с вами остается Прибалтика с ее портами.

— И это не устроит наше правительство, господин Юденич.

— Но ведь кто-то же должен занять место германцев в Латвии и Эстонии! Кто, как не войска Антанты?

— Наши военные считают, что балтийские порты Рига и Ревель не решат проблем белой армии, которую вы намерены сформировать.

— Чем же можно объяснить такое отношение британского правительства к Белому движению?

— Очень просто, господин Юденич. На Британских островах скоро состоятся выборы и правительство опасается дискредитировать себя неудачами английских военных в России.

— Тогда как быть с заверениями официального Лондона относительно борьбы с большевизмом за союзника — старую Россию?

— Британская империя всецело на стороне Белого движения. Но нам важны его военные успехи, а не политические декларации российских политических деятелей, которых сейчас так много в эмиграции.

— Успехи белых добровольческих армий будут, господа союзники. Вопрос только во времени.

— Союзники уже помогают вам. Советам объявлена экономическая блокада. Ее поддерживают на сегодняшний день Норвегия, Швеция и Дания.

— Но этого слишком мало. Нужна военная интервенция, войска, которые смогли совместно с белогвардейцами совершить поход на Петроград и Москву.

— Наше правительство весьма ограничено в выборе средств для борьбы с большевизмом.

— В таком случае, господин Клайв, я хочу вам сделать заявление от себя лично и бывшего российского премьер-министра Трепова.

— Мы готовы его выслушать, господин Юденич.

— Если союзники будут и дальше занимать такую выжидательную позицию в отношении развития военных событий в России, то они сами могут погибнуть от большевизма...

Юденич возвратился к себе после продолжительной беседы с англичанами в состоянии раздражения. Было совершенно ясно, что на Балтике британских сухопутных войск не предвидится. Конечно, Лондон отправит туда какие-то военные корабли, но их присутствие в Финском заливе будет чисто символическим. На боевые операции против красного Кронштадта англичане вряд ли решатся.

Через неделю Юденич встретился в том же Стокгольме с французским послом де Во. К конкретным результатам и эта встреча не привела.

На следующий день Николай Николаевич передал план антибольшевистской борьбы на северо-западе России, составленный им совместно с Треповым, послу США в Швеции Моррису. Тот от обсуждения каких-либо деталей этого плана просто уклонился, ограничившись общими пожеланиями успеха Белому движению.

После этого в том же Стокгольме у Юденича состоялись пятидневные переговоры с прибывшим в шведскую столицу регентом Финляндии. Но они закончились безрезультатно: барон Маннергейм никак не хотел предоставлять террито-

рию своей страны для формирования Белой добровольческой армии.

В конце 1918 года в Стокгольме проживало немало промышленников и финансистов, бежавших из России. Юденич и Трепов очень надеялись получить от них денежную помощь. Они несколько раз посещали салон графини Орловой-Давыдовой, где собиралась белоэмигрантская элита. Однако все переговоры с состоятельными соотечественниками результатов не дали. Финансовые тузы не хотели раскошелиться на Гражданскую войну в собственном, но покинутом ими навсегда, Отечестве.

Почти безрезультатными оказались и переговоры с прибывшими в Стокгольм официальными представителями буржуазной Латвии. Хотя их очень беспокоило то, что в Красной Армии страны Советов служили многие тысячи красных латышей.

Из Стокгольма Юденич вернулся в Гельсингфорс в первых числах января 1919 года. Проведенные в Швеции переговоры изменили его личную политическую позицию. Он отказался от сотрудничества с прогермански настроенным Треповым и теперь уповал только на помощь государств Антанты, прежде всего Великобритании. Опыт общения с английскими военачальниками на Кавказе генерал за годы войны получил немалый.

Теперь почти всеми признанный глава Белого движения на российском северо-западе просил у союзников по Антанте не экспедиционные войска, а оружие и боеприпасы, военное снаряжение и продовольствие. А также ввода сильного флота в Финский залив, на ближние подступы с моря к красному Питеру.

Юденич открыто не отвечал на вопрос о будущем государственном устройстве отвоеванной России. Здесь он стал полностью солидарен с Верховным правителем России адмиралом Колчаком и главнокомандующим Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенантом Деникиным, которые ратовали за военную диктатуру.

5 января, через два дня после своего возвращения в Гельсингфорс, Николай Николаевич снова встретился с бароном Маннергеймом, который относился к нему с известной долей личной симпатии. На сей раз регент был более уступчив:

— В Стокгольме у меня были беседы с дипломатами посольств государств Антанты, аккредитованными там. Вы, господин генерал, произвели на них благоприятное впечатление.

— Спасибо на добром слове, господин барон. Но я просил у них реальной помощи и ничего не услышал в ответ.

— Помощь вам от Антанты будет. Непременно будет.

— У меня есть такая надежда. Но сейчас мне очень важна позиция вашей страны по отношению к антибольшевистской борьбе, которая сейчас идет внутри России.

— Буду с вами предельно откровенен. В этом вопросе в правительственных кругах Финляндии произошла смена мнений.

— В чем же она выражается, хотел бы я знать?

— Финляндия и ее Белая гвардия могли бы помочь вам очистить от красных Петроград. Благо, что до него от Выборга рукой подать.

— Как я понимаю, такое союзничество может состояться на определенных, заранее оговоренных условиях. Не так ли, барон?

— Именно так, Николай Николаевич.

— Какие же выгоды Финляндия хотела бы получить за участие в борьбе против большевизма?

— Речь идет, прежде всего, о территориальных уступках будущей белой России Финляндии.

— На какие территории претендует ваше правительство?

— В этом нет большого секрета. На часть Карелии и небольшие земли на Кольском полуострове.

— Но вы же знаете мою глубокую приверженность единой и неделимой России. Этих территорий вам не дадут и красные правители. Ни одной сажени российской земли...

Между тем Гражданская война на северо-западе Советской России пока еще только тлеет. В середине января группа решительно настроенных русских офицеров провела в Гельсингфорсе собрание и выбрала инициативную комиссию, которая разработала основы формирования Белой добровольческой армии.

Члены комиссии обратились к генералу Юденичу с предложением возглавить создаваемую армию. Он дал свое принципиальное согласие.

Опорой Юденича стали эмигранты, осевшие в Финляндии. В этой стране их насчитывалось более 20 тысяч человек, из них военнообязанных — 5 с половиной тысяч, в том числе около 2 с половиной тысяч офицеров, подавляющее большинство — фронтовики. Многие из эмигрантов горели желанием с оружием в руках бороться против красной власти.

За 1918 год в Финляндию и Эстонию эмигрировало немало представителей высшей царской бюрократии, столичных промышленников, имевших немалые связи и средства. Они не удалялись далеко от границ Советской России, надеясь на реставрацию прежних порядков и внимательно наблюдая за происходящими в Отечестве событиями.

Именно эти люди и образовали в середине января 1919 года на съезде русских торгово-промышленных деятелей, проходившем в городе Выборге, Русский политический комитет. (Общерусский комитет, Особый комитет, Национальный русский комитет.) Инициаторами его создания стали члены ЦК партии конституционных демократов (кадетов) П. Б. Струве и А. А. Карташев.

Созданный комитет выступал в защиту частных интересов эмигрантов-россиян. Это была политическая организация монархической направленности. Русский политический комитет поддержал желание военной части белой эмиграции в Финляндии и Эстонии организовать поход на красный Петроград с целью его захвата и оказания таким образом помощи белым вооруженным силам юга России и Сибири.

Естественно, генерал Юденич стал не только военным, но и политическим лидером комитета. За него говорило многое — боевой генерал, бывший командующий фронтом, Георгиевский кавалер. Другой кандидатуры у белой эмиграции в Финляндии просто не было.

Поэтому Юденич принял предложение Русского политического комитета возглавить Белое движение на северо-западе России без каких-то колебаний. И сразу же, после официального признания за собой роли белого вождя, стал действовать.

Ядро Белой добровольческой армии на территории Финляндии он формировал исключительно из офицерства, надеясь на его боевые качества, фронтовую закалку и корпоративность. Такая работа шла споро, поскольку в Финляндии,

особенно в ее столице, белые офицеры имели немало неформальных организаций и полковых союзов.

Вскоре генерал Юденич уже открыто заявил о себе. В интервью газете «Северная жизнь» он так изложил свое видение Белого движения:

«У русской Белой гвардии есть одна цель — изгнать большевиков из России. Политической программы у гвардии нет. Она не монархическая и не республиканская. Как военная организация, она не интересуется вопросами политической партийности. Ее единственная программа — долой большевиков. Поэтому мы принимаем в нашу организацию людей независимо от их политических взглядов, лишь бы они не были большевиками или коммунистами. Когда большевики будут низвергнуты, Белая гвардия займется восстановлением порядка».

Почти сразу же при генерале Юдениче из лидеров эмиграции, пребывавших тогда в столице Финляндии, создается так называемое «Политическое совещание». Один из его членов в письме товарищу (заместителю) министра внутренних дел Омского колчаковского правительства В. Н. Пепеляеву так характеризовал это совещание:

«Первейшая задача «Политического совещания» — быть представительным органом, берущим на себя государственную ответственность в необходимых переговорах с Финляндией, Эстонией и проч. вновь объявленными малыми державами. Без таких ответственных переговоров невозможна никакая кооперация наша с ними против большевиков.

Второй задачей Совещания является роль зачаточного и временного правительства для Северо-Западной области. Эта роль требует большого количества людей. Но первая задача превалирует, и потому пришлось ограничиться подбором минимального количества лиц, не могущих вызвать против себя возражений ни в русской среде, ни в Париже, и у Антанты.

Таким путем в Совещании оказались: Юденич как председатель, Карташев — заместитель председателя (иностр./анные/ дела); Кузьмин-Караваев (юст/иция/, агит/ация/); генерал Кондзеровский — начал/ьник/ штаба Юденича; генерал Суворов (работавший в Петербурге с «Нац/иональным/ центром и стоящий на его платформе) — воен/ные/ дела, внутренн/ие/ дела и пути сообщения; Лиа-

нозов (промышленник-нефтяник, юрист по образованию, человек прогрессивный) — торгово-промышлен/ность/, труд и финансы.

В дополнение и помощь этим лицам идет второй, политически не ответственный ряд специалистов, ведающих в качестве товарищей министров: пути сообщения, финансы, агитацию и пр. Так готовимся к событиям».

«Политическое совещание» при командующем белыми силами на северо-востоке России стало своеобразным военно-политическим центром. В него входили А. В. Карташев, И. В. Гессен, Е. И. Кедрин, П. Б. Струве, генералы П. К. Кондырев-Кондзеровский и М. Н. Суворов, промышленники и финансисты С. Г. Лианозов, П. П. Форостовский, В. Н. Троцкий-Сенютович, В. П. Шуберский. Каждый из них являлся человеком, авторитетным в своем кругу.

Фактически «Политическое совещание» стало прообразом будущей белой власти на Северо-Западе, своеобразным мозговым комитетом при военном вожде Юдениче. Тот прекрасно понимал, по фронтовому опыту, что для победы над противником, захватившим власть в России, — большевиками, требуется объединение всех разрозненных по окраинам державы сил Белого движения.

При посредничестве «Национального центра» в том же январе 1919 года Юденич обратился к адмиралу Колчаку с телеграммой, в которой он информировал Верховного правителя России о своей деятельности и просил у него политической и финансовой помощи. Но при этом Николай Николаевич не говорил о каком-то своем подчинении Колчаку и Омскому правительству.

Вслед за этим генерал Юденич отправил схожее письмо лично генералу А. И. Деникину. В письме указывалось среди прочего:

«Если моя личность не угодна адмиралу Колчаку, Вам или союзникам, сообщите, я отойду в сторону, передав дела другому, но не губите само дело».

Опасения были совершенно излишни. Адмирал А. В. Колчак отозвался ответной телеграммой, выслав Юденичу на первое время один миллион рублей. Приветствовал создание еще одного фронта — на Северо-Западе и генерал-лейтенант А. И. Деникин и его соратники по Вооруженным силам юга России.

Колчак давал деньги «Политическому совещанию» и его главе «на наиболее срочные нужды». Узнав о таком шаге Верховного правителя России, раскошелились и финансово-промышленные круги белой эмиграции: они субсидировали кавказского полководца двумя миллионами рублей.

С молчаливого согласия регента Финляндии барона Маннергейма на ее территории постоянно шло тайное формирование Белой добровольческой армии. Но генерал Юденич понимал, что внушительной силой она быть не могла, поэтому он все свои надежды связывал с обосновавшимся в Эстонии Северным корпусом. Его составили части разбитой Псковской армии.

В том же январе 1919 года Юденич попытался было взять под свой контроль оказавшиеся на эстонской территории «Псковские» войска. Он направил к ним своего представителя генерал-лейтенанта Е. К. Арсеньева. Но миссия того закончилась полной неудачей.

«Северян» из-под своего контроля не хотел выпускать главнокомандующий армией Эстонии И. Я. Лайдонер. Он был кадровым военным, в свое время закончившим Николаевскую академию Генерального штаба. Лайдонер прекрасно понимал, что без русских белогвардейцев его плохо обученным, хотя и хорошо вооруженным, ополченцам побед над красными эстонцами не одержать и границ Эстонии за счет Псковщины не расширить.

Командовавший остатками Северной Псковской армии полковник Г. Г. фон Неф сумел привести их в должный порядок, расквартировав у города Валги. В это время красные войска теснили своих противников и Неф пошел на заключение союзного договора с правительством Эстонской республики, слив своих бойцов с эстонскими ополченцами, сражавшимися против сил Эстонского красного правительства, обосновавшегося в городе Нарва. Так командующим русскими добровольческими войсками стал И. Я. Лайдонер, который никак не хотел признать главенство проживавшего в Финляндии генерала Юденича.

Кроме Лайдонера, у Юденича оказался еще один противник в борьбе за командование «северянами». Это был племянник одного из лидеров старой Государственной думы М. В. Родзянко — генерал-майор А. П. Родзянко, представленный к этому званию Временным правительством,

прошедший через всю Первую мировую войну, командир полка и бригады. Он оставил свое имение под Ригой и прибыл в Эстонию.

Родзянко имел известность в Белом движении. Один из его сподвижников оставил о нем такую характеристику:

«Ген. Родзянко — храбрый и способный в обстановке боя для увлечения войск вперед — и только, в остальном человек больших минусов, особенно в области организации и политики и не только в сфере политического, но и обычного житейского такта. Он был уместен на посту командира русских отрядов только при подчинении серьезному и талантливому главнокомандующему».

Родзянко прибыл в Ревель и после заверения в своей лояльности к Эстонской республике получил от ее главнокомандующего в подчинение 2-ю бригаду «северян». Вскоре среди командования началась борьба за власть. Соперником Родзянко стал полковник К. К. Дзержинский, сменивший на посту командира Северного корпуса полковника фон Нефа.

Находившийся в Гельсингфорсе Юденич оказался в крайне затруднительном положении. Он, признанный Колчаком и Деникиным как командующий белыми военными силами на северо-западе России, не мог подчинить себе добровольческие войска по ту сторону Финского залива.

Трудность заключалась еще в том, что для властей ставшей независимой Эстонии он оказался лицом крайне нежелательным. Причина такого отношения к Юденичу была ясна — он стоял за единую и неделимую Российскую империю.

Эстонским министрам, например, стало известно такое высказывание Николая Николаевича:

— Эстонцы требуют признать за ними право самоопределения... Наша беседа на эту тему беспредельна. Никакой Эстонии нет. Это — кусок русской земли, русская губерния. Эстонское правительство — шайка уголовных преступников, захвативших власть...

Поэтому когда политические советники главнокомандующего вооруженными силами Северо-Запада говорили ему о настоятельной необходимости перебраться из Гельсингфорса в Эстонию, в ее столицу Ревель, Николай Николаевич отвечал:

— Я не знаю, как к этому отнесутся эстонские власти.

— Но в Ревеле слушаются глав миссий Антанты, а она вас поддерживает. Не так ли?

— Поддержка союзников мне знакома по Кавказу. Поэтому мне важна позиция эстонцев.

— А разве ею нельзя пренебречь при содействии союзников?

— В том-то и дело, что нельзя. Они хозяева в Эстляндской губернии, а не российские военные и иностранные миссии...

Переговоры Политического совещания и Юденича с эстонскими властями грозили не только затянуться, но и вообще не дать результата. Более того, в мае 1919 года правительство Эстонии не дало разрешения на въезд генерала на территорию республики.

Тогда Юденич пытается повлиять на Ревель окольными путями. В письме генералу Д. Г. Щербачеву, представлявшему Белое движение в Париже, он пишет:

«Я не вижу препятствий державам Согласия нажать на эту более чем ничтожную величину, стоящую поперек нашей дороги, если союзники искренне хотят помочь нам. Порты и пути сообщения Эстонии должны быть переданы в наше ведение на все время военных действий, а еще лучше — приняты в свое ведение союзниками».

Юденич пишет письмо по вопросам новых суверенных государств Балтии и Верховному правителю России адмиралу Колчаку:

«Убежден, что никогда нельзя будет согласиться на независимость Эстонии и Латвии, но нужно будет дать этим областям широкую местную автономию под условием обеспечения всех национальных меньшинств, в первую очередь русского...»

Активная организаторская работа Юденича принесла ему определенную известность в антисоветских кругах за пределами России. Наконец-то, в мае 1919 года Англия начала заметно расширять материальную и финансовую помощь Белому движению. Из Лондона в Гельсингфорс к генералу Юденичу прибыла полномочная британская военная миссия. Начались переговоры.

На проведенных переговорах с членами Политического совещания и с его председателем англичане требовали только одного — полного подчинения верховному правителю

России адмиралу Колчаку. Только в таком случае предлагалась военная и иная помощь.

Причина такого требования лондонского правительства была понятна. Британцы знали Юденича как герmanoфила. Но это были еще не все их опасения. Во время Первой мировой войны на Ближнем Востоке русский полководец проявил жесткую неуступчивость к требованиям высшего командования Великобритании в оказании помощи союзникам, воевавшим в Месопотамии.

Пока шли переговоры с миссией из Лондона, на северо-западе России произошли военные события, повлиявшие на судьбу Юденича. Причиной тому стал генерал-майор Родзянко.

Благодаря своей неумолимой энергии он добился того, что командир Северного корпуса полковник Дзерожинский и начальник его штаба полковник Крузенштерн оказались не у дел в Ревеле, а Родзянко фактически взял на себя командование войсками «северян». Он стал готовиться к походу на Петроград.

Северный корпус, состоявший из добровольцев, к середине февраля 1919 года насчитывал в своих рядах 758 офицеров, 2624 рядовых, 74 пулемета и 18 орудий. То есть он не превышал численности полнокровного пехотного полка Русской армии времен Первой мировой войны.

Особенностью этой армии было то, что немалая часть военных эмигрантов не служила под знаменами последнего всероссийского императора Николая II. В добровольцы пришло много вчерашних студентов и гимназистов, русской молодежи, «увлеченной... лозунгами Корнилова и Деникина и возмущенной формами, в которые вылилась революция при большевиках».

К тому времени от союзников старой России по Антанте для белых «северян» стали поступать оружие и боеприпасы, хотя и не в том количестве, что просилось и обещалось.

Генерал Родзянко решил прорвать оборону красных на нарвском приморском направлении. Здесь белым противостояла красная 6-я стрелковая дивизия, которую начали заменять частями 19-й дивизии. К моменту наступления «северян» на Петроград их противник имел здесь 4432 штыка, 240 сабель, 147 пулеметов и 25 орудий. Но как показали пер-

вые бои, преимущество в боевом духе оказалось на стороне белых.

Буржуазная Эстония была заинтересована в таком наступлении — от Нарвы отбрасывались красные эстонцы. Поэтому Ревель и лично Лайдонер пообещали Родзянко выделить в помощь корабли, которых у белогвардейцев не имелось совсем, и высадить Ингерманландский батальон с моря у пристани Пейпия.

Глава двенадцатая

ПОХОД НА КРАСНЫЙ ПЕТРОГРАД

Белогвардейцы начали свое наступление в ночь на 13 мая. Военные действия начались с удачной «диверсии» отряда решительного поручика Данилова. В его офицерской аттестации не случайно было записано следующее:

«Храбрый из храбрых. Любим солдатами и офицерами. Спартанец в боевой обстановке и личной жизни».

Бойцы даниловского отряда (с шестью подрывниками) были переодеты в красноармейскую форму. Они незаметно пробрались лесом к селу Попкова Гора и разгромили в нем штаб 2-й бригады 19-й красной стрелковой дивизии. В плен попал командир бригады — бывший белый генерал А. П. Николаев, служивший теперь Советской России. Подрывники взорвали полотно железной дороги, и двум бронепоездам противника, курсировавшим по линии Нарва — Гдов, был отрезан путь к отступлению.

Вскоре наступавшие «северяне» уже оказались в районе Гатчины, которая отстояла от Петрограда всего в 45 километрах. Добровольцы вместе с белоэстонцами захватили город Псков. Но на этом их успехи закончились самым неожиданным образом.

Причиной стало... белое восстание на форте «Красная Горка», поднятое подпольной офицерской организацией во главе с комендантом форта Н. Н. Неклюдовым. Обладание «Красной Горкой» давало возможность обстреливать из тяжелых орудий близкий Кронштадт и открывало путь к Петрограду по берегу Финского залива.

Вооруженные мятежи, начавшиеся в ночь на 13 июня в гарнизонах фортов Красная Горка, Серая Лошадь и Обручев, были подготовлены подпольным «Национальным центром» при активном участии контрразведки добровольческого Северного корпуса.

В то время, когда корабли Балтийского флота трое суток обстреливали из орудий крупного калибра мятежный форт, который уже штурмовали красные сухопутные войска из состава 7-й армии, защитники форта ожидали скорой помощи от Северного корпуса Родзянко. Но случилось непредвиденное.

Посланцы с «Красной Горки» удачно добрались до расположения белых сил, но вышли на позиции эстонского Ингерманландского полка. Его командир не доложил генералу Родзянко об антисоветском восстании на форте, а прибывших из него людей приказал расстрелять. Судьба восставшего гарнизона «Красной Горки» тем самым была решена. Мятежники взорвали часть укреплений мощного форта и стали пробиваться к белым...

Юденич все же добился своего. В середине июня в Гельсингфорс пришла официальная телеграмма от Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака с указом о назначении генерала от инфантерии Н. Н. Юденича Главнокомандующим всеми российскими сухопутными и морскими силами, действующими против большевиков на Северо-Западном фронте в Прибалтийском районе.

Так красный Петроград и его защитники получили в лице бывшего командующего Кавказским фронтом серьезного противника. Он был далеко не чета лихому генералу Родзянко, мало разбиравшемуся в тактике и военном искусстве и больше уповавшему на личный командирский порыв в бою.

Закончив переговоры с бароном Маннергеймом о будущих совместных действиях, Юденич совершил поездку в Эстонию и на месте ознакомился с состоянием Северного корпуса. Первые впечатления обнадежили Главнокомандующего.

Успех «северян» привел к тому, что в ряды белых войск усилился приток добровольцев: в июне их было около 20 тысяч штыков и одну тысячу сабель. Это была уже серьезная сила для того, чтобы угрожать красному Петрограду.

Но в это время разладилось взаимодействие с союзниками-белозестонцами. Причиной стало то, что белогвардейцы разоружили Ингерманландский полк, командир которого предал восставший гарнизон форта «Красная Горка». А генерал Родзянко издал приказ о своем выходе из подчинения главнокомандующему армией Эстонии Лайдонеру. Северный корпус переименовывается в добровольческую армию Северо-Запада или иначе — в Северо-Западную армию.

Поскольку назначение главнокомандующим на Северо-Западе давало Юденичу большие полномочия, он стал принимать меры для усиления Белой армии, готовой продолжить наступление на Петроград. Своим приказом он перебросил под Нарву из Латвии (бывшей Курляндской губернии) белые части полковника князя А. П. Ливена.

Судьба этих добровольческих формирований была такова. Они начали свою историю в Либаве, потом — в Лиенае, затем соединились с отрядами бывших русских военнопленных в Германии, которыми командовали полковники Бермондт и Вырголич. Так появился Добровольческий корпус светлейшего князя Ливена.

Но вскоре из подчинения полковника Ливена самовольно вышли отряды Бермондта и Вырголича, образовавшие «Западный Добровольческий генерала от кавалерии графа Келлера корпус». Его командиром стал П. Р. Бермондт (Авалов-Бермондт), уссурийский казак, усыновленный грузинским князем Аваловым, участник двух войн — Русско-японской и Первой мировой, германofil и ярый монархист.

Добровольцы полковника Бермондта участвовали в борьбе против Советов в Латвии в составе германских войск генерала фон дер Гольца — Балтийского Ландсвера, Железной дивизии, Гвардейской Резервной дивизии. Затем корпус Бермондта, как и князя Ливена, оказался в составе Белой армии Северо-Запада.

Прибыв в добровольческие войска на Псковщине, генерал Юденич встретил довольно холодный прием. Белые в разоренной Гражданской войной области откровенно бедствовали. Жалованья не выдавалось, экспроприации продовольствия не выручали, спасала только американская миссия. Через нее добровольцы получали на день по 800 граммов «беженского» хлеба и 200 грамм сала.

Положение белых на северо-западе России больше всего осложнил... официальный Лондон, у которого желания утвердиться на Балтике оказалось не меньше, чем у разгромленной в Первой мировой войне Германии.

В то время в Прибалтике действовала межсоюзническая военная миссия, осуществлявшая контроль за эвакуацией из стран Балтии германских войск. Главой миссии являлся английский генерал-лейтенант де Гоф. Он руководил снабжением и вооружением прибалтийских армий и белых войск. Гоф всячески поддерживал создание добровольческой армии Северо-Запада под командованием русского полководца Юденича (от которого англичанин так и не сумел добиться признания независимости Эстонии)...

Генерал Юденич, не без настойчивых советов своих иностранных наблюдателей от держав Антанты, начал свою деятельность в новом качестве утвержденного Колчаком Главнокомандующего на Северо-Западе, с... формирования правительства. Процесс его создания больше напоминал политический фарс с переодеванием. Да в той ситуации вряд ли могло быть иначе.

Началось с того, что английский генерал Ф. Дж. Марш, лицо официальное — он был заместителем де Гофа — провел в городе Пскове закрытое совещание. На него он пригласил командование всех белых сил — русских, эстонских и латышских. Там британец поднял вопрос о формировании Северо-Западного русского правительства и заявил, что признание суверенитета Латвии и Эстонии Европой зависит от их участия в походе на красный Петроград.

Через три дня генерал Марш провел совещание в эстонской столице Ревеле. На него он пригласил из Финляндии членов Политического совещания, ряд руководителей белой эмиграции — К. А. Крузенштерна, К. А. Александрова, М. М. Филиппею, М. С. Моргулиеса, В. А. Горна, Н. Н. Иванова и английского газетного репортера Поллака, от которого во многом зависела оценка в Лондоне результативности работы британской миссии в странах Балтии.

Единственно, кого не пригласил на это ответственнойшее для Белого движения совещание английский генерал, был Юденич: в те дни он инспектировал белые части, стоявшие в Нарве.

Инспекционная поездка в Нарву выявила то, что в войсках «северян» фигура генерала от инфантерии Юденича, ставленника находившегося в далекой Сибири Верховного правителя России популярностью не пользуется, даже при всех его боевых заслугах на Кавказе. Так, один из белоэмигрантов в своих мемуарах высказался следующим образом:

«Восторга в рядах армии Юденич не вызвал, на интересующие нас вопросы он ничего не ответил, солдатам ничего не говорил, а в Ямбурге, производя осмотр перешедшим к нам красным... поблагодарил их за службу».

В ревельском совещании участвовали не только англичане, но и представители французской и американской миссий. Они тоже были заинтересованы в консолидации политических сил Белого движения на российском Северо-Западе. Совещание вел британский бригадный генерал Марш.

Перед этим он уже встречался в городе Нарве с русским главнокомандующим Юденичем и предлагал ему собственный список министров еще не созданного правительства. Но Николай Николаевич довольно сдержанно отнесся к предложению настойчивого союзника. Он, как официальное полномочное лицо Верховного правителя России адмирала Колчака, не хотел принимать открытого диктата со стороны англичан. Нарвский разговор был краток:

— Господин Юденич, я уполномочен от британской миссии сделать вам, как главнокомандующему русской армией, предложение.

— Я готов выслушать предложение союзников, господин Марш.

— Речь идет о составе правительства Северо-Запада.

— Но оно еще не создано. Помимо этого гельсингфорское Политическое совещание, как вам должно быть известно, уже исполняет некоторые правительственные функции.

— Но я, как представитель дружественной вам английской короны, веду речь о подлинном российском правительстве.

— Господин Марш, но его еще предстоит создать, а это долгий переговорный процесс.

— Его можно ускорить.

— Не думаю, что решение вопроса о создании правительства так легко осуществимо.

— Я бы хотел, господин Юденич, предложить вам на рас-

смотрение, как главнокомандующему Верховного правителя России адмирала Колчака, список министров этого правительства.

— К сожалению, ни один из них не может получить моего одобрения без одобрения членов Политического совещания.

— Это ваше твердое решение, господин Юденич?

— Да...

На ревельском совещании генерал Ф. Дж. Марш безапелляционно потребовал от собравшихся лидеров русской белой эмиграции немедленно образовать «Северо-Западное русское правительство». Мало того, британский военный сразу же очертил круг задач этого правительства, обязательных к исполнению.

Перво-наперво оно своим правительственным актом должно было признать независимость Эстонии. И без промедлений договориться с ее властями о совместной борьбе против большевистской России. Требование представителя союзной Великобритании на совещании в Ревеле выглядело ультимативно.

Между Маршем и членами гельсингфорского Политического совещания произошла некоторая перепалка:

— Господин Марш, мы не можем подписать такое скоропалительное заявление.

— Почему, господа? Я удивлен вашими словами.

— Председатель нашего Политического совещания генерал Юденич скажет на то свое твердое «нет».

— Вы в этом уверены?

— Непременно.

— В таком случае, господа, я как представитель межсоюзной военной миссии Антанты в странах Прибалтики должен сделать вам предупреждение.

— Какое, господин генерал?

— Если главнокомандующий белой армией генерал Юденич скажет на наше предложение свое нет, то произойдет нечто непоправимое в его биографии.

— Что именно?

— Буду с вами прям и откровенен: у нас готов другой главнокомандующий на его место. Юденича мы можем завтра же заменить на другого генерала.

— Тогда мы должны сообщить вашу позицию генералу Юденичу телеграммой в Нарву.

— Этого нельзя сделать.

— Почему?

— На такие дипломатические шаги у нас с вами просто нет времени, господа политики...

Последующие события на ревельском совещании развивались стремительно, почти детективно.

Было 18 часов 20 минут. Совещание затягивалось со стороны членов гельсингфорского Политического совещания. Тогда, коверкая русские слова, генерал Марш предупредил собравшихся белоэмигрантских деятелей о необходимости создания «Северо-Западного правительства».

Свой ультиматум полномочный представитель Лондона и межсоюзнической миссии в Прибалтике выразил предельно четко, как мог сделать только до мозга военный человек:

— Если к 19 часам правительство не будет создано, всякая помощь союзников будет прекращена. — И, глядя в глаза изумленным сказанным заявлением английского военачальника белоэмигрантам, Марш добавил: — Мы вас бросим.

Более серьезного предупреждения для собравшихся не могло и быть. Единственное, что удалось членам юденичского Политического совещания отстоять под натиском генерала Марша, была приставка к названию создаваемого правительства. Оно, по их коллективному мнению, могло быть только «Временным». На что британец великодушно согласился — своего он добился.

Так было сформировано Временное русское Северо-Западное правительство. Оно сразу же выступило с требуемой союзниками декларацией о признании государственной независимости Эстонии.

Состав «маршевского» правительства оказался смешанно кадетско-социалистическим: представители партий кадетов, правых эсеров (социалистов-революционеров) и меньшевиков (социал-демократов) с «вкраплением» в число министров деятелей официально беспартийных.

Премьер-министром и министром финансов стал известный российский нефтепромышленник Лианозов. Министром иностранных дел — конституционный демократ Александров. Военным министром — генерал-монархист Юденич. Морским министром — вице-адмирал Пилкин, известный в будущем мемуарист белой эмиграции. Минис-

тром юстиции — кадет Кедров. Министром торговли, промышленности, снабжения и народного здравия — Маргулис. Министром продовольствия — социалист Эйшинский. Министром народного просвещения — кадет Эрн. Министром земледелия — правый эсер Богданов. Министром общественного призрения — его соратник по партии Пешков. Министром почт и телеграфов — Филиппе. Министром исповедований — Евсеев. Государственным контролером — меньшевик Горн, автор мемуаров «Гражданская война на Северо-Западе России», изданных в 1923 году в Берлине. И наконец, министром общественных работ был назначен господин Иванов.

Во Временном русском Северо-Западном правительстве, чей состав был определен английским генералом Маршем, обращало внимание одно обстоятельство. Монархизмом в нем, исключая генерала Юденича, даже и не пахло. Равно как и «русским духом».

Первым правительственным документом стал тот, который требовал от участников совещания генерал Марш, — заявление о признании государственной независимости Эстонии от России (то, против чего выступал Н. Н. Юденич). Звучало оно так:

«Заявление (Предварительное).

Эстонскому правительству и Представителям Соединенных Штатов, Франции и Великобритании в Ревеле.

Ввиду настоятельной необходимости образовать демократическое Правительство для Северо-Западной Области России, единственно с которым эстонское правительство согласно вести переговоры с целью способствовать русской действующей армии освободить Петроградскую, Псковскую, Новгородскую губернии от большевистской тирании и учредить в Петрограде Учредительное Собрание, которое либо подтвердит, либо изменит, как можно выразиться на юридическом языке, наши соответствующие назначения, как министров, каковые мы принуждены обстоятельствами, независящими от нашей воли, принять на себя, мы, нижеподписавшиеся, сим заявляем, что Правительство Северо-Западной Области сформировано, как указано ниже.

Как первый акт, в интересах нашей страны, мы сим признаем абсолютную независимость Эстонии и просим представителей Соединенных Штатов Америки, Франции и Велико-

британии добиться от своих правительств признания абсолютной независимости Эстонии.

Премьер-министр Лианозов

Министры: Маргулиес, Иванов, Александров, Филиппео, Горн»

Английский бригадный генерал Марш действительно блестяще, в самые «короткие сроки» справился с поручением убедить белые российские власти признать независимость Эстонии. После этого родился еще один многозначительный документ:

«Эстонскому правительству (Министру Иностранных Дел).

Копия Русскому Министру Иностранных Дел.
(Перевод с английского)

Генерал-лейтенант сэр Губерт Гоф получил Ваше заявление от 11 августа 1919 года, адресованное бригадному генералу Дж. Маршу.

1. Он приветствует ваше уверение, что Эстонское правительство готово оказать всевозможную поддержку вновь сформированному Русскому С.-З. правительству...

2. ...Полковник Пири Гордон, представитель Британского Министерства иностранных дел, поддерживает Ваши требования о признании абсолютной независимости. Я уже уверял Вас в моей самой искренней симпатии и опять уверяю вас в том же, если Вы поддержите политические и военные цели новой демократической Северо-Западной России.

3. ...Я прошу вас обратить внимание на то, что я ожидаю, что Вы придете в наикратчайший срок к благоприятному соглашению с Русским правительством.

Ф. Дж. Марш, бригадный генерал.

Генерал-лейтенант сэр Губерт Гоф.

Начальник Союзной Военной Миссии в Финляндии и Балтийских Штатах Сев.-Зап. России.

Ревель, 13 августа 1919 г.»

В тот же день на заседание только что созданного правительства были приглашены два генерала — Родзянко и начальник штаба Белой армии «северян» Вандам. Они высказали министрам и советникам-союзникам свои пожелания:

— Белой армии нужно все: продовольствие, снабжение, снаряжение, деньги.

— Есть еще пожелание союзным державам и Эстонии!

— Какое, господа генералы?

— Оказать добровольческой армии активную помощь в ее предстоящем наступлении на Петроград.

— Каково может быть участие правительства по руководству белой армией?

— Никакого. В дела армии мы требуем не вмешиваться!

— Как это так?

— А вот так. Ездить на фронт господам министрам без разрешения мы не позволим.

— Но мы же правительство Северо-Запада России!

— А мы сражающаяся армия. Вы с нами, господа министры, в штыковые атаки не пойдете и умирать за Россию не станете.

— Как вы разговариваете с правительством, господа генералы. Вы же наша армия!

— Мы не ваша армия, а добровольческая армия России.

— Мы примем постановление!..

— Приказы по белой армии подписываем только мы...

Все же на другой день генерал Родзянко с Вандамом, очевидно, пожалели о случившемся. Все же любое правительство есть правительство со всеми вытекающими из своего положения полномочиями. Вернувшись в Нарву, Родзянко поспешил исправить свою «ошибку». Он послал с берегов реки Нарвы в эстонскую столицу Ревель телеграмму следующего содержания:

«Из Штаба Северо-Западной армии. № 830 с/сл. 14 августа. 16 час. 40 м.

Отдел внешних сношений

Председателю Северо-Западного Правительства

Северо-Западная Армия приветствует в Вашем лице правительство С.-З. России и надеется найти в нем полную поддержку в начале дела по свержению большевистского ига, водворению правопорядка и законности, доведению России до Учредительного Собрания, а также установлению хороших отношений с соседними государствами.

14 — 1919 Нарва

Командующий С.-З. Армией ген.-майор Родзянко»

Но откровенная «правительственная» авантюра генерала британской короны Марша дала осечку. И виной ее стал не кто иной, как главнокомандующий белой добровольческой армией генерал Юденич, человек с твердым пониманием государственного устройства обновленной монархической России.

Николай Николаевич, умудренный жизненным опытом, прекрасно понимал, что такая «политическая сводня», как излишне самоуверенный в познании российских дел британец, не может быть авторитетной личностью в правящих кругах Антанты. И тем более в белоэмигрантских кругах и у Верховного правителя адмирала Колчака. В последнем кавказский полководец не ошибался.

Своему ближайшему окружению из доверенных геллингфорцев Юденич так резюмировал действия генерала Марш и «утвержденный» им состав русского правительства на Северо-Западе:

— Генерал Марш несколько превысил свои балтийские полномочия. Да и к тому же он для России не повторяет личностей британца Вильсона или француза Фоша.

— Но он же должностное лицо союзной миссии в Ревеле.

— Союзная миссия — это еще не лондонский комитет министров. Тот ориентируется не на господина Лианозова, а на адмирала Колчака.

— Вы в том уверены, Николай Николаевич?

— Абсолютно уверен...

Поэтому главнокомандующий армией Северо-Запада поручил ближайшему своему окружению подобрать для будущего правительства деятельных, нужных и достойных людей. Им предстояло при вступлении белых добровольческих войск в Петроград сразу же приступить к управленческой деятельности.

Только осенью 1919 года правительство Северо-Западной области было образовано окончательно и в полном составе. Его состав довольно долго утрясался при помощи заинтересованных антантовских советников. И эта утряска добавила Юденичу немало хлопот, отвлекая от решения дел чисто военных.

Председателем правительства стал профессор столичного Технологического института, член конституционно-демократической партии (кадет) А.Н. Быков, министром финансов —

бывший товарищ (заместитель) министра финансов в царском правительстве С. Ф. Вебер, министром путей сообщений — известный инженер М. Д. Альбрехт, морским министром — адмирал А. В. Развозов, министром религиозных культов — в прошлом член Временного правительства А. В. Карташев. Петроградским градоначальником намечался полковник Люндеквист.

Была обсуждена и будущая программа правительства Северо-Западной области. Активного участия в этой работе генерал Юденич не принимал. Он занимался военными делами, готовя продолжение наступления белых войск на Петроград. До которого, как виделось многим в белой эмиграции, было рукой подать. В действительности же — только на географической карте.

Первый чувствительный удар главнокомандующий Северо-Западной армией получил не от Красной Армии, а от... подчиненного ему полковника Бермондта. Тот преподнес Юденичу сюрприз из разряда судьбоносных, которые, как свидетельствует не только российская история, возможны лишь в мутной воде гражданских войн.

Бермондт, он же князь Авалов-Бермондт, он же мемуарист 20-х годов князь Авалов, не ставя старших начальников в известность, неожиданно для них заключил с германским командованием на Востоке уникальный договор. Он договорился о включении в состав своего русского Западного корпуса немецких воинских частей в качестве добровольцев, готовых сражаться за императорскую Россию.

Действия немецкого военного командования для Антанты были вполне понятны. Германия никак не хотела уходить из прибалтийских земель. Поэтому и нашелся для Латвии «тройанский конь» в лице полковника Бермондта.

В ходе Гражданской войны в России «нарисовалась» удивительная картина. В Латвии была сформирована антибольшевистская Западная монархическая добровольческая (русско-немецкая) армия под командованием полковника Бермондта. Шутка шуткой, но ее численность составила почти в один день 52 тысячи человек. В числе их оказалось почти 40 тысяч германских военнослужащих. Штаб новой армии возглавил недавний соратник Бермондта, бывший командир немецкой Железной дивизии майор Й. Бишофф.

Так неожиданно князь Авалов оказался командиром армии, которая по численности и особенно по вооружению значительно превосходила белую добровольческую Северо-Западную армию. Генералу Юденичу ничего не оставалось, как назначить полковника Бермондта командующим внезапно появившейся в Латвии Западной добровольческой армии, в которой четыре пятых личного состава русского языка не знало.

Более того, Николаю Николаевичу пришлось в приказе похвалить «инициативного» князя Авалова-Бермондта. И «промолчать» по той причине, что аваловские русские добровольцы по приказу Юденича у Нарвы не появились. Им предстояло участвовать в столкновениях с латышскими войсками.

В той истории удивительны были следующие моменты. Во-первых, так и не удалось обнаружить, кто и когда произвел князя Авалова-Бермондта в чин полковника. Во-вторых, то, что он собирался со своей армией повести наступление на большевистские столицы Петроград и Москву. Но для этого ему требовалось захватить город Ригу, чтобы заставить правительство этой страны пропустить его войска через латышскую территорию.

Когда впоследствии, уже в эмиграции, Николая Николаевича Юденича спросили, что он думает о Бермондте, то он ответил:

— Авантюристом его назвать никак нельзя. Не тот уровень.

— Почему?

— Потому что он в один день создал многочисленную и боеспособную армию. Полубелую, полунемецкую. И не только поэтому.

— Почему же еще?

— Потому что полковник князь Авалов-Бермондт был ничем иным, как продуктом Русской смуты под названием Гражданская война.

— Значит, в своих поступках Бермондт просто уникален. Вы так считаете?

— Почему же он уникален? В истории Белого движения были и другие подобные ему личности.

— Кто, например?

— Взять хотя бы генерала барона Унгерна. Хотел же он создать в азиатских степях и песках свое бурят-монгольское государство, построенное на основах буддизма.

— Но Унгерну удалось не больше, чем Бермондту. Это факт.

— Согласен. Но за князем Аваловым историки в Советской России не закрепили титул, подобный аристократическому прозвищу барона Унгерна.

— Какой титул? В лондонских и парижских газетах об этом ничего не сообщалось.

— Как какой? Титул просто великолепный — императора пустыни. Разве такой титул в мировой истории был еще у кого-нибудь?

— Что же тогда осталось у Бермондта?

— Титул князя Грузии от усыновившего его Авалова. И воспоминания о том, как он командовал русско-немецкой армией. Разве этого мало для биографии одного человека?

— Вы правы, Николай Николаевич. Вполне достаточно, чтобы войти в историю Латвии и Германии.

— И не только их, но и в историю Русской смуты XX столетия...

Белая добровольческая Северо-Западная армия долго ожидала обещанной еще в июне от союзников по Антанте помощи, которая начала поступать только в самом конце сентября 1919 года. Были получены первые партии оружия, боеприпасов, обмундирования, продовольствия.

Окрыленный всем этим, Юденич задумал в самый короткий срок навести наконец-то должный порядок в подчиненных ему войсках «северцев». Командующий вооруженными силами вознамерился было арестовать корпусного командира генерала Родзянко за полное попустительство бесчинствам, которые творили его подчиненные на территории Псковской губернии.

Такое решение едва не погубило Юденича. Он явно недооценил популярность «бесстрашно-храброго» кавалергарда среди добровольцев и прохладное отношение последних к своей личности.

В защиту генерала Родзянко сразу же выступили эстонские власти, давно хотевшие видеть в генерале-монархисте человека, которому запрещен бы был въезд в их страну. Но с властями Ревеля, опираясь на миссии союзников, можно было не считаться. Ситуация осложнилась другим.

Многие армейские командиры также встали на сторону обиженного Родзянко, за которого «горой» поднялся подчи-

ненный ему корпус. Именно военные и «надавили» в ходе скандального конфликта на Юденича. Тому пришлось отступить и даже извиниться.

Так в белой Северо-Западной армии, вернее в ее командном эшелоне, началось противостояние двух боевых генералов — А. П. Родзянко и Н. Н. Юденича. Первый обладал реальной властью над Северным корпусом, который составлял основу белой армии. Второй имел преимущественно правительственную власть, а не власть главнокомандующего.

Тому, что Николай Николаевич Юденич при всех своих кавказских заслугах уже не соответствовал назначенной ему роли военного вождя на северо-западе России, есть многочисленные свидетельства. Причем авторы этих свидетельств в своем подавляющем большинстве старались быть объективными.

Примечательны в этом отношении слова известного белоэмигранта В. Горна. В своих мемуарах он так описывал противоборство формальной главы белой армии со своим корпусным командиром:

«Постепенно, шаг за шагом, определенно выяснилось, что Юденич слабохарактерен, нерешителен, вял и совершенно не в состоянии произвести необходимых реформ в армии, — наоборот, Родзянко настойчив, упрям и явно стоит поперек дороги всем начинаниям правительства.

Это не было открытием для всех нас: еще до образования правительства широкие общественные круги определенно требовали удаления в первую очередь ген. Родзянко, а когда правительство медлило с этим, левой его части приходилось выдерживать яростные нападки со всех сторон, и тем не менее вопрос об удалении ген. Родзянко становился все сложнее и сложнее, по мере того как выяснялась физиономия той военной среды, с которой нам ближе теперь пришлось столкнуться...

Ген. Юденич, что называется, не тянул».

Союзники в отношениях с командующим вооруженными силами Белого движения на северо-западе России занимали следующую позицию. Когда генерал Юденич попытался договориться о совместных действиях против Петрограда с командующим английской эскадрой в Балтийском море адмиралом Коуэном, то получил отказ.

— Господин адмирал, от имени правительства Северо-Западной области я хочу поблагодарить английское правитель-

ство за ту помощь, которую в эти дни получает подчиненная мне добровольческая армия.

— Господин Юденич, ваши слова будут сегодня же переданы радиogramмой с моего флагманского корабля в Лондон.

— Премного благодарен за такую любезность. Но мне бы хотелось, сэр Коуэн, поговорить с вами о другом.

— О чем же, господин генерал?

— Белые силы готовятся продолжить начатое наступление на Петроград. И оно продолжится в самое ближайшее время. Но есть причины для его задержки.

— Каковы же эти причины?

— Добровольческая армия не имеет эффективной поддержки со стороны Балтийского моря. Вся надежда на вашу боевую эскадру, господин адмирал.

— Какую поддержку от флота английской короны ваше командование хотело бы получить?

— Мы бы очень хотели наступления морских сил союзной нам Британии на красный Петроград.

— Это совершенно невозможно, господин Юденич.

— Как невозможно? Ваша эскадра состоит из боевых кораблей, обеспеченных топливом и боеприпасами, а красный Балтийский флот стоит в гавани Кронштадта без движения. Вам же известно его состояние?

— Да, известно. Но дело не во флоте большевиков и фортах Кронштадтской крепости.

— Тогда в чем же, извольте спросить?

— Помогая вам винтовками, патронами и всем прочим, мое правительство в то же время не хочет начинать открытую войну против Советской России. Не то время.

— Но вы же наши союзники, сэр Коуэн! У нас с вами есть договоренности о совместных обязательствах. Не так ли?

— Так, господин Юденич. Но за нас с вами решают политики. У них свои расчеты.

— Значит, поддержки с моря от вашей эскадры мы не получим?

— Нет, моя эскадра штурмовать Петроград не будет. Таких полномочий из Лондона я не получал.

— Но такие инструкции, как мне думается, вы все же можете получить, господин адмирал.

— Вряд ли. Здесь, в Ревеле, плохо знают, о чем думают сегодня в Лондоне по поводу войны русских между собой...

Причина отказа королевского флотоводца от прямого участия английской эскадры в наступлении белых все же крылась в другом. Адмиралу Коуэну приходилось лавировать между двумя мнениями, которые существовали на тот день в правительстве Великобритании в вопросе отношения к Советской России и Белому движению. Об этом Юденич тогда действительно не знал.

Стоявший во главе британского Военного министерства Уинстон Черчилль был убежденным сторонником самой широкой помощи Белым силам. Премьер-министр Ллойд-Джордж был вынужден считаться с движением английского пролетариата под лозунгом «Руки прочь от Советской России!». Поэтому главу королевского правительства больше заботили предстоящие парламентские выборы, чем увеличение помощи белогвардейским армиям.

Дело дошло даже до того, что правительство Северо-Западной области дало указания своим представителям за границей, занимавшимся закупками продовольствия и боеприпасов для добровольческой армии, не знакомить союзников-англичан с документацией. Те, разумеется, знали о таком поступке правительства, но при этом обид его главе никак не высказывали.

Правительство генерала Юденича с первого до последних дней своего существования испытывало постоянные финансовые трудности. Союзники выделяли денежных сумм все меньше и меньше. Российские финансовые «тузы», осевшие за границей, стали совсем прохладно относиться к Гражданской войне, которая полыхала в покинутой ими России. Или иначе говоря, за редким исключением, не собирались больше раскошелиться на содержание белых добровольческих армий.

С разрешения Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака правительством Северо-Западной области в благополучной нейтральной Швеции были отпечатаны денежные знаки, «обязательные к приему на русской территории, как казенными и общественными учреждениями, так и частными лицами на всех рынках и базарах по обозначенной на денежных знаках стоимости».

Было официально объявлено, что через три месяца после занятия Петрограда они будут обменены на государственные кредитные билеты, из расчета рубль за рубль. И более того,

по желанию — даже на английскую валюту из расчета сорок рублей на один фунт стерлингов.

Однако такая «финансовая реформа» имела негативные последствия. Когда в частях Северного корпуса генерала Родзянко задержанное за многие месяцы нижним чинам и офицерам жалование стали выплачивать в «новых» денежных знаках, «создался нездоровый шум». Корпусной командир прилюдно высказался так:

— Наше правительство хочет расплатиться с бойцами этиими фантиками! Неужели оно не способно на что-то другое?..

Положение можно было бы исправить. Но лондонское правительство не захотело поручиться перед английскими и иными финансовыми кругами за выпускаемые на северо-западе России бумажные деньги. Хотя юденичское правительство союзников об этом и просило.

Поэтому на банкнотах стояли только две подписи — главнокомандующего генерала Юденича и министра финансов его правительства Лианозова. Такие денежные знаки, естественно, обладали минимальной покупательной способностью. Попросту говоря, — их мало кто признавал за деньги.

Белая добровольческая Северо-Западная армия пополняла свои материальные ресурсы медленно. Была огромная неразбериха с количеством личного состава. По заявлению генерала Юденича на заседании Совета министров в сентябре 1919 года в рядах армии насчитывалось 27 тысяч бойцов. По данным же белого военного министерства через месяц ее численность уже составляла 59 100 человек.

Из этого числа в штабе армии и приданных ему частях и учреждениях значилось 500 офицеров и военных чиновников, а в войсковых частях — 5.500 офицеров и чиновников, 1000 подпрапорщиков, сестер милосердия, фельдшеров и военного духовенства, 200 вольнонаемных специалистов — мастеров, машинистов и прочих, 353 фельдфебеля, 1.412 старших унтер-офицеров, 5.546 младших унтер-офицеров, 22 тысячи ефрейторов и 22.289 рядовых солдат.

Такая «разница» в определении численности белой армии Северо-Запада объяснялась весьма просто. Армейское командование таким образом рассчитывало получить от правительства «дополнительные» ассигнования, даваемые союзниками, на содержание терпящих немалые материальные

и продовольственные лишения войск, особенно тех, кто находился на линии фронта.

Поэтому в октябре, по данным начальника снабжения армии генерала Янсова, ее численность «достигала 56.600, из них бойцов 20.700». Однако через несколько дней белая армия Северо-Западной области состояла: 1-й армейский корпус — 58.742 человека, 2-й армейский корпус — 16.749 и 1-я пехотная дивизия — 15 тысяч человек. А всего — 75.491 едоков. Затем эту цифру подняли до 101.648 едоков.

Каждому «едоку» (столько их было на бумаге, а сколько в действительности — никому достоверно не известно) требовалось выдать жалованье. Рядовому полагалось в месяц 150 рублей, ефрейтору — 175, младшему унтер-офицеру — 200, старшему унтер-офицеру — 250, фельдфебелю — 300, подпрапорщику — 500, офицеру — 600 и выше (смотря по званию) и командиру корпуса — 900 рублей.

Одновременно были введены «пособия» для участников боевых действий и командировок: офицеру — по 16 рублей в день, рядовому — 6 рублей.

Имелась в материальном плане и «социальная защищенность» бойцов Белой добровольческой армии. Так, офицеры и военные чиновники получали по 200 рублей в месяц на жену и по 100 — на каждого ребенка до 16 лет.

Юденич и его министры старались «выбить» у союзников как можно больше средств на содержание добровольческой армии и обеспечение ее боевой деятельности. Но это удавалось не всегда.

Белые власти провели на территории бывшей Псковской губернии мобилизацию военнообязанных. Среди мобилизованных, то есть тех, кто согласился служить в армии Юденича, оказалось большое число фронтовиков — унтер-офицеров и фельдфебелей бывшей царской армии, представителей «солдатской аристократии». Но много призывников уклонилось от воинской службы.

Юденичское правительство так и не выработало сколько-нибудь четкой линии за время своей непродолжительной по времени деятельности. Указов и постановлений издавалось много, и порой они носили взаимоисключающий характер. Но самое страшное для Белой власти оказалось то, что ее указания не выполнялись на местах.

Обращало на себя внимание то, что правительство Северо-Западной области многими своими решениями стремилось внести некое «успокоение» в деревню, пытаясь найти там некоторую опору Белой власти.

Так, в одном из правительственных аграрных постановлений стоял такой удивительный для современных исследователей событий Гражданской войны пункт:

«Охранить от хищения и захвата совхозы, коммуны, колхозы и др. советские имения, питомники и хозяйства, которые могли бы впоследствии послужить общеаграрным целям».

Правительство Северо-Западной области решило начать с Советами пропагандистскую войну. Как это делалось, лучше всего свидетельствует одна из прокламаций, выпущенная летом 1919 года только что открывшимся отделом пропаганды при министерстве внутренних дел правительства Юденича и утвержденная начальником военно-цензурного отдела Северо-Западной армии.

Прокламация белых, равно как и схожие прокламации красных, обращались прежде всего к людям военным, сражающимся на фронте. Вот ее содержание:

«Красные офицеры и солдаты!

За что вы боретесь и за что мы подняли оружие?

Вы боретесь за комиссародержавие, за лживую власть Анфельбаумов (Зиновьев), Бронштейнов (Троцкий), Назамкесов (Стеклов), Розенфельдов (Каменев), Калининных, Петерсов, которым не дорога наша Родина и нужен один лишь позор ее.

Мы боремся за Учредительное собрание, за всенародный и свободный выбор любящих родину людей, у которых одна мысль и одно сердце с народом.

Вы боретесь за интернационал, за то, чтобы Русскими природными богатствами могли распоряжаться не русские, а всякие проходимцы — Бронштейны, Нахамкесы и Рабиновичи, называющие себя Троцкими, Петровыми, Стекловыми и Сидоровыми.

Мы восстанавливаем Национальное Единство и национальное хозяйство, чтобы хозяином земли Русской и ее неисчерпаемых богатств стал сам народ Русский и чтобы никто

другой, а сам он воспользовался тем, что дает ему его Родная Земля.

Вы насаждаете коммуну, которые дают возможность лентяям и тунеядцам пользоваться плодами трудящихся рук.

Мы отстаиваем право собственности. Всякий имеет право на то, что ему законно принадлежит; всякий имеет право приобретать честным трудом то, что ему недостает. Всякий должен иметь право свободно распоряжаться тем, что он добыл трудами своими.

Вы разрушаете церкви и уничтожаете православную религию. Отнятие святых икон у школьников, превращение христианских церквей в театры, клубы и кинематографы, расстрелы священников, насильственная мобилизация духовных лиц в красную армию, запрещение общественных молебствий и крестных ходов, осквернение святых мощей — не издевательство ли это над тем, что столь дорого верующему сердцу русского народа?

Мы восстанавливаем поруганную религию и полуразрушенные храмы. Пусть с прежней силой засияет в душе русского народа вера в Христа и его святую церковь. И пусть каждый верующий свободно осенит себя крестным знаменем и помолится за спасение погибающей Родины, ибо велик Бог земли Русской.

Вы отстаиваете наглый произвол и гнусное насилие большевиков, комиссаров и их наемников — китайцев, латышей и коммунистов. Защищая их, вы даете им возможность расстреливать, грабить и истязать ваших же братьев, сынов, отцов, жен, без всякого суда и следствия.

Нам сопутствует полное покровительство закона. Закон — равный для всех и все равны перед законом. За преступление — всем одинаковое наказание. Мы восстанавливаем уничтоженную свободу мысли и печати. Свободная печать должна открыть глаза народу на все злоупотребления теперешних советских властителей.

Мы втянуты в бесконечную войну со всем миром. Троцкие и Зиновьевы хотят затопить всю землю в братской крови. Они натравливают рабочих на крестьян, крестьян — на рабочих, сынов на отцов, отцов на сынов.

Мы несем мир земле Русской. Немедленно после свержения пропитанной кровью русских людей большевистской власти должна быть восстановлена свобода мирного труда.

Довольно уже наши поля обогрелись русской кровью по вине проходимцев, у которых нет своего отечества. Пусть же вся пролитая ими русская кровь падет на их головы. Пора тебе, русский человек, последний раз взяться за оружие и, свергнув иго красных палачей, окончательно вернуться к домашнему очагу и мирному труду. С нами хлеб, с нами мир, и хозяин земли Русской — Учредительное собрание.

Штаб белой армии»

Однако написать высоким публицистическим словом прокламацию было намного легче, чем ее распространить по ту сторону фронта. Белых агитаторов в случае их поимки просто расстреливали на месте.

...28 сентября 1919 года добровольческая армия генерала Юденича перешла в наступление на Петроград. Хотя Белые войска были еще не совсем готовы для широкомасштабной операции, Николай Николаевич все же решился на такой действительно рискованный шаг. Петроград тогда грезился не только ему одному.

Объяснялось это просто: как человек сугубо военный Юденич находился под впечатлением «вихря» недавнего наступления на нарвском направлении Северного корпуса генерала Родзянко. А как известно, полководческая слава во все времена была заманчивой и ради нее рисковали многие.

Сильным ударом белые полки прорвали линию фронта двух армий противника — 7-й и 15-й. Ударным кулаком добровольцев были проделаны широкие ворота для дальнейшего наступления на Петроград.

Успехи первых дней были для стороннего наблюдателя впечатляющи. Уже 28 сентября занят город Луга. Идет быстрое продвижение от Пскова по направлению на Струги Белые. 30 сентября красные войска терпят поражение в упорном бою у села Желтые Ворота и отступают еще дальше. 6 октября 4-я дивизия «северян» под командованием князя Долгорукова разгромила отходившего противника у села Струги Белые и без задержки пошла вперед.

Пушечные выстрелы, ружейные залпы и пулеметные очереди осенью 1919 года сотрясали воздух не только на петроградском направлении. 8 октября перешла в наступление и Западная русско-немецкая (вернее, немецко-русская) армия полковника князя Авалова-Бермондта. Его войска на-

несли удар по городу Риге. Не встречая сильного сопротивления, бермондтовцы заняли рижское предместье Больдераа и пригороды Торенсберг, Гагенсберг. Правительство Латвии в панике бежало в город Венден.

Для юденичского правительства Северо-Западной области это пахло нешуточным «международным» скандалом, поскольку Латвия находилась в недалеком тылу его наступавшей на красный Петроград армии. Нужно было как-то выпутываться из конфликтной ситуации и принимать неординарные меры.

За самоуправство в такой сложной для Белого движения обстановке 9 октября генерал Юденич издал приказ по Северо-Западному фронту. В нем он публично объявил полковника Бермондта изменником. И не просто изменником, а с исключением его из списков белого воинства. Это было действительно что-то!

Юденич оказался перед серьезной проблемой. Когда его армия успешно продвигалась к Петрограду, ссориться с Антантой, опекавшей Латвию, было никак нельзя. Правительство Северо-Западной области вышло из положения тем, что публично передало в дар латышской армии целых четыре пушки.

Впрочем, бермондтовская авантюра по захвату латвийской столицы успеха не имела и полностью город Ригу «белые немцы» и русские добровольцы не взяли. Уже 15 октября к морскому берегу подошла союзная англо-французская эскадра и обстреляла позиции Западной армии из корабельной артиллерии.

Вскоре армия Латвии, ободренная содействием флота держав Антанты, сама перешла в наступление. Ее противник, хотя больших боев и не было, в конце года оказался выбитым из Риги.

Тогда князь Авалов-Бермондт, присвоив сам себе звание генерал-майора, передал командование Западной добровольческой армией генералу Эбергарду. Через несколько дней она перестала существовать как таковая, будучи упраздненной своим новым и последним командующим.

Однако действия полковника князя Авалова-Бермондта имели для белых на Северо-Западе России весьма неблагоприятные последствия. Уже находясь в эмиграции, бело-гвардейский полковник князь А. П. Ливен, комментируя

причины провала наступления армии Юденича на Петроград, скажет:

— Бермондт является одним из главных виновников неудач под Петроградом...

С этим суждением трудно не согласиться. Ведь Юденич как военный вождь Белого движения на Северо-Западе до последнего надеялся, что многочисленный флот союзников на Балтийском море придет к нему на помощь: официального отказа Лондона и Парижа он так и не получил. А на деле он в наступлении оказался совершенно неприкрытым со стороны Финского залива. В те дни английская и французские эскадры расстреливали из орудий войска Западной русско-немецкой армии.

В отношении Авалова-Бермондта Юденич был совершенно прав в одном. Действия самозванного генерал-майора были настоящим предательством по отношению к Белому движению на Северо-Западе.

Наступление на Петроград в октябре месяце продолжалось. Генерал Юденич самолично прибывает на фронт и с 3 октября непосредственно командует армией. Ему удалось в боевой обстановке уладить отношения с генералом Родзянко, и их конфронтация до поры до времени прекратилась. Более того, самолюбивый Родзянко становится помощником Николая Николаевича, показав себя не с самой плохой стороны.

10 октября произошел новый всплеск наступательного движения Белой добровольческой армии. Первый армейский корпус под командованием графа И. К. Палена прорвал неприятельские позиции сразу в трех местах.

Армия Юденича после упорных боев заняла Ямбург, Волосово, Красное Село, Гатчину, Детское Село, Павловск, это были подступы к городу на Неве. Красноармейские отряды отступали к Пулковским высотам, главному рубежу обороны красного Питера. На поле боя под Павловском белые собрали около 16 тысяч брошенных при отступлении винтовок и изрядное количество боеприпасов.

До самого Петрограда — столицы Российской империи — оставалось всего каких-то двадцать километров!

Наступательная операция завершилась, как казалось белым, более чем успешно. Их кавалерийские разъезды «видели» со стороны Лигова золоченый купол величественного Исаакиевского собора.

...Талантливейший русский писатель Куприн оказался участником тех поистине исторических событий Гражданской войны. В октябре 1919 года он вместе с бывшим атаманом Донского казачьего войска П. Н. Красновым, способным и плодовитым литератором, начальником пропагандистско-политического отдела (был и такой у белых) штаба Северо-Западной армии, стали выпускать в освобожденной от красных Гатчине «военно-осведомительную, литературную и политическую газету» под названием «Приневаский край». Это явилось заметным событием.

Первый номер «Приневаского края» вышел 19 октября 1919 года. Последний — 7 января 1920 года. Газета стала своеобразной летописью похода Белой армии под знаменами полководца старой России Юденича на Петроград.

Тем событиям Гражданской войны писатель Куприн посвятил известную российскому читателю автобиографическую повесть «Купол Святого Исаакия Далматского». В ней он на обширном документальном материале и на своих личных впечатлениях рассказывает о причинах успехов и неудач октябрьского наступления армии Юденича. В своей повести Куприн заявляет:

«Я пламенный бард Северо-Западной армии. Я никогда не устану удивляться ее героизму и воспевать его».

Куприн, бывший пехотный офицер Российской Императорской армии, так описывает поход Белой добровольческой армии «северцев» на красный Петроград:

«Страшная стремительность, с которой С.-З. армия ринулась на Петербург, действительно вряд ли имела примеры в мировой истории, исключая разве легендарные суворовские марши...

В офицерском составе уживались лишь люди чрезмерно высоких боевых качеств. В этой армии нельзя было услышать про офицера таких определений, как храбрый, смелый, отважный, геройский и т. д. Было два определения: «Хороший офицер» или изредка: «Да, если в руках». Там генералы Родзянко и Пален, оба высоченные гиганты, в светлых шинелях офицерского сукна, с оружием, которое в их руках казалось игрушечным, ходили в атаку впереди цепей, посылая большевикам оглушительные угрозы...

Пермикин ездил впереди танка, показывая ему путь под огнем из бронепоездов, под перекрестной стрельбой, сидя на светлой, серой лошади...

Добровольцы — 20 тысяч в «сверхчеловеческой» обстановке непрерывных на все стороны боев, дневных и предпочтительно ночных, с необеспеченным флангом, с единственной задачей быстроты и дерзости, со стремительным движением вперед, во время которого люди не успевали есть и выспаться. Армия не разлагалась, не бежала, не грабила, не дезертировала. Сами большевики писали в красных газетах, что она дерется отчаянно...

Мне лишний раз хочется подтвердить о полном доброты, нелицеприятном, справедливом отношении Северо-Западной армии ко всем мирным гражданам, без различия племен и вероисповеданий. Доблестные офицеры и солдаты похода легендарны...

Расстреливали только коммунистов...»

Петроград для наступавших белых виделся совсем рядом. 21 октября завязались бои на знаменитых Пулковских высотах. Из города и крепостного Кронштадта на фронт были брошены все, кого можно было поставить под ружье. Сам город на Неве стал готовиться к уличным боям. Была объявлена мобилизация рабочих, членов профсоюзов и союза коммунистической молодежи, партийцев.

15 октября Советская власть объявила Петроград на осадном положении. Белая эмиграция рукоплескала при одном имени кавказского полководца. Пресса всей Европы много писала об упорных боях за большевистский Петроград, колыбели двух революций — Февральской и Октябрьской 1917 года.

Советское правительство делает все для того, чтобы удержать красный Питер. Спасать его из Москвы приезжает народный комиссар по военным и морским делам Лев Давыдович Троцкий, наделенный поистине диктаторскими правами. Перед отъездом из Москвы он публично заявил:

— Колыбель революции будет спасена Советской властью любой ценой. Во что бы то ни стало...

Тем временем генерал Юденич, находясь в эйфории успехов на поле брани, неожиданно начал заниматься реформаторской деятельностью. Он объявил территорию, занятую Белой армией, театром военных действий. Командующим войсками театра военных действий и военным губернатором был назначен бывший начальник Ставропольской губернии при Деникине генерал П. В. Глазенап. А генерал-лейтенант

А. А. Гулевич, бывший командующий армейским корпусом в годы Первой мировой войны, стал официальным представителем Юденича в Финляндии.

Получая боевые донесения от командиров дивизий и отдельных отрядов «северцев», Юденич ликовал в душе и внешне сдержанно благодарил подчиненных за одержанные успехи и воинскую доблесть. Кавказскому полководцу грезились слава Эрзерума.

Однако, думается, он уже начинал понимать, что сил у него для завершения наступательной операции не хватает. Одно дело — прорваться под стены Петрограда, другое — вести уличные бои в городе с миллионным населением, где каждый каменный дом можно легко превратить в маленькую крепость. Ни регент Финляндии барон Маннергейм, ни белая Эстония, ни корабельные эскадры Англии и Франции помощи — обещанной и ожидаемой — белым не оказывали.

«Северцы» завязали бой за Пулково. Однако дальше начались неожиданные события. Никаких вооруженных восстаний и рабочих забастовок, на которые Юденич и его советники из гельсингфорского Политического совещания так рассчитывали, в Петрограде не произошли.

Зато случилось другое. Большевистские агитаторы достигли успехов в своей работе в белогвардейских воинских частях среди мобилизованных, в тылу Северо-Западной армии.

Как это ни парадоксально, но первыми «бежавшими с корабля» в армии Юденича оказались не мобилизованные псковские крестьяне, а близкие ему люди. Одним из них оказался Н. Н. Иванов — министр общественных работ правительства Северо-Западной области.

Впоследствии в берлинском эмигрантском издательстве «Русское творчество» были опубликованы его мемуары «О событиях под Петроградом в 1919 году». Самым красноречивым в них оказалась концовка записок белого министра:

«В моих глазах осенний Петроградский поход после неудачной попытки отстранения Юденича от главнокомандования был уже провален — я ни на минуту не изменил этой точки зрения. Когда армия вышла за Гатчино и были сведения, что разъезды достигли Нарвских ворот, когда лихо-

радка наступления охватила весь тыл и один из трубачей Юденича — Кирдецов в газете «Свобода России» описывал, как мечутся в Кремле тени Ленина и Троцкого, когда союзники заверяли, что Петроград можно считать взятым, я в конце октября купил кожаную куртку, большие сапоги, дорожную сумку и направился нелегально не только для большевиков, но и для штаба Юденича, с помощью эстонцев, через Псковско-Островский фронт на Порхов и Дно, в Петроград.

— Вы, вы... странный человек, — заявил мне перед моим отъездом из Ревеля один из видных союзников. — Зачем вам идти в сторону, тратить на дорогу недели две, если на днях вы можете по железной дороге выехать в Петроград? Да еще захватит чека. Вы же бывший министр. Я вас не понимаю.

— Вы скоро увидите, что я выбрал самый короткий путь. Вы здесь без году неделя, а я старожил в Северо-Западной армии. Я знаю, как нельзя воевать на этом фронте. Не волнуйтесь — Петрограда Юденичу не видать. А насчет чека — все под Богом ходим. За эти два года я стал фаталистом.

— Ах, русские. Но уже, уже.

— Уже все пропало, сэр.

— Идите вы к Богу.

— Кампания проиграна, сэр. Русская армия между двух огней. Массовых переходов красных нет, и нет резервов. Приготовьтесь считать жертвы. Я почти год создавал, боролся, предупреждал — вся моя работа пошла прахом. Юденичи, Красновы и пр., быть может, сделают лучше.

— Зачем же вы в таком случае идете в Россию?

— За семьей. Довольно я рисковал головами моих близких открытой работой. Теперь я хочу заняться личным делом и спасти своих, если еще удастся. Попутно крестьяне мне скажут, кто был прав — Юденич или я.

Успешное начало октябрьского наступления затуманило головы даже моим друзьям.

Они не соглашались со мною. Они утверждали, что Петроград возьмут.

— Нельзя не взять.

— Нельзя, но не возьмут, — обливал я холодной водой.

— Подождите еще несколько дней. Не уезжайте. Увидите..

— Все ясно.

Я перешел фронт между 2 и 8 ноября недалеко от Острова, во время боя прорвавшихся (через) большевистские проволочные заграждения эстонских войск с ликвидировавшими прорыв красными».

...Председатель Реввоенсовета Советской республики Л. Д. Троцкий сумел быстро перебросить на защиту Петрограда резервы из Москвы и Твери, снять часть войск с Северного фронта. В самом городе на Неве и из моряков Балтийского флота формировались новые отряды, которые без промедлений отправлялись на передовую.

Командование Красной Армии нашло уязвимое место в растянутом донельзя фронте белых — на стыке их 2-й и 3-й дивизий. Там, на опушке Павловского леса, оборону держал сильно ослабленный в последних боях Вятский полк. После контрудара противника «северцам» пришлось оставить Царское Село, Красное Село и Павловск.

В ответ белое командование решило отбить Красносельские военные лагеря. Была создана ударная группировка под командованием полковника В. С. Пермикина. В нее вошли полки — Талабский (составленный из рыбаков с берегов Талабского озера), Семеновский, Конно-Егерский и Конный имени Булак-Балаховича.

На позициях под Красным Селом 27 октября вновь начались упорнейшие бои. «Северцы» взяли Ропшу, Кипень, Высоцкое. Но неожиданно генерал Юденич приказал отложить штурм самого Красного Села.

Причин такого для многих неожиданного решения командующего Северо-Западной армией было несколько. Первая и главная причина для тактика Юденича состояла в том, что 15-я армия красных вышла в тыл белым, заняв оставленный противником без боя город Лугу. После этого началось наступление на Гдов. 3 ноября части «северцев» вынуждены были оставить Гатчину, поскольку они могли оказаться в полуокружении.

Были и другие причины. В белой армии начала падать воинская дисциплина, усилилось дезертирство мобилизованных псковских крестьян. Отдельные полки порой по двое суток оставались без хлеба, не хватало боеприпасов, которых у защитников Петрограда имелось в избытке. Отсутствовали автомобили и имелся всего один-единственный танк, из большого числа обещанного союзниками.

Белоэмигрант В. Горн в своих мемуарах так описывает отступление белой добровольческой Северо-Западной армии от предместий Петрограда к границе Эстонии:

«Отступление армии от Гатчины до эстонской границы произошло в две недели. Армия пятилась назад, недоумевая, не видя перед собой врага, голодная. Хозяйственная часть окончательно развалилась, а интендантский грабеж обратно-пропорционально рос, по мере приближения к Нарве. За отсутствием печеного хлеба, солдаты и строевые офицеры питались самодельными блинами, сготовленными у походных костров, а сала часто вовсе не получали, хотя интенданты стали выводить в ведомостях уже по 3 с половиной фунта в день на человека!

Недоедание, однообразная пища и начавшиеся морозы стали подтачивать здоровье солдат. За отступающей армией тащились многочисленные беженцы, плохо одетые, тоже голодные, часто с детьми, на измученных, некормленных деревенских клячах или в товарных без печей вагонах. Беженцы мерли как мухи, ухудшая и без того тяжелое провиантское состояние армии. Кроме того, самый отход совершался крайне беспорядочно...»

В первую неделю ноября, с наступлением первых ночных заморозков Красная армия, имея значительное численное превосходство над белыми, начала общее наступление. «Северянам» так и не удалось закрепиться на новых рубежах.

Бои на Пулковских высотах стали апогеем вооруженного противоборства добровольцев и защитников красного Питера. Большевики бросали в бой все новые и новые резервы, которых их противник не имел вовсе. Вскоре наступил перелом. Этот день народный комиссар по военным и морским делам Л. Д. Троцкий назвал «переломным в сражении за Петроград». Это было действительно так.

После чего «красный Бонапарт», как приверженцы Троцкого называли своего кумира, начал осуществление контрудара по белым войскам генерала Юденича. Благо он имел значительное численное превосходство и в людях, и в артиллерии, и в пулеметах. И полное господство в водах «прифронтного» Финского залива.

Правительственная Москва была крайне озабочена исходом боев. Из Кремля председатель Совнаркома В. И. Ленин телеграфировал в Петроград на имя Троцкого:

«Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулеметы, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича?»

Троцкий считал, что можно безоружных или почти совсем не обученных военному делу людей гнать в бой, практически на верную смерть. Только на Пулковских высотах красные потеряли около 10 тысяч человек, то есть столько же, сколько составляла вся боеспособная часть белой армии...

Главнокомандующий вооруженными силами Северо-Запада вместе со своим штабом обосновался в дни отступления в Нарве. Организовать командование войсками оттуда Юденичу никак не удавалось. Произошло самое страшное на войне — полководец потерял нити управления своими войсками. Все попытки наладить его ни к чему не приводили.

Казалось, что уж кому, как не бывшему командующему Отдельной Кавказской армией, уметь оценивать складывающуюся ситуацию и реагировать на все оперативные изменения. Но Юденич «был уже не тот». Генерал Ярославцев с болью писал в своих воспоминаниях о Николае Николаевиче и событиях тех дней:

«При отходе от Гатчины войска, не имея руководящих указаний, отходили в беспорядке. Начальники дивизий ездили к ген. Юденичу в Нарву за инструкциями, но ни он, ни начальник штаба ген. Вандам, ни его коллеги — Малявин и Прюссинг не знали, на что решиться, и отход обратился в беспечное, стихийное отступление...»

Последний «удар» по юденичской армии нанес не кто иной, как сам барон Маннергейм. 5 ноября 1919 года Финляндия официально заявила представителям Антанты и Белого движения, что отказывается от похода на Петроград. Ее правительство ни под каким предлогом не хотело ввязываться в Гражданскую войну, идущую в соседней России. В случае поражения белых сил перед Финляндией неизбежно встал бы вопрос о ее существовании как государства. Или говоря иначе — Красная армия могла начать освободительный поход, как в скором времени на Польшу.

Северо-Западная армия откатывалась назад, к границам Эстонии, так же быстро, как и победно наступала на Петро-

град. 14 ноября белогвардейцы оставили Ямбург. Вместе с ними отходили и белоэстонцы. Очевидец тех событий писал в мемуарах:

«В беспрерывных арьергардных боях, измученная, изголодавшаяся, не знавшая сна и отдыха Сев.-Зап. армия через две недели докатывается до границ Эстонии».

Александр Иванович Куприн в своем «Куполе Святого Исаака Далматского» так описывает причины поражения армии Юденича под Петроградом:

«Ружья англичан выдерживали не более 3-х выстрелов, после 4-го патрон заклинивался в дуле. Танкисты отсиживались. Ревельские склады ломались от американского продовольствия: продовольствие предназначалось для Петрограда после его очищения...

Недоедали...

Англичане сносились с большевиками...

Происки англичан, эстонцы заигрывали с большевиками. Англичане не подкрепили своим флотом наступление на Петроград, лишь когда отступали, перед Красной Горкой английский монитор послал несколько снарядов издалека без вреда...

Эстонцы — 80 тысяч обещали помочь армией при наступлении на Петроград. Хотела договор Финляндия...

Эстония под влиянием своих социалистических партий уже намеревалась вступить в мирные переговоры с Советской Россией...»

Писателя Куприна можно понять. Бывший офицер старой Русской армии, как и другие белые офицеры-добровольцы, умиравшие на фронтах Гражданской войны, был верен формуле рыцарского кодекса чести:

«Душу — Богу, сердце — Даме, жизнь — Государю, а Честь — никому».

Куприн, большой романтик в душе, верил в возрождение потерпевшей полное поражение Северо-Западной армии. Иначе не заключил бы он такими словами свою повесть:

«Отчего Талабский полк, более всех других истекавший кровью, так доблестно прикрывал и общее отступление, а в дни Врангеля, год спустя, пробрался поодиночке из разных мест в Польшу к своему вождю и основателю генералу Пермикину, чтобы снова встать под его водительством? Личная инициатива, освобождение Родины».

Начавшийся в ходе отступления после боев у Пулково развал белой добровольческой армии вызвал в офицерстве резкую оппозицию главнокомандующему Северо-Запада. Командиры отдельных воинских частей устроили совещание, где решался вопрос смены вождя. Они через командира одного из корпусов графа Палена передали генералу Юденичу категорическое требование передать руководство армией другому лицу.

На тот момент сохраняли боеспособность только 2-я и 3-я дивизии белых. Им требовалось переформирование в тылу, но этого не позволяли союзники-белоэстонцы. 4-я и 5-я дивизии вели бои у деревни Криуши, помогая тем самым эстонской армии защищать от красных войск город Нарву, который подвергался беспрестанным лобовым атакам. Остальные части белой армии уже отошли на территорию Эстонии.

1 декабря 1919 года новый командующий добровольческой Северо-Западной армии П. В. Глазенап, произведенный Юденичем в генерал-лейтенанты и награжденный за воинскую доблесть орденом Святой Анны 1-й степени с мечами, приступил к исполнению своих обязанностей.

Белая армия полностью отступила на эстонскую территорию. У добровольцев не было никаких надежд на то, что их могут перебросить на какой-то другой фронт Гражданской войны для продолжения борьбы с большевиками, победившими их под Петроградом.

Эстонское правительство почти сразу же начало разоружение белых войск. Оно торопилось это сделать по той причине, что намечалось заключение полномасштабного мирного договора между Эстонией и Советской Россией (РСФСР). Такой договор был подписан сторонами 2 февраля 1920 года в городе Юрьеве (Тарту).

Перед этим, 22 января, генерал от инфантерии Георгиевский кавалер Николай Николаевич Юденич, как полноправный главнокомандующий всеми вооруженными силами Белого движения на Северо-Западе России, подписал приказ о ликвидации добровольческой Северо-Западной армии. Она становилась частью отечественной истории.

Бывшие военнослужащие армии юденичского правительства Северо-Западной армии становились беженцами. 14 тысяч из них вместе с членами семей попали в бараки для ти-

фозных больных или оказались за колючей проволокой. Восточная часть Эстонии покрылась многочисленными могильными холмами солдат и офицеров белого воинства. Тысячи здоровых людей решением эстонских властей были отправлены на лесоразработки.

Юденич попытался было возвратиться в столицу Финляндии Гельсингфорс уже как частное лицо. Но эстонские власти, не объясняя причину, отказали ему в визе.

В ночь на 28 января 1920 года генерал Юденич был арестован в ревельской гостинице «Коммерс», где он проживал, со своими бывшими соратниками. Арест проводили офицеры из ближайшего окружения генерала Булак-Балаховича (белый партизан тоже находился при этом) в присутствии трех чинов эстонской полиции.

Гостиничный номер бывшего командующего (уже второй раз за последние три года) опечатали. Самого арестованного увезли на вокзал и отправили поездом к Тапсу. Там некто Лохницкий, балаховец, взявший на себя должностные функции прокурора Петроградского военно-окружного суда, предъявил Юденичу обвинение в попытке избегнуть законной ответственности за понесенное военное поражение Белого движения на российском Северо-Западе.

На предъявленное обвинение своих недавних сподвижников (и подчиненных по армии) дважды низложенный командующий армиями — Кавказской и белой добровольческой — Юденич ответил так:

— Господин Лохницкий, прекратите этот непристойный фарс и не позорьте свое имя.

— Это не фарс, а начало военно-уголовного разбирательства.

— Вы просто не в своем уме, если всерьез говорите об этом.

— Господин Юденич, я, как действительный прокурор суда Петроградского военного округа, должен призвать вас к самой строгой уголовной ответственности.

— У вас на это нет никакого права.

— Это почему же, гражданин подсудимый?

— А потому, что все чины правительства Северо-Западной области еще в декабре прошлого года уволены мной от своих должностей.

— Ну и что из этого?

— А то, господин Лохницкий, что не существует больше и Северо-Западной армии с ее юриспруденцией как таковой...

Содержание под стражей оказалось непродолжительным. По требованию прежде всего французских дипломатов, находившихся в Ревеле, и авторитетных белоэмигрантских лидеров, проживавших не только в Эстонии, Николай Николаевич Юденич был освобожден из-под ареста. Своего возмущения такой несправедливостью к себе он не высказывал.

Вернувшись в Ревель, Юденич поселился в помещении английской военной миссии в Эстонии. Надо отдать должное союзникам старой России по Первой мировой войне — они проявили заботу о бывшем главнокомандующем Кавказского фронта, признанном полководце войны, победной для Британской империи.

Последние действия Юденича как главы правительства Северо-Западной области были следующие. Он выдал ордера на подотчетные ему лично денежные средства для обеспечения чинов расформированной по его приказу белой добровольческой Северо-Западной армии армии на следующие суммы — 227 тысяч английских фунтов стерлингов, полмиллиона финских марок и около 115 миллионов эстонских марок.

Вся эта процедура проходила в присутствии высших чинов бывшей белой Северо-Западной армии. Ее недавний главнокомандующий выложил на стол все соответствующие документы:

— Господа генералы и офицеры! Как глава белых сухопутных и морских сил здесь, будучи назначенным на эту должность Верховным правителем России адмиралом Колчаком, я несу личную ответственность за здоровье и благополучие чинов расформированной армии.

— Всех или только сугубо военных чинов?

— Всех. И офицерского состава, и нижних чинов, и членов их семей, отступивших вместе с армией в Эстонию.

— Кому, Николай Николаевич, вы передаете эти денежные средства?

— Командирам расформированных воинских частей, которые отступили за линию границы из России.

— Кто будет осуществлять контроль над расходованием передаваемой вами армейской казны?

— Только вы, господа генералы и офицеры. И ваша честь и совесть. Других контролеров сейчас не дано.

— Благодарим вас, Николай Николаевич, за содеянное. У нас нет слов признательности за такой поступок.

— Надеюсь, что у вас не будет обо мне, как человеке, офицере и дворянине, дурных мыслей...

Бывший глава белого правительства на Северо-Западе России дал при свидетелях расписку об отсутствии у него других денежных средств, которые могли бы пойти на обеспечение офицеров, нижних чинов и членов семей расформированной добровольческой армии «северян». Обо всем этом было немедленно сообщено в ревельских газетах.

Думается, что такой поступок рыцарского бескорыстия и офицерской чести лучше всего характеризовал генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича. В годы Гражданской войны белый вождь стремился во всем походить на того царского генерала, которого Россия знала по Маньчжурии и по Кавказу. Честь для него никогда не была сиюминутной «разменной монетой».

Глава тринадцатая

В ЭМИГРАЦИИ

Дальнейшая судьба военного вождя Белого движения на российском Северо-Западе, чья полководческая звезда заискрилась под турецким Эрзерумом и погасла под красным Петроградом, мало чем отличалась от судеб ему подобных. Он оказался лишь песчинкой среди многих сотен тысяч вольных и невольных эмигрантов из России, безжалостно рассеянных вихрем истории по белому свету.

«Остатки» белой добровольческой Северо-Западной армии в скором времени пополнят большой отряд русских военных эмигрантов в странах Балтии, Польше, Германии, Финляндии и Бельгии. Генералы А. П. Родзянко, П. В. Глазенап, граф С. Пален, С. Н. Булак-Балахович станут одними из руководителей белоэмигрантского антисоветского движения.

Генерал Н. Н. Юденич не остался в Эстонии. Окольными путями он вначале перебрался в Англию и стал проживать

там на положении эмигранта, внимательно наблюдая через хорошо информированную лондонскую печать за жизнью в Советской России, за всем, что связано с Красной армией.

Затем Николай Николаевич переселился во Францию. Там он проживал в маленьком городке, больше напоминавшем селение, Сент-Лорен дю Вар, расположенном недалеко от средиземноморского курорта города Ниццы на Лазурном берегу.

На первых порах лидеры самых различных кругов белой эмиграции настойчиво пытались привлечь заслуженного и авторитетного генерала к антисоветской деятельности. К середине 20-х годов русская военная эмиграция представляла из себя значительную военную силу. В этом была заслуга прежде всего генерал-лейтенанта Генерального штаба барона Петра Николаевича Врангеля.

После эвакуации из Крыма в ноябре 1920 года остатков белой Русской армии Врангель, ее командующий, оказался в Стамбуле без средств на содержание войск. Но он, стремясь воспрепятствовать распылению армии, находившейся в лагерях в Галлиполи и на острове Лемнос, стал принимать энергичные меры. Ему удалось организовать переезд воинских частей в Болгарию и в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославию), где они были приняты на жительство.

Сам генерал Врангель со своим штабом переехал из Стамбула в Королевство СХС, в Сремски Карловицы, в 1922 году. Стремясь сохранить кадры Русской армии за границей в новых, эмигрантских условиях, Врангель издал 1 сентября 1924 года (подтвержденный 1 декабря того же года) приказ о создании Русского Обще-Воинского Союза (РОВС). Советская Россия получила в лице новой военной белоэмигрантской организации потенциальную угрозу.

Русский Обще-Воинский Союз первоначально состоял из четырех отделов: 1-й отдел — Франция и Бельгия, 2-й отдел — Германия, Австрия, Венгрия, Латвия, Эстония и Литва, 3-й отдел — Болгария и Турция, 4-й отдел — Королевство СХС, Греция и Румыния. Бывших добровольцев юденичской Северо-Западной армии, естественно, больше всего оказалось во 2-м отделе РОВС.

Лидеры белой эмиграции понимали, что присутствие в их рядах такого авторитетного полководца Первой мировой

войны, как Юденич, весьма желательно. Барон Врангель, инспектировавший организации РОВС во Франции, не преминул побывать на юге страны и посетить уединившегося там кавказского полководца, который сам поставил себя вне дел Белого движения за границей.

Между двумя людьми, оставившими немалый «след» в истории Гражданской войны в России, состоялась беседа, которая во многом расставила точки над «и» в отношении генерала Юденича и военной, да и вообще всей эмиграции:

— Николай Николаевич, я к вам по неотложным делам русской военной эмиграции.

— Петр Николаевич, я так и понял. Наслышан о ваших заботах здесь, в русском зарубежье.

— Откуда такая информированность? Не от ваших ли подчиненных по Северо-Западной армии Родзянко и Булак-Балаховича?

— Нет, не от них. О вас, барон, много пишется в парижских газетах. И не только в них.

— Значит, Николай Николаевич, вы знакомы с созданием и задачами Русского Обще-Воинского Союза?

— Да, знаком, слышал и читал.

— Тогда у меня к вам как к боевому генералу Российской Императорской армии один вопрос. Прямой. Вы с нами, Николай Николаевич, или будете взирать на Советскую Россию со стороны?

— Я, как вам хорошо известно, Петр Николаевич, человек офицерского долга и дворянской чести.

— Значит, вы с нами, с Белым движением в эмиграции?

— Да. Я был и остаюсь с Белой Россией до конца своей судьбы. Только одно но.

— Какое же?

— Я разуверился в том, что наши бывшие союзники по Антанте помогут нам в борьбе с большевиками. А одни мы, силами белого воинства, Советскую Россию не одолеем.

— Но союзники, по крайней мере часть их лидеров, обещают нам помочь в новой войне против большевиков.

— Союзникам, уважаемый Петр Николаевич, я не верю со времен мировой войны на Кавказе и похода добровольческой армии на красный Петроград.

— Здесь вы во многом правы. На нашей стороне были не их армии, а их политики.

— А политики, если говорить словами британца Уинстона Черчилля, друзей не имеют. У них есть только интересы сегодняшнего дня. Не так ли, барон?

— Да, это действительно так. Но мы, воины Русской армии, здесь, в эмиграции, не хотим складывать оружия.

— Время для побед белого воинства над Красной армией уже ушло. Это правда истории.

— Зря вы так думаете, Николай Николаевич.

— Почему?

— А потому, что белые воины, разбросанные по Европе и ее окраинам, только и живут мыслью — с оружием в руках вновь оказаться в Отечестве и продолжить там Гражданскую войну до победного конца.

— На сегодня, Петр Николаевич, на это нет никаких надежд.

— Почему же? Будет серьезнейшая поддержка Франции и других стран Антанты. И не только их: у Советов много сейчас противников. У нас есть флот, стоящий в Бизерте под флагом адмирала Кедрова. Наконец, мы сохранили кадры белой Русской армии, которую ждет стонущая под нашествием большевиков Россия.

— Хорошо. Допустим, начнется вторжение белых войск в Отечество. Пусть рядом будут союзные войска. Что встретят они там, в России? Что вы на сей счет думаете?

— Николай Николаевич! Разве вы не читаете в газетах, что вся Россия полна духом мятежа?

— Да, читаю. Но красный генерал Тухачевский с помощью химических снарядов уже добывает последние повстанческие отряды Антонова в Тамбовской губернии.

— Но есть казачьи области — Дон, Кубань с Терекком, Урал, Сибирь, Забайкалье!

— На казачьи области сегодня не может быть серьезной надежды, Петр Николаевич.

— Как не может быть? Казачество в своем большинстве стоит за Белое движение, а не за красных комиссаров Ленина и Троцкого.

— Это было три-четыре года назад. Сейчас в казачьих областях совсем иная ситуация.

— Как вы понимаете эту ситуацию, Николай Николаевич?

— Казачьи области, как мне достоверно известно, за время Гражданской войны обезлюдели. Лучшая часть казачест-

ва, верная долгу и присяге, погибла в боях. Если даже мы снова вернем себе Дон и Кубань, то там мало кого можно будет призвать даже в старые, именные полки.

— Но зато те, кто придут под наши знамена, будут биться против большевизма до конца.

— Здесь я с вами полностью согласен.

— Мне бы хотелось, уважаемый Николай Николаевич, услышать от вас отношение к Русскому Обще-Воинскому Союзу.

— Буду откровенен, барон. Я полностью солидарен с его идеями, целями и задачами.

— Прекрасно!

— Но я считаю, что сегодня РОВС не в состоянии осуществить победный поход против Советской России.

— Почему вы так упорствуете в своем мнении, Николай Николаевич?

— Все очень просто. Я рассуждаю как кадровый военный, генштабист. У РОВСа сегодня нет ни достаточных сил, ни современного оснащения, ни надежных союзников как там, в России, так и здесь — за границей.

— А если все это будет, ваша позиция изменится?

— Да, изменится. И я буду готов вновь встать в ряды белой армии. Надеюсь, мой фронтовой опыт еще пригодится для возрождения старой России...

Руководитель РОВС барон Врангель с присущей ему энергией еще несколько раз пытался приобщить Юденича к работе военной части белой эмиграции. В город Канны к кавказскому полководцу наезжали и генерал-лейтенант В. Е. Вязьмитинов, бывший военный и морской министр правительства Юга России, и соратник по Первой мировой войне генерал-майор Е. В. Масловский, бывший генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта.

С последним Юденича связывала крепкая фронтовая дружба. Летом 1929 года Масловский воспользовался приглашением своего недавнего главнокомандующего провести отпуск в доме Николая Николаевича в Сент-Лорен дю Вар, неподалеку от города Ниццы.

У Масловского была обыкновенная судьба русского белоэмигранта. После эвакуации из Крыма начальник штаба врангелевской 2-й армии оказался сперва в Константинополе, затем переехал в Болгарию. Там он состоял при Атаманском казачьем училище, работал геодезистом при

выправлении русла реки Тунжа и на постройке железной дороги к Пловдиву. В 1927 году переехал в Париж, где работал чертежником на автомобильном заводе Панар и Лавассер.

Во французской столице Масловский вступил в Союз офицеров Кавказской армии под председательством генерала Н. Н. Баратова, который одновременно являлся председателем Зарубежного союза русских военных инвалидов. В Союзе офицеров-кавказцев Евгений Васильевич прочитал несколько докладов об операциях на Кавказском фронте в мировую войну.

Узнав о том, что из-за болезни глаз у генерала Масловского возникли трудности на работе в чертежном отделе автомобильного концерна, Николай Николаевич Юденич настоял на его переезде к нему, в Сент-Лорен. Это был поистине благородный поступок, поскольку сам кавказский полководец жил в материально стесненных условиях.

Поселившись в доме Юденича, Масловский освободился от финансовых проблем (оба генерала были известны своей неприхотливостью и скромностью в обыденной жизни) и смог закончить свой фундаментальный научный труд о русской Кавказской армии. Более того, каждодневное общение с бывшим вождем Отдельной Кавказской армии и Кавказского фронта дали Евгению Васильевичу массу фактического материала и оценок описываемых событий Первой мировой войны.

В 1932 году Масловский при помощи Юденича закончил свою капитальную работу «Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг.» объемом в 500 страниц. В следующем году книга вышла в издательстве «Возрождение» тиражом в одну тысячу экземпляров. Она сразу же получила известность и признательность у читающей части русского зарубежья.

Типографские расходы на издание книги были оплачены Николаем Николаевичем Юденичем. Незадолго до своей смерти он успел получить вышедшую из типографии книгу своего фронтового товарища. Но прочитать ее, так сказать, в готовом варианте кавказский полководец так и не успел.

Вскоре после смерти Юденича генерал Масловский начал заведовать Ниццкой церковной библиотекой — одним из лучших книгохранилищ белой эмиграции. Работа в этой

библиотеке длилась двадцать три года, до последних дней он бережно хранил все письменные источники, которые были связаны с личностью полководца Н. Н. Юденича и особенно с его деятельностью на Кавказе.

Генерал Масловский был редактором и соавтором юбилейного белоэмигрантского сборника «Генерал от инфантерии Н. Н. Юденич». Этот научно-исторический сборник статей увидел свет в 1931 году в Париже.

Участник и историк Первой мировой войны на Кавказе оставил после себя многочисленные воспоминания и значительный личный архив, где собраны воспоминания и записки участников войны на Кавказском фронте. Сегодня все это хранится в Бахметьевском Архиве Колумбийского университета в США.

...Русский Обще-Воинский Союз после смерти Врангеля, окончившего свой жизненный путь в Брюсселе и похороненного в Белграде, в русском храме Святой Троицы, несколько раз менял своих руководителей. Все они старались привлечь Юденича к работе в РОВСе. Но тот всегда отвечал на такие предложения отказом, при этом говоря, что свой воинский долг перед Россией выполненным до конца не считает. Не участвовал Юденич и в общественной жизни русского зарубежья, хотя имел немало интересных и лестных предложений.

Николай Николаевич словно замкнулся в себе, жил довольно уединенно. Окружавшим его близким людям казалось, что он живет преимущественно воспоминаниями о прошлом. Хотя он всегда был рад не частым встречам с однополчанами, соратникам по Кавказскому фронту и белой добровольческой Северо-Западной армии.

Политиков же Юденич не привечал даже из круга хороших знакомых. Он им просто не доверял, на что у него были свои серьезные причины.

Незадолго до своей кончины Николай Николаевич имел беседу с Евгением Васильевичем Масловским, старым и испытанным временем другом. Они давно научились с полуслова понимать друг друга. В разговоре речь шла, как это часто бывало, о России.

— Евгений Васильевич, что нового вы привезли в наш тихий Сент-Лорен из шумного Парижа?

— Привез, Николай Николаевич, немало. Газетные новости, отклики нашей эмиграции на них.

— Новости, разумеется, о России?

— Да. И любопытные.

— Что же это за новости? Расскажите, прошу вас, любезный Евгений Васильевич. Мне всегда так интересно знать ваше мнение, а не какого-нибудь газетного репортера.

— Газеты Франции и всей Европы последнее время много пишут о последних военных маневрах Красной армии.

— И что же отмечается в газетах?

— Военные обозреватели сходятся на том, что Красная армия увеличила свою мощь, стала технически оснащенной. И потому более агрессивной.

— Почему агрессивной?

— Как почему? Оставленное нами Отечество, после того как оно стало советским, находится в международной изоляции. Если, разумеется, не считать такого союзника, как Монголия.

— Но в этом нет ничего нового. В годы Крымской или Русско-японской войны Россия тоже оказывалась в гордом одиночестве.

— В полном, как говорят историки. И потому проиграла и ту войну, и другую.

— Что же ждет ее сейчас? Как ваше мнение, Евгений Васильевич? Что говорят русские эмигранты в Париже на сей счет?

— Мнений много. В мире опять назревает большая война. И кто знает, может быть, бывшие союзники императорской России по Антанте станут союзниками Советского Союза. Или все произойдет совсем иначе.

— Вы имеете в виду возрождающуюся Германию?

— Да, только ее одну.

— Что ж, в политической игре с большими ставками вечных союзников и противников не бывает.

— Вы, Николай Николаевич, считаете, что в новой европейской войне германцы могут стать союзниками СССР против Парижа и Лондона?

— А почему бы и нет? Ведь было же Прусское королевство союзником Российской империи в войне против наполеоновской Франции. Тогда ведь ее победили и победили окончательно.

— На сей раз все зависит от личности Сталина. Он все больше и больше узурпирует власть на нашей Родине.

— Газеты в один голос твердят об этом. Его даже красным диктатором не назовешь, насколько он велик.

— Да, это выдающаяся историческая личность.

— Чем еще озабочена парижская эмиграция?

— Сейчас много споров идет о том, на чьей стороне ей стоять, если Советская Россия окажется в огне войны.

— Как на чьей стороне? Только на российской. Иначе и быть не должно для нас. Мы же с вами, Евгений Васильевич, люди долга и чести...

— Вы правы, Николай Николаевич. Мы с вами всю жизнь не знали иного, как служение Отечеству.

— Старому Отечеству. За что и поплатились...

Чекисты из органов внешней разведки, которые «курировали» за границей деятельность белой эмиграции, особенно ее военной части, неизменно доносили в Москву на Лубянку:

«Бывший белый генерал Юденич от политической деятельности отошел...»

Но все же имя бывшего главы Белого движения на северо-западе России всегда было «на слуху» у внешней разведки Главного политического управления (бывшей ВЧК). Порой имя генерала от инфантерии Н. Н. Юденича вызывало у нее самые серьезные опасения. И не без веских на то причин.

Всего лишь один ныне рассекреченный документ: «Сводка Иностранного отдела ГПУ о состоявшемся в марте 1922 г. в Белграде совещании командного состава Русской армии и принятых на нем решениях по поводу планируемой интервенции в Россию»:

«Конец апреля 1922 г.

Совершенно секретно.

Добавление к сводке № 61

(по материалам из Константинополя)

Последние подготовительные меры Врангеля

В марте месяце с.г. одно вслед за другим состоялись два совещания наиболее видных деятелей организации Врангеля.

Первое совещание в Белграде, длившееся с 5-го до 12-го марта, носило характер осмотра России.

Вопрос о возобновлении военных действий считался принципиально решенным и не подлежал обсуждению со-

вещания. Последнее должно лишь произвести окончательный учет сил, определить наикратчайший срок выступления, обсудить все подготовительные к операции меры и дать исчерпывающий материал для выступления на совещании в Париже перед представителями союзников, в зависимости от которых находится решительная санкция интервенции, а также военная, материальная и финансовая помощь.

На Белградском совещании присутствовали: председатель — Врангель, бывший посол в Париже В. А. Маклаков, командующий флотом адмирал Кедров, военно-морской начальник Константинополя ген(ерал) Ермаков, представитель Врангеля в Болгарии ген(ерал) Вязмитинов, представитель Врангеля в Германии ген(ерал) Хольмстен, представитель в Сербии — ген(ерал) Потоцкий, военный агент в Венгрии фон Лампе, морской агент в Сербии капитан 2 ранга Апрелов, морской агент в Константинополе кап(итан) 2 ранга Регекампф, представитель союза морских офицеров кап(итан) 2 ранга Постригалов...

Совещанием приняты следующие решения: военные действия должны начаться по почину Красной армии. Последняя принуждена будет выступить против Польши и Румынии в том случае, если Генуэзская конференция не даст никаких результатов или если весною в России разовьется широкое повстанческое движение...

Оперативный план

Намечается вторжение в Россию трех групп: группы Врангеля с юга, группы войск «Спасения Родины» и Западной группы под командой Краснова. Все три группы будут объединены единым командованием. Нет никаких данных, подтверждающих, что это будет Николай Николаевич.

Наступление предполагается вести в двух главных направлениях — на Петербург и Москву, и на второстепенном на Киев.

С юга операцию должны обеспечивать десанты. Не исключена возможность содействия французского флота как в Черном море, так и в Балтийском.

Большая надежда возлагается на военное повстанческое движение.

Дабы операция носила национальный характер, предполагается вести наступление исключительно русскими частями в надежде, что при развитии наступления они пополнятся кадрами из местного населения и некоторыми частями Красной армии.

Высший командный состав

К предстоящим операциям намечен следующий командный состав: Верховный Главнокомандующий и временный верховный правитель — вел(икий) князь Николай Николаевич, его помощник — ген(ерал) Гурко, начальник штаба — ген(ерал) Миллер, Главком — ген(ерал) Юденич, начальник конницы — ген(ерал) Врангель, походный атаман казаков — ген(ерал) Краснов, партизаны — Борис Савинков и Балахович (совместная работа с Петлюрой исключается).

...Предполагается всех военных выскочек гражданской войны заменить лицами со служебным и боевым стажем германской войны.

Таковы результаты Белградского совещания. Окончательную санкцию все решения получают в Париже, куда 12 марта выехали ген(ерал) Врангель, адмирал Кедров, Маклаков и Карташов.

На это совещание вызваны все казачьи атаманы, генералы Краснов, Гурко, Юденич, Миллер, а также Б. Савинков и Балахович.

На совещании будут представлены Франция и Америка*.

Этот документ о белградском совещании лидеров русской военной эмиграции однозначно свидетельствует о действительно высоком полководческом авторитете генерала Н. Н. Юденича. В противном случае ему бы не отводилась роль Главкома — то есть главнокомандующего белогвардейскими силами вторжения. Причем это было сделано без его личного присутствия на том совещании и помимо его воли.

Достоверных сведений о том, прибыл ли Юденич на парижское совещание — нет. Скорее всего, Николай Николаевич проигнорировал очередную «военную» акцию наиболее непримиримо настроенных к Советской России руководителей военной части белоэмигрантских кругов.

Что же касается вышеприведенного плана, то он остался только на бумаге, бережно хранившейся в секретных архивах в Москве.

Имя Юденича иногда мелькало и в других агентурных доносениях в иностранный отдел ГПУ. Так, в одном из них его причисляли к сторонникам великого князя Кирилла Владимировича и объявляли стойким монархистом в кругах белой эмиграции:

«...Общество чинов министерства внутренних дел:

Гарбель, Палеолог, Скаржинский, Колеповский, Говоров, Юденич, Богородский, Гвоздик».

Трудно сказать, какое отношение имел генерал Н. Н. Юденич к этой группе. Но во всяком случае никакого отношения к Министерству внутренних дел старой России он не имел, по крайней мере, там никогда не служил. Скорее автор донесения в чем-то ошибался.

Имя Юденича часто мелькало в материалах советской внешней разведки совсем по иному поводу. Многие из его бывших подчиненных по белой добровольческой Северо-Западной армии еще долго не складывали оружия в борьбе с Советами. В характеристиках таких личностей в обязательном порядке указывалось, что они когда-то служили под знаменами генерала Юденича и участвовали в походе на красный Петроград. Поход же все чаще в документах назывался авантюрным.

Достоверно известно одно — Николай Николаевич Юденич жил в вынужденной эмиграции уединенной, тихой жизнью и не участвовал ни в одном сколько-нибудь значительном политическом событии русского зарубежья.

Против российского Отечества кавказский герой и Георгиевский кавалер больше не поднимал оружия и не призывал к этому других. Это он считал делом своей чести...

Один из самых прославленных полководцев Русской армии в годы Первой мировой войны скончался 5 октября 1933 года во французском городе Канны в возрасте семидесяти одного года. Там он был первоначально и похоронен. (Перезахоронено тело генерала было в соседней Ницце 9 декабря 1957 года.)

Во время скромных похорон ему были отданы воинские почести боевыми соратниками по Белому движению. Помещенные на страницах газет некрологи не отличались пышностью и красноречием.

Глава четырнадцатая

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

На родине кавказского полководца Николая Николаевича Юденича за его «белогвардейские заслуги» постарались забыть быстро и вчистую. Если о нем что-то и писали, то только как о «бездарном» главенстве белым станом на российском Северо-Западе с последующим разгромом и бегством от красного Петрограда.

Не менее обидным для памяти Юденича было и другое. Вплоть до начала 90-х годов XX столетия все описания Первой мировой войны на Кавказском фронте выглядели удручающе безликими. Такими же безликими были и описания крупнейших побед русского оружия на Кавказе в той войне, исследования крупнейших наступательных операций.

Авторы этих работ, словно сговорившись или находясь под впечатлением официальной истории Гражданской войны, даже и не упоминали генерала Юденича во главе Отдельной Кавказской армии или Кавказского фронта, уже не говоря о том, чтобы отдать должное его большим полководческим дарованиям и победам над турецкими армиями.

Так, комбриг Н. Г. Корсун, один из видных советских военных историков 30–40-х XX века и автор ряда работ по Кавказу в годы Первой мировой войны, словно бы и не знает такого полководца, как Юденич, получившего в той войне последний полководческий орден Святого Георгия 2-й степени за взятие Эрзерумской крепости. Корсун является автором описания ряда наступательных операций русских кавказских войск и при этом даже не упоминает о руководстве ими будущим белым генералом.

Вспомнили о генерале Юдениче и его белых добровольцах в России в самом конце 90-х годов. Появились публикации на страницах газет и журналов, ряд биографических очерков в книгах по Белому движению. К образу Юденича обращаются такие исследователи и публицисты, как В. Г. Черкасов-Георгиевский, С. В. Волков, Р. М. Португальский, А. В. Пронин, К. А. Залесский...

Более полными и исторически правдивыми становятся статьи об этой неординарной личности в отечественных энциклопедиях и военно-исторических справочниках.

В Отечестве в наше время Юденича вспоминают по-разному, чему есть два свидетельства. Но даются они не на страницах российских газет, а за границей или, выражаясь современными терминами, — в дальнем зарубежье.

Белоэмигрантская монархическая по содержанию газета «Наша страна», издающаяся в столице Аргентины городе Буэнос-Айресе, в номере от 10 октября 1998 года опубликовала следующую корреспонденцию из жизни Российской Федерации:

«Очередное преступление коммунистов»

В день 80-й годовщины убийства Царской Семьи неизвестными преступниками был уничтожен крест-памятник Белым Воинам на Пулковской высоте под С.-Петербургом.

История этого памятника не совсем обычна. Он был установлен по инициативе Историко-Патриотического Общества «Русское Знамя» еще во время правления М. Горбачева и, таким образом, являлся первым и единственным в СССР памятником Белым Воинам. Место установки памятника было выбрано не случайно: Пулковская высота — это рубеж, который в 1919 году был достигнут наступающими на Петроград частями Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича. К тому же, даже в последние годы правления КПСС поставить памятник Белым Воинам в черте города «Ленинграда» было абсолютно немыслимо, а за городской чертой антикоммунисты могли установить его «явочным порядком».

Памятник оказался, что называется, на своем месте: всякий, кто выезжал из С.-Петербурга по Пулковскому шоссе (основная автомагистраль, ведущая в северную столицу), мог еще издали видеть на вершине холма большой православный крест. Полюбился он и владельцам местных садовых участков, которые стали заботливо присматривать за памятником. Русские патриотические организации периодически устраивали у креста богослужения.

А вот для коммунистов он был бельмом на глазу. За последние семь лет неизвестные подонки ломали крест-памятник четыре раза, но всякий раз русские патриоты памятник восстанавливали. Увы, теперь он уже не восстановим, ибо на этот раз разрушен буквально до основания. Сатанисты не

поленились разбить даже каменно-бетонное основание креста — Голгофу...

День 17 июля (а скорее всего — ночь) был выбран красными богоборцами не случайно, о чем говорит и оставленная ими на месте преступления записка — вызов русскими белым организациям.

Патриотические организации С.-Петербурга (РОВС, Имперский Союз, Александровское Историческое Общество) уже обсудили вопрос об установке на прежнем месте нового креста-памятника, но гарантии того, что он не будет разрушен или осквернен, нет и не может быть до тех пор, пока у руководства страной будут стоять наследники Ленина, а деятельность коммунистических организаций не будет официально запрещена! СПб.

И. Лискин»

Любопытна и другая заграничная публикация о Николае Николаевиче Юдениче. В номере от 15/28 мая 1999 года газеты «Православная Русь», издаваемой Русской Православной Церковью за границей в американском городе Джорданвиле была опубликована следующая корреспонденция из российского Северо-Запада:

«Идет по луговинам лития...

Четырехметровый православный деревянный крест по воле Божией плыл положить конец забвению воинской могилы. Его несли на руках: чины 1-го Отдела Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) в России (Спб, Ямбург); ревнители чести и славы русской императорской армии военно-патриотического клуба «9-й Ингерманландский императора Петра Великого пех. полк» (Спб); ревнитель славы и доблести 2-го Ударного Корниловского полка юнкер Кузнецов А. А. (Москва); представители Российского Имперского Союза-Ордена (Спб); казаки Ямбургского землячества.

Ноябрь 1919 года. Крик и стон. Стар и млад. Груды залитых кровью тел в исподнем белье. Красные ушли, расстреляв всех, не пожалев даже двух десятков мальчишек. Местные крестьяне села Ложгалово, посылая ребятишек за покрывалами, простынями и тканью, покрывая ряд за рядом, скидывали в ров около двухсот пятидесяти белогвардейцев. Офицеров хоронили в гробах...

Это офицеры и солдаты Ливенской дивизии Северо-Западной Добровольческой Армии генерала Н. Н. Юденича, кото-

рых без суда и следствия, попавших в окружение и захваченных в плен, 8 ноября 1919 года расстреляли большевики...

Братская могила северо-западников пребывала в полном забвении и поругании памяти от безбожной власти. Ровное место, никогда не подумаешь, что здесь случилось подобное. Лишь слева три овражка от осевшей земли обозначают места захоронения православных воинов...

Иерей Анатолий (Лебедев) служил литию в полной тишине. Даже птицы не проронили ни звука, поддавшись нашему настроению, беспрецедентности и уникальности свершающегося: первая обнаруженная и восстановленная братская могила Белых Воинов в России...

Помогай вам Бог — русские люди!
Сергей Зириин, Ямбургское Отделение
1-го Отдела РОВСа в России,
Ложгалово-Ямбург».

...История помнит Все. История рано или поздно расскажет, если не современникам, то их потомкам Все. Всю правду.

Жизнь полководца Николая Николаевича Юденича состояла из двух частей: славное воинское служение российскому Отечеству и горькая судьба белоэмигранта.

О пребывании изгнанника Юденича за пределами Отечества, о его последних годах жизни можно со всем на то правом сказать словами писателя-эмигранта Владимира Набокова, посвященными русскому зарубежью: «В этой особенной России, которая нас невидимо окружает, оживляет и поддерживает, питает наши души, украшает наши сны, нет ни одного закона, кроме закона любви к ней, и нет власти, кроме нашей собственной совести...»

Законом жизни генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича, человека высокой дворянской и офицерской чести, и был закон любви к России. Какой бы она ни была для него. Белой или Красной. Царской или Советской.

Алексей Васильевич Шишов — военный историк и писатель, ведущий научный сотрудник Института военной истории, капитан 1-го ранга запаса. Родился в 1946 году в г. Екатеринбурге. Творческую деятельность начал во время службы на Тихоокеанском флоте в газете «Боевая вахта». Автор около 200 публицистических, художественных и научных работ по эволюции военного могущества Руси Московского царства и Российской империи. Среди них 18 военно-исторических трудов — «От царства к империи», «Век Екатерины», «Империя», «Крушение империи», «Русские князья», «Александр Невский», «Неизвестный Кутузов», «Полководцы Кавказских войн», «Россия и Япония: история военных конфликтов», «100 великих военачальников» и другие. Академик Международной Академии Духовного Единства Народов Мира. Профессор Российской Академии Естественных Наук. Член правления Русского Исторического Общества.

Роман «Генерал Юденич» — новое произведение писателя. Печатается впервые.

¹ *Речь Посполитая* — официальное название объединенного польско-литовского государства со времен Люблинской унии 1569 г. до 1795 г. В 1772–1795 гг. в результате разделов большая часть Речи Посполитой вошла в состав Российской империи.

² *Курляндия (Курземе)* — историческая область в западной части Латвии. В XIII в. захвачена немецкими рыцарями. С 1561 г. Курляндское герцогство и Пилтенская область, в 1795–1917 гг. Курляндская губерния Российской империи.

³ *Польское восстание 1830–1831 гг.* — национально-освободительное восстание в ноябре 1830 — октябре 1831-го в Царстве Польском (а также на территории Литвы, Западной Белоруссии, Прибрежной Украины). Подавив восстание, российский император Николай I отменил конституцию, предоставленную Польше в 1815 г.

⁴ *Шимоза* — взрывное вещество в виде плотной мелкозернистой массы; пикриновая кислота.

⁵ *Чумиза* — однолетнее травянистое растение семейства мятликовых. Зерновая и кормовая культура.

⁶ *Портсмутский мир* завершил Русско-японскую войну 1904–1905 гг. Заключен 23.8 (5.9) 1905 г. в Портсмуте, США. Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила ей Южный Сахалин и права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним. Стороны обязались одновременно вывести войска из Маньчжурии. Портсмутский мир потерял силу после капитуляции Японии во Второй мировой войне.

⁷ *Русско-иранская (Русско-персидская) война первой половины XIX века*: 1) 1804–1813 гг., начата Персией после отклонения российским правительством ультиматума о выводе русских войск из Закавказья. Русские войска одержали ряд побед и заняли территорию Северного Азербайджана. Завершилась Гюлистанским миром 1813 г.

2) 1826–1828 гг., начата Персией с целью возвращения Восточного Закавказья. Русские войска взяли Нахичевань, Тебриз. Завершилась Туркмангойским миром 1828 г.

⁸ *Балканские войны 1912–1913 гг.*:

1-я Балканская война (9.10.1912–30.5.1913) — между Балканским союзом (Болгария, Сербия, Греция, Черногория) и Турцией. По Лондонскому мирному договору 1913 г. потерпевшая поражение Турция теряла все свои европейские владения, кроме Стамбула и небольшой части Восточной Фракии.

2-я Балканская война (29.6–10.8.1913) — война Болгарии против Греции, Сербии и Черногории, к которым присоединились Румыния и Турция. Завершилась поражением Болгарии, которая по Бухарестскому мирному договору 1913 г. уступила Румынии Южную Добруджу, Греции — Южную Македонию и часть Западной Фракии, Сербии — почти всю Северную Македонию.

Балканские войны привели к обострению международных противоречий, ускорив начало Первой мировой войны.

⁹ *Котляревский Петр Степанович* (1782–1851) — российский генерал от инфантерии. В Русско-персидскую войну 1804–1813 гг. одержал победы на р. Аракс (1810 г.), при Асландузе (1812 г.) и штурмом взял Ленкорань (1813 г.).

¹⁰ *Анатолия* — в Османской империи название провинции на Западе Малой Азии с центром в Кютахье.

¹¹ *Барятинский Александр Иванович* (1815–1879) — князь, генерал-фельдмаршал. В 1856–1862 гг. — главнокомандующий российскими войсками и наместник на Кавказе

на последнем этапе Кавказской войны, взял в плен Шамиля (1859 г.).

¹² *Паскевич Иван Федорович* (1782–1856) — граф Эриванский (1828), светлейший князь Варшавский (1831), генерал-фельдмаршал. В 1827–1830 гг. командир отдельного Кавказского корпуса и главнокомандующий в Грузии во время Русско-персидской и Русско-турецких войн, с 1831 г. наместник Царства Польского.

¹³ *Первая мировая война 1914–1918 гг.* велась между двумя коалициями держав: Центральными державами (Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария) и Антантой (Россия, Франция, Великобритания, Сербия, позднее Япония, Италия, Румыния, США и др.; всего 34 государства).

¹⁴ *Цейс Карл Фридрих* (1816–1888) — немецкий оптик-механик. В 1846 г. основал фирму в Йене по разработке и производству оптических приборов и оптического стекла.

¹⁵ *Муравьев (Карский) Николай Николаевич* (1794–1866) — государственный и военный деятель, генерал от инфантерии. В Крымскую войну 1854–1856 гг., наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказским корпусом, руководил взятием Карса (1855).

¹⁶ *Ататюрк* (букв. — отец турок) Мустафа Кемаль (1881–1938) — руководитель революции в Турции 1918–1923 гг. Первый президент (1923–1938) Турецкой республики. До 1934 г. именовался Мустафа Кемаль-паша. Участник Первой мировой войны (в 1916 г. получил чин генерала и титул паши), возглавлял турецкие войска в Греко-турецкой войне 1919–1922 гг. (с 1921 г. маршал). Выступал за укрепление суверенитета страны, поддержание дружественных отношений с Россией.

¹⁷ *Дибич-Забалканский Иван Иванович* (1785–1831) — генерал-фельдмаршал, граф, почетный член Петербургской академии наук. Главнокомандующий во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

¹⁸ *Протопресвитер* — высшее звание белого духовенства в православных церквах. В Русской Православной Церкви до 1917 г. было 4 протопресвитера: настоятель Большого придворного собора Санкт-Петербурга (заведовал придворным духовенством); военного и морского духовенства; настоятели Успенского и Архангельского соборов в Московском Кремле.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1862

18 июля в городе Москве родился Николай Николаевич Юденич.

1881

Юденич закончил московское 3-е Александровское военное училище и выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Литовский полк.

1882—1884

Юденич — командир роты 1-го Туркестанского и Ходжентского резервного батальонов Туркестанского военного округа.

1887

Юденич закончил по первому разряду Николаевскую академию Генерального штаба и начал службу в штабе Варшавского военного округа.

1887, ноябрь

Юденич назначен старшим адъютантом штаба 14-го армейского корпуса.

1889—1890

Юденич — командир роты лейб-гвардии Литовского полка, расквартированного в Варшаве.

1891

Юденич — обер-офицер для поручений при штабе 14-го армейского корпуса.

1892

Юденич — старший адъютант штаба Туркестанского военного округа. Произведен в подполковники.

1896

Юденич — штаб-офицер при управлении 1-й Туркестанской стрелковой бригады. Произведен в полковники.

1902, июль

Юденич — командир 18-го стрелкового полка Виленского военного округа.

1904—1905

Участие в Русско-японской войне на полях Маньчжурии.

1905, февраль

Юденич участвует в боях за Янсынтунь, в которых особо отличился 18-й стрелковый полк, награжден золотым оружием — саблей с гравировкой «За храбрость».

1905, февраль—март

Участие в Мукденском сражении.

1905, июнь

Юденич — командир 2-й бригады 5-й стрелковой дивизии. Произведен в генерал-майоры.

1905—1906

Лечение в госпиталях после тяжелого ранения на Русско-японской войне.

1907, февраль

Юденич — окружной генерал-квартирмейстер штаба Казанского военного округа.

1912, декабрь

Юденич произведен в генерал-лейтенанты.

1912, декабрь

Юденич — начальник штаба внутреннего Казанского военного округа.

1913, февраль

Юденич — начальник штаба приграничного Кавказского военного округа.

1914, февраль

Юденич — участник совещания в Санкт-Петербурге, посвященном русско-турецким отношениям.

1914, сентябрь

Юденич — начальник штаба Отдельной Кавказской армии.

1914, декабрь

Юденич прибыл в действующую армию и возглавил войска 2-го Туркестанского корпуса и оборону Сарыкамыша. Осуществил в Сарыкамышской наступательной операции полный разгром главных сил 3-й турецкой армии. Отдельная Кавказская армия повсеместно перешла линию государственной границы.

1915, январь

Юденич награжден за Сарыкамыш военным орденом Святого Георгия 4-й степени.

1915, январь

Занятие русскими войсками города Тавриз (Иран). Начало создания русского Экспедиционного корпуса генерала Н. Н. Баратова и ведения активных боевых действий на иранской территории в направлении Месопотамии.

Юденич произведен в генералы от инфантерии и назначен командующим Отдельной Кавказской армии при главнокомандующем заместителе Его Величества на Кавказе графе И. И. Воронцове-Дашкове.

1915, июль—сентябрь

Срыв турецкого наступления на Мелазгертском направлении и нанесение контрудара в ходе Евфратской операции. Юденич награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

1915, декабрь — 1916, январь

Проведение Эрзерумской наступательной операции. Новый разгром 3-й турецкой армии.

1916, февраль

Юденич награжден полководческим орденом Святого Георгия 2-й степени за взятие Эрзерумской крепости.

1916, январь—апрель

Проведение приморской Трапезундской наступательной операции во взаимодействии с Черноморским флотом.

1916, май—июль

Проведение Эрзинджанской наступательной операции.

1916, сентябрь

Юденич провел с одобрения Ставки Верховного главнокомандующего реорганизацию Отдельной Кавказской армии.

1917, февраль

Юденич поддержал требование высшего командования Русской армии об отречении императора Николая II Александровича Романова от престола и признал Временное правительство.

1917, март

Юденич назначен исполняющим делами главнокомандующего Отдельной Кавказской армией.

1917, апрель

Юденич назначен главнокомандующим образованного из войск Отдельной Кавказской армии Кавказского фронта.

1917, март—апрель

Юденич прекратил наступление русских экспедиционных войск в Персии на Багдадском и Мосульском направле-

ниях и отказался возобновить его, несмотря на требование Временного правительства.

1917, май

Юденич отстранен от командования Кавказским фронтом «за сопротивление указаниям» Временного правительства и переведен в распоряжение военного министра.

1917, июнь — конец 1918

Юденич проживал в Москве, затем в Петрограде, где занимался подпольной контрреволюционной деятельностью.

1918, ноябрь

Юденич эмигрировал в Финляндию, где получил поддержку регента этой страны генерала барона Маннергейма, а затем переехал в Эстонию.

1919, май

Юденич создал в финской столице Гельсингфорсе «Политическое совещание». По настоянию Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака вступил в единоличное командование всеми белыми вооруженными силами на Северо-Западе России.

1919, июнь

Юденич назначен адмиралом Колчаком Главнокомандующим всеми белыми войсками (сухопутными и морскими) на Северо-Западе России.

1919, август

Юденич вошел в состав белого Северо-Западного (Северо-Западной области) правительства.

1919, сентябрь

Наступление белой Северо-Западной армии на Петроград от границ Эстонии. Взятие с боями Луги, Ямбурга, Гдова, Красного Села, Гатчины, Детского Села, Павловска, Ропши. Бои на Пулковских высотах.

1919, октябрь—ноябрь

Юденич — командующий белой добровольческой Северо-Западной армией.

1919, ноябрь

Отступление разгромленной под Петроградом Северо-Западной армии на территорию Эстонии и ее интернирование и разоружение эстонскими властями.

1920, январь

Арест Юденича в эстонской столице Ревеле (Таллине) сторонниками генерал-майора С. Н. Булак-Балаховича. После

освобождения эмигрировал в Великобританию. Затем проживал во Франции.

1920–1933

Отказ Юденича от всякой политической, антисоветской и общественной деятельности в кругах белой эмиграции.

1933, октябрь

5 октября в городе Канны в возрасте 71 года скончался Николай Николаевич Юденич. Похороны состоялись в Каннах.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Шишов	
Генерал Юденич. Роман	7
Комментарии	451
Хронологическая таблица	454